

Кириллизе Жанэ

СВАДЬБА
С ЖЕНИХОМ

Кириллизе Жанэ

СВАДЬБА С ЖЕНИХОМ

РАССКАЗЫ

*Авторизованный перевод
с адыгейского
Л. Плескачевского*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1984

ГРИВА КОНЯ

писать о своих земляках, о людях, которые познакомились друг с другом еще в родильном доме, которые знают друг о друге абсолютно все и даже более того, все равно что взбираться на отвесную скалу: не в самом начале, так в середине пути или даже когда до вершины останется рукой подать, сорвешься, загремишь вниз.

Поверь, дорогой читатель, что до этой печальной истины я добрался не в результате абстрактных размышлений, а, так сказать, эмпирическим путем: не раз мне приходилось стремительно лететь вниз. Пока я увлекался одной лишь поэзией, отношения мои с земляками напоминали небо над Эльбрусом в ясный солнечный день. Но стоило мне взяться за рассказы, и земляков моих словно подменили: кое-кто стал обвинять меня в неуважении к родному гнезду. А после того как я обнародовал по местному радио историю, происшедшую с «собачницей Аснет», ко мне обратились с просьбой:

— Дорогой Киримизе, видимо, писать ты уже не бросишь, на это мы и не рассчитываем. Но, быть может, ты возьмешь на свою ехидную мушку другой аул? Вон сколько их вокруг, выбирай любой и пиши сколько душе угодно.

Это натолкнуло меня на мысль придумать своему аулу псевдоним: аул Шапсуг. Такой поворот дела всех удовлетворил, и, хотя я продолжал увлекаться прозой, отношения мои с аудчанами снова стали налаживаться и порой даже напоминают небо над Эльбрусом в ясный солнечный день.

Однако, сказав «всех», я погрешил против правды —

одного земляка это решение не устраивало, а именно — колхозного сторожа Османа Ереджибоко. Встречая меня, старший Осман, шутливо помахивая пальцем у своего носа, говаривал:

— Ну и ловкач ты, Киримизе. Говорил я когда-то твоему отцу Хаджемусу: мальчишка себе на уме, будь с ним построже. А он лишь ухмылялся. Послушай, Киримизе, ты можешь мне кое-что объяснить? Честное слово, никому не разболтаю того, что услышу от тебя.

Я пообещал, что сделаю все возможное, чтобы удовлетворить любопытство старшего.

— Тогда скажи, пожалуйста, как это у тебя так получается? По-твоему выходит, что в Адыгее есть два аула, в которых живут совершенно одинаковые люди?

Вертевшийся возле нас мой юный сосед, школьник Алий, сочувственно поглядел на меня, а я промолчал, собираясь с мыслями.

— По-твоему, — продолжал старик, — в ауле Шапсуг живет точь-в-точь такой же тракторист, как и в ауле Афиписип. И жены у них одинаковые, и дочери, и даже облигации с одинаковыми номерами? Так?

— Номер облигации я в рассказе не указывал, — ухватился я за единственную возможность оправдаться.

— Верно, не указывал, но ты написал, какую мебель купил шапсугский тракторист. А ведь я помогал нашему Амирзану грузить это добро на подводу и хорошо помню, что он покупал. А купил все то же, что и его шапсугский двойник Амирзан.

Я удрученно молчал.

— Если слушать тебя, — ехидно продолжал Осман, — то в этом забытом аллахом Шапсуге есть и такой сторож, как у нас. И зовут его Осман Ереджибоко.

— А что тут удивительного? — набравшись духу, возразил я. — Очень может быть. Сторожа вообще во всех аулах одинаковые.

— Чем же они похожи? — уже потише осведомился Осман. — Ты много ездил, расскажи.

Я почувствовал, что наступил мой час. Приняв более свободную позу, стал перечислять:

— Прежде всего, они не совсем молоды. Каждому, если не ошибаюсь, уже под восемьдесят.

— Ну, дальше, — попросил Осман.

— Все они больше ни на что не способны. Днем спят дома, а ночью похрапывают на посту.

— Ну еще? — совсем тихо спросил старик.

Я вспомнил, что Осман — не большой любитель ходить на колхозные собрания, и добавил:

— Все они постепенно отходят от колхозных дел, становятся равнодушными к тому, что их раньше волновало. При этом им все кажется, будто дела без них идут не так, как надо, а подсказать, что нужно сделать, не хотят. «Когда надо будет, сами придут к опытным людям на поклон», — говорят они.

— Так вот именно и говорят? — заволновался старик.

— Так точно, Осман, чтоб я с этого места не сошел.

Сказав это, я потянул за рукав присмирившего Алия и, попрощавшись, двинулся к парку, начинавшемуся сразу же за клубом.

— Послушай, Киримизе, — заметил Алий, когда мы прошли шагов тридцать. — Ты сейчас редко бываешь в ауле и не знаешь последних новостей. А мой отец недавно говорил, что Осман выступал на колхозном собрании. Он сказал там кое-что важное. Его предложение всем понравилось.

Меня это заинтересовало. Увидев старшего брата Алия, электрика Казбека, я подозвал его и расспросил о том, что было на собрании. Оказывается, обсуждался вопрос о перспективах развития колхоза. Особенно много спорили о том, где заложить молодой сад. И тогда слова попросил Осман. Он сказал, что сад надо разбить на участке, который называется Подкова.

— Так далеко от аула? — перебил его кто-то.

— Да, — подтвердил Осман, — далеко от аула. Но зато близко от города. Рабочий человек получит от нас свежие, с ветки, яблоки. Разве это будет плохо? Земля там самая подходящая — ведь рядом в лесу наши дети рвут дикие яблоки и груши. А откуда они? Когда-то и там был чудесный сад. Рядом река, можно наладить полив. Тогда урожай будет такой, какого никто и не видел еще. Надо только все с умом делать да сил не жалеть.

Казбек еще сказал, что агроном поддержал старика и предложил создать садоводческое звено, которое бы всем этим и занималось. Теперь все пришло в движение, уже и звеньевые назначили.

— Кого же? — заинтересовался я. — Уж не Османа ли?

— Ну, что ты, — обиделся Казбек, — мы стариков жалеем. Не хватало еще, чтобы о нашем ауле говорили, будто здесь выезжают на столетних. Звеньевым стал Аюб Гаштов.

Гаштова я хорошо знал. Он долго жил в городе, сельское

хозяйство откровенно недолюбливал. В городе обретался в руководящих сферах. Последняя его должность — директор бани. Там у него что-то с холодной или горячей водой вышло или, вернее, не вышло, и его сняли с этой должности. Слонясь без дела, он снизошел до того, что согласился занять какой-либо приличный пост в колхозе.

На следующий день я решил посмотреть, как действует на своем новом посту неунывающий Аюб. К Подкове направился по берегу Афиписа. Не успел пройти и сотни шагов, как меня догнал Алий. При нем, разумеется, были удочки.

— На Подкове речная излучина, — сказал он, — там и лещи попадаются. А карасей — хоть ведром выгребай.

Насчет ведра он, конечно, перехватил, но место для ловли там действительно было замечательное. Добирались мы туда часа полтора. Хорошо было не спеша шагать по тропинке, вьющейся среди прибрежных лоз. Кое-где к берегу подступал молодой дубняк, в его листве весело играло июльское солнце.

Незаметно оказались мы на возвышенности, тянувшейся вдоль берега и действительно напоминающей по своей форме подкову. Было тут больше двадцати гектаров заброшенной, поросшей лозняком и осиной, изрезанной вешними потоками земли.

Аюба и членов его звена на территории будущего сада обнаружить не удалось.

— Они дальше, на берегу, — заметил Алий. И пояснил: — Там самое рыбное место.

Когда мы спускались к берегу, до нас донеслись как-то крики. Не успели сделать и сотни шагов, как увидели Османа Ереджибоко. Старик был явно не в своей тарелке. Сухо ответив на приветствие, сказал:

— Передай этому лежебоке и болтуну, что я больше терпеть не буду. Шайка-лейка какая-то, а не звено. Пусть возвращается в свою баню.

Спустившись вниз, мы увидели в зарослях весьма живописное зрелище. Развалившись на траве, шестеро здоровенных, по-пляжному одетых мужчин играли в карты.

— А, писатель! — приветствовал меня Аюб. — Родной мой, присаживайся. Через пять минут закончится обеденный перерыв, и мы снова возьмемся за ударный труд. Как писал товарищ Маяковский? «Я знаю, саду цвеств!» Но ради такого гостя мы можем сдать еще по одной карте. Рискнешь?

Я отказался.

— Проклятый старик, — болтал, собирая карты, Аюб. — Как у нас перерыв, так он тут как тут. «Чего в карты режете, лодыри?» А у нас это культурный отдых. Пора уже кончать с этими феодально-княжескими пережитками, прошло то время, когда каждый старик мог ходить и указывать! Я это так не оставлю. Послушай, Киримизе, почему б тебе не устроить головоломку старому бездельнику? Напиши что-нибудь такое, ну, сам знаешь, можешь начать с этого, с мельницы. На чью мельницу он льет воду, мешая нам культурно отдыхать? Какая статья получится, — ахал он, пряча замусоленные карты в карман.

— Надо подумать, — уклонился я от ответа — с этим банщиком мне не хотелось сегодня связываться. Да и проймешь ли его словами?

Звено Аюба направилось на участок, а мы с Алием отошли подальше, забросили удочки и стали терпеливо ожидать, пока клюнет. Но поплавки мирно дремали на ровной речной глади.

— Не клюет, — вздохнул я.

— Да, — подтвердил Алий. — Сюда надо приходиться на рассвете или вечером. На рассвете карасей хоть ведром выгребай...

Мы побродили немного по берегу и отправились домой. Когда проходили по аулу, меня окликнул знакомый голос:

— Киримизе, подожди-ка...

Из-за плетня выглядывала жена старого Османа, Куако, старушка, очень гордившаяся тем, что все ее пять дочерей вышли замуж за механизаторов.

— Послушай, Киримизе, — спросила она. — Мой выживший из ума старик хорошо о тебе отзывался. Может, он тебя послушает? Поговори с ним, убеди, не то он сделает глупость.

— Да что случилось у вас? Я ведь ничего не знаю.

— С ума старик сходит. Говорит, что ему надоело сторожить амбары. Просится в садоводческое звено. Это с его-то болезнями.

— Мда... — пробормотал я. — И давно это у него?

— Да с тех пор как на собрании выступил. Все было хорошо, пока слушал меня. «Пусть там говорят о чем угодно, тебе что за дело? — говорила я ему. — Понадобится твой совет — найдут, знают, где живешь». И он слушал. А теперь как с цепи сорвался. Сейчас только вернулся из сада, долго ругался и вдруг пошел в контору. А там как раз идет заседа-

ние правления. Того и гляди уговорит их, и отправят его на эту проклятую Подкову.

— Куако, — говорю я ей, — а может быть, ему лучше будет в саду? Может, он не хочет ждать, когда к нему вьются за советом? Может, у него на этот счет свое мнение?

— Почему ты не понимаешь, Киримизе, — улыбнулась Куако. — Он когда-то в молодости все мечтал сад вырастить. Любил это дело. Да вот земли у нас было очень мало. Не до сада. Потом, когда стал колхоз, его на кукурузу посадили. Так, говорят, надо. Потом (это уж ты сам помнить должен) его бригадиром сделали, полеводством занимался. А после болезни в сторожа перевели. И вот он старое вспомнил — сад, сад... А разве не ясно — упустил гриву коня, за хвост не удержишься. Пойди, Киримизе, в контору, может, еще не поздно. Приведи его, пожалуйста, домой, аллах не забудет тебя.

Я, конечно, тотчас направился к колхозной конторе. Шел и все пережевывал символическую фразу Куако: «Упустил гриву коня, за хвост не удержишься». И представлял себе Османа молодым человеком, мечтающим о большом саде. Это была та грива, за которую он хотел ухватиться... Но не получилось. И вот теперь он как будто стал приходить в себя...

Сообщить Осману мнение мудрой Куако мне не удалось: когда я пришел, как раз рассматривался вопрос о работе садоводческого звена. Вызванный с Подковы Аюб сидел понурившись. Речь держал агроном.

— Эту ошибку надо исправить, — услышал я. — Звеньевой из Аюба не получился, тут спорить не о чем. — Заметив меня, агроном решил съязвить: — Киримизе, вам директор в вашем издательстве не нужен? У нас имеется подходящая кандидатура.

Когда веселье, вызванное этой остротой, улеглось, агроном продолжал:

— Теперь надо решить вопрос о новом звеньевом. Такой человек есть, но согласится ли он? Он хочет работать в садоводческом звене, но не желает занять пост звеньевого. Я говорю о нашем уважаемом Османе Ереджибоко. Пусть он сам скажет.

— Говори, Осман, — подтвердил председатель колхоза. — Чего ты там отнекиваешься? Сам кашу заварил, а теперь в кусты... Есть предложение утвердить Османа, лучшего звеньевого мы и за Лабой не найдем.

— Возраст у меня такой, — сказал, поднявшись, Ос-

ман, — что мне лучше в рядовых. Старики не должны закрывать дорогу молодым. Это одно. А второе — боюсь, что обо мне худо подумают. Я вот уже сколько дней кричу о плохой работе Аюба, а теперь вдруг соглашусь его пост занять. Могут сказать, что я его выжил. А в-третьих, и это самое главное, я не пойду в звеньевые потому, что правление смотрит на сад несерьезно. Мне нужен тяжелый трактор, плантажный плуг, нужны насосы и трубы, нужны саженцы...

— В общем, подумай, что тебе нужно, — сказал председатель, — составь список и принеси через полчаса. А завтра с утра принимай звено. Товарищи, а кого же мы утвердим на освободившееся место? Кто заменит Османа? Без сторожа не обойтись пока.

— У нас сейчас только один свободный человек, — заметил парторг, — Аюб.

— Что ты скажешь? — повернулся председатель к Аюбу.

— В Советской стране, — сказал, приосанясь, Аюб, — любой труд почетен. Согласен, буду сторожем.

Вот, пожалуй, и вся история с конской гривой и сторожем Османом. Теперь уже бывшим сторожем. Я вспомнил о ней, когда сад на Подкове начал давать урожай. Вспомнил и написал. И только когда рассказ был напечатан, подумал: не обидится ли старый Осман? Ведь Куако мне поведала о его мечте явно не для печати. Чтобы как-то сгладить свою вину, по пути в аул завернул на Подкову. Как раз шел сбор яблок. Розовощекие девушки укладывали в ящик такие же румяные, как они сами, яблоки. Крупные, тяжелые плоды выглядывали из ящиков, на них трепетали солнечные блики.

Завидев меня, Осман, по обыкновению, помахал пальцем у носа и проговорил:

— Ну, сынок, наконец-то ты попался. Могу поверить, что в каждом адыгейском ауле сколько угодно стариков, которые не усидели под амбарами и стали сажать яблони. Пусть будет так. Пусть даже всех их зовут Османами. Пусть...

У меня отлегло от сердца: очень уж мне не хотелось портить отношения с садоводом.

— Пусть, — продолжал он. — Но если ты станешь меня уверять, что в каждом ауле есть такой Аюб — сорокалетний сторож, которого не поборет ни один нарт¹, вот тогда я

¹ Нарт — богатырь из адыгейских преданий.

скажу тебе в глаза: заврался ты, сынок. А теперьними шляпу, наши красавицы угостят тебя яблоками.

Я шел в аул, хрустя сладкими сочными плодами, и думал, что на этот раз старик, к сожалению, ошибся. Конечно, таких, как он, много. Но хватает еще и аюбов, которые даже и не пытаются ухватить своего коня за гриву, хотя всю жизнь проехать в чужой арбе.

ЧЕМ ПАХНЕТ ЗЕМЛЯ

детство оставило мне много ярких воспоминаний. Одно из них — о Джегуне.

Джегуна вспоминал я в педагогическом училище, когда приходилось встречаться с расхлябанностью, нерадивым отношением к занятиям.

«Нет на тебя Джегуна,— иной раз про себя, а когда и вслух говаривал я.— Сразу бы перестроился...»

Джегуна вспоминал и в институте, и в военном училище, и даже на фронте: и там попадались люди, на которых хотелось напустить Джегуна.

В ауле проживало немало людей, которыми мы, мальчишки, откровенно восхищались. Один в праздничные дни появлялся в гимнастерке с орденом Красного Знамени. Другому посчастливилось увидеть Ленина. Третий первым у нас оседлал трактор, был на совещании в Кремле и слушал больших руководителей. Все эти люди возбуждали у нас жгучую зависть, неистовое восхищение, переходящее в обожание. Встречаясь с кем-либо из них, мы, затаив дыхание, громко здоровались, а потом долго глядели вслед. Какие только мысли не роились в такой момент в ребячьем воображении!

О наших героях мы знали буквально все: как они одеваются, как относятся к тому или иному человеку, какое у кого любимое словцо.

И вот однажды мое детское воображение было потрясено новостью: оказывается, в ауле есть еще одна знаменитость. Ее боятся даже те, кто не боится самого тхаматэ — грозного председателя. Узнал я об этом случайно — нечаянно стал свидетелем разговора между двумя колхозниками. Было это на току, во время уборки кукурузы. Один собрался прихватить с собой кошелку кукурузы. Другой, заметив это, сказал:

— Не советую... Говорят, Джегун где-то тут ходит.

Первый тотчас опорожнил кошелку.

— Спасибо,— сказал он.— Вот бы вляпался. Он же, говорят, в первой бригаде был?

— Был там, теперь тут. За ним не угонишься.

Они разошлись, а я стоял и думал: какого это Джегуна так боятся? В ауле Джегунов было не так уж много. Джегун — учитель математики. Того из школы клещами не вытащишь. Конечно, не о нем речь. Другой — скотник, он и вовсе в поле не бывает, день и ночь на ферме или пастбище. Третий — дед Джегун. Невысокий, прямой, опрятный старик. Рядовой колхозник. И характер у него покладистый, и должность невысокая. Выходит, в ауле имелся еще один Джегун. Вечером спросил об этом отца. Оказалось, что побывались именно деда Джегуна. Одного его слова достаточно для того, чтобы человек опомнился. И, как я сам убедился, даже предположения о том, что Джегун может сделать замечание, иным вполне хватало.

— А почему с ним так считаются? — спросил я.

Отец бросил на меня недоуменный взгляд.

— Да ведь это же Джегун! — произнес он таким тоном, будто одно его имя все разъясняло.

Слова отца подтверждали незыблемость авторитета Джегуна, но суть дела не проясняли. И я по свойственной каждому мальчишке любознательности решил лично приглядеться к Джегуну. Сделать это было нетрудно — времени свободного в те годы у меня имелось вдоволь. Как-то увидел его на сенокосе. Невысокий, ладный, он шел первым и размеренно махал косой. Ровные, широкие ряды оставались за ним. Другие заметно притомились, а Джегун все шел и шел, будто перелистывал страницы книги. Дошел до края луга и, не оглядываясь, стал не спеша крутить сигарку. Он успел выкурить ее, пока остальные добрались до него. Вот и все, что я увидел. Тогда я так и не понял, что в этом вся суть, что ему в труде не было равного, и именно это вызывало уважение. Сам все делал хорошо и того требовал от других.

Однажды я стал свидетелем разговора Джегуна с трактористом. Он остановил машину, вызвал из кабины водителя и, глядя на борозду, стал ему разъяснять, что так пахать нельзя.

— Аллах тебя накажет! — кричал Джегун.— Тебе доверили такую землю... такую землю... А ты ковыряешь ее, как в твою пустую голову взбрдет.

Он нагнулся, взял ком земли, понюхал, лицо его расплылось в улыбке.

— Чувствуешь, как она пахнет?

Повторяю, в те годы я так и не понял, почему слово Джегуна столь веско. Но в том, что оно — закон для каждого, убеждался много раз. Потом уехал учиться. Потом воевал. Потом работал в городе, а в родной аул наезжал как гость. С Джегуном мне не раз приходилось встречаться на собраниях, в сельсовете, просто на улице. Он был все таким же — прямым, аккуратным, собранным. Говорил редко, но зорко ко всему присматривался.

В ту пору когда у нас часто менялись председатели колхоза, Джегун был особенно активен. Потом дела пошли в гору, и старик, казалось, поостыл. В последние годы он совсем редко появлялся в поле, да и то все больше смотрел, как работают другие.

И вдруг узнаю: минувшим летом Джегун снова взялся за свое. В колхоз на уборку пшеницы прибыли грузовики из Краснодара. Они перевозили зерно от комбайнов к токам. Пересекая дорогу, Джегун увидел цепочку золотистых зерен. Забыв о том, куда направлялся, старик двинулся по следу. Так он дошел до тока. Здесь машин было много, и Джегун остановился в нерешительности. Среди школьников, работавших на току, был и мой сосед Алий. Он-то все это видел и слышал.

Постояв с минуту у ворот, Джегун направился к грузовикам. Легко взобравшись в кузов первой машины, старик внимательно осмотрел ее и полез во вторую, а затем в третью.

За ним неотрывно следили обедающие неподалеку шоферы.

— Что этому старику нужно? — заносчиво спросил один из них.

— Это Джегун, — ответил другой.

— Ну и что? Пусть хоть сам Магомет, какое ему дело до наших машин?

Вдруг раздался зычный голос Джегуна:

— Эй, рулевой этой машины, иди-ка сюда...

— «Рулевой»... — расхохотался шофер. — Ну, я рулевой, чего тебе, дед?

— Иди сюда, — властно повторил старик.

— Пообедаю и приду, — недоуменно ответил шофер. — А ты слезай с машины. Тоже мне, «рулевой».

— Такого, как ты, мы кормить не будем. Говорю тебе — иди сюда...

Шофер нехотя положил вилку.

— Ну что?

— Лезь сюда. Это что? Не видишь? Щель, вот что это, раззява. От комбайна и до тока хлебный след за тобой тянется.

— И это все? Из-за этого ты отнимаешь у меня дорогое время? Поесть не даешь?

Но Джегун не обращал на него внимания.

— Кимчерий, — обратился он к заведующему током. — Пока этот разгильдяй не починит свою машину, не допускай его ни к работе, ни к еде.

Сказав это, Джегун слез с машины и направился к воротам.

— Хлопцы, что же это такое? — Шофер стал оглядываться, ища поддержки. Но все молчали, даже его приятели. Лишь один Алий, расхрабрившись, крикнул:

— А ты как думал? Смотри, Джегун за такие потери тебе покажет...

Вздыхнув, шофер полез за инструментом.

А совсем недавно мне посчастливилось присутствовать при приеме в колхоз выпускников школы. Когда начальство закончило свои речи, слово предоставили Джегуну. Старик не пошел на трибуну. Взяв со стола накрытое полотенцем блюдо, он стал посреди зала и поманил ребят к себе.

— Что это? — спросил, когда вокруг него собралась толпа. Джегун сдернул с блюда полотенце, и все увидели землю. — Верно, земля, — подтвердил он. — Но не просто земля, дорогие мои, а наша земля. Та земля, которая нас поит и кормит. Та земля, которая кормила наших предков и будет кормить наших правнуков. Приглядитесь к ней: такого чернозема нет нигде. Не думайте, будто я преувеличиваю, это действительно так. В войну, когда наша область была временно оккупирована, гитлеровцы вывозили отсюда наш скот, угоняли в неволю людей. А один фашистский генерал решил украсть нашу землю. Он пригнал сюда колонну грузовиков и заставил солдат снимать и грузить в машины полуметровый слой чернозема. Целый состав земли угнал он в свое имение, будь он проклят! Раньше, когда я наклонялся к земле, я чувствовал дыхание весны, хлеба и думал: наверно, так щедра наша земля потому, что пропиталась потом многих поколений хлеборобов. А в годы войны еще кое-что узнал. Это и есть самое главное: не только потом, но и кровью полита она. И оттого стала эта земля еще дороже нам, еще роднее.

Стояла мертвая тишина. Слышно было биение юных сердец и неровное дыхание старика.

Джегун держал в обеих руках блюдо. К нему торжественно подходили парни и девушки. Склонившись над блюдом, они вдыхали запах родной земли и отходили.

Последним подошел я...

Да, мне надо было прожить долгую, трудную жизнь, чтобы понять, почему слово Джегуна — закон для всех.

ТАТЛЮСТЕН И ВОЗДУШНЫЕ ЯМЫ

Татлюстен Натхо уже был стариком, когда я еще только начинал ходить в школу. Но, несмотря на возраст, он время от времени, как говорили его сверстники, «что-то выкидывал» или «отбивался от отары». Старики соберутся, чтобы поговорить об аллахе, о Мекке, о мулле, а он достает из бокового кармана черкески газету «Социалистическэ Адыгей» и вдруг спрашивает:

— А вы знаете, где поджигатели войны собираются высадить войска?

Меджид, один из самых глубоких стариков аула, очень богомольный старик, фыркает.

— Спрячь свою газету, неверный, — кричит он. — Что нам до того, где высадятся поджигатели войны, будь они трижды прокляты! Я говорю, у нас теперь нет ни одного хаджи¹. До чего дошло — вместо того чтобы идти в Мекку, наши старики слушают радио, а молодые ездят на курорты, где ничего путного нет. А кто виноват? Ты! Кто стучал палкой по столу председателя, чтобы радио провели? Ну, кто?

Татлюстен не особенно отбивался от обвинений:

— Э, вспомнил, когда это было! Сто лет назад. Теперь ты сам чуть не избил внука за то, что он не вовремя отвез приемник в ремонт.

— Ладно, — сдавался Меджид, — пусть радио! А зачем тебе этот телевизор?

Татлюстен только хмыкает. Действительно, телевизор он приобрел первым в ауле. Сперва привез ящик с экраном.

¹ Хаджи — верующий мусульманин, совершивший путешествие пешком к святым местам в Мекку. В знак этого он имел право носить белую чалму.

а потом пригласил инженера из Краснодара. Тот установил телевизор и приспособил к крыше длиннющий крест. И в доме загорелся голубоватый огонек, поглядеть на который в первый же вечер явился весь Шапсуг. Кто сам уже не мог ходить, того принесли... Тогда Меджид и сказал в сердцах Татлюстену:

— Тебе осталось жить два-три года, а ты купил такую дорогую вещь. Лучше бы подарил эти деньги кому-нибудь. Или хотя бы в больницу лег, там бы мозги подлечили.

— В больницу мне ни к чему, а вот съездить на курорт не мешает, — ответил Татлюстен. — Слава аллаху, я еще работаю и зарабатываю не меньше молодых. И путевку мне тхаматэ предлагал. Но одно не мешает другому. Ведь интересно сидеть у себя дома, на кошме, и видеть, что делается в Майкопе, в Москве иди даже на другой стороне Земли. Я сижу, пью чай и вижу, как проходит демонстрация в Лондоне. Или сбивают американский самолет во Вьетнаме. Разве плохо?

Дом Татлюстена превратился в клуб. Всегда у него собирались не только люди средних лет, но и те самые старики, которые корили его за то, что он «отбивается от отары». По словам Меджида, они это делали, чтобы человек окончательно не забывался и, хотя бы перед смертью, покался в своих грехах.

А однажды по телевизору показали почему-то ташкентский аэропорт. Шла посадка на самолет, отправляющийся по маршруту Ташкент — Москва. Среди пассажиров был аксакал с огромной белой бородой. Диктор сказал:

— Несмотря на свои сто три года, Камил Джураев в пятый раз летит в Москву, он участник и дипломант Выставки достижений народного хозяйства.

Татлюстен сказал тогда:

— Вот это — да! — А потом долго ходил какой-то задумчивый, тихий.

И вот однажды мой друг Алий встретил меня новым сообщением.

— Ты знаешь? — сказал он с восторгом. — Татлюстен над аулом на самолете летал!

— Да ну? — удивился я.

— Пойдем к нему, он сам все расскажет, он никому не отказывает, даже школьникам. А тебе повторит все с самого начала.

Татлюстена мы нашли возле нашего универмага. Кто-то прикатил туда когда-то трехметровую колоду, и самые почтенные люди аула собирались там в свободное время. Старички сидели, а люди помоложе, семидесятилетние примерно, стояли вокруг и слушали умные речи. Еще дальше толпились все остальные любители послушать что-нибудь интересное.

Ответив на мое приветствие, Татлюстен расспросил меня, как водится, о делах в Москве, Краснодаре, Майкопе, районном центре, у соседей, о моих творческих планах, о здоровье моем, моих сыновей и остальных членов моей семьи, а также и о здоровье моего друга, одного русского писателя, с которым я как-то приезжал в аул. Получив на все самые обстоятельные ответы, Татлюстен поднял вверх палочку, которую обстругивал старым перочинным ножом, и сказал:

— И у нас, слава аллаху, все в порядке.— Хитро прищурился и умолк.

Тогда я спросил:

— Татлюстен, правду ли говорят люди, что ты поднимался в небо?

Старик равнодушно пожал плечами.

— Э, пустяки. В Ташкенте столетние летают, а мне восемьдесят восемь. Мальчишка. Да и летать-то мне не особенно хотелось. Просто решил проверить брехню молодых людей. Говорят: ямы в воздухе, ухабы, трясет, болтает. Слушал их, и совестно становилось. Подумай, Киримизе, сам — какие могут быть ямы там, где ничего нет? Тоже придумают: ямы. Но как ты поспоришь с лгуном, если сам не испытал? В район съездил, самолет нашел, который у нашего аула над полями летать будет — сады опрыскивать. Химия, понимаешь? Вот точно как наша Саниет себя одеколоном опрыскивает.

Сидевший рядом с ним Меджид буркнул:

— Вот-вот... Что требовать от этого человека, если он даже в собственном доме порядок навести не может.

Татлюстен не обратил внимания на этот выпад.

— Подошел я к летчику, говорю ему: друг, прокати над аулом, самым дорогим гостем в моем доме будешь.

— Да ведь летчик тебя, старый мерин, на смех поднял, — опять вмешался Меджид. — Что, не так?

— Летчик с большим уважением выслушал меня и спросил, зачем мне это, — не вступая в спор, продолжал Татлюстен. — Я ему и пояснил, что в Ташкенте столетние летают.

А чем Адыгея хуже? У нас что, старый режим? Тогда летчик вдруг подошел к самолету, открыл дверцу и сказал: «Садись, отец». И я пошел, стал на лестницу и влез в кабину.

— Влез, — хихикнул Меджид. — Колени тряслись, как кастрюли в мешке. Он не видел, куда лезет...

— Потом, — продолжал Татлюстен, никак не отвечая на очередной выпад своего оппонента, — летчик привязал меня к сиденью какими-то поясами с бляхами. Я полез за кisetом, чтобы закурить, но летчик не разрешил. В нашем самолете, говорят, не курят, это в большом можно, там кури сколько вздумается.

— Э, — перебил его снова Меджид, — у него не хватает смелости правду сказать. Да ведь он снял шапку от страха, а потом надел ее задом наперед. Сидел, как гусак в корзине, которого волокут на базар.

— Самолет побегал по полю, а я глядел в окно, — переждав Меджид, продолжал Татлюстен. — Вдруг стало все по-другому: тихо как-то идем, ровно. Посмотрел в окошко, а земля ускользает вниз. Ниже, ниже... Значит, мы в воздухе. Выходит ко мне другой летчик — там их двое было — и спрашивает, как я себя чувствую. Чувствую, говорю, как дома, только вот все боюсь, что этот старый болтун Меджид не поверит, что я летал, да старуха моя не из доверчивых. Пусть, говорю, самолет снизится над площадью, а там рядом мой дом. Если можно, я сброшу над своим двором кiset: старуха моя сразу узнает свое изделие.

— В этот момент его окончательно покарал аллах, — торжественно объявил Меджид. — Отнял у него остатки разума. Надо же! Заставил летчика пролететь над своим двором и прямо на голову своей несчастной старухе швырнул кiset. Слава аллаху, что она не скончалась на месте от страха и не окончательно рехнулась. Она, бедная, не знала, что и подумать: ушел ее сумасшедший старик утром в сад, а теперь его кiset летит ей с неба на голову. Решила, что с этим полоумным беда приключилась.

Татлюстен чуть-чуть прищурился и продолжал свое:

— Все знают теперь, что я летал в самолете. А садоводческая бригада, когда я прилетел, встретила меня, все начали хлопать в ладоши. А я говорю им: что вы мне хлопаете, я не балерина.

— И ты ему веришь, Киримизе? — обратился уже прямо ко мне Меджид. — Вот так и сказал? Да у него зуб на зуб от страха не попадал, а губы тряслись, как листья на ветру.

Хочешь знать, что он сказал? Ч-чу-чу-че-чу-га-гу-ге-ге-бе-ме...

Все собравшиеся рассмеялись, улыбнулся и Татлюстен. На этот раз он снизошел до ответа.

— Ты-то ведь там не был, старый враль. Его, Киримизе, трясет уже от одного слова «самолет». А я вышел, и все спросили меня, есть ли ямы в воздухе. И я сказал: никаких ям нет на небе, все это выдумали люди, чтобы пугать нас. Летайте сколько хотите, никакого вреда от этого человеку не происходит. Ну, а теперь я должен с тобой попрощаться, скоро начнут показывать концерт кавказских джигитов. Поднимайся, старый черт,— обратился он к Меджиду,— так ведь и опоздать можно.— И он повернул налево, к своему дому.

— Ты куда? — остановил его Меджид.— Из ума выжил, хвастунишка. Или это у тебя от возраста? Сегодня очередь у меня передачу смотреть. Пошли, старуха шалама¹ уже, наверное, жарить начала. Или опять от отары отбиваться хочешь?

СТАРИКИ ДАЮТ ИНТЕРВЬЮ

ой товарищ, москвич, попал в нашу область впер- вые. Случилось это жарким-жарким летом, когда даже в тени трудно было дышать.

— Я пишу книгу о достопримечательностях нашей страны и хотел бы поглядеть на памятные места в аулах, побеседовать с адыгейскими старожилками,— сказал он.

— Тогда тебе повезло,— ответил я.— Как раз собираюсь в свой родной аул. А где, как не в родном ауле, самые муд- рые старики и самые замечательные реликвии!

Вскоре мы оказались в Шалсуге. Гостя, как водится для начала ознакомили с адыгейской национальной кухней. Ею он остался доволен.

— Если бы в каком-либо ресторане подавали такие блю- да,— заявил он,— там определенно собирались бы гурманы со всего света.

¹ Шалама — кукурузные лепешки.

Осмотрели аул, обошли живописные окрестности, полю- бовались не особенно шумным в такое время Афином. Вечер провели в клубе, на репетиции танцевально-хорового ансамб- ля. Парни с серебряными кинжалами носились вокруг юных горянок в платьях до пят, исподтишка косившихся на гостя. Экзотика...

Все это время я прикидывал, с кем бы из наших могикан познакомиться москвича. Знающих, рассудительных, прожив- ших по-настоящему большую жизнь стариков в ауле имелось предостаточно: каждый был по-своему интересен, ни один не походил на другого. Но мне думалось, что глубина рас- суждений человека, их меткость и значимость не могут не зависеть от пути, который он прошел, от его личного опыта. И я перебирал наших могикан с этих позиций.

На следующий день мы поднялись рано. Еще из садовой беседки, где мы завтракали, я увидел своего приятеля Алия. Он с нескрываемым любопытством разглядывал моего гостя.

— Алий,— спросил я, предварительно ответив на его приветствие,— ты знаешь, где сейчас можно найти лесника Османа?

— Знаю,— обрадовался он.

— Скажи, пожалуйста.

— Объяснить очень трудно,— схитрил мальчишка.— Я могу показать.

Алий повел нас огородами, вывел на какую-то неизвест- ную мне тропинку, которая вилась меж кустов терновника, уже выбросившего черно-синие плоды. И только когда мы оказались у заболоченной излучины реки, я понял: Алий ведет нас к старому колодцу. И вспомнил: люди говорили, что, с тех пор как Осман ушел на пенсию, он большую часть времени проводит у старого колодца.

Постепенно тропинка начала расширяться. Вскоре она перешла в давно заброшенную дорогу, которая тянулась к черневшему вдаль лесу. Дорога была ровной, но вдруг где-то на половине пути резко сворачивала и упиралась в странное сооружение. Не сразу можно было догадаться, что это всего лишь колодец. Основание сооружения было выложено из крупных, плохо отделанных кусков гранита.

Подойдя совсем близко, увидели на гранитной ограде ведро с водой.

— Попьем? — спросил Алий.

Вылив воду из ведра, он ловко приспособил его к журав- лю, закрепил и опустил в колодец. Не сразу донесся до нас всплеск. Перебирая руками шест, Алий ухватил ведро за

ручку и, поставив его на край сруба, отвязал. Вода в ведре дымилась, казалось, будто в ней плавают льдинки.

— Пожалуйста,— предложил воду гостю Алий.

Тот приложился к краю ведра, сделал несколько глотков. Поднял голову, улыбнулся и снова стал пить.

— Хороший человек, видно, вырыл этот колодец,— сказал мой гость, уступая мне место у ведра.— Такой вкусной воды я никогда не пил. Это настоящая живая вода из сказки.

Алий был очень доволен, что вода так понравилась москвичу, но я чувствовал, что его что-то тревожит.

— Осман должен быть здесь,— сказал он.— Его надо подождать. А если скоро не появится, пойдем в лес. Я знаю, где он ходит.

Но идти в лес не пришлось — мы увидели на опушке старика в поношенной черной черкеске и большой золотистой папаче. За его спиной виднелось ружье. От всей фигуры старика веяло здоровьем и силой, поэтому большая белая борода совсем не вязалась с его видом, казалась приклеенной. Москвич жадно разглядывал Османа.

— Такие люди,— шепнул он,— как старые дубы: чем больше им лет, тем шире они раздаются в плечах, тем большей крепостью наливаются.

Обменялись приветствиями, и старик тоже приложился к ведру. Пил медленно, долго. Потом присел на камень под развесистым вьязом.

— Осман,— обратился я к нему,— это наш гость из Москвы. Он хотел бы задать тебе несколько вопросов. Ты разрешишь?

Старик кивнул, борода его коснулась ремня двустволки.

— Отец,— обратился к нему гость,— не скажете ли вы, откуда и когда появился здесь этот колодец? И почему люди забросили эту дорогу?

Старик, отказавшись от предложенной гостем папиросы, достал кисет, набил трубку, закурил, несколько раз глубоко затянулся.

— Когда-то,— начал он,— здесь проходила бойкая дорога. В то время единственным хозяином в ауле был князь. Он позволял себе все. Бедные люди, встречаясь с надменным князем, забывали о гордости предков, о своей собственной гордости. Так было, дети мои.

На окраине нашего аула жил бедный пастух. Женился он на такой же, как он, бедной девушке. Они любили друг друга. Им казалось, будто солнце стало светить только для них. Но недолго они были счастливы. Уже через год, во вре-

мя родов, его любимая умерла. А дочь пастух сумел вырастить. Ее звали Загирет. Она была красавица. По ее плечам извивались черные косы, глаза светились покоем и добротой. Шаги ее были такими легкими, что, казалось, случись ей наступить на лежащее на дороге голубиное яйцо, и оно останется невредимым. Ни одна девушка в ауле не была такой гибкой и нежной, такой быстрой в танцах. На любую свадьбу первой приглашали Загирет. И хотя была она бедной, самые видные аульские парни заглядывались на нее. Но очень немногие знали, что особенно легкими и быстрыми были ее шаги, когда плясунья шла к реке за водой, там обычно ее встречал пастух из соседнего аула. Звали его Ахмед. Про него говорили, что в любых состязаниях он выходил победителем. Они подолгу смотрели в глаза друг другу, и взгляды их сияли любовью и радостью. О чем говорили молодые люди, слышала только быстрая речка да конь Ахмеда. Они условились осенью, после сбора урожая, пожениться. Ахмед работал день и ночь, чтобы накопить денег для достойной свадьбы.

Но зарились на Загирет многие, и среди них был сын местного князя Селим. Он посватался к Загирет и получил отказ. Тогда Селим собрал своих друзей и среди ночи нагрянул в дом старого пастуха. Беднягу связали, а его единственную дочь увезли.

Старик помолчал, погладил по голове пристроившегося рядом с ним Алиа и продолжал:

— Загирет не вынесла позора. В ту же ночь она перерезала себе вены. «Я должен увековечить память любимой и отомстить за ее позор»,— сказал себе тогда Ахмед. На деньги, собранные для свадьбы, он построил вот этот колодец у дороги и назвал его именем Загирет. Чтобы путники, утолив жажду, вспоминали Загирет добрым словом.

Мой товарищ, давно уже забывший о своем блокноте, спросил:

— А как Ахмед отомстил за смерть невесты? Удалось ему это?

— Не сразу,— ответил старик.— Он напал на обидчика, но подоспела стража. Его схватили и отправили в тюрьму. Там он твердо решил, что, выйдя на волю, станет лихим абреком. Я вижу,— перебил себя старик,— что наш дорогой гость ждет рассказа о славных делах абрека. Но не так было, дети мои. В тюрьме Ахмед познакомился с хорошими людьми, которые объяснили ему, что в одиночку князьям не отомстишь. Там он обрел верных друзей. Вскоре произо-

шла Октябрьская революция, и Ахмед возвратился в аул, но не один, а вместе с красным отрядом. Вот тогда уж не поздоровилось князю. Так было, дети мои.

Мы распрощались:

По пути в аул гость был задумчив. Когда мы снова оказались на узкой тропке среди терновника, он вдруг остановился.

— Постой, Киримизе! — воскликнул он. — Я так и не спросил, откуда он знает эту историю.

Взглянув на меня, он кое о чем догадался. Тихо произнес:

— Да, так и думал... Представляю, как тоскливо ему там одному.

— Скоро он будет не один, — неожиданно вставил Алий.

— Что же случится? — удивился я.

— Агроном в школу приходил, — оживился Алий. — Сказал, что земля у колодца Загирет очень-очень хорошая. Пусть, говорит, ваша школьная бригада вырубит кустарники, очистит участок от хвороста, камней. А мы, говорит, пришлем тяжелый трактор, плантажный плуг, поднимем землю и отдадим ее вам. Хозяйничайте. От колодца трубы проложим для полива, и зацветет все вокруг...

Алий смутился и замолчал.

— А старик знает об этом? — спросил гость.

— Что вы! — возмущился Алий. — Разве об этом говорят? С будущего понедельника начнем, он сам все поймет.

Солнце садилось, когда мы подошли к своей калитке. Прощаясь, Алий шепотом спросил:

— Киримизе, а куда вы завтра пойдете?

— Думаю, к старику Рау.

— Можно и я с вами?

— Ну давай.

У гостя оставался в запасе еще один день, и я решил познакомиться его с человеком, который славился в ауле своей рассудительностью.

Старика Рау мы нашли возле его дома, на скамеечке. Казалось, будто он собрался в гости, — на нем был новый бешмет, из-под которого сверкала пуговицами черная косоворотка. Войлочные сапоги сшиты были лучшим мастером. Но он никуда не спешил. Рау, если он был не на работе, всегда так одевался. Узнав, что московский гость хотел бы задать ему несколько вопросов, старик пригласил нас в дом.

— Что же вам хотелось бы услышать от меня? — спросил

он, когда мы поговорили, как положено, о том о сем, выпили чаю и перекусили.

— Что-нибудь поучительное. Ну, хотя бы, что такое счастье?

Рау помолчал, постучал суставом среднего пальца о стол и начал:

— Расскажу маленькую притчу. Когда-то давно в ауле жил один вдовец. Он растил единственного сына, очень жалел его и все делал для него. Однажды вдовец заболел, совсем беспомощным стал. Настала очередь сына поухаживать за отцом. Но оказалось, что он ничего не умеет. Ни воды набрать из колодца, ни очаг растопить, ни пищу сварить... И тогда отец понял, как он здорово промахнулся: вместо добра причинил своему любимому сыну один лишь вред. Выздоровев, он решил исправить эту ошибку. «Сынок, ты уже большой, — сказал он ему. — Пора тебе почувствовать прелесть труда. Пойди поищи себе работу».

Сыну очень не хотелось работать, он привык шататься без дела. Но перечить отцу, разумеется, не стал. Выйдя на улицу, подумал: «А зачем мне зарабатывать? У меня есть дядьки. Пойду к одному из них и попрошу пять рублей». Так и сделал. Погостив у дядьки весь день, он к вечеру вернулся домой. Отец взял у сына деньги и тут же разорвал их на части. Сын только плечами пожал и ушел спать.

Очень расстроился отец. На другое утро он снова разбудил сына и отправил на заработки. Сын пошел ко второму дядьке, погостил у него, попросил пять рублей и принес их отцу. Отец на глазах у сына снова разорвал их. Сын только улыбнулся и подумал: «Чудак человек».

На третий день сыну просить денег было не у кого. Он вынужден был найти себе работу. Но так как делать он ничего не умел, то за весь день заработал всего три рубля. Пришел домой усталый, голодный, вынул из кармана деньги и отдал отцу. Тот только было намерился порвать их, как делал это раньше, но сын схватил его за руку и закричал: «Что ты делаешь? Разве можно?»

Тогда отец облегченно вздохнул:

«Вижу, что эти деньги достались тебе трудом. Потому ты знаешь им цену».

Рау помолчал.

— А теперь вернемся к вашему вопросу, дети мои, — сказал Рау. — Что же такое счастье? Счастье — это великая вещь. Но не отведав горького, не познаешь и сладкого. Мне думается, что счастье — это когда своим трудом заслу-

жишь среди друзей почет и уважение, когда люди нуждаются в тебе, ценят плоды твоего труда!

— А что, по-вашему, самое дорогое на свете? — задал вопрос гость.

— Самое дорогое на свете — дружба. Где дружба, там лад, а где лад, там клад. Дружба нас всегда и везде выручает. У нас — все за одного и один за всех. Так жить — счастье.

— Скажите еще, отец, какая радость самая большая для человека?

На это Рау заметил:

— Большая радость для человека, если он, будучи слепым, вдруг прозрел и увидел солнце, небо, землю, птиц, реки, леса... Не бывает на свете радости выше этого. Но чтобы почувствовать большую радость, не обязательно слепнуть, — улыбнулся он. — Радость, когда у тебя рождается сын или дочь, когда в семье все дружно живут, честно работают... Эта радость и сейчас во мне. И поэтому мне не страшна старость.

Мы сидели не один час, говорили о многом.

Потом, по дороге в Майкоп, гость сказал:

— Кем бы мы, Киримизе, стали, если бы не было у нас таких крепких корней?

Удивительно: именно об этом как раз думал и я.

И мы понимающе засмеялись.

ТОЧКА ОПОРЫ

сть истории, которые как бы лежат перед глазами, а рассказать о них почему-то очень трудно. Берешься за перо, и чужая боль становится своей. Так получилось и с этим рассказом — о моей землячке Гулез. С сыном Гулез мы были хорошо знакомы — Хасанбий всего на год или два младше меня.

Впрочем, сколько помню себя, все ее звали не Гулез, а Нандах. Буквальный перевод — красивая нан, то есть красивая мама. В ауле привыкли к этому, и все так и звали ее — Нандах, а многие и вовсе не знали ее настоящего имени. А называть ее первым так стал Хасанбий. Говорят, прибежал как-то из школы, взглянул на мать и выпалил:

— Нандах!

Гулез рассмеялась — быть может, впервые после трагической гибели мужа: этот малыш всегда что-нибудь придумает, с ним не соскучишься...

Но с того дня Хасанбий стал называть мать только этим, им самим придуманным, именем. Дома, на улице, в школе, в магазине — всюду, где бы они ни бывали вместе. Его звонкое и меткое Нандах пришлось всем по душе. Совсем немного времени прошло, и в ауле уже ни одна душа не обращалась к Гулез по-старому.

Хасанбий гордился матерью. Для него она была самая красивая, самая знающая, самая добрая, самая понимающая, самая, самая...

Рассказывали мне, что перед войной он собрался было жениться. Матери невеста понравилась, и это укрепило его решение. Свадьба была назначена на начало июля, а в конце июня призвали Хасанбия на фронт.

У нее сохранилась пачка писем. Как ни тяжело приходилось Хасанбию — он участвовал в боях под Ростовом, под Сталинградом, — всегда выкраивал минутку, чтобы хоть несколько слов черкнуть матери. Жив, мол, здоров, не беспокойся обо мне, дорогая Нандах, скоро встретимся.

Нандах трудилась на ферме за двоих, домой приходила только поспать. Письма тогда приносил старый Бетмиз, которому сторвало ногу еще на первой мировой войне. Чаще всех получала весточки с фронта Нандах. Она читала их не сразу. Спрятав письмо, заканчивала работу, наводила порядок на ферме, шла домой. Дома, усевшись за столом, медленно, осторожно разворачивала бесценный треугольник. Глаза ее ловили привычную фразу «Дорогая моя Нандах!», и слезы закрывали тусклый свет лампы. Она плакала радостными, счастливыми глазами. И вдруг, бросив ложку, Нандах снова складывала письмо треугольником и старалась разобрать дату на почтовом штемпеле, носящем номер левой почты.

«Прошло десять дней, — подсчитывала она, — десять долгих дней войны. Что там с ним?»

Она включала радио, чтобы не пропустить очередную сводку Советского Информбюро. Вслушивалась в каждое слово: где идут бои, кто отличился. Не раз в сообщениях называли фамилии. К ним Нандах прислушивалась, затаив дыхание: не услышит ли что о своем Хасанбии?

Прослушав сводку, принималась опять читать письмо. Читая, представляла, где писал его сын, в каких условиях. Были письма, которые он сочинял, сидя за столом, это сразу

было видно. Ровные строчки, гладко сформулированные фразы, призванные успокоить материнское сердце. Были письма, написанные на колене, они состояли из нескольких фраз. Огромные корявые буквы. «Дорогая Нандах, жив, привет Зейнаб, твой сын Хасанбий». Получив такое письмо, Нандах не могла унять тревоги. Бессонные ночи, дни ожиданий. Понимала: те слова были написаны в бою, в минутной передышке. И вскоре приходило новое письмо. Она предчувствовала этот момент. В два часа дня, когда Бетмиз появлялся у конторки, выбегала из корпуса. Он утвердительно кивал, и она, словно на крыльях, перелетала пространство между корпусом и конторкой. Взглянув на адрес, увидев почерк сына, прятала треугольник и шла работать.

А весной заболела повараха в тракторной бригаде, и готовить пищу механизаторам попросили Нандах. Бетмиз со своей культяпкой в такие дальние прогулки пускаться не решался, письма Нандах он заносил, когда та, в сумерках, накормив механизаторов, возвращалась домой. Спешить старику было уже некуда, он с удовольствием принимал приглашение выпить чаю. Разговор шел всегда об одном.

— Лучше бы мне, Нандах, самому умереть, чем страшные вести разносить. Уж сколько раз просился на другую работу, не переводят. Отдашь письмо и убегаешь и знаешь, что проклинают тебя сейчас. Слова эти бьют в спину, в голову...

Слушала его Нандах и шептала про себя обрывки слышанной в далеком детстве молитвы: о аллах, будь милостив к моему сыну Хасанбию, ты ведь сам знаешь, что таких сыновей не так уж много...

А однажды она услышала у своего плетня шаги Бетмиза — их нетрудно было отличить от любых других шагов. Особенно в дожди, когда дорога раскисала. Острые костыля вонзались в разбухшую дорогу со свистом, а выскакивало из нее с каким-то унылым урчанием. Как всегда, она бросилась ему навстречу. Но старик, задержавшись на минутку у ее калитки, прошел дальше.

— Дядя Бетмиз, — крикнула Нандах. — Дядя Бетмиз, что же ты... Зайди хоть чайку попить...

Но Бетмиза словно в спину толкнули — он припустился еще быстрее. Хлюп, хлюп — урчал костыль.

Нандах вошла в дом. И вдруг бросилась к дверям. Босая, не разбирая дороги, пустилась за почтальоном. Догнав, крикнула:

— Стой, злой вестник!

Старик остановился и как-то странно вздохнул. Нандах показалось, будто он всхлипывает. Он протянул ей белый пакет и взял за руку.

— Домой доведу, — пробормотал Бетмиз. — Прости ты меня, не мог.

Она вырвала свою руку, уткнулась в плетень и зарыдала.

Сколько так стояла, не помнит. Придя домой, зажгла копилку, надорвала конверт, дрожащими пальцами извлекла сложенный вдвое листок. Развернула, скользнула по нему взглядом. И вдруг впилась в него глазами. Что это? О аллах, ее Хасанбий не убит, он пропал без вести. Не убит! Пропал без вести! Пропал, значит, отыщется. Ну, конечно, отыщется. Ведь это ее Хасанбий. Как только он отыщется, то сразу же напишет ей. Значит, надо ждать. Как она могла — начала оплакивать живого! И обругала ни в чем не повинного старика. Сейчас же надо извиниться перед ним.

Нандах всунула ноги в резиновые сапоги, набросила платок и пошла к почтальону. Еще с порога крикнула:

— Извини ты меня, дуру, жив он, жив!

Старик и его жена усадили Нандах, попросили прочитать извещение, а затем стали наперебой рассказывать истории о пропавших без вести. Один не в свой лазарет был доставлен, другой в плен попал и вскоре бежал оттуда, третий даже ранен не был — просто в бою прибился к другой части. Ровно через пять дней после получения известия о том, что он пропал без вести, его родители получили письмо-медо от него самого.

Вот так они беседовали. И Нандах стала ждать писем от сына — чем она хуже других счастливицков?

Но прошло пять, а потом и десять, а потом и десять по десять дней, а писем от Хасанбия не было. Горько было думать, что ее сын попал в плен, но Нандах именно это вбила себе в голову. Бойна есть война, самого храброго джигита могут ранить. А раненый что может сделать?

«Теперь, — сказала она себе, — надо молить аллаха, чтобы наши скорее покончили с фашистскими бандитами, освободили всех, кто попал к ним в рабство. И тогда мой Хасанбий возвратится домой. Пусть без руки или без ноги, пусть с одним глазом, но живой. Живой!»

На недолгое время был захвачен врагом и их аул. При его освобождении погибло немало советских бойцов многих национальностей. Жители аула похоронили их на центральной площади, у здания сельсовета. На деревянном по-

стаменте, временно установленном на братской могиле, были начертаны имена всех, кто отдал свою жизнь за освобождение неведомого им аула. Потом, через несколько лет после победы, на могиле поставили большой памятник, а имена павших героев высекли на гранитной плите.

Аулчане любовно ухаживали за братской могилкой. Много времени отдавала этому и Нандах. Она разводила вокруг памятника цветы, убирала опавшие листья, поддерживала вокруг чистоту и порядок. И — ждала сына.

Как-то в сельсовет пришло письмо из Москвы. Писала мать солдата, похороненного в братской могиле. Она сообщала, что вскоре сможет осуществить свою давнюю мечту — побывать там, где сложил голову ее сын, поклониться дорогой могиле, поблагодарить людей, которые за ней ухаживают.

Председатель сельсовета показал письмо Нандах и попросил ее ответить москвичке — матери, потерявшие своих детей на войне, сумеют найти общий язык, поймут друг друга.

Неспроста сделал это председатель — он видел, что у Нандах с годами иссыкает надежда, а это была единственная ниточка, связывавшая ее с жизнью. Знакомство с женщиной, испытавшей сполна горечь материнской утраты, думалось ему, поможет Нандах найти новую точку опоры.

Долго сидела Нандах над письмом, а написала всего три строчки.

«Дорогая Мария Петровна!

Приезжайте в любое время и заезжайте сразу ко мне, это будет ваш дом в ауле». И подписалась: Нандах. Подумав, добавила: Гулез.

Вскоре прибыла телеграмма — Мария Петровна пустилась в дорогу. В Майкопе ее встречали Нандах и председатель сельсовета. Но он старался держаться в сторонке. Москвичка оказалась ткачихой с «Трехгорки». Высокая, полная женщина, несмотря на седину, выглядела значительно моложе своих лет в отличие от худенькой Нандах, которую можно было принять за глубокую старуху.

Мария Петровна положила цветы к подножию памятника и долго читала надписи на мраморной плите. По щекам ее текли слезы. Чуть в сторонке плакала Нандах.

Они повсюду ходили вместе. Мария Петровна записала фамилию и имя сына Нандах и пообещала узнать о нем все, что возможно. Отсюда же, из аула, отправила она несколько писем с запросами.

Была осень, желтая и сухая. Сопровождая гостью, Нандах несколько раз побывала в клубе, была на встрече со школьниками. Комсомольцы аула попросили у нее письма сына с фронта и поместили их на специальном стенде рядом с письмами и другими реликвиями, сохранившимися у фронтовиков и их родственников. Ей это было очень приятно. И провожала Марию Петровну уже не такая глубокая старуха — общение с людьми разгладило морщины, вернуло глазам Нандах их прежний блеск.

Письма из Москвы приходили часто. Мария Петровна с помощью пионеров нашла бывшего фронтовика, который сражался в одной части с Хасанбием. Он сообщил, что молодой адыг был тяжело ранен в бою под Сталинградом, попал в плен, но умер от ран в тот же день. Где похоронен Хасанбий, он, понятное дело, знать не мог, да и вряд ли это возможно было выяснить, но факт его смерти подтверждал полностью. Обо всем этом Мария Петровна очень тактично, но без утайки написала Нандах. А закончила свое письмо словами:

«Плачь, дорогая Нандах, плачь, теперь судьба твоего сына известна: он погиб за счастье и свободу советского народа, за счастье всех людей земли. В этом — твое и мое утешение».

А вскоре после этого письма вдруг прибыла срочная телеграмма. Мария Петровна сообщила, что в Москве, у самой кремлевской стены, будет торжественно похоронен прах Неизвестного солдата. Очень может быть, что это твой сын, Нандах, поэтому срочно приезжай на похороны, — писала она.

С этой телеграммой Нандах и прибежала в сельсовет. — Надо ехать, — решили там. — Через несколько дней в Москву отправляется группа наших лучших пионеров, поедешь с ними. А там Мария Петровна тебя встретит.

...Траурные марши рвут сердце на части. Утешать здесь друг друга некому — рыдания сотрясают старых и молодых, мужчин и женщин. Каждый уверен: здесь, у кремлевской стены, покоится отныне его сын, или брат, или отец, или другой самый близкий, самый незаменимый. Тот, о ком долгие годы ничего не было известно, кроме одного: он умер героем.

Медленно двигались они в бесконечной толпе к гранитному постаменту, в нише которого вспыхнул Вечный огонь. Они не торопили идущих впереди, и следующие за ними не торопили их. И наконец остановились. И обе почувствовали

жаркое дыхание пламени, которое ветер доносил с Его могилы. И обе медленно, словно вырубая эти слова в камне, прочитали:

«Имя твое неизвестно,
Подвиг твой бессмертен!»

Люди проходили, а они все стояли и стояли. И казалось Нандах, будто в отблесках Вечного огня возникает родной облик Хасанбня, будто ветер доносит до нее мальчишеский голосок:

— Нандах, моя самая красивая мама...

КВАШЕНАЯ КАПУСТА

тетушкой Гошевной у нас старая дружба. Старший ее сын Схатбий получил квартиру в том же доме, что и я. И хотя у него была машина, Схатбий не часто жаловал в аул. Обычно накануне выходного, когда я, по обыкновению, собирался навестить земляков, к нам заходил Схатбий со свертком или пакетом, а то и с ящиком в руках.

— Послушай, Киримизе, — говорил он, — ты едешь в аул?

— Да, — отвечал я. — А ты?

— Ты же знаешь, какая у меня проклятая работа, — вздыхал он. — Это из-за нее у меня понизилась кислотность. Теперь надо каждый день уколы делать.

— Мда... — вздыхал я.

— В будущее воскресенье обязательно поеду и прихвачу тебя. В моем «Москвиче» тебе забронировано постоянное место. А сейчас прошу — прихвати кое-что для моей мами.

Этот разговор повторялся почти каждую неделю. И почти каждую неделю я заходил со свертком, пакетом или ящиком к тетушке Гошевной, передавал ей приветы от сына и отвечал на ее многочисленные вопросы. Тетушка Гошевная не оставалась в долгу перед сыном. Она передавала со мной свертки, пакеты, а то и ящики. Содержимое их зависело от времени года. Осенью в ящиках были яблоки, зимой — картошка, весной — редиска и моченые арбузы, летом — персики, черешня да еще многое другое: мать Схатбия была не из тех, кто сидит сложа руки.

Однажды, получив у нее для сына небольшой сорокакилограммовый бочонок квашеной капусты, я рискнул заметить, что в овощных магазинах города сколько угодно этого добра. Тетушка Гошевной, выслушав меня, кротко улыбнулась и сказала:

— Ну, подумай, Киримизе, что ты говоришь? Разве эти бракоделы с овощных баз умеют квасить капусту? Силос на нашей ферме, и тот лучше их изделий. А ведь у Схатбия пониженная кислотность, он не сядет за стол, если на нем не будет капусты...

Медицинская терминология в лексиконе тетушки Гошевной занимала прочное место с тех пор, как она стала выписывать журнал «Здоровье». Взвалив бочонок на плечи, я заверил ее, что не допущу, чтобы ее славный Схатбий страдал от недостатка кислотности.

И вдруг накануне какого-то праздника Схатбий ввалился ко мне с пустыми руками.

«Уж не случилось ли чего с тетушкой Гошевной?» — не на шутку испугался я. Но Схатбий тотчас рассеял мрачные подозрения.

— Собирайся! — выкрикнул он. — Еду в аул. Все! Уговорил старушку жить со мной. Хватит ей в глубинке прозябать, пора к городской культуре приобщаться.

— А как же работа? — спросил я, еще не веря своему освобождению от почетной обязанности связного-носильщика.

— Ты еще не знаешь? Меня перевели. Вот так! Пошел на повышение.

По пути в аул Схатбий рассказал, как его заметило начальство и почему выдвинуло. Возле дома моих родителей он лихо развернул машину, просигналил и, прощаясь, предупредил:

— Извини, Киримизе, назад прихватить не смогу. Знаешь, сколько у мамаша барахла...

Но меня это огорчить не могло — я поверил, что и мне выпадет счастье путешествовать без свертков и ящиков, бочонков и мешков с арбузами и луком.

Теперь я с тетушкой Гошевной изредка встречался на лестнице.

— Ну как, нравится в городе? — обычно спрашивал я ее.

Отвечала она как-то неопределенно: «Еще не осмотрелась...» Или: «Знаешь, город — это тебе не аул...»

А в последний раз заметила:

— Петухов-то тут нет...

— Обходимся, тетушка Гошевной, — легкомысленно брякнул я, вовсе не подозревая, что намек насчет петухов будет иметь весьма неприятные последствия.

Вскоре после этого разговора я отправился в командировку недели на две, а когда вернулся, стал, по обыкновению, накануне выходного собираться в аул. Уложив в портфель бумаги, спиннинг, приобретенный для соседского мальчика Алия, разную мелочь, стал натягивать плащ. Вдруг в дверях появился Схатбий.

— Ты знаешь, Киримизе, — занял он, — какая у меня проклятая работа. У всех выходной, а ты готовь справку для края...

В руках у него была коробка из прессованного картона. Поставив ее на стул, Схатбий сделал глубокий вдох, потом выдох и продолжал:

— В будущее воскресенье обязательно поеду и прихватчу тебя. В моей «Волге» тебе забронировано постоянное место. А сейчас прошу прихватить кое-что для моей мамы.

— Да ведь она живет у тебя, — чуть-чуть громче, чем полагается по этикету, выпалил я.

— Э, старик, отстал от жизни. Вернулась в аул... — Оставив коробку, он шмыгнул за дверь.

И вот я снова плетусь по знакомой дороге с грузом на плече. Добрая улыбка Гошевной немного смягчает мое раздражение.

— Что же тебе не понравилось в городе? — отдышавшись, спрашиваю ее.

— Э, Киримизе, — улыбнулась она так, как улыбаются люди, которым неловко за бестактность других. — Разве мужчине это понять? Ну, садись, слушай... В первые дни мне было интересно в городе. Выйдешь на улицу — большие дома, витрины, магазины. И на рынке интересно потолкаться. Спросишь у женщины, почему курица или индейка... Или, например, узнаешь, почему веник. Даже смешно — за пучок сорго рубль просят. И люди дают... Зайдешь в булочную, а там чего только нет, не то что в нашем аульском магазине. А потом, Киримизе, стало меня что-то беспокоить. В ауле утречком проснешься и знаешь — сейчас закричит петух. И как только он прокричит, сразу чувствуешь себя отдохнувшей, бодрой, веселой. А тут лежишь-лежишь, и маешься, а никаких петухов не слышно. Начинает болеть голова. Выйдешь на улицу и замечаешь: люди не ходят, как у нас в ауле, степенно, спокойно, а носятся, как будто

опаздывают куда-то. Я все не могла сообразить, как они лбами друг с другом не сталкиваются. — Помолчав, тетушка Гошевной добавила: — И еще, Киримизе, не нравятся мне в городе двор. Везде камень, асфальт, нигде ни травинки. Правда, стоят скамейки, хорошие, красивые скамейки, а ведь я к траве привыкла. Ну, а если тебе надо перейти улицу, тут дело совсем плохо. Так и смотри, как бы тебя не сшибла машина. И — ни одной подводы. Стоишь перед этим потоком машин, а слезы сами из глаз катятся — ведь в ауле тоже машин хватает, но там и лошади есть, и волю.

— Тетушка Гошевной, — заметил я, воспользовавшись паузой. — Зато у нас в городе собак еще больше, чем в ауле.

На лице ее появилось брезгливое выражение.

— Уж этого добра, верно, хватает. Не успеешь выйти из дому, как тебя облает какая-нибудь шавка, и цыкнуть на нее нельзя — ее хозяйка еще злее. Дома, конечно, в городе лучше. Большие, высокие, в квартире вода, даже кипяток из крана идет. Но люди в этих домах не знают друг друга, как и их собаки. Я спросила Схатбия, кто его соседи, так он почти ничего ответить не мог. А в ауле? Да что тебе, Киримизе, рассказывать, тут все знают друг друга, и собаки попусту не лают. А еще плохо, что крыши этих больших домов похожи на кладбище: на каждой несколько десятков крестов. Я понимаю, что это антенны телевизоров, но получается некрасиво.

Слушая тетушку Гошевной, я все еще подбирал в уме подходящие доводы, чтобы как-либо переубедить ее. У меня все же теплилась надежда, что хорошее в городе одержит верх. В конце концов, рассуждал я, пусть не задирает вверх голову и не смотрит на крыши, это в ее власти. А аульские псы несколько не образованней городских.

А Гошевной продолжала выкладывать наболевшее.

— Страдала я и оттого, что не могла найти себе собеседника. Ты ведь знаешь, Киримизе, что молчание вредно. Но, слива аллаху, познакомилась во дворе с одной старушкой. Сухонькая такая бабушка, откуда-то с Украины приехала. Она говорила по-украински, а я по-адыгейски, но мы как-то поняли друг друга. Я показывала на дом и говорила: «Карош». Она улыбалась, качала головой и говорила: «Добре». И я улыбалась. Потом я стала учить ее по-адыгейски: «Ваша соус из курицы, нашему четлибж». «Четлиб», — сказала она. Тогда я ее пригласила к себе и угостила четлибжем. Ей понравилось. Даже адыгейский перец по вкусу

пришелся. Так мы с ней подружились, что и расставаться не хотелось.

— А газ? — напомнил я.

— Да, газ — хорошо, — согласилась она. — Даже мужчины умеют пользоваться. Никакой тебе копоты, все блестит, быстро варится...

— Чего же ты уехала? — не сдержался я. — Надо было еще немного пожить, и ты бы привыкла. Подумаешь, собаки. Плюнула б на них.

— Я тоже так думала, Киримизе. И вдруг у нас кончилась квашеная капуста. А ты ведь знаешь, у Схатбия пониженная кислотность. Бросилась я в овощной магазин, попробовала капусту — о аллах, я даже не знаю, что с ней сделали, окаянные! Впрочем, какая в магазинах капуста, я знала и раньше. Пошла на базар. У одной женщины попробовала капусту, у другой — беда, да и только! Так что прошу уж тебя, дорогой Киримизе,хвати с собой для Схатбия этот небольшой бочоночек. Мой мальчик так будет рад. А этот мешочек — для Горпины, ну, моей знакомой. Я научила ее готовить пасту из кукурузной муки, а разве настоящую кукурузную муку в городе купишь? Ну, скажи сам? Что я мог ответить?

ЭТОТ ЧУДАКОВАТЫЙ МИШАОСТ

Рассказ о Мишаосте я писал в два приема. Дело было так. Когда я принес редактору газеты свое очередное сочинение, он, бегло пройдясь взглядом по страницам, вдруг задал вопрос:

— Послушай, коллега, у вас в ауле прописаны только ангелы?

— Как-то не интересовался правилами прописки, — попробовал я уклониться от ответа.

Но редактор не отстал.

— Мне показалось, — пояснил он, — что намек, который я тебе сделал в одной из бесед, должен до тебя дойти. Скажи прямо — у вас в ауле есть плохие люди?

О той беседе я хорошо помнил и как-нибудь расскажу о ней.

— Очень плохие? — решил уточнить я.

— Ну, хотя бы плоховатые.

— А в чем эта плоховатость должна заключаться?

— Аллах свидетель, — вскочил с кресла редактор, — что ты издеваешься надо мной. Что, у вас нет людей, которые по ночам навевываются в колхозный сад или злоупотребляют выпивкой? Или вообще каких-нибудь чудаков?

При последней фразе я сразу же вспомнил о Мишаосте. Очень многие аулчане так и называют его — «этот чудаковатый Мишаост».

— Все ясно, — сказал я. — Есть у нас один чудаковатый Мишаост.

— Все ясно, — сказал я. — Есть у нас один чудаковатый Мишаост. Добившись своего, редактор подобрел. Он усадил меня на старый диван, в котором злобно, словно змеи в мешке, урчали пружины, и произнес:

— Послушай, Киримизе, в нашей жизни добро и зло всегда идут рядом. Таковы законы диалектики. Кто может их отменить? То-то!.. Так и в ауле. Есть там хорошее, есть, конечно, и плохое. А ты освещаешь только хорошее. У читателя может создаться впечатление, будто бы приукрашиваешь действительность. Понимаешь? Тебе недостает объективности, тебя гложет красной патриотизм.

— Кто не верит тому, что я пишу, — вставил я, — может съездить в аул и лично убедиться, что в моих рассказах одна только правда.

— Э, простота, — рассмеялся редактор. — Кто же станет из-за этого ездить в аул. Ну, пораскинь мозгами? Прочитают и скажут: «Брехун этот Киримизе, так не бывает». А теперь ты выбьешь козырь из их рук. Все, мол, у нас имеется. Были положительные, а вот вам, пожалуйста, и отрицательный тип. Есть и такие.

— А кто тебе сказал, что Мишаост — отрицательный? — удивился я.

— Ну, чудаковатый, разница невелика. Валяй, пиши об этом Мишаосте, дадим в воскресенье на четвертой полосе.

Приехав в аул, я порывлся в своих старых блокнотах, там были зарегистрированы некоторые отклонения от нормы в поведении Мишаоста. Сразу же наткнулся на такое. Как-то в аул приехали болгарские гости. Правление колхоза, как принято, приготовило в их честь обед. Но сперва гостям, как водится, показали наше хозяйство. Побывали они и в звене Мишаоста — оно заняло первое место в соревновании кукурузоводов. Когда разговор о кукурузе подходил к концу, Мишаост вдруг сказал:

— Дорогие гости, мы с женой очень рады вашему приезде. Вы посмотрели, как мы работаем. А теперь наша

семья просит вас посмотреть, как мы живем. Вот гачанка садитесь, я подвезу вас к себе.

— Сперва пообедаем,— вмешался встревоженный председатель колхоза: чувствовал, что в предложении Мишаоста скрыт какой-то подвох.

Но Мишаоста не так-то легко сбить с ног.

— Ты полагаешь, тхаматэ,— обиделся он,— что в моем доме не найдется, чем угостить дорогих товарищей?

Гости, разумеется, изъявили желание захватить перед обедом к Мишаосту. Повел он их в кунацкую, а там уже все стояло на столе. Оказывается, этот чудака еще на рассвете зарезал барана. Остальное для его Софийт было уже лишь делом техники, как принято говорить теперь, и времени — мало кто в ауле стряпал лучше нее.

Много разговоров было после этого.

— Этот чудаковатый Мишаост,— смеялись люди,— перехитрил самого председателя.

Когда подводили итоги года, Мишаосту, как и многим другим звеньевым, вручили крупную денежную премию. После торжественного собрания он попросил всех членов звена собраться у него дома вечером на следующий день. Сам же на рассвете отправился в город. Вечером все собрались, а хозяина нет. Подождали немного и решили, что Мишаост подшутил над ними. Намеревались уже разойтись по домам, как вдруг вошел Мишаост, весь увешанный свертками.

— Извините, дорогие, автобус по дороге сломался, чуть не опоздал,— сказал он.— А теперь разбирайте. Нас десять человек, и тут десять свертков. Пусть каждый берет, что ему понравится, а то, что останется, будет мне.

Все быстро разобрали свертки и стали их разворачивать. У одного оказался отрез, у другого — красивая рубашка, у третьего — обувь, два свертка были с настольными часами. Самому же Мишаосту достался сверток с долгоиграющими пластинками.

— Я очень рад, что мне достались эти песни,— заулыбался он.

В ауле опять смеялись: чего только не выкинет этот чудаковатый Мишаост.

А незадолго до моего разговора с редактором Мишаост в составе делегации побывал в богатейшем кубанском колхозе «Россия». Отчитывалась делегация на колхозном собрании. Все говорили о том, что их удивило,— один о новинках в механизации, другой — о животноводстве, третий —

премиях. А Мишаост опять начудил — о детском саде разговор завел. У них, мол, в садике и то есть, и это, и мебель особенная, и игрушки, и картины на стенах. А у нас как?

Председатель, который до сих пор не мог простить ему шутку с обедом, крикнул:

— Мебель этим сорванцам! Да они же все расколошмятят. Если у тебя имеются лишние деньги, бросай их на ветер, а колхозное добро не трогай. Ты, верно, забыл, что у нас еще телятник не готов?

Денег, конечно, у Мишаоста не было, и он, расстроенный, молча сел на место.

Через несколько дней Мишаост заглянул вечером в клуб. Прошелся, посмотрел, кто чем занят. Одни играли в шахматы, другие забивали «козла», некоторые слушали радио или читали журналы, а иные просто точили ляды. В одном углу было особенно оживленно — здесь проверяли по таблице выигршей лотерейные билеты. Мишаост собрался было пройти в другую комнату, к телевизору, но вдруг вспомнил, что и ему когда-то вместо сдачи дали в магазине несколько лотерейных билетов.

— А ну-ка, ребята, проверьте и мои,— попросил он и пошутил: — Ведь и слепой свинье иногда желудь попадается.

— Меньше, чем на машину, не соглашайся, Мишаост,— посоветовал один из местных остряков, беря у него билеты.

— Марки «Зингер», — добавил другой.

Вдруг паренек, проверявший билеты, оторопело выкрикнул:

— Выиграл! Вот черт! Мишаост, смотри сам!

— Что? Дирижабль? — подхватили остряки. Они решили, что продолжается розыгрыш Мишаоста. Но паренек протянул Мишаосту газету.

— Проверь сам, — повторил он. — Номер и серия сходятся, а возле номера звездочка. Теперь дальше — видишь? Что написано? Автомашинка «Москвич».

Несколько человек по очереди проверили таблицу и подтвердили: Мишаост выиграл автомобиль.

Все стали его поздравлять; а он стоял бледный, не мог выговорить ни слова. Наконец вышел и побрел домой. По дороге подумал: «Надо жене сказать об этом осторожно, это еще от радости свихнется».

Софийт была во дворе. Не заметив ее, Мишаост, как в молодости, перепрыгнул через плетень.

— Теперь знаю, отчего ты, дурень, на поясницу жалуешься,— засмеялась она, но Мишаост не обиделся.

Он вошел в дом и стал искать трубку. Софьят помогал ему. Обшарили весь дом, а трубки не было.

— Послушай, старик,— повернулась к нему жена.— Ты наверно, оставил ее в клубе.

И вдруг стала хохотать, схватившись за бока,— увидела что трубка в зубах Мишаоста.

— Фу-ты,— ужаснулся Мишаост.— Все забывать стал.

Он сел за стол и вместо ложки попытался есть суп вилкой. Софьят стало не до смеха, она не знала, что и подумать.

— Послушай,— встревожилась жена.— Уж не заболели ты горячкой? У нас на ферме от запарника не так несет жаром, как от тебя.

— Э, пустое,— отмахнулся Мишаост и взял ложку.— Мне не болеть, а летать хочется.

— С чего бы это?

— Радуюсь за нашего соседа Кадырбеча: он выиграл автомобиль «Москвич».

Жена снова развеселилась.

— Зачем скупердяю Кадырбечу «Москвич»? Пусть лучше попросит мясорубку, старая-то у них давно сломалась.

— Скажешь,— добродушно улыбнулся Мишаост.— «Москвич» очень дорогой, говорят, тысяч пять стоит. Он сможет тысячу мясорубок купить.

Софьят рассмеялась еще веселей:

— Как будто у Кадырбеча и без того денег нет... Просто он их тратить не желает, копит. Все у них старое, ветхое все изнашивается, отжило свой век, а он складывает бумажечку к бумажечке. Я бы от такого мужа давно ушла, а Цуд вот терпит.

Эти слова понравились Мишаосту, и он решил больше не дурачить жену — признался, что крупный выигрыш выпал на его билет. Женщина побледнела, покраснела, потом снова стала бледной и вдруг забежала по комнате.

— Ага, проняло,— обрадовался Мишаост.— Завертелась как молодайка. Еще раз замуж захотелось? За кого бы это? Может, за Муслима Магомаева? Оказывается, не одно Кадырбеча деньги беспокоят.

— Что же ты думаешь делать с такими деньгами? — наконец спросила Софьят.

— Сперва хотел было новый дом построить. Но вовремя вспомнил, что дом нам уже построил колхоз. Зачем нам два дома? Можно было бы их оставить наследникам, но аллах дал нам только одну дочь, да и ту Советская власть

выучила и обеспечила так, что она сама нам деньги посылает. Еще можно взять себе машину и ездить, да вот с глазами у меня стало неладно — вдруг на соседа наедешь.

— Ну, вот,— покосилась Софьят,— теперь он начинает притворяться, будто ни в чем не нуждается. А ты съезди в город, посмотри, что в магазинах есть. Может быть, тебе захочется подарить что-нибудь близким.

— Знаешь что,— вдруг объявил Мишаост,— наши шутики говорят, что один ум хорошо, а полтора — лучше. Поэтому поедешь в город со мной. Вместе будем смотреть, может, что и надумаем хорошее.

В те дни, когда я писал рассказ о чудачествах звеньевого, его счастливый билет был отправлен в Москву на проверку. Рассказ получился как бы без конца, и я решил подождать, чем эта история окончится. Недельки через три я снова навестил аул, и мне сообщили, что «этот чудачковатый Мишаост» окончательно всех уморил. Когда прибыло сообщение о том, что он может получить в Майкопе выигрыш, Мишаост попросил у председателя грузовик. И хотя председатель недолго любил Мишаоста за излишнюю, как ему казалось, прямоту, машину он дал сразу и даже предложил свою «Волгу».

— Мне нужен грузовик,— упрямо повторил Мишаост.

— Бери, если нужен,— сказал председатель.— И пусть по пути случится такая авария, при которой бы тебе прищемило язык, а руки и ноги остались целыми.

Мишаост не обратил на это никакого внимания. Усадил Софьят в кабину к шоферу, сам залез в кузов, и машина тронулась.

Возвратились под вечер. Машина остановилась возле детского сада. Мишаост подозвал прохожих, они помогли выгрузить и занести в детский сад большой телевизор, несколько маленьких трехколесных велосипедов и еще какие-то дорогие вещи. Потом машина подошла к дому Мишаоста, и те парни сняли еще один телевизор и несколько чемоданов с вещами. Набежавшим соседям жена Мишаоста стала показывать, что купила дочери, зятю, внукам, а что себе. Каждой она что-нибудь подарила. А когда вошла жена Кадырбеча, протянула ей электрическую мясорубку.

— Бери, бери,— сказала Софьят,— ты ведь лучше всех в ауле готовишь котлеты.

В тот же вечер пошло по аулу:

— Ну и чудачки эти Мишаост и Софьят! Белый свет таких не видывал.

Дописав эту концовку, я, очень довольный тем, что мне не пришлось пускаться в ход фантазию, отнес рассказ редактору. Прочитав его, он нахмурился.

— Я думал, Киримизе, что мы тогда поняли друг друга. А ты опять за свое. Послушай, неужели никто в ауле не высмеял этого Мишаоста, не назвал его дурнем, бараном?

— Был такой случай! — обрадовался я. — Кадырбеч Мазанок сказал...

— Знаю, что сказал твой отрицательный Кадырбеч. Он сказал, наверное, что осуждает Мишаоста: при таком выитрыше Мишаост должен был еще купить для физического кабинета школы атомный реактор. Верно?

— Да нет же, он сказал: «Дуракам — счастье». И еще сказал, что уж он, Кадырбеч, знал бы, что делать с такими деньгами.

— Значит, — торжественно закончил редактор, — есть у вас и такие. Почему же ты о них умалчиваешь? Пиши о нем, и мы оба рассказа дадим одновременно.

И хотя Кадырбеч жил всего в двух дворах от меня, пришлось взяться за перо. Такова уж писательская судьба — сказавши «а», говори «б».

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ДОЖДЬ

Нелестные отзывы Кадырбеча Мазанока о щедрости Мишаоста я слышал своими ушами. Было это днем. Я сидел в нашей беседке с Алием и его друзьями. Они готовились в поход и выясняли, что брали с собой в подобной ситуации мы, когда

были пионерами.

Я сказал:

— Картошку.

Алий записал.

— Еще что?

— Котелок.

Алий записал.

— Ну, что еще?

— Кукурузной муки немного и соли, — добавил я.

Алий записал.

— Ну, а транзистор? — подсказал веснушчатый друг

Алия.

— Сказал! — оборвало его несколько голосов. — Были тогда транзисторы, как же.

— Компас! — припомнил я наконец.

— Компас у каждого, — сообщил Алий и не стал записывать.

— Палатки-то брали? — напомнил кто-то.

— Нет, не было палаток.

— А как же ночью? Если дождь?

— А так. Кому холодно, того не брали. Поход так поход, а не курорт.

— Значит, картошка, мука и компас? — уточнил Алий.

— Значит.

— А мы вот, смотри, список составили. Думали, что мало, и пришли к тебе посоветоваться.

Я посмотрел список и сказал:

— Тут кое-чего недостает. Упустили вы, ребята.

Давно уже все понявший Алий засопел носом, а его веснушчатый друг спросил, чего именно.

— Перины запишите, — посоветовал я. — Из ресторана «Казбек» пригласите повара и еще закажите санитарную машину. Пусть следует за вами. Как на авторалли. Видели?

В этот момент как раз и вошел во двор Мазанок. Увидев его, мои несколько обескураженные собеседники заулыбались: вид Кадырбеча всегда вызывал улыбку, но, увы, не всегда добродушную. Сколько помнят его люди, он носил одну и ту же старую истрепанную одежду. Штаны его были похожи на географическую карту — на них было столько разноцветных заплат, сколько, наверное, стран на земном шаре.

Зимой носил он ушанку, из которой торчали хлопья ваты, а летом войлочную шляпу, от которой уже давно и моль отказалась.

— Кадырбеч, — спросят у него, — почему ты не купишь себе приличную одежду?

— Э, дорогой, — разведет он руками. — Я с этой не могу расстаться, очень к ней привык. А деньги всегда пригодятся на что-нибудь другое, более полезное. А вдруг со мной или с женой что-нибудь случится? А? Вот тогда-то и понадобятся сбережения.

Председатель колхоза дал строгий наказ: ни с какими поручениями Кадырбеча ни в город, ни в районный центр, ни даже в другие аулы не отправлять. Но однажды этого не удалось избежать: на районное совещание вызвали лучших овощеводов, а Кадырбеч как раз собрал большой уро-

жай помидоров. Снаряжали его всей бригадой — кто дал шапку, кто пиджак. А вот ботинки Кадырбечу, к великому сожалению, пришлось купить самому — у него оказался сорок пятый размер, а в бригаде никто не носил такой большой обуви.

Было бы понятно, если бы Кадырбеч мало получал. Но работы он не боялся, даже другим пример показывал. Не заедала и семья. Жена его была дояркой и зарабатывала не меньше мужа, а единственный сын после службы в армии остался где-то в Вахшской долине, строил там гидроэлектростанцию и писал родителям очень редко, чаще всего на перекладах. Всеми деньгами в семье распоряжался Кадырбеч. Все складывал на черный день. В общем, он был из тех, о ком адыги говорят: «За копейку даст зуб выдернуть». Каждый знал, что ему легче расстаться с жизнью, чем с деньгами. Сбережения свои Кадырбеч сберкассе не доверял — хранил их где-то в доме.

Войдя во двор, Кадырбеч сразу же направился к нашей беседке — на голося.

— Послушай, Киримизе, — выпалил он, — вот уж правдивая поговорка: дуракам — счастье! Этот придурковатый Мишаост действительно выиграл автомашину. Вместо того чтобы отложить деньги на черный день, он — подумай только! — пустил по ветру все до копейки. Телевизор этим малолеткам приволок, идиот! Уж я бы знал, что делать с такими деньгами!

— Что? — очень заинтересовался я. — Скажи, пожалуйста, что бы ты с ними сделал?

— Что? — Кадырбеч ошалело глянул на меня и попятился. — Ладно, хорошо, что ты дома. Хочу попросить у тебя на денек ножовку — моя где-то затерялась. — Взяв ножовку, он поблагодарил и ушел.

— Знаешь что, Киримизе, — сообщил Алий после ухода Кадырбеча. — Мы решили пересмотреть список. За счет упрощения.

— Это будет правильно, мне думается, — высказался я. — Но транзистор не помешает. Мы бы тоже брали его, да ведь тогда о них и не мечтали.

Вечер был тихий, ничто не предвещало резкой перемены погоды. Даже старики не почувствовали ничего подозрительного. Но ночью хлынул ливень. Он продолжался почти до рассвета. Ливень был такой, что, как у нас говорят, по его струям можно было взобраться на небо. Утром снова засверкало солнышко. Да такое жаркое, будто никако-

го ливня и не было. И вдруг на аул налетел вихрь. Он закрутил, закрутил все, что плохо лежало.

Я как раз вышел во двор умываться и вдруг услышал доносившиеся с улицы крики. Выглянул за калитку. Здесь творилось нечто невообразимое. Мальчишки бегали, что-то хватали с земли, ловили в воздухе. К ним присоединились некоторые взрослые. Тут я, к великому своему удивлению, заметил, что ветер разносил по аулу... деньги. Неподалеку от меня упала десятирублевая купюра, и я невольно поднял ее. Банкноты самого различного достоинства — от трех до двадцати пяти рублей — летели по улице, над огородами, висели на деревьях, падали в колодцы.

Что за чудо — выпал денежный дождь?

Прошло немало времени, прежде чем все успокоилось. И тогда выяснилось: Кадырбеч слег с сердечным приступом. А вечером, когда ему стало чуток легче, его жена рассказала жене Мишаоста и другим приятельницам, что же, собственно, произошло.

Кадырбеч накопил много денег и постоянно тревожился об их сохранности. Прятал их обычно без свидетелей — когда жена была на ферме. Но она всегда догадывалась, где деньги, так как Кадырбеч по нескольку раз на день наведывался к своему сокровищу. Одно время они лежали под кроватью. Потом перенес их в сад — зарыл у старой груши с дуплом. Но после этого потерял сон. Как только во дворе залает собака, Кадырбеч схватывается с постели и бежит к дереву. Вскоре он перепрятал деньги под камышовой крышей сарая. Каждый вечер влезал на лестницу, изучал что-то там и, облегченно вздыхая, шел ужинать. Приходя с работы на обед, первым делом бежал к своему хранилищу.

А вчера вечером, когда пошел сильный дождь, крыша протекла. Утречком Кадырбеч стремглав полез за свертком: не промокли ли деньги?

Сверток промок насквозь. Не стесняясь жены, он заплакал и стал осторожно разбирать раскисающие купюры. Вдруг, что-то сообразив, отправился в огород, к парникам.

Тут он немного приободрился — дело пошло на лад. Мокрые деньги он раскладывал на стекле парниковых рам. Некоторые сразу же приклеивались к стеклу, но, подсыхая, сами отклеивались.

Когда раскладка была закончена, Кадырбеч совсем было воспрянул духом.

— Посмотри, — сказал он жене, которая пришла к нему на огород. — Мы самые богатые люди в ауле! Ни у кого нет

столько денег! Ну, скажи — что тебе купить? Больше не буду прятать их — еще один такой дождь, и мы останемся нищими.

Жена, растерявшись, и ответить не успела — как раз в этот момент и налетел вихрь. Он поднял бумажки в воздух и понес над аулом.

Кадырбеч сперва словно бы окаменел, только в страхе ворочал головой в своей древней войлочной шляпе. Потом сорвался с места, стал хватать, подпрыгивая, деньги в воздухе. Но куда там. Ветер разметал уже почти все, что было с такой любовью разложено на парниках. Идущие в школу ребята как раз и попали под этот необыкновенный дождь.

Через несколько дней я решил проведать Кадырбеча. Ему уже стало легче, врач разрешил выходить во двор. Он сидел под ореховым деревом, и я сначала даже не узнал его. На нем были новая шляпа, новая рубашка и брюки со складкой, каких он не носил даже тогда, когда был женихом. Заметив мое удивление, сказал:

— Послушай, Киримизе, я рассказывал тебе, что этот идиот Мишаост выиграл автомашину? Вот уж — дуракам счастье. Уж теперь-то я бы знал, что делать с деньгами. — Сказав это, расхохотался от всей души.

— Что же ты сделал бы с ними? — не утерпел я.

Кадырбеч на мгновение умолк, потом снова расхохотался.

— стыдно признаться... — проговорил наконец. — Наверное, то же самое.

БУНТОВЩИЦА

ж не знаю, поймет ли меня на этот раз читатель. Надеюсь все же, что не только поймет, но и порадуеться вместе со мной. Ибо видеть за малым большое может, мне думается, лишь душевный, отзывчивый человек. Но, наверно, найдутся и такие читатели, которые скажут: «Нашел о чем писать. Да еще в разгар уборки овощей».

У каждого народа есть обычаи, которые по тем или иным причинам уже не соответствуют духу нового времени. И об этом немало пишут. Большинство из них прямо или косвенно направлено на то, чтобы как-то затормозить раскрепощение женщины. Калым, то есть купля жены, не лучше

умыкания невесты. И о том, и о другом сейчас говорят в полный голос. Но имеются у адыгов и свои, присущие только им, обычаи, которые ставят женщину в приниженное положение по сравнению с мужчиной. Когда и где женщина садится за стол? В такие тонкости вмешиваться еще не принято. Собрались приятели в кунацкой, отмечают какое-либо событие, быть может, даже «обмывают» премию, полученную женой хозяина за высокие привесы телят. Но где же виновница торжества? За столом ее нет. Она лишь изредка, словно тень, появляется в комнате, где идет пир, ставит на стол очередное блюдо и исчезает. Таков обычай.

Но сегодня у меня разговор не об этом. Побывав недавно в ауле, я услышал новость: Асиет — «собачница»...

— Ты знаешь, Киримизе, — обратился ко мне один из сверстников, допустим Индрис, — дочь старого Схатбия, кавалера трех орденов Славы, завела себе собаку.

Я, разумеется, улыбнулся. У адыгов как-то не принято, чтобы женщины или девицы на выданье возились с собаками, это удел мужчин. Впрочем, понятие «не принято» не полностью отображает действительное положение. Как не положено женщине присутствовать, к примеру, на похоронах, так и не положено ей и прикасаться к собаке. Это один из запретов, священных запретов, которым еще подчиняется у нас женщина. И до сих пор о конфликтах, связанных с нарушением, так сказать, «собачьего» запрета, мне слышать не приходилось. Все дело, видимо, в том, что у женщины и без того хватает хлопот. Сообщение Индриса меня не особенно разволновало. Подумаешь, Асиет завела себе собаку. Ну и пусть возится с ней. Один мой знакомый в Майкопе держал в ванной водяных крыс, и никто не высмеивал это странное хобби. Лишь расставшись с Индрисом, я понял, что между причудой моего знакомого майкопчанина и поступком Асиет — огромная разница. И все же не придал бы ему, как говорят, «должного значения», если бы следующий же встречный, допустим Керим, не начал разговор все с той же новости.

— Ты знаешь, Киримизе, — произнес он довольно озабоченно, — дочь старого Схатбия, заслуженного человека, завела себе собаку!

Индрис был механизатором, Керим — учителем. Индрис даже десятилетки не осилил, Керим окончил университет. Казалось бы, они должны были смотреть на прихоть Асиет по-разному. Но со мной как будто разговаривал один человек. И я спросил:

— Ну и что? Что ты видишь плохого в том, что Асиет завела себе собаку? Собака — друг человека, это давно известно.

— Человека — да, — хихикнул Керим. — Но Асиет — женщина. Она невеста!

Вот оно что!

— Ты чего-то не договариваешь, — заметил я. — Кто же ее жених?

— Мой сын! — бухнул Керим.

Я промолчал.

— Через месяц Сафер заканчивает Тимирязевку, — возмущенно продолжал Керим. — Собираемся сыграть пышную свадьбу. Сам подумай — двое фронтовиков хотят породниться, разве это плохо? А тут эта страшная новость — Асиет завела себе какую-то псину.

— Знаешь, Керим, — попытался я успокоить старого товарища, — мне кажется, ты преувеличиваешь трагедийность ситуации. Может быть ведь и так — Асиет, учитывая охотничьи наклонности своего жениха, решила подготовить ему подарок особого рода. И Сафер обрадуется этому.

Керим достал из кармана пиджака очки, протер стекла носовым платком, не спеша водрузил их на нос и посмотрел на меня с осуждением.

— Хотел бы я сейчас быть на твоём месте. Хотел бы тебе рассказать кое-что насчет сознательности и послушать, что ты будешь бормотать мне в ответ. Ибо спрашивается: кому нужна бунтовщица?

Закончив эту реплику, он приложил два пальца правой руки к тулье шляпы и пошел своей дорогой.

А я стоял на месте, словно пригвожденный к земле. Бунтовщица! Не больше и не меньше.

Последний раз я видел Асиет года два назад, когда проводывал ее отца Схатбиа — моего однополчанина. Невысокая, худощавая, черноволосая, с длинными толстыми косами, она казалась семиклассницей, хотя в том году окончила школу и пошла на ферму. Бросила тогда на меня исполненный любопытства и робости взгляд, едва слышно поздоровалась и скрылась. Ничто в ее облике не выдавало, что в душе ее прорастают зерна бунтарства.

Решил снова провести Схатбиа.

Едва отворил калитку, как под ноги мне со щенячьим повизгиванием бросилась собачонка какой-то неопределенной масти — сероватая, с рыжими подпалинами на бо-

ках, с черной звездочкой на крутом лбу. И тотчас раздался спокойный девичий голос:

— Здравствуйте, дядя Киримизе, не бойтесь, Нарт не кусается, просто он решил познакомиться с вами. Нарт, ко мне!

— Папа! — крикнула она. — Дядя Киримизе у нас!

Собачонка, виляя хвостом, бросилась к хозяйке.

За эти годы Асиет сильно изменилась — подросток превратился в привлекательную девушку. Те же косы. Складки у губ подчеркивали характер. Не упрямство, а именно характер, целеустремленность, волю. И все же ничего «бунтарского» при всем желании обнаружить в ее облике не удалось.

— Почему ты его назвала Нартом? — заинтересовался я. — Он совсем не похож на богатыря.

— Я ведь подобрала эту собачку, когда она была совсем маленькой. Вышла как-то утром во двор, а у крыльца жметя шенок. Глаза его молят о помощи. Присмотрелась — передняя лапка кровоточит. Что делать? Внесла в дом, выкупала, перевязала лапку, накормила. Назвала Нартом.

— Я ей не раз говорил, что собаками должны заниматься мужчины, — проговорил подошедший к нам Схатбий. — Да разве ей что-нибудь втолкуешь? Жалко и жалко, и весь разговор. А потом привыкли друг к другу.

Неужели Схатбий оправдывался? Похоже было на то. Стало неловко за него, и я сказал:

— Стоит ли, Схатбий, нам вмешиваться в такие пустяки? Схатбий невесело улыбнулся.

— Ты-то знаешь, как я сам отношусь к собакам. Собака-санитар вытащила меня с поля боя, когда я, раненный в живот, валялся без сознания. Вытащила на нарты и привезла на перевязочный пункт. И мне вообще чихать на всякие пережитки. Но приходил Керим...

Он умолк, но и без того все было ясно.

— Смешно, дядя Киримизе? — вздохнула Асиет. И вдруг жарко выдохнула: — Не верю, не верю, что Сафер может рассуждать так же, как наши кумушки. Не верю! Приглашаю на свадьбу, дядя Киримизе.

— Спасибо, Асиет, — поблагодарил я. — Обязательно приеду. Ты телеграмму дай или позвони.

Случилось так, что я надолго отлучился из Майкопа. Длительная командировка, отпуск, еще одна дальняя поездка. Я не раз вспоминал бунтовщицу и жалел, что не сумел побывать на ее свадьбе. Собравшись в аул, прихватил пода-

рок для молодоженов. Но вручить его мне не довелось. Еще в автобусе кто-то из земляков сообщил мне, что сватовство Сафера и Асиет разлаживается, свадьба отложена на неопределенное время.

Вечером я решил проведать Схатбия. Во дворе меня встретил добродушный, веселый пес.

— Как живешь, Нарт? — осведомился я, потрепав его по крепкой холке.

Пес вильнул хвостом и залаял. Сразу же появилась его хозяйка. За два-три месяца она изменилась еще больше, чем за предыдущие два года. Похудела, осунулась, стала еще стройнее. Глаза запали, на лице лежала печать отчуждения, разочарования, боли.

— Поторопилась я, дядя Киримизе, с приглашением на свадьбу, — проговорила она и тотчас сжала губы, чтобы не заплакать.

Молчать было неудобно, и я проговорил, не подумав:

— Обойдется еще, Асиет, повод-то уж слишком несерьезный.

Она вздохнула.

— Повод и верно — несерьезный, дядя Киримизе. Да разве дело в собаке? Если жених кричит на весь аул: «Или я, или этот паршивый пес», — то чего можно ждать от нашей совместной жизни в будущем?

Я прошел к Схатбию. Он лежал в постели, на стуле у кровати размещались пузырьки и коробочки с лекарствами.

— Хорошо, что ты пришел, — обрадовался Схатбий. — Меня эта история скоро доконает. Нам обоим довелось в танке гореть, так скажу откровенно — лучше бы мне второй раз из огня выкарабкиваться, чем из этой истории. Уговори ты Асиет, пусть отведет свою собаку к тетке в Адамии, та будет смотреть за ней, как за лучшим другом.

— В такие дела постороннему лучше не вмешиваться, — осторожно возразил я. — Да и тебе стоит ли ломать характер дочери?

— Пойми, Киримизе, умру я скоро. А с ней что будет? Хочу видеть ее устроенной, в хорошей семье, счастливой. А где ей будет лучше, чем у Керима? Уж где-где, а там ее не обидят.

Правильно поняв мое молчание, он неуверенно попросил при случае поговорить с Керимом и Сафером.

— Объясни им, дорогой, что пора уже по-другому относиться к этим идиотским пережиткам.

Это я пообещал.

Случай поговорить с Сафером представился на следующее же утро. Председатель колхоза пригласил меня осмотреть новый молочный комплекс. Буквально за несколько минут до поездки его вызвали в район на совещание. Он извинился и предложил в качестве гида молодого специалиста, выпускника Тимирязевской академии Сафера. Я, конечно, согласился.

Сын Керима был высок, широкоплеч, под короткими рукавами цветастой импортной сорочки играли бицепсы. Он был самоуверен и очень доволен собой, но старался это скрыть в моем присутствии. Таков этикет: при старших держись поскромнее. Газик вел сам. С ходу взяв высшую скорость, сразу же стал называть цифры: стоимость комплекса, сроки возведения, организацию труда, систему донения и многое прочее.

Исчерпав тему, добавил:

— Это в общих чертах. На все ваши вопросы, Киримизе Хаджемусович, я отвечу с удовольствием.

Но вопросов у меня не оказалось: таких сооружений я уже повидал немало.

Подогнав газик к широким металлическим воротам комплекса, Сафер подал сигнал. Ворота тотчас распахнулись, и машина ринулась во двор, едва не сбив сторожа. Поставив ее на специально отведенное место, он пригласил меня пройти по недавно сданным в эксплуатацию корпусам. Но едва он отошел от газика, под ноги ему со злобным лаем ринулся какой-то пес.

— Пшел, — рассердился Сафер. — Пшел, паршивый...

И вдруг я понял, что это Нарт.

— Нарт! — позвал я собаку. — Нарт!

Пес оставил в покое Сафера и подошел, виляя хвостом, ко мне.

— Ты как сюда попал? — удивился я.

Нарт, подняв свою звездчатую морду, почему-то облился.

— Все назло мне, Киримизе Хаджемусович. Да, назло, или, как говорят в станице Дондуковской, в пику мне.

— Ну уж, — усомнился я. — Это не в ее характере.

— Не в ее? — едва сдерживаясь, произнес Сафер. — Плохо вы ее знаете. Что я сказал? То, что сказал бы на моем месте каждый знающий себе цену мужчина. Я сказал: или я, или этот паршивый барбос. Если ты меня любишь, ты быстро решишь эту проблему: Что же она сделала? Раньше

этого пса со двора не выпускала, а теперь стала брать его с собой на работу.

Он напрягся, бицепсы на руках заиграли, словно их подсвечивали.

— Может быть, Сафер, — выбирая слова, заметил я, — ты слишком категорично поставил вопрос?

— Какой вопрос? О собаке?

Он приосанился, рубанул по воздуху рукой.

— Ладно, невест хватает. Пойдемте, делом займемся.

Мы двинулись, он стал что-то рассказывать. Ни одно слово его до меня не долетало. Я думал о бунтовщице, об Асиет, о девушке, которую уже никто и никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет превратить в послушную рабу темных обычаев. Что ж, каждое время рождает своих героев. Одни совершают подвиги на виду, другие делают это как бы между прочим: просто хотят жить, как им подсказывает совесть. Чего бы это ни стоило.

ТЕТУШКА ЗАЗУ И ШАРИАТ

ережитки прошлого...

О них много и охотно говорят, часто пишут. В статьях и очерках, рассказах и повестях с большинством пережитков, кроме разве что пьянства, все обстоит в высшей степени благополучно. Прочитаешь иное произведение и с облегчением вздохнешь: всюду тишь и благодать, новое победило, старое показывает пятки, трусливо жмется к подворотням.

В повседневной жизни же с этими пережитками куда сложнее и драматичней. Особенно если дело касается привычек, укоренявшихся веками, ставших неписаными, а порой и писаными законами жизни. Есть у мусульман и такие. Часть их определена кораном, а основные нормы поведения предусмотрены шариатом. Шариат и есть свод мусульманских религиозных, юридических и бытовых правил, основанных на положениях корана. В шариате предусмотрено буквально все. Это можно, а это нельзя. Недаром же муллы, предававшиеся пьянству, обжорству, разврату, говорили своей пастве: «Правоверные, делайте так, как я говорю, а не делайте так, как я делаю».

Со своих особых позиций рассматривал шариат вопросы

морали и нравственности, семьи и брака. Если правоверный решал жениться, дело обходилось без лишних формальностей. Направляясь к будущей жене, он должен был воздеть руки к небу и проинформировать аллаха о своих намерениях: «О аллах, я женюсь». Столь же упрощена была и процедура развода. Воздев руки, правоверный выкрикивал: «О аллах, я развожусь». И, как говорится, концы в воду. В брачном деле шариат упирал не на количество, говоря современным языком, а на качество. Количество жен определялось положением правоверного. К примеру, царю разрешено иметь тысячу жен, обычному правоверному до семи. Важно, кого брать в жены. Правоверный не мог вступать в брак с женщиной другого вероисповедания, брать жен из другого рода и племени. Отступление от этого считалось смертным грехом, каждый случай его нарушения становился известным во всех аулах, отступник предавался остракизму, исчезал с горизонта.

Пусть простит меня читатель за это длинное вступление, но, мне кажется, без него не дойдет суть рассказа, борьба, происходившая в душе тетушки Зазу, не будет понята и оценена правильно.

С тетушкой Зазу мы знакомы много лет. Пятеро сыновей было у нее, когда началась война, старшему — десять. Аслана, ее мужа, не брали в армию, но он ушел на фронт добровольцем. Почти четыре года хранила его судьба, а под Берлином подорвался на mine — сапером был Аслан. Зазу не роптала, не жаловалась аллаху, не просила у него помощи — все, что можно было в то трудное время сделать, делал для сыновей героя колхоз. А что можно было? То кукурузы мешок выпишут, то мяса немного подкинут. Впрочем, вскоре и в этом отпала нужда, — подрастая, чуть окрепнув, сыновья Зазу шли в колхозные бригады, на фермы, учились на курсах механизаторов, находили свой путь в жизни.

В ту пору как раз и произошло в ауле событие, всколыхнувшее старых и малых. Мурат, сын Айтеча, оставленный после войны в армии, прибыл в аул с молодой женой. Фотографию сына Айтеч не раз показывал всем своим знакомым и даже незнакомым. Это был рослый майор с пышной черной шевелюрой и большим количеством орденов и медалей на груди. Айтеч не просто гордился сыном — он его боготворил. За неделю до его приезда весь аул был приглашен на семейное празднество. Но... оно не состоялось. Дело в том, что Айтеч был человеком не просто верующим, а

религиозным фанатиком. Коран знал почти наизусть, осуждал религиозных отступников. Это, правда, не мешало ему хорошо трудиться в колхозе, он был одним из лучших чабанов района. Как передовику, ему по случаю приезда сына выделили для встречи грузовик. Но Мурат опередил события: за день до назначенного срока прибыл в аул на собственном автомобиле, трофейном «опель-капитане». И прибыл не один, а с женой. И не с какой-нибудь, а с украинкой.

Уж не знаю, почему Мурат так поступил, в то время меня в ауле не было, и многие подробности ускользнули. Думаю, что, зная слабость своего отца к мусульманским догматам, он решил взять эту крепость штурмом, с налету — вот, мол, какая у меня жена, нравится не нравится, а принимай. Тем более, что по адыгейским обычаям свекру встречаться со снохой категорически возбраняется. А может быть, он, пройдя войну от звонка до звонка, попросту позабыл о фанатизме старика, не мог представить, на что способен одурманенный религией человек.

Так или иначе, а «опель-капитан» подкатил к плетню Айтеча. Бравый майор, просигналив во всю мочь, вышел из машины, расправил плечи и бросился навстречу выбежавшей на улицу матери. Пока он обнимал ее при прохожих, нарушая принятый этикет, в калитке показался отец. Из глаз старика брызнули слезы радости. Да и то — после такой войны сын не только остался жив, но и вышел в большие начальники. Но при всем волнении Айтеч этикета не нарушил. Он не стал обнимать сына. Остановившись в двух шагах, счастливо улыбнулся и произнес традиционное «кеб-ляг», то есть добро пожаловать или милости просим.

— А я не один, — возвестил Мурат. — Прошу любить и жаловать мою жену. Одарка, выходи знакомиться с родителями.

К тому времени у плетня Айтеча успел собраться народ. В основном, конечно, ребятня, но были и пожилые женщины, несколько стариков. И они во все глаза смотрели, как поведет себя правоверный Айтеч в столь сложной обстановке.

Старик повел себя так, как должен был повести себя истинный мусульманин. Он воскликнул что-то, обращенное к аллаху, повернулся и пошел к калитке. Уже со двора, стоя спиной к сыну и снохе, крикнул:

— Пока ты не женишься на правоверной, у меня нет сына...

Калитка с грохотом захлопнулась.

Мать Мурата, поцеловав сына, поплелась вслед за Айтечем.

Вот такая история произошла через несколько лет после окончания войны. Она надолго запомнилась аулчанам. Зазу, мать пятерых сыновей, с ужасом думала о том, что будет, если ее сыновья начнут привозить себе жен из тех мест, где учатся или бывають в командировках. Но до поры все обошлось. Старший женился на дочери соседа, построил себе дом и стал жить самостоятельно. Так же поступили и двое других сыновей.

А тем временем жизнь в ауле менялась. Айтеч давно умер, Мурат не раз приезжал домой с женой и детьми. Появились в ауле русские, украинки, татарки, осетинки, абхазки. Один парень, служивший в армии в Прибалтике, привез жену эстонку. К этому в ауле постепенно привыкли. Разволновалась Зазу, когда четвертый сын женился на кабардинке. Но вскоре успокоилась — кабардинский схож с адыгейским, и они быстро нашли общий язык. Впрочем, четвертый сын вскоре переехал в город.

Оставался младший, Сафер. Хранитель очага. Толковый механизатор, он не собирався, да и не мог оставить отчий дом: мать-то на его попечении. Прирос он к аулу, не мыслил себе иной жизни. Зазу все ждала, кого же из местных красавиц приведет он ей в помощь, — девчонки вокруг цвели, как пионы, да и ее Сафер слыл завидным женихом.

А Сафер не торопился с женитьбой — то на курсы по повышению квалификации уедет, а то вдруг стал заочником института механизации, — до семьи ли? Каждый год несколько месяцев в городе живет, и не рядом, не в Майкопе, а в Краснодаре.

Зазу, изучившая сына, как это может лишь любящая одинокая мать, как-то заметила перемену в его поведении. Возвратившись из Краснодара, он уединился в своей комнате. Войдя к нему, Зазу поняла: пишет письмо. «Неужели привезет невестку из города?» — расстроилась она.

С тех пор стала плохо спать: все чудилось Зазу, что везет Сафер русскую жену, что весь аул будет над ней смеяться, что в доме появится человек, с которым и слова-то не скажешь, — Зазу за всю свою долгую жизнь ни разу не выезжала из аула и не знала почти ни одного слова порусски. А точнее, знала она два слова: «спасибо» и «хлеб».

Предчувствие не обмануло ее. Как-то, уезжая на очередную сессию, Сафер сказал:

— Мама, я возвращусь из города с женой. Ее зовут Татьяна, Таня, она не мусульманка, русская, по-адыгейски знает два слова — «нан» и «тхаматэ» — «мама» и «председатель». Она хорошая, добрая, любит меня, я ее люблю: Сделай так, чтобы все было, будто она адыгейка.

— Неужели же в нашем ауле... — начала было Зазу, но Сафер перебил ее:

— В нашем ауле много чудесных девушек. Но хватает и приезжих. И еще неизвестно, в каких семьях больше порядка. У меня дело решенное, все будет зависеть от тебя, нан.

— А как же шариат? — выдвинула Зазу свой самый веский довод. — Ведь шариат запрещает жениться на неверных?

— Мама, — усмехнулся Сафер. — Ты познакомишься с Таней и сама увидишь, что шариат здорово промахнулся. Не то время, мама, чтобы решать свои личные дела по книжке, которую кто-то составил тысячу лет назад.

«Да простит его аллах за такие слова, — прошептала про себя Зазу. — Может, еще все обойдется...»

Через две недели Сафер приехал с женой. Татьяна очень понравилась старушке, — ласковая, веселая, трудолюбивая. «Но как мы будем общаться, когда останемся вдвоем?» — волновалась Зазу. И сказала об этом сыну.

— Все очень просто, мама, — ответил Сафер. — Ты учи ее адыгейскому языку, а она будет учить тебя русскому.

Когда на следующий день Сафер ушел на работу, Зазу показала на воду и спросила:

— Какой руска?

Татьяна поняла вопрос.

— Вода, — ответила она.

Зазу повторила несколько раз и назвала это слово по-адыгейски: кисэт. Новое для себя слово повторила Татьяна. Так слово за словом они осваивали русский и адыгейский. Это было похоже на игру, но делалось все всерьез. Разумеется, Татьяна быстрее запоминала незнакомые слова, чем свекровь, но и Зазу кое-что усвоила. Кроме слова «вода», она уже говорила «садись», «давай», «хорошо», «ваша», «молоко», «кушай».

Женитьба Сафера на русской девушке, разумеется, попала на язык сплетникам. Они интересовались: как же Зазу живет с «неверной»? Интересовались по-разному. Одни проявляли обычное любопытство, другие злорадно ожидали скандальной развязки, третьи сочувствовали Зазу, полагая,

что русская невестка сядет ей на шею, четвертые бубнили что-то насчет шариата: дескать, не кончится все это добром. Встречая на улице Зазу, подружки спрашивали о жизни. Зазу только плечами пожимала.

— Живу как все, — говорила она.

— А как ты ладишь с невесткой? — не выдерживали подружки.

— Невестка не хуже других, — отвечала Зазу. — А может, и лучше.

— А как вы разговариваете? — ехидно спрашивали ее.

— На двух языках, — не моргнув глазом, выпалила Зазу.

И тогда к Зазу стали заглядывать соседки. Приход гостя служил как бы сигналом к демонстрации новых отношений. Едва старушка усядется, как Зазу обращается к Татьяне:

— Нысэ, псы кисэт.

Татьяна знает, что это означает «невестка, дай воды». Улыбаясь, она подает свекрови воду и угощает гостью. Соседка в изумлении спрашивает:

— Откуда она знает по-адыгейски?

— Выучилась здесь, — словно бы само собой разумеющееся сообщает Зазу. — За несколько дней все узнала...

— Оуа... — только и выговаривает соседка.

Теперь вступает в дело Татьяна.

— Хотите молока? — обращается она к Зазу.

— Спасибо, — улыбается свекровь, — молоко надо.

— Зазу, послушай, ты ведь раньше не знала ни слова по-русски, — еще больше удивляется соседка. — Когда ты успела научиться так хорошо разговаривать на чужом языке?

— Татьяна очень хорошо учит, — самодовольно замечает Зазу. — А посмотрели бы вы, как она готовит...

По аулу пошла молва: невестка Зазу Дауровой научилась говорить по-адыгейски, а старушка за это время освоила русский язык.

Не скажу, чтобы это нравилось абсолютно всем, были и такие, которым добрые отношения в этой семье, как и в других разнородных по национальному составу семьях, прицлись не по душе. И одна из таких подружек Зазу, встретив ее в магазине, спросила:

— Зазу, вот ты, говорят, сдружилась с русской невесткой. А как же шариат?

— Мне кажется, — раздумчиво ответила Зазу, — что шариат здорово промахнулся в семейных делах. Если бы тот,

кто его писал, жил сейчас, он бы внес туда значительные исправления. Да ты куда, спешешь, что ли? — скрывая улыбку, бросает она вдогонку убегающей подружке. — Ты заходи к нам, увидишь, что я говорю сущую правду.

ОЧКИ БИРАМА БАТА

сть на свете немало сомнительных занятий. Но наиболее, как мне всегда казалось, безнадежное дело — учить мальчишек вежливости. Тут оказываются бессильными самые испытанные методы. Лично я не раз подтверждал эту истину на многочисленных опытах с моим соседом Алием. Еще совсем недавно мне казалось, будто я кое-чего в этом достиг. Но вот сегодня сидим мы за завтраком, как вдруг дверь распахивается настежь. Влетает Алий. Глаза горят, красный галстук где-то возле левого уха, пуговицы на рубашке растегнуты.

Автоматически подсчитываю, сколькими моими советами пренебрег этот сорванец в один миг:

- а) Не оглядел себя перед выходом из дому.
- б) Не шел степенно, как полагается воспитанному мальчику.
- в) Вошел в чужой дом без стука.
- г) Войдя, не поздоровался со старшими.

Пока мой мозг лихорадочно отмечал все это, Алий в своих нарушениях успел добраться почти до последней буквы алфавита. Не обращая внимания на старших, не поздоровавшись ни с кем, в том числе и со мной, человеком приедем, он в два прыжка оказался возле меня и выпалил:

— Послушай, Кирымизе...

Не смутили его ни мой укоризненный взгляд, ни красноречивый, с моей точки зрения, жест, который должен был означать что-то вроде «опомнись, друг» или «как ты можешь?». Алий попросту не обратил на все это никакого внимания.

— Послушай, Кирымизе, — сказал он как ни в чем не бывало, — здорово, что ты сейчас приехал. У нас в школе будет выступать Бирам Бат. Пошли...

Все взрослые, сидевшие со мной за столом, на миг онеме-

ли от этого неслыханного нарушения этикета. Вот-вот они придут в себя, и разразится небывалый скандал.

— Беги, догоню, — крикнул я и довольно решительно подтолкнул Алию к двери.

Он скрылся так быстро, будто его вытолкнуло взрывной волной. Бабушка, недоуменно оглядевшая всех по очереди, решила, что это ей примерещилось.

Допивая кофе, я все ждал соответствующих реплик. Но никто не произнес ни звука. Лишь когда я поставил чашку на блюдце, мать, пряча в краешках губ улыбку, спросила:

— Тебе налить еще?

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда иди. Ты ведь сидишь, будто на иголках.

Алий поджидал меня у калитки. И о, чудо! Пуговицы на рубашке были застегнуты, ботинки блестели. Он не прыгал, не обрывал ветки с дерева, росшего совсем рядом, не дразнил вертевшегося тут же дворового пса. Алий смиренно стоял. Он не шелохнулся даже тогда, когда я подошел к нему.

— Пошли, — сказал я.

— Подождем, — попросил он. — Бат пройдет, а мы пойдем за ним. Тебе когда-нибудь его приходилось слушать?

Еще бы. Уж мне-то особенно повезло. Я был дружен с внуком Бирама Бата и однажды собственными глазами видел, как старик приводил в порядок свои вещи. Тогда ему было немногим более шестидесяти. Он сидел, склонившись над шкатулкой, и, доставая то позолоченный кинжал, то газыри из настоящей слоновой кости, то трещотки, потемневшие от возраста, все внимательно разглядывал, вытирал с них пыль, которой не было, и укладывал на прежнее место.

Всем нам хотелось подержать в руках кинжал и газыри, и мы очень удивлялись, что старый Бирам обращается с этими чудесными вещами менее почтительно, чем с какими-то обыкновенными очками. Футляр с очками был обернут черной бархаткой, а бархатка, в свою очередь, обвязана шнурком. Развязав шнурок, он осторожно разматывал бархатку и извлекал из нее черный старомодный футляр.

Затем Бирам долго держал футляр в руке, словно определяя его вес, и взгляд его был устремлен куда-то далеко, далеко...

Мы уже знали: подержит Бирам футляр в руках, подышлет, подумает, а потом нажмет на кнопку. И крышка со щелканьем раскроется. Достанет Бирам оттуда очки и

начнет их, глубоко задумавшись, изучать... Разглядываем их потихоньку и мы. Разглядываем и удивляемся: эка невидаль, самые обыкновенные очки. И чего их так прятать?

А однажды, когда мы уже были чуть старше, надоумили его любимую внучку Софиет спросить старика, почему он так бережет эти очки.

— Ну, слушайте, если вам интересно, — сказал Бирам. — Только учтите, это длинная история. У кого мало терпения, пусть уходит. — Выждав немного, он продолжал: — Когда эти очки попали в мои руки, вас еще на свете не было. С тех пор очень много воды утекло в Афиесе. Вы бегае в красных галстуках, а тогда еще их никто не носил.

Как-то раз дошло до нас, что сам Ленин решил собрать бедняков всех национальностей на большой сход. В Москву съезжались русские и украинцы, грузины и чеченцы, адыгейцы и кабардинцы, казахи и узбеки. Жители нашего аула выбрали меня. Я, конечно, очень хотел поехать в Москву, но в то время я только-только вернулся с гражданской войны, не совсем оправился после ранения и, что меня больше всего и останавливало, неважно видел. Но земляки все же решили, чтобы ехал я. Так я отправился в Москву.

И вот я в большом-большом зале. Люди, так же как я, в своих национальных одеждах, их много-много, и все кричат только одно слово: «Ленин!» А когда Ленин подошел к столу на сцене, все стали по-своему его приветствовать, и я тоже закричал: «Ленин! Прими салам от адыгейского народа! Живи долгие, долгие годы!»

Ленин помахал нам рукой, позвонил в колокольчик и, когда мы утихли, начал свою речь. Я и тогда неплохо по-русски понимал и многое запомнил. Он сказал, что взять власть — это еще не все. Можно взять власть и потерять ее: кругом враги. Поэтому надо хорошо хозяйствовать, экономить, беречь народное добро и не давать пощады всяким расхитителям. И еще говорил, что все должны учиться, чтобы нас не задушили капиталисты в мирном соперничестве. А потом говорил о детях — как сделать, чтобы они были счастливыми и любили труд, Родину, свой народ.

Я сидел не очень далеко от сцены и все хорошо слышал и запомнил. Но мне хотелось запомнить и рассказать землякам не только то, что говорил Ленин, но и то, как он выглядит, а видел я плохо. И я поэтому очень волновался. Вернусь в аул, люди спросят: какой Ленин из себя? А что я им

скажу? И больно мне было, что не могу запечатлеть в сердце дорогие черты.

Когда Ленин закончил свою речь и сел, на трибуну пошел другой товарищ. А я воспользовался этим моментом, встал со своего места и решил сесть поближе к сцене. Так я дошел до первого ряда. Но там не оказалось свободных мест. Вдруг какой-то молодой делегат поднялся и уступил мне свое место. Я сел и начал всматриваться в президиум, чтобы получше разглядеть Ленина, но все равно видел все плохо. Подумал, что мне свет мешает, заслонился от него рукой, но и это не помогло. Тогда я совсем расстроился.

Ленин, по-видимому, обратил внимание на старого человека в черкеске, с этими самыми газырями, кинжалом и поясом. Во время перерыва ко мне подошла девушка. Она спросила, кто я, откуда приехал, в чем нуждаюсь. Я сказал ей, что мои глаза плохо видят, а я хочу получше разглядеть Ленина и всех, кто с ним рядом сидит.

Девушка ушла и очень быстро возвратилась снова.

— Товарищ Бат, — сказала она, — быстренько собирайтесь, машина нас ждет.

И вот приехали мы с ней в больницу. Там проверили мои глаза. Заставляли меня смотреть через разные стеклышки, показывали буквы на стене, что-то записали и отпустили. Девушка привезла меня обратно, в зал, и я снова уселся в первом ряду. И думал: что все это может значить? Конечно, надо было спросить у девушки, но я постеснялся.

А на другой день, уже перед самым перерывом, подходит ко мне та самая девушка и подает этот футляр.

— Это вам, товарищ Бат, — говорит она, — от товарища Ленина очки.

Я надел очки, и на душе сразу стало весело: здорово угадали врачи, по мне они оказались. Стал я все видеть отчетливо, как до ранения. Даже еще лучше, как в молодости. И, конечно, первым делом начал смотреть на Ленина. Очень он мне понравился. Вдруг заметил меня в очках и, даю вам честное слово, улыбнулся. И я ему улыбнулся и помахал рукой. И потом помахал очками и кивнул головой: «Спасибо большущее!» И так мне стало хорошо, что на глазах появились слезы... Но поскольку я был в очках, то считал, что слез никто не увидит.

С тех пор, хотя зрение у меня полностью восстановилось, я берегу эти очки, как самую большую драгоценность. На

вид они, конечно, обыкновенные. Но ведь это подарок самого Ленина. Подумайте, какое тогда время было, какая тяжесть лежала на ленинских плечах. И все же он находил время для всего, был внимателен к таким простым людям, как я. Узнал о моей беде и распорядился; чтобы мне подобрали очки.

Рассказ Бирама Бата об этом необыкновенном подарке мы тогда же пересказали вожатому, и он пригласил старика на пионерский сбор. С тех пор каждый раз в день рождения Ильича в школу приглашался Бирам Бат. Каждое довоенное поколение пионеров слушало его рассказ. Я рад был, что эта традиция сохранилась.

— Да, мне приходилось слушать Бирама, — ответил я Алию. — Но и сегодня послушаю его с огромным удовольствием.

Алий выглянул из калитки и вдруг застыл на месте.

— Идет, — почему-то шепотом, каким-то вдруг охрипшим голосом сообщил он.

Мы вышли на улицу и стали в сторонке. Столетний Бирам шел не спеша, на его череске золотом играл до блеска начищенный кинжал. Старик был в очках. Чуть приотстав от него, шагали директор школы и пионервожатая.

Когда между нами и этой процессией оставалось три-четыре шага, Алий вдруг вышел на середину тротуара.

— Здравствуйте! — крикнул он и сделал рукой знак «Всегда готов!».

На лице старика появилась улыбка. Он остановился и, придерживая дужку очков, четко ответил:

— Здравствуй, джигит, здравствуй! — и двинулся дальше.

А мы с Алием пошли вслед за директором и пионервожатой. И всю дорогу повторялось одно и то же: к Бираму Бату подсакивали мальчишки и девочки, здоровались и поднимали руку в пионерском приветствии. А старик каждому отвечал: «Здравствуйте, джигиты, здравствуйте!» Девчонкам же отвечал по-другому: «Здравствуйте, красавицы, здравствуйте!»

И все они присоединялись к нам, все чинно следовали к школе.

Тут-то мне и подумалось, что учить мальчишек вежливости, может быть, не такое уж безнадежное занятие.

ЗУЛЕЙКА

Когда мой юный сосед Алий сообщил мне, что школьная производственная бригада получила трактор, правда списанный, но вполне пригодный для обучения, я с некоторой иронией осведомился:

— И девчонки к штурвалу допускаете?

Алий с нескрываемой обидой пожал плечами: он полагал, что тема исчерпана. Но я продолжал уточнять:

— И много среди них желающих?

— Все до единой! — воскликнул Алий, торжествующе улыбаясь.

Тогда-то и дошел я до сути дела.

— Может быть, ты скажешь, что все родители с ними заодно?

Улыбка, так украшавшая моего юного друга, растаяла. Помявшись немного, он решил было уклониться от прямого ответа.

— А собственно, почему тебя интересуют такие мелочи?

— Хороши мелочи, — вздохнул я. — Неужели ты до сих пор не заметил, что наш знаменитый во всех отношениях аул славится и самым печальным рекордом — в нем нет ни одной женщины-механизатора.

В отличие от многих взрослых Алий никогда не упорствовал в своих заблуждениях. Вот и сейчас, немного поразмыслив, он признался:

— На всех родителей наговаривать не буду, но некоторые матери пытались учинить скандал нашему дорогому Аслану. Это было.

Постепенно удалось установить подробности школьной «битвы за механизацию». Сложность положения заключалась в том, что все старшеклассники действительно стремились получить права трактористок. Понятно, далеко не каждая мечтала после окончания десятилетки стать механизатором, но документ лестно было иметь. Соображения, которыми они руководствовались, были сугубо индивидуальны, но сути это не меняло — все единодушно потребовали, чтобы их обучали вождению наряду с парнями.

Главными противниками были матери. В этом отношении подавляющее число наших женщин ничем не отличается от своих сограждан из сел, станиц, кишлаков, сумонов, поселков городского типа и городов. Нет, думаю, такой матери, которая бы не представляла будущее своей дочери в несколько, скажем мягко, возвышенных тонах. Например,

врач, но, конечно, в клинике большого города. Врач, имя которого благословляют молодые и старые. А уж если почему-либо из этого ничего не получится, тогда можно стать учительницей или библиотекарем. А что? Выдавать книги — дело хорошее. Самый крайний случай — выход замуж за человека, который не допустит, чтобы его жена околачивалась где-то на работе. И пусть сидит дома, детей тоже кто-то должен воспитывать. Даю честное слово, что ни разу в жизни мне не приходилось встречать женщины, которая бы мечтала о том, чтобы ее дочь стала механизатором. И вовсе не потому, что профессия эта недостаточно уважаема. Совсем нет. Ведь даже жены механизаторов, гордящиеся тем, что их мужья «пахнут керосином», не могут представить себе дочерей на отцовской работе. В ауле установилось, устоялось и отстоялось, став аксиомой, суждение о том, что «трактор — дело не женское». Мужчины, узнав, что в соседних аулах девушки уже давно оседлали технику, с сомнением покачивали головой, а шапсугские парни предрекали: «Останутся в девках. Кому нужна жена, пропадающая сутками в поле, от которой несет мазутом и керосином?»

Я сделал это отступление, чтобы читатель понял: решение школьниц получить права трактористок вызвало смутнение прежде всего в их семьях. В первые годы революции дело ограничилось бы строгим внушением — материнское слово для дочери было священным законом. Но с тех пор много воды утекло. Матери понимали, что если хоть несколько девушек начнут изучать трактор, то за ними потянутся остальные, и остановить их уже ничто не сможет.

Вот почему женщины и предприняли атаки на Аслана Заремука — директора школы. Шли они к нему, разумеется, врозь — наедине выскажешь и то, что на людях не решишься.

Но Аслан в споры не вступал. Выслушав очередную посетительницу, он что-то записывал в толстую общую тетрадь, поднимался и говорил:

— Спасибо, Нурьет, за участие в воспитании подрастающего поколения. Ты подняла сложный вопрос. Мы его обдумаем, обсудим и сделаем все, чтобы ты была довольна.

Нурьет, или Асиет, или Зейнаб поднимались вслед за директором. Ясно ей было одно — что собеседование окончено. Уже в дверях она обычно приходила в себя и спрашивала:

— Значит, можно сказать моей девочке, чтобы она на эти занятия не ходила?

— Не торопись с этим, Зейнаб, надо поддерживать авторитет родителей. Давай условимся так: пусть мнение родителей и педагогического совета будет согласовано. Тогда в один день скажем детям что-то одно. Пока.

Этот «один день» наконец наступил: было созвано родительское собрание, посвященное планам работы школьной производственной бригады. Краткая речь директора сводилась к тому, что нынче на селе каждый, независимо от пола и возраста, должен владеть техникой. Всей техникой. О тракторе и разговора нет, им, по его мнению, могут управлять даже семиклассники. Он подтвердил это следующей фразой:

— Не буду приводить фамилии, но всем известно, что многие наши механизаторы берут своих сыновей в поле с шестого класса, учат их вождению и даже доверяют штурвал. И не только сыновей, но и дочерей учат. Лично я наблюдал, как одна из наших выпускниц этого года вела пахоту на машине своего отца. Мы с ее отцом стояли в стороне и следили. И что же? Если бы я своими глазами не видел в кабине машины девушку, я бы сказал, что пахоту ведет очень опытный механизатор.

Затем он добавил, что не школа будет решать, кто кем станет в будущем, это решит каждый сам за себя. Но школа не станет мешать своим питомцам овладевать техникой только на том основании, что они девушки.

Он добавил еще, что у некоторых родителей есть на этот счет возражения. Но можно ли их принимать в расчет при планировании работы ученической бригады? Разве плохо, если там будет полная взаимозаменяемость? Лучше всего, как известно, работают звенья, в которых все умеют все. Пусть будущий наш выпускник станет агрономом или врачом, учителем или овощеводом, министром или портным, но никогда не помещает ему знание техники, приобретенное в школе.

После тщетных призывов «высказаться» поднялся механизатор широкого профиля Чатиб Хасазешев.

— Я еще не видел на своем веку, — сказал Чатиб, — чтобы кому-либо был убыток от знания. Начал я, помните, с комбайнера. Через три года окончил курсы трактористов. Потом решил поучиться на курсах усовершенствования. Изучил все навесные орудия, а заодно и специальные комбайны — силосные, кукурузные, свекловичные. Девчонка

моя, Зулейка, "бывало вечером принесет мне поесть и попросит: «Папа, покажи, как трактор работает...» Меня, думаю, от этого не убудет, отчего не порадовать ребенка. Вижу, понимает, буквально на лету схватывает. Так день за днем и шло. А потом она и говорит: «Разреши, я хоть метр проведу машину. Ты рядом сиди». Сижу, она ведет. А что? В кабине у меня чисто, рычаги хорошо отрегулированы, переключать их легко, сама машина в полном порядке, как будто с конвейера. Пусть ведет. Жена видит нашу Зулейку врачом, ей снится, как ее дочь больных лечит. А разве я возражаю? Пусть будет врачом, если ей это нравится. Потому что работа должна нравиться не только родителям, но и тому, кто ее выполняет. Иначе все полетит прахом. Поэтому я не настаиваю ни на чем. А то, что в школе теперь всех детей будут учить тракторному делу, очень хорошо. Сколько случаев, когда парень или девушка не поступают в институт, а профессии никакой не имеют. И болтаются без дела, ждут очередных экзаменов, сидя на шее отца или матери. А от безделья много плохого получается...

Вот такую речь произнес Чатиб. В это время его жена Чаба сидела, опустив глаза. Но женщины знали, какие страсти бушуют в ее душе. Чаба на каждом перекрестке заявляла, что уже все давно решила — дочь будет доктором. На старости лет ни ей, ни мужу не придется маяться по поликлиникам. Свой врач дома — чем плохо? Иная соседка спросит, бывало, как же будет, если Зулейка замуж выйдет? Вопрос этот не мог сбить Чабу с толку. Дочь, отвечала она, есть дочь, где бы она ни жила. Особенно такая послушная, как Зулейка.

И вот теперь на собрании все женщины аула с надеждой поглядывали на Чабу — может, она что-нибудь скажет? Разве не ясно, куда гнул Чатиб? Но Чаба сидела тихо. Она даже глаз не поднимала. После Чатиба выступило еще несколько отцов — они приветствовали новое направление в школьных делах и обещали помочь бригаде, если, конечно, их слабые знания еще кому-нибудь нужны.

Женщины не придали большого значения словам Чатиба. Ну и пусть его Зулейка пашет, если ей так уж захотелось. Осенью она окажется в институте, и школа вместо плюса получит минус. Очень легко будет доказать каждой глупышке, что механизаторское дело для девушки — одно баловство. Вот, например, Зулейка. Научилась пахать не хуже отца, а куда потянуло? А?

Об этом я и сказал напрямик Алию, когда он изложил суть взаимоотношений дочерей со своими родителями.

— Выходит, что пример Зулейки будет истолкован совсем не так, как мы хотели бы? — поразился он. — Учитесь, мол, там, в бригаде, балуйтесь. Чем бы дитя ни тешилось, а мы добьемся своего. Пусть уж лучше провалится на экзамене эта Зулейка, — совсем рассердился Алий. Но тут же сообразил, что его заклинание вряд ли подействует. — Да вот не провалится, окончила с золотой медалью, один экзаме замен сдавать...

Глубокой осенью мне снова удалось вырваться в аул. Поздним вечером раздался стук в дверь — неожиданным гостем оказался Алий. Поздоровавшись, он присел. Несколько секунд посидел солидно, чинно, потом вдруг хихикнул и выпалил:

— Ты знаешь, что она выкинула?

— Кто? — сразу не понял я.

— Да Зулейка же, — засмеялся Алий. — Доктор Зулейка. Она пошла в сельхозинститут, Киримизе, на заочный. На факультет механизации. А сама с отцом работает. А в эти дни Сафербий заболел, так она взяла его машину. По двадцать часов работают, зябь заканчивают.

— А что же Чаба? — поинтересовался я. — Как пережила?

Алий пожал плечами: в этом ли дело?

Когда он ушел, я решил отправиться в поле — давно не приходилось видеть ночную пахоту. Думается, на это и намекал Алий. Но тащить парня на ночь глядя в степь не хотелось — и других забот хватает у бригадира школьной бригады. Узнав у родных, где сейчас могут находиться трактора, потихоньку отправился в путь.

Мне повезло. Резвый ветер разогнал тучи, висевшие над аулом с полудня. Дорога к полевому стану, обсаженная с двух сторон тополями, была, словно ковром, покрыта желтыми листьями. Они приятно шуршали под ногами. Когда я останавливался, они продолжали шуметь, словно жалуясь на свою судьбу, — это ветер пытался отогнать их от деревьев подальше в поле.

Внезапно сзади, за поворотом, раздался шум мотоцикла. Отойдя в сторонку, я собрался было пропустить ночного путешественника, но машина, резко затормозив, остановилась рядом со мной.

— Добрый вечер, Киримизе, — раздался голос парторга Гаруна. — Если ты на пахоту, подсаживайся, я тоже туда.

Вскочив в седло, я вцепился в обитый дерматином ободок, предназначенный для этой цели.

— Побереги шляпу,— крикнул, обернувшись, Гарун и включил газ.

Мотоцикл с места взял крутой разгон, листья под передним колесом зашуршали, будто поток. Взрыхленные желтые пласты откатывались назад волнами, такими точно, какие взлетают на песок под ударами прибора.

— Рекорд будет!— крикнул Гарун, слегка обернувшись.— А тебе кто подсказал?

— Чутье журналистское,— ответил я.

Минут через пять-шесть мы оказались у кромки поля, на котором и шла пахота. В нескольких местах сверкали фары тракторов.

— По-новому работают,— заметил Гарун.— Определил? Не каждый на своей загонке, как раньше, а следом. Видишь? Звено тяжелых тракторов. Лучшие механизаторы.

— А Зулейка? — напомнил я.

— И Зулейка среди них. Я ведь не сказал, что работают самые старые механизаторы, сказал, что лучшие, а это не имеет отношения к стажу. Среди механизаторов, как среди писателей или поэтов, главное — талант. Вот и Зулейка с первого шага зрелую работу показывает. Она призналась, что несколько лет с отцом практиковалась и теорию по учебникам изучала. Только Чатиб скрывал. Думаю, она у нас станет адыгейской Пашей Ангелиной.

— Паша прославилась не только личными рекордами,— напомнил я,— но и тем, что организовала женскую тракторную бригаду.

— Вот-вот,— подхватил Гарун.— Липнут к ней наши девушки. Особенно десятиклассницы. Думаю, что будущим летом бригада оформится. Мы с председателем решили предвосхитить события, кое-что закупаем на этот случай. Оборудуем полевой стан так, чтобы могли девчатки приезжать на работу с иглочки и уезжать в таком же виде. Все же невесты.

К дороге подошел первый агрегат. Его вел Чатиб.

— Часа через два уйдем с этого поля,— крикнул он, приглушив мотор.— На этом с забью будет покончено.

— В вашей бригаде, дорогой Чатиб,— напомнил Гарун.— Утром отправитесь к соседям, там вам тоже будет выделено отдельное поле.

Через несколько минут подошел агрегат Зулейки. Гарун

помахал ей рукой, приглашая выйти. Притормозив машину, Зулейка крикнула:

— Дядя Гарун, извините, каждая минута дорога.

— Ладно, давай,— улыбнулся Гарун.— А то от батьки отстанешь.

— Мы не на скорость, дядя Гарун, мы на качество нажимаем. Проверь глубину, на всей площади — как по заказу.

Лишь когда машина скрылась в пыльном облаке, Гарун осведомился:

— Как ты думаешь, Киримизе, отчего она не захотела остановиться?

— М...ммм,— произнес я.

— А точнее? — с нескрываемой иронией переспросил Гарун.— Что твое журналистское чутье подскажет на этот раз?

И тут меня словно осенило.

— У нее в кабине кто-то сидел. Разумеется, девушка. Одна из кандидаток в бригаду.

— Киримизе,— подозрительно поглядел на меня Гарун.— Ты действительно только сейчас дошел до этого?

— С твоей помощью,— заметил я не без гордости.

— Тогда уж скажи — кто бы это там мог быть? Прикинь...

Я отказался, пояснив, что плохо знаком с нынешними школьниками. Но Гарун снова подал наводящий вопрос:

— Эту ты хорошо знаешь, не раз приходилось, бывая у одного друга в гостях, отвечать на ее глупые вопросы.

Мы рассмеялись. Конечно, назвать глупыми Гарун за глаза мог только вопросы своей родной дочери Асиет. Пристанет она ко мне, а отец, больше из чувства гордости, чем всерьез, притворно сердится: «Не приставай к писателю со своими глупыми вопросами». А самому приятно, что девчонка вызывает немолодого литератора на серьезный разговор, заставляет его попотеть над ответами.

— И давно это у Аси?

— Не столь давно, но боюсь, что основательно.

— А как же музыка и литература?

— Литература — не волк,— отпарировал Гарун.— Какая может быть литература без знания жизни?

— Выходит, она на тебя не надеется,— поддел я товарища.— А то бы не очень-то пряталась.

Гарун покашлял, словно раздумывая, сказать мне что-то

такое важное или нет. К счастью, я не вышел из его доверия.

— Понимаешь, Киримизе, сейчас в ауле все смешалось — старое, новое, плохое, хорошее. В головах у некоторых полный ералаш. Ну, скажи, разве плохо, если мать желает видеть своих детей образованными, полезными людьми? Совсем не плохо. Но некоторые хотят при этом искусственно оградить сына или дочь от трудностей, растить их в тепличных условиях, навязать свои вкусы и мечты, далекие от планов детей. А в этих условиях человека не вырастишь. Скорее мещанин получится. Но вот появляются такие, как Зулейка. Они вносят смятение не только в сердца своих друзей, но и будоражат устоявшийся мир взрослых. Родителям становится ясно, что прошлые понятия нуждаются в пересмотре, что излишний нажим может оказаться вредным. При этом многие пристально следят за поведением людей, занимающих в ауле какие-то посты. В том числе и за моим. Уяснил?

— Наполовину, — признался я. — Одно не ясно — почему бы тебе не сказать Асе: «Я все знаю, не возражаю, даже одобряю, действуй смело, открыто».

— Киримизе, эти рассуждения верны. Но руководствоваться ими в данной обстановке нельзя. Что скажут соседи? Они скажут: «Ася — дочь парторга. Отец подговорил ее, вот она и показывает пример». Не так ли? Но ведь Ася действует вполне самостоятельно, как она считает, даже в обход родителей. И это всем известно. И так оно в самом деле. Мы с женой до последних дней ни о чем не догадывались. Разве я виноват, что Зулейка из уважения ко мне пооткровенничала... Вот все и выжидают, как поступит парторг, когда узнает, что его дочь вместо консерватории или литфака попадает в тракторную бригаду. При таких условиях невольно проявишь терпимость к собственным дочерям. Если дети ответственных такое вытворяют, то чего уж нам ждать. Неплохое утешение, а?

— А не получится ли что-то вроде спектакля? — усомнился я. — И удобно ли твоей жене разыгрывать комедию перед соседями?

— Комедия не получится. Тут есть одна тонкость, из-за нее-то я и прошу тебя помолчать, пока все не решится. Тайна дочери известна только мне. Жена в полной уверенности, что Ася у подруги играет на скрипке. Упражняется перед экзаменами. Жена уже комнату для нее в городе сняла — боится, что потом не будет, когда понаедут абитури-

енты с родителями. Так что скорее может выйти трагедия... Впрочем, у меня в запасе — неплохой козырь: пример Чабы. Знаешь, что теперь говорит соседкам Чаба, мать Зулейки? Что такой дочерью она еще больше гордится, чем если бы она стала врачом. И добавляет: хлеб — всему голова. Но валерьянку на всякий случай припас, нам обоим хватит, — закончил Гарун.

САЛЬМЕН ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ...

В последнее время я стал замечать, что некоторые наши старики изменили отношение к своему ровеснику Сальмену Шеваекову. До выхода на пенсию Сальмен был бригадиром. На эту должность попасть у нас совсем не просто. Человек, знающий, но не пользующийся особым доверием и уважением поголовно всех, об этом и мечтать не может. Соберутся на заседание правления колхоза люди, с чьим мнением считается председатель, сообща решают. Актив наложит вето, и дело кончено. Сальмена же, хотя он и требовал весьма круто, поддерживали даже люди, склонные к бузотерству и демагогии. Знали: справедлив Сальмен и неподкупен. Что же могло произойти?

Как-то вечером мы с Алием собрались на прогулку. Вечер был тихий, мягкий, безветренный. Над аулом проплыли мелкие перистые облака. Этот факт как раз и стал темой нашего с Алием разговора.

— На небе ветер, — заметил он, — а на земле тихо. А бывает и так, что на земле ветер, а облака стоят неподвижно. Выходит, там нет ветра.

Пришлось мне тряхнуть стариной и пуститься в рассуждения на естественнонаучные темы. Так мы дошли до образного представления обстановки на планете и в ее окрестностях, ввели термин о мирном сосуществовании различных горизонтов в атмосфере. Заговорившись, позависли свернуть в переулок и пошли через центр аула. Возле магазина остановились — я направился к группе стариков, стоявших там, чтобы поздороваться. Завязался традиционный разговор. Обычные вопросы, шуточные ответы...

Тут как раз и подошел Сальмен. Кое-кто поздоровался с ним как обычно, но некоторые, и их оказалось немало,

демонстративно отвернулись. Несколько стариков в замешательстве заерзали на месте. Они вроде бы и поздоровались, но вместе с тем на их лицах появилось выражение протеста. Потом, когда их попробует упрекнуть та или иная сторона, у них найдется для каждой оправдание.

Это-то было мне ясно, наблюдать такие прослойки приходилось не раз. Но в чем суть дела? Что натворил Сальмен? Из разговора не узнать — беседовали на отвлеченные темы.

Пришлось обратиться за справками к Алию. Вездесущий мальчишка обрадовался.

— Ага, ты заметил... — проговорил он. — Этот плешивый Аскер скоро потеряет выдержку. Отвернулся! Демонстрации устраивает...

— Да что случилось?

— Женился сын Сальмена, Умар, ты его знаешь, о нем передавали по радио — это он усовершенствовал соломоконпитель. Ну, тот, что заочно техникум окончил, помнишь? Его посылали на учебу, а он сказал, что будет и учиться и работать.

— Помню Умара, — прервал я Алию. — Какое все это имеет отношение к нашим старикам?

— Говорят, что Сальмен появляется в доме в присутствии невестки.

— Не может быть, — вырвалось у меня.

Вот это новость! Я уже вам рассказывал, что в своде мусульманских законов, предусматривающих почти все на свете, имеется специальное указание насчет свекра, которому не положено ни под каким видом встречаться со своей снохой. Они не должны друг друга видеть. Никогда. Это — великий грех. Привел сын в дом жену, и начинаются мытарства для стариков. Уж к каким только ухищрениям не прибегают они, чтобы не нарушить это освященное временем правило! Подвергать его сомнению или, не приведя аллах, нарушить никто не решается. Если кто-то заметит, что старик разговаривал со своей невесткой, с ним перестанут здороваться.

Многие религиозные обычаи постепенно вытеснялись, о них и вспоминать переставали, а этот оказался на редкость живучим. Люди, сражавшиеся на фронтах гражданской войны, доказывавшие, что никакого бога нет, вводившие в жизнь новую этику и мораль, отступали перед этим диким обычаем. Так же, как многие не могли преодолеть привитое с молоком матери отвращение к свинине. Знает человек, что свинья ничем не хуже коровы или курицы, а

есть свинину не может. Это еще как-то можно понять. То, что принято у одного народа, не принято у другого, и ничего в этом страшного нет. Говорят, о вкусах не спорят, все это дело представлений, традиций, привычек, результат каких-то исторических и экономических факторов. Никому это не мешает. Одному нравится рагу из баранины, другому — лягушащее филе в сметане, третьему — отварной рябчик, четвертый обожает свиную отбивную или поросятину под хреном.

Но мусульманский обычай ни под каким видом не встречается с невесткой в собственном доме, с невесткой, с которой ты будешь жить под одной крышей долгие годы, не просто нелеп, но создает в семье ненормальные отношения, обстановку напряженности, неудобства. Если старику хочется, к примеру, посмотреть «Голубой огонек», то этого удовольствие будет лишена сноха. Подавать пищу нужно отдельно каждому — сколько лишних хлопот. Все это — не такие уж мелочи. Поэтому мужчины едят в комнате, а женщины — в кухне. Очень часто этот обычай приводит к трагическим ситуациям. Ведь нередко случается, что свекровь покидает этот мир раньше мужа. Он, заболев, остается, по сути, без присмотра. Целыми днями словом не с кем перемолвиться. Если в доме какое-то время никого нет, кроме невестки, — погибай от жажды или оттого, что вовремя не будет подано лекарство.

В общем, не простой это обычай, а вредный, вроде уразы — многодневного религиозного поста. Но с уразой многие покончили, а с этим не решились.

Прошу у читателя извинения за затянувшееся отступление, но без него не будет ясен поступок, или, как его расценили старики, проступок Сальмена, то есть глубинная суть конфликта. В конце концов, жизнь есть жизнь. Очень многие старики фактически встречались со своими невестками, разговаривали с ними: кое-кто, занавесив окна, и у телевизора мог посидеть рядом с женой сына, — не покупать же в конце концов, второй. Но делали все это скрытно, так, чтобы не знали соседи. Сальмен, как я понимал, нарушил не столько обычай, сколько этикет, правило, согласно которому не следует афишировать свои «дурные» поступки. Выходит, он имел в виду не только свои или семейные удобства. Отступлением от религиозных правил он бросал открытый вызов ханжам и трусам. Вот почему, дорогой читатель, я и ахнул от удивления.

А теперь можно перейти к делу. Узнав о вызове, ко-

торый Сальмен бросил старикам, я стал ежевечерне являться к месту их сбора. Думалось, что постепенно все более накаляющаяся обстановка завершится взрывом.

Так оно и случилось, причем даже раньше, чем я предполагал.

Произошло это в пятницу, в день, когда верующие мусульмане отдыхают от трудов праведных. В этот вечер на бревнах собралось особенно много стариков, можно сказать, весь цвет аула. Их биографии могли бы явиться зеркалом многих событий в жизни нашей страны. Тут были буденовцы, соратники прославленного героя гражданской войны Хатита Махмуда, были и люди, брошенные в то смутное время судьбой на другой берег. Были организаторы колхоза, а рядом с ними сидели те, кто упорно цеплялся за свой клочок земли. Некоторые из них в молодости враждовали между собой, хотя теперь порой уже и не помнят, отчего именно. Их примирила спокойная старость. Каждого страна обеспечила всем необходимым, разумеется считаясь с заслугами, но простив старые прегрешения. И вот в эту однородную по виду, но отнюдь не по существу, массу упала бомба. Я имею в виду приход Сальмена.

Старик, которого мой друг Алий весьма неучтиво называл «этот плешивый Аскер», словно бы не заметил появления Сальмена. Он продолжал свой рассказ о строительстве какой-то заполярной фабрики, на которое попал за неуважительное отношение к общественному животноводству — дутал колхозных овец со своими. До прихода Сальмена его слушали очень внимательно, но теперь обстановка изменилась. Поздоровавшись, Сальмен присоединился к слушателям. Но слушал не как принято у стариков — молча, с подчеркнутым вниманием, — а так, как поступают люди, желающие вызвать противника на спор. По ходу рассказа он недоверчиво ухмыльнулся, тихо охнул, потом, когда «этот плешивый Аскер» стал рассказывать о том, что ему якобы поручили взорвать скалу, спросил:

— И ты взялся?

— А ты не веришь? — ответил Аскер вопросом на вопрос, и в тоне его голоса было столько желчи и ярости, что люди даже расступились. Таким образом, противники оказались лицом к лицу.

— Нет, — принял вызов Сальмен.

— Почему? Ты считаешь, что я не способен на смелый шаг?

— Считаю! — еще внушительней проговорил Сальмен.

И добавил: — Если бы ты взялся произвести взрыв, мы бы тебя здесь сейчас не видели и не слышали. Ты считаешь себя смелым на том основании, что не боялся в ночной темноте таскать колхозных овец. А мне на фронте твой дружок говорил, что ты на суде... Сказать при всех, что с тобой случилось на суде от страха?

Разговор принял небывалый оборот. В таких тонах старики разговаривали крайне редко — лишь когда дело касалось самых главных вопросов. Выходит, Сальмен решил, что пора вынести его проступок на суд общности, стариков. Иначе он не позволил бы себе этого.

Аскер с минуту молчал, потом ответил:

— Выдумать сейчас можно все, мой друг убит. А вот что делает один человек, находящийся среди нас сейчас, все это, я думаю, более позорно. Да!

— Что же он делает? — заинтересовался Сальмен.

— Он под видом поддержки молодежи нарушает наши невыблемые обычаи. И все это знают. Да!

Это свое «да» Аскер произносил так, словно вбивал гвозди. Но Сальмена этим не проймешь. Он так же весело спросил:

— Кто же этот один человек? Укажи на него.

— Это, — тут Аскер сделал шаг назад, — это ты! Да!

— Вот как! — удивился Сальмен, но по его лицу можно было понять, что он рад подобному повороту в разговоре. — Какой же обычай я нарушил? Валялся пьяным, или воровал овец, или брал магарыч со своих подчиненных, или утаивал хищения? Говори.

— Ты не притворяйся, Сальмен, — сорвался на крик Аскер. — Что ты сделал, когда твой сын женился?

— Я велел привести к себе невестку, — ответил Сальмен. — Я познакомился с ней и обрадовался, что у моего сына достойная спутница жизни. Я ем с ней за одним столом, я не заставляю ее и других женщин есть мои объедки. Я уважаю ее за учтивость, за трудолюбие, за ее любовь к моему сыну, за ее ум и знания — ведь она вместе с сыном учится в институте, ни в чем ему не уступает.

— Но ведь ты по отношению к ней пши... — воскликнул Аскер. — Пши не должен унижаться до встреч с невесткой, так ведется издавна, это не мы придумали. Ты подрываешь устой семьи! Да!

— Пши... — тихо, с горькой иронией повторил Сальмен. — Терпеть не могу этого слова. Пши — свекор. Но пши — и князь. Отсюда и обычай. Отец сына по отношению к не-

вестке — князь. Она по отношению к нему — раба, скотина, ничто. Нет, у нас так не будет. Я сказал ей, что мне бы не хотелось, чтобы меня называли пши, в печенках у народа эти пши сидели. Если хочет, пусть называет отцом, как и сын. Мы живем в полном согласии, и оно — результат взаимного уважения. Пора, старики, сбросить с себя власть проклятого прошлого. Последуйте моему примеру, и вы увидите, как изменится все в вашей семье. Может быть, молодежь не так глупа, как кажется Аскеру и еще кое-кому. Как изменилась жизнь за последние полвека, а вы все «пши», «пши»... Пора уже посмотреть правде в глаза.

Аскер молчал. Не решались вступить в спор и другие старики. Да оно и понятно — слова Сальмена следовало хорошенько обмозговать, в них было слишком много наболевшей правды.

— Ладно, пойду, — нарушил молчание Сальмен. — Сегодня хорошая передача. Когда я шел сюда, невестка напомнила мне, что скоро третья серия эпопеи «Освобождение». Может, кого из фронтовых братьев увижу. Уж они-то меня поймут правильно...

Он ушел. Отправился домой и я. Только подошел к калитке, как меня догнал Алий.

— Знаешь, что я тебе хотел сказать, Киримизе? — спросил он. — Только не подумай, будто я сплетничаю, — это очень важно. Однажды поздно ночью я проходил мимо дома плешивого Аскера. Заглянул нечаянно в окно. Оно было закрыто занавеской. Но ветер в тот раз с небес перенесся на землю. Занавеска приоткрылась. Аскеру подавала на стол его младшая невестка.

До сих пор не знаю, приврал Алий или нет. Все же думаю, что сказал правду. Большинство обычаев признается на людях, для людей. Они как парадный мундир. В кругу семьи в нем неудобно, можно обойтись и без него.

ПОПРАВКА НА ВРЕМЯ

Отец Алия Аледжук был человеком во многом примечательным. Участник Великой Отечественной войны, офицер, принимавший участие в штурме рейхстага, он никогда не кичился своими заслугами. И даже наоборот — когда речь заходила о войне, он ступшеывался, хмурился. Слушать воспоминания фронтовиков любил, а сам вообще никогда о войне

не заговаривал. Так вот и получилось, что, кроме его близких друзей, никто и не догадывался о его ратных делах. Не напоминала об этом и специальность Аледжука. После войны он окончил бухгалтерские курсы и тихо сидел в колхозной конторе.

Не подозревал о героическом поведении на фронте Аледжука и его сын Алий. Об этом я узнал случайно. Как-то перед праздником Победы он обратился ко мне, как он сказал, с «официальной просьбой», которая исходила от учеников его класса.

— Киримизе, — сказал он и шутливо вытянул руки по швам. — Класс поручил мне официально пригласить тебя на утренник, посвященный Дню Победы. Ты ведь был танкистом. Расскажешь ребятам о боях за Родину. Как в танке горел, — добавил он, потупившись.

— Среди родителей твоих одноклассников есть очень заслуженные люди, — возразил я. — Почему бы вам не собрать своих отцов — пусть они расскажут. Я, конечно, могу пойти — мне хочется, чтобы вы узнали, как стал Героем Советского Союза мой друг юности, наш поэт Хусен Андрухаев. Он погиб, когда ему было двадцать лет:

— А кто же из наших отцов воевал? — спросил Алий. Голос его дрогнул, мальчик снова опустил глаза. Тут-то я и подумал о том, что скромность иногда бывает излишней.

— Хотя бы твой, — спокойно заметил я. — У Аледжука очень много боевых наград.

Алий глядел на меня и слушал, затаив дыхание.

— Ты... ты... — он умолк.

— Что «ты»? — заинтересовался я, словно не поняв причины его волнения.

— Мой отец воевал? Этого быть не может, — прошептал Алий. — Он никогда об этом не говорил.

— От него дождешься, — улыбнулся я. — Молчун твой отец. И очень скромный. В этом он обошел даже наших предков, которые относили скромность к двум первым достоинствам человека. Твой отец был разведчиком, несколько раз лежал в госпиталях — вражеские пули его не щадили. Но после каждого ранения он возвращался в строй. И в конце войны на рейхстаге штыком расписался.

— Разведчик? — Глаза Алия загорелись. — То-то он и молчит — ведь разведчикам нельзя рассказывать о своих делах, это большая тайна.

— Нет, Алий, это не так. Твой отец был не агентурным

разведчиком, которых показывают в кино, а войсковым. Охотником за «языками». В каждом полку имелись такие разведчики. Они выясняли, что делается у противника, совершали налеты на его штабы. А главное — обеспечивали наступление своей части, делали так, чтобы оно велось с минимальными потерями, предупреждали о появлении у врага подкреплений. Твой отец, как мне известно, однажды захватил в плен фашистского полковника с очень важными документами, приволок его живехоньким. Да ты поговори с ним сам.

Вечером того же дня ко мне явился Алий. На мальчишку тяжело было смотреть — он имел какой-то жалкий вид.

— Что с тобой?

— Киримизе, — тихо спросил он, — ты не выдумал насчет отца?

По моему взгляду понял, что обижает меня этим вопросом.

— Он мне сказал: «Отстань».

— Это все его сверхскромность... Я как-нибудь поговорю с ним, — пообещал я.

Днем следующего дня Алий проник в наш двор из своего, используя щель в заборе.

Подойдя, приложил палец к губам и едва слышно прошептал:

— Подглядел сегодня за отцом... Ордена из сундука вытаскивал... чистил... их штук десять, честное слово, и медалей тоже много...

— Надо было в этот момент подойти и поговорить.

— Подошел... А он как крикнет: «Тебе чего? Марш отсюда!» И прикрыл награды рукой.

— Ладно, — успокоил я своего юного друга. — Завтра поговорю с ним по душам.

А на следующий день ко мне снова явился Алий... с синяком под глазом.

— Как ты мог опуститься до драки? — возмутился я. — Сколько я тебя учил — все споры улаживать мирным путем. Что вы там не поделили?

— Мы спорили об отцах.

— И это повод для драки?

— Я сказал, что мой отец расписался штыком на рейхстаге, имеет много орденов. Они смеяться начали. Я и врезал одному. А они все на меня навалились... А я не отступил — ведь я прав. А когда мы додрались, Сафер сказал: «Если твой отец действительно воевал, чего же он никогда

не наденет свои награды? Люди ими гордятся. Девятого мая фронтовики с орденами на собрание являются, а твой с голой грудью приходит...» Тогда я еще раз врезал, и драка пошла снова.

Я подыскивал слова, чтобы как-то успокоить Алия, как вдруг, подняв глаза, увидел Аледжука. Он стоял у своего плетня и, по-видимому, слышал наш разговор.

— Что ты скажешь на это? — обратился Аледжук ко мне:

— Можно при нем? — я кивнул на Алия.

— Конечно, — Аледжук подошел поближе. — При нем можно вести самые серьезные разговоры.

— Тогда скажу, что ты здорово перехватил в своей скромности.

— Но разве наши отцы хвастались когда-нибудь своими наградами? Настоящий адыг никогда не сделает этого. Мой отец имел два Георгиевских креста, а узнал я об этом, когда разбирал его вещи после того, как он покинул нас навсегда. Зачем же нарушать такую хорошую традицию? Пусть мой сын учится у меня скромности, а не хвастовству.

— Знаешь что, Алий, — сказал я. — Стулай-ка отсюда, а то мы не договоримся.

Аледжук улыбнулся.

— Оставайся! — Отец тронул сына за плечо. — Если я в чем-то не прав, пусть он и об этом знает. Достоинства следует скрывать, пусть сын сам узнает о них. А насчет ошибок — тут дело иное. Лучше будет, если он станет учиться на моих, а не на своих ошибках.

— Тогда пойми, что он не может каждый день драться со всем классом, защищая твою честь. Во всем следует соблюдать разумную норму. Хватишь лишнюю рюмку и станешь посмешищем. Перестарайся в экономии и превратишься в скрягу. Говорят же: заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет... Извини, к слову пришлось. Не надо кичиться своими наградами, но в праздник Победы не грех, надев мундир или тот же пиджак, пройтись по аулу с сыном. Он захочет и в этом походить на тебя, быть таким же смелым, так же верно служить Родине.

— Ладно, — вздохнул Аледжук. — Раньше, когда приходилось стрелять из винтовки, я брал поправки на ветер, на складки местности, на состояние погоды. В своем поведении сделаю поправку на время. Пошли, вояка, обсудим подробности дома.

Лицо Алия просияло. Но только на один лишь миг. Он сумел упрятать свою радость и степенно двинулся за отцом. Как и полагается настоящему адыгу.

СЕКРЕТЫ ДОЛГОЛЕТИЯ

ижу, подписываю, а годы идут. Бегут, как вода в Афиесе. И все вокруг обновляется, и все стремится к обновлению.

С тех пор как Алий перешел в девятый класс, к нему не подступиться. А после того как его избрали бригадиром школьной производственной бригады, стал и вовсе недосыгаем. Однажды брожу по саду, ищу, с чем зарифмовать слово «тхаматэ», что означает председатель, как вдруг слышу голос Алия:

— Что ты там шепчешь, Киримизе?

— Да вот, — рассеянно отвечаю, — рифму ищу...

— Мне бы твои заботы, — вздохнул Алий. — Вот ты скажи мне, что бы ты сделал, если бы двое ребят из твоей бригады решили из-за девчонки подражаться?

— Над этим надо поразмыслить, — уклонился я от прямого ответа. — Педагогическая теория в принципе вообще-то исключает такие ситуации, но, конечно, жизнь преподносит свои сюрпризы. А ты бы как поступил? — решил я незаметно дать задний ход.

— Я обоим наkostenял по шее, — вздохнул Алий. — Всыпал, чтоб помнили, что они мужчины.

— И что?

— Помогло.

— Что ж ты вздыхаешь?

— Да жалко их. Парни такие хорошие, а девчонка — ну, смотреть не на что. Кривляка какая-то.

В это время из-за штaketника раздался женский голос:

— Здесь есть кто-нибудь?

Мы с Алием подошли к заборчику. На тротуаре стояла незнакомая женщина. В одной руке у нее была кожаная, довольно объемистая сумка, в другой она держала раскрытый зонтик. На носу у нее были диковинные очки с зеленоватыми стеклами, каждое размером с блюдце.

— Здравствуйте, — сказал я. — Здесь — мы.

— Товарищи колхозники! — обратилась к нам незнакомка. — Помогите мне найти очень старого человека.

— У вас тут родственник? — вежливо спросил Алий.

— Какие родственники, — хмыкнула женщина. — Я сама из Томска, неподалеку, в Горячем Ключе, отдыхаю. Мне сказали, что в вашем ауле люди очень долго живут. Вот я и приехала, чтобы узнать у них секрет долголетия. Скажите, пожалуйста, в каком доме можно найти древнего старика?

Мы с Алием проявили к ее заботам живейшее внимание. Алий — не знаю почему, а я потому, что до сих пор полагал, будто подобные ситуации возможны лишь в старых, давно вышедших в тираж анекдотах.

— Покажем? — спросил я у Алия.

— Надо помочь человеку, — ответил он, не спуская глаз с ее диковинных очков.

Мы вышли на улицу.

— Очень старый человек живет почти рядом, — сказал я.

Миновали всего лишь один квартал и оказались у плетня Бирама Беданоква. Бирам сидел под ореховым деревом за столиком, без очков читал газету и делал какие-то пометки в тетради.

— К тебе гости, отец, — сообщил я. — Интересуются кое-чем. Уделишь приезжей женщине внимание?

Бирам пригласил женщину в сад, усадил ее на скамью. Узнав, в чем дело, задумался.

— Конечно, вам надо помочь. Но это очень долгий разговор, а я сейчас как раз готовлюсь к беседе в нашем садоводческом звене. Видите, постановление о соцсоревновании вышло, вот и попросили меня, как опытного агитатора, поговорить об этом с народом.

— А когда у вас беседа? — огорчилась женщина. — Может, после нее поговорим?

— Оттуда я пойду на колхозный стадион.

— Вы — спортсмен? — ужаснулась приезжая. — В вашем возрасте?

— Да нет, — успокоил ее Бирам. — Я уже ничем, кроме стрельбы, не занимаюсь. А вот мой отец вдруг решил сегодня попробовать на скачках. Мое отсутствие он обязательно заметит, очень самолюбивый старик.

— Тогда, может быть, вечером?

— Прямо со скачек все двинемся на новоселье к моему старшему брату. Жил почти пятьдесят лет в одном доме, и вдруг пришла блажь в голову, — внуки, видите ли, очень

шумят. Двухэтажный построил. На втором этаже, говорят, поспокойнее будет.

Приезжая поднялась со скамьи.

— Я тут недалеко отдыхаю, — сказала она, — могу и в другой день приехать.

— Лучше всего, — обрадовался Бирам. — Только вот когда?.. Пятница — занята. В этот день иду с моим двадцатилетним дедом на строительство моста через реку. Мой дед — старейший житель аула, куда он, туда и мы.

— Вот беда! Ну, а в субботу?

— В субботу старики решили деревья сажать, не могу отбиваться от них.

— Но, может быть, ваш дед сегодня свободен? — осенило вдруг приезжую. — Сто двадцать! Это же надо...

— Очень может быть. Я попрошу этих молодых людей отвести вас к нему. Дед будет очень рад и на все вопросы даст ясные и четкие ответы.

Повели мы курортницу к деду Бирама Исхаку. Его мы нашли прямо на улице — он поливал деревья из шланга. Пояснили, в чем дело. Исхак передал шланг какому-то мальчишке, а нас повел в садовую беседку.

— Дорогой отец, я приехала издалека, и мне очень хочется узнать секрет долголетия, — обратилась к нему женщина.

— Когда человек обращается по делу, то его просьбу надо удовлетворить, такой уж закон у нас в горах, — заметил Исхак. — Спрашивайте, я постараюсь сообщить вам все, что знаю.

— Сколько вам лет, отец?

— Мне минуло сто двадцать, второй век копчу небо. Слава аллаху, я хочу прожить еще немало лет, чтобы вместе с молодыми увидеть коммунизм.

— Вы никогда не болели?

— Я не знаю, что такое болезнь. Мой организм к болезням не расположен, и я никогда не думаю о них.

— Что вам помогает поддерживать здоровье?

— У меня есть верный друг и товарищ, который всегда и во всем поддерживает. Он делает меня бодрым и жизнерадостным. Этот друг всегда со мной. Такой друг имеется у каждого, но не все хотят с ним дружить. Кто он? Труд. Где труд, там нет старости.

— А что вам еще помогает, отец, скажите, пожалуйста?

— Я всегда хожу пешком. В день несколько раз поднимаюсь вон на ту возвышенность. Встаю вместе с солнцем,

а ложусь в полночь. Летом ночью во дворе. В реке купаюсь до глубокой осени, а зимой обтираюсь холодной водой. Хорошо вместе с ребятами босиком ходить по дождевой воде, это тоже закаляет организм.

Женщина долго молчала, видимо взвешивая, сумеет ли следовать всем этим советам. Потом спросила:

— А как вы себя ведете?

— Никогда не повышаю голоса, стараюсь не нервничать. За всю свою жизнь ни разу не поругался с женой. Она тоже с меня берет пример, живем ладно и мирно.

— Когда мы к вам подходили, вы, кажется, что-то напевали. Песня имеет какое-нибудь отношение к здоровью?

— Очень большое. Песня — моя неразлучная спутница, она поднимает настроение. Я часто пою. Когда около меня люди, я пою про себя.

— Я поняла вас, — совсем тихо проговорила женщина. — То же самое, только другими словами, не так прямо, сказал и ваш внук. Спасибо, я пойду.

— Тогда послушайте последний совет, — вдруг улыбнулся Исхак. — Не бойтесь любви, любите на здоровье. Любящий человек молодеет душой. До свидания.

Мы молча проводили незнакомку к автобусу. На обратном пути я заметил, что Алий как-то неестественно тяжело вздыхает. Я не выдержал, спросил:

— Ну, что там еще?

Алий еще раз вздохнул.

— Да вот думаю, Киримизе, не зря ли я надавал этим папанам по шее? Девчонка в общем-то ничего, не хуже других.

— Будем надеяться, — серьезно проговорил я, — что они еще свое возьмут. Да, Алий, все трое.

ЛАХО РАССЧИТЫВАЛ ПО-ДРУГОМУ

реди моих односельчан очень много людей заслуженных, завоевавших себе доброе имя в труде и в бою. Большим уважением у нас пользуется и Лахо Айшамафов. Достаточно сказать, что он в годы коллективизации первым, как тогда говорили, «пересел с коня на трактор», и все станет яснее ясного. Но не только механизаторские таланты украшали Лахо. По-

началу он проявил себя как педагог: собрал группку молодежи и стал обучать своему искусству. Вот почему первую в нашем ауле тракторную бригаду в шутку называли «ансамблем Апшамафова».

А во время какого-то праздника выяснилось, что Лахо еще и отлично играет на шичепшине — это наш музыкальный инструмент, похожий на скрипку. Лахо исполнял песни, которых не знал ни один музыкант, — он в раннем детстве услышал их от своего прадеда. Слух о песнях Лахо дошел до Майкопа, к нему прибыла целая бригада фольклористов. И тут выяснилось, что запомнил он не только песни, но и старинные предания, сказки, легенды и мастерски их рассказывал. Лучше артиста. Мне не раз доводилось записывать рассказы Лахо для передачи по радио. Они пользовались большим успехом. Ко всему этому Лахо прекрасно танцевал. Разойдясь, он импровизировал и выкидывал такие коленца, что дух захватывало. Не раз его пытались «свертнуть в профессионалы» товарищи из областного ансамбля, но Лахо эти предложения не привлекали.

— Человек должен зарабатывать себе на хлеб трудом, — возражал он. — А разве ганцы — труд? Поработал — и танцуй в свое удовольствие хоть до рассвета. А потом опять на работу. С моим ансамблем мне куда веселее.

Артистов подобное непонимание, разумеется, обижало, и они в конце концов отстали.

Шли годы, росла квалификация Лахо, рос и его, как он сам выражался, «второй ансамбль». Что ни год — сын или дочь. А точнее, все шло в безукоризненном порядке: сын, дочь, сын, дочь, сын, дочь... Три пары, шестеро черноглазых, рослых, непоседливых, любознательных и, чего греха таить, голосистых в отца наследников и наследниц. Вместе с тем и шесть ртов, которые следовало прокормить.

По-разному относятся люди к своим отцовским обязанностям. Иные бегут от них, другие равнодушны к копошащейся у их ног мелюзге, — мол, вырастут, сами о себе позаботятся. Лахо был, как однажды заметил на родительском собрании директор школы Шумаф, образцово-показательным отцом. Он передавал им то, что знал и умел, делал все, чтобы детство их было безоблачным. Лахо работал не только отлично, он работал много. Значительно больше многих других. Постепенно забыт был шичепшин, все реже и реже появлялся он на гуляньях и свадьбах, а если приходил, то чаще сидел в сторонке. Когда его просили потанцевать, он неловко усмехался и, показывая на ноги, оправдывался:

— Перестают слушаться, от хозяина отказываются...

И люди отставали — все знали, как работает Лахо.

Друзья спрашивали:

— Лахо, когда же ты отдохнешь? Дети вылетают из гнезда, становятся на ноги, могут уже без тебя обойтись, а ты все тащишь их на своей спине.

А старый Амин, с которым они в былые годы нередко отплясывали вместе, однажды предупредил Лахо:

— Боюсь, что ты чего-то не учел...

Лахо попросил высказаться точнее. Амин не стал упорствовать.

— В каждом деле нужна разумная мера, — заметил он. — Вот ты навичиваешь ключом гайку. Лишний рывок — резьба срезана, и гайку можно выбрасывать.

Казалось бы, все ясно. Но Лахо не удовлетворила и эта прозрачная аллегория.

— Не понимаю, друг, к чему ты клонишь, — упрямо буркнул он. — Говори начистоту, так лучше будет.

Амин вздохнул и выложил все, что его тревожило. Он сказал, что, по его скромному мнению, Лахо перестарался в своей заботе о детях. Он слишком много им давал и ничего не требовал взамен. Дети Лахо, и это видно всему аулу, даже и не думают заботиться о своих родителях, они выросли эгоистами.

— Говорят: долг платежом красен. Но по всему видать, что твои сыновья и дочери считают тебя своим вечным должником, а насчет платы и не задумываются. А впрочем, — закончил Амин, — тебе виднее, как поступать.

— Спасибо тебе, Амин, за добрые слова, — ответил Лахо после некоторого размышления. — Есть у меня одна тайна, но с тобой я поделюсь ею. Ты прав, дети мои уже стали на ноги. И работать, как раньше, мне уже тяжело. И вот я задумал такую штуку: приглашу своих детей и объявлю, что уйду на пенсию. И скажу, что теперь все сыновья должны понемногу помогать отцу с матерью. Пусть присылают сколько могут, у каждого хорошая профессия, квартира, а в ней — все, что требуется. И тогда я отдохну. И возьмусь снова за шичепшин: пусть молодежь танцует под мою музыку.

— Аллах тебе судья, — заметил на это Амин. — Рассчитал ты вроде бы здорово, а там жизнь покажет...

Проводы Лахо на пенсию всем хорошо запомнились — с таким почетом на заслуженный отдых у нас еще никого не провожали. Лахо сидел в президиуме в выходном черном

костюме, на груди сверкали ордена и медали. Председатель колхоза вручил ему грамоту и телевизор последней модели — с огромным экраном. Механизаторы колхоза преподнесли ветерану золотые часы с трогательной надписью: «Лахо Апшамарфову — руководителю механизаторского ансамбля, герою труда». Сельский Совет, депутатом которого Лахо был много лет, преподнес ему магнитофон, а коллектив школы механизаторов — небольшой транзисторный приемник. Были и другие подарки, были памятные письма, были дружеские приветствия. Был торжественный ужин.

И вот наконец за столом только свои — Лахо с женой и его дети. Старший сын, инженер одного из областных управлений, проговорил со слезами на глазах:

— Тат¹, мы всегда знали, какой ты добрый и хороший, а сегодня увидели, как тебя все любят. Можешь больше ни о чем не заботиться, с этого дня мы все принимаем на себя. Отдыхай и живи вместе с мамой много лет нам на радость.

Из левого глаза Лахо выкатилась слезинка. «Был бы тут Амин, — подумал он, — вот уж когда бы понял, как ошибался. Долг платежом красен на деле».

Утром все разъехались. Лахо отправился в сад — давно уже ему хотелось обновить его, вместо старых, отживающих свой век яблонь насадить новые низкорослые сорта: плоды вкуснее, сохраняются круглый год, а ухода требуют меньше. Не откладывая дело в долгий ящик, Лахо наметил первую жертву — яблоню сорта «белый налив». Она разрослась, словно дуб, а плодоносила раз в три года. Прежде чем срубить дерево, Лахо решил срезать часть ветвей с его кроны. Он принес ножовку и, взобравшись на дерево, принялся за дело.

Жена Лахо, наблюдавшая за приготовлениями старика, радостно заулыбалась: наконец-то и он легко вздохнет. Уж кому-кому, а Сариев было хорошо известно, с каким трудом ее муж в последнее время справлялся с нелегкими обязанностями механизатора. Да, всему свой час. Для ее Лахо наступил час собирать плоды.

Когда крона яблони основательно поредела, Лахо спустился вниз. Посидел, покурил, потом стал стаскивать спленные ветви к навесу, под которым у него всегда стояли дрова. Распилив ветки на короткие, тонкие поленья, он оставил их подсыхать, а сам отправился домой. Думал по-

слушать радио, лежа на кушетке, но незаметно задремал, а проснулся, когда жена позвала на обед.

В последние месяцы у Лахо был неважный аппетит — сказывалось переутомление. Но в этот свой первый «пензионерский» день он поел с удовольствием и отправился проведать Амина. Вдвоем направились к желтевшему вдали лесу — просто так, побродить.

Ранняя осень — есть ли пора милее? Листья кленов еще не желты, но уже потеряли свой прежний изумрудный цвет. В прозелени дубовых крон просвечивает свинцовый налет. Дерн шуршит под чулками, пружинит, и это делает походку юношески легкой.

Перебрасываясь ничего не значащими фразами, друзья обошли опушку и приблизились к дороге, ведущей в город. По ней сновали машины самых различных марок и колеров. Было время, когда Лахо мечтал приобрести легковушку, — заработка механизатора вполне позволяли это. Но дети росли, каждому надо было помогать. Лишь в последнее время, в основном благодаря экономии, с которой вела дом Сариев, им удалось положить на книжку несколько тысяч рублей. «А что? — пронеслось в мозгу Лахо. — Может, еще не поздно?»

Он поделился этой мыслью с Амином.

— Куплю «Жигули»: будем со старухой от сыновей и дочерям ездить. А пенсия пусть накапливается, на подарки внукам пойдет.

Не успел он договорить, как возле них со скрежетом и звоном притормозила серая «Волга».

— Тат, — донесся из-за приоткрытой дверцы голос старшей дочери. — Здравствуй! Здравствуйте, дядя Амин. Я к тебе, папа, с хорошим предложением. Смотрела я вчера на телевизор, который тебе подарили, и думала: зачем вам такой большой телевизор? В самом деле? И знаешь, что придумала? Решила подарить тебе свой маленький, аккуратненький, совсем недавно из ремонта. А твою громоздкую бандуру увезу. Не возражаешь?

Видавшего виды Лахо сбить с толку было не просто. Предложение дочери он выслушал с каменным лицом, даже глазом не моргнул.

— Ты права, дочка, — грустно подтвердил он. — Делай, как придумала. Скажи маме, что я согласен, а я еще здесь погуляю. — Когда машина скрылась, Лахо проговорил: — Действительно, зачем старикам такой телевизор?

Но Амин не откликнулся. Молча ходили они, молча

¹ Тат — отец.

подошли к дому Лахо. «Волги» уже не было — много ли требуется времени, чтобы вынести из машины один и втащить другой телевизор! Кивнув на прощание товарищу, Амин ушел.

В тот день Лахо больше в сад не наведывался. Устроившись в комнате с шичепшином, он проиграл несколько старых мелодий. Поужинав, улегся в постель.

Хороший сон унес остатки плохого настроения. «Аллах с ним, с этим треклятым телевизором, — думал он, завтракая. — Стоит ли из-за этого расстраиваться?»

Взяв топор и пилу, он отправился в сад. Не прошло и часу, как яблоня рухнула. После перекура Лахо притащил козлы и стал распиливать ствол на короткие чурбаки.

— Отдохни, не убежит твоя работа, — позвала его жена, — выпей вот лучше кислого молока.

В это время как раз и скрипнула калитка. Подняв глаза, Лахо увидел младшего сына.

— Апельсины в городе появились, — сообщил он, поздоровавшись, — решил вам забросить немного.

— Что это ты вздумал нас баловать? — сердито проговорила мать, а глаза ее лучились радостью. — Да не стой на пороге, заходи. Лучше бы детям своим дал эти апельсины.

— Хватит и им, — самодовольно ответил сын, входя в гостиную. Но вдруг взгляд его омрачился. — Что-то не вижу я большого телевизора? — строго спросил он. — Уж не продали ли вы его?

— Мы, сынок, — улыбнулась мать, — телевизорами еще не торгуем. Вчера Нафсет попросила нас обменяться, вот мы и взяли ее маленький. Обойдемся, — добавила она после паузы, — много ли нам, старикам, надо...

Младшенький ходил по комнате, задумавшись. Присев возле матери, все еще державшей в руках кулек с апельсинами, он проговорил:

— Ты знаешь, тат, какая идея сейчас мне явилась? Давай поменяемся часами. Я тебе эти, что на руке, они очень хорошо ходят, только из ремонта вышли, гарантия на шесть месяцев. А ты мне, взамен моих, те, золотые.

Кулек с апельсинами выпал из рук старушки, крупные, желтые плоды покатались по блестящему, зеркально чистому полу. Собирая их, она не смела взглянуть на мужа.

Лахо долго молчал. Потом поднялся, достал из комода футляр с часами и протянул его сыну.

— Ты и свои оставь себе, сынок, — спокойно сказал он. — А мне еще послужат мои старые, я к ним привык.

Только... — он замаялся, — только как быть с надписью, сынок, там ведь мое имя?

— Это мы, отец, переживем, были бы красивые часы, — заулыбался молодой человек. — Большое спасибо. Ну, я поехал, дела зовут...

Прибывший через несколько дней старший сын, как я упоминал выше, инженер одного из областных управлений, возмущился, узнав, что случилось с телевизором и часами.

— Такие дорогие вещи, отец, — сказал он с упреком, — полагается дарить старшему.

— Извини, не подумал, — смущенно ответил Лахо. — Придется тебе ограничиться чем-нибудь другим. Рад буду доставить тебе удовольствие.

— Если так, отец, то мы быстро поладим. Нан говорила, что вы собрали некоторую сумму на старость, а мне как раз не хватает таких денег на новую кооперативную квартиру. Так что если...

Лахо невольно оглянулся: нет ли поблизости Амина? К счастью, его не было.

— Пошли в сберкассу, сынок, а то там будет перерыв на обед, а это задержит тебя на целый час.

— Верно, отец, время — деньги.

Миновала неделя. Оправившийся от неожиданных ударов Лахо сидел в саду с шичепшином. Казалось, он разговаривал со своим инструментом: друг другу изливали они все, что было на душе. А еще точнее, шичепшин, словно эхо в лесу, повторял то, что нашептывал ему Лахо. Притихли даже птицы, вслушиваясь в этот душевный разговор.

Скрипнула калитка. Вздогнувший было Лахо заулыбался: к нему шел почтальон.

«Средний сын, — подумал он, — весточку прислал. Наверное, деньги. Аслан — не чета другим».

Но это был не перевод, пришло письмо. Вместе с женой они распечатали его. Щурясь, с трудом разбирая корявый почерк среднего, Лахо по складам читал вслух:

«Давно не видел я вас, мои нан и тат, но сейчас никак не могу приехать, дел невпроворот. Желаю вам крепкого здоровья, долгих лет жизни. Тат, если ты не считаешь меня нахалом, хочу обратиться к тебе с одной просьбой. Я давно хотел купить машину, а тут как раз подвернулся удобный случай. Не хватает мне трех тысяч рублей. Нан говорила, что у тебя на книжке есть такая сумма. Вышли ее мне, а то я останусь без машины...»

Лахо взглянул в полные слез глаза жены и стал одеваться.

— Куда же ты? — всполошилась она. — Сохрани тебя аллах, неужели ты забыл, что отдал свои сбережения старшему?

— Я не в сберкассе, — успокоил жену Лахо.

На улице ему повстречался Амин.

— Далеко? — осведомился он. — Я в лес направляюсь. Пойдем?

— Хочу в контору заглянуть, к председателю, — ответил Лахо. — Знаешь, Амин, надоело дома без дела сидеть, тянет к прежнему. Попрошусь в слесари, их везде нехватка...

«А рассчитывал ты, Лахо, по-другому», — подумал Амин.

Вслух он, разумеется, этого не сказал — какой же адыг станет бить лежачего.

СЛАВА

азная бывает слава, по-разному она приходит к людям. Иной и не думает о ней, и вдруг в один прекрасный день она сама его находит: здравствуй, дорогой, не ждал?

Был у нас овощевод-любитель Махмуд. Как-то весной заметил он, что в теплице один куст помидоров стал удивительно быстро тянуться вверх. И плоды на нем зрели какие-то особенные — крепные, похожие на дыни-дубовки.

«Что за несчастье, — расстроился бедняга. — Выродки какие-то».

Он боялся, что и другие кусты «испортятся», и как-то попросил заглянуть к нему колхозного агронома-овощевода.

Агроном, едва взглянув на куст, пристал к Махмуду: что вносил в почву, как поливал, в какой температуре холнил эту диковинку?

Махмуд отродясь термометра или градусника в руках не держал. Он и себе никогда температуру не мерил — не то что овощам. Ничего в почву не вносил, а поливала помидоры его жена. В общем, ни о каком особом режиме и речи быть не могло. Тем более что все кусты происходили от одних семян. Правда, один рос с причудой, но Махмуд к этому не имел никакого отношения. Все это он популярно объяснил агроному и распрощался с ним.

Агроном ушел. Но его не покидала мысль о том, что

Махмуд что-то скрывает. Куст-то особенный и, кажется, очень перспективный. Не может быть, думал он, чтобы хозяин ничего не знал о своем огороде. На следующий день он нагрянул к нему вместе с председателем колхоза. Гости устроили хозяину допрос с пристрастием и в конце концов обвинили его в нежелании помочь колхозу освоить новый высокоурожайный сорт.

Несчастный Махмуд клялся аллахом и всеми его ближними и дальними родственниками, что не имеет совершенно никакого представления о случившемся. Но ему не верили.

Агроном резонно спрашивал:

— А почему у меня такое не выросло? Я ведь тоже ничего не делаю.

Но и этот неотразимый довод не сломил стойкости Махмуда, он продолжал отрицать свою причастность к томатному феномену.

Агроном написал о необыкновенном кусте в областную газету, сообщил эту новость в редакцию радиовещания. И вскоре у ворот Махмуда остановилась легковая машина научно-исследовательского института. Ученых было трое: двое пожилых мужчин и одна молоденькая дамочка с челкой. Поглядев на куст, все трое пришли в неопишуемый восторг.

— Уникум! — выпалил один из мужчин.

— Феномен! — подхватил другой.

— Чудо! — прорыдала женщина.

Порядок работы они наметили такой. После обеда, которым их, разумеется, угостил гостеприимный Махмуд, они устроили допрос хозяину и хозяйке. Ничего не выяснив, приняли мужественное решение: оставаться на месте и наблюдать за кустом «до конца вегетации».

Когда наступит «конец вегетации», Махмуд, разумеется, тоже не имел никакого представления, но подозревал, что дело это может здорово затянуться. Он прикинул, на какое время хватит его скромных запасов, и предложил другой вариант: перенести этот злополучный куст туда, к ним, в институт овощеводства. Если нельзя просто так, то вместе со всей теплицей — он готов пожертвовать ею ради науки.

— Что вы! — возмущались гости. — Мы не можем присваивать чужие достижения. Вот если бы вы вспомнили, что подсыпали или что подливали в этот уголок теплицы, это бы сильно облегчило дело.

И тогда Махмуд, краснея и заикаясь, «вспомнил», что

жена приготовила ему стакан эвкалиптового настоя в смеси с марганцовкой для полоскания горла, а он, не очень веря в это средство и более полагаясь на свои природные данные, плюхнул содержимое в теплицу. Видимо, все это и попало под злополучный куст.

Ученые переглянулись и начали жать Махмуду руку.

— Мы поедем, — сказали они, — а через недельку снова наведаемся. О рецепте этом вы никому пока ни слова, мы заложим серию опытов.

Махмуд не стал терять времени. Как только ученые отъехали, он вырвал с корнем злополучный куст из парника и со всеми его помидоро-дынями преподнес своей изрядно соскучившейся по витаминам буренке. Через несколько минут с этим делом было полностью покончено.

Погладив корову по голове, Махмуд облегченно вздохнул: испытание — позади. Но... едва он вышел из хлева, как услышал незнакомый голос:

— Эй, где здесь проживает Махмуд Байрамкулов?

Он подошел к плетню: возле его дома стояла легковушка. Из нее выскочили двое мужчин.

— Ты Байрамкулов? — осведомился старший. — Мы, друг, тоже дома теплицы держим. Ну, двести наличными, согласен?

— За что?

— Да за секрет, за что же еще! Имей в виду, секрет-то все равно долго не продержится...

Вот так, друзья, пришла к Махмуду настоящая слава. Она росла, как селевой поток. Заметку из областной газеты перепечатала сельскохозяйственная, а из нее — массовый журнал. Махмуд стал получать до сотни писем в день — овощеводы просили хоть десяток семян и советы по агротехнике. Не скупилась на обещания. А любители, проживавшие поближе, не полагаясь на почту, приезжали за волшебными семенами лично, пользуясь развитой системой транспортных сообщений. И если с письмами вконец затравленный Махмуд еще знал, как поступать, то перед нашествием любителей полностью пасовал. В конце концов он попросился на отгонные пастбища Лагонаки и возвратился лишь глубокой осенью. Но, конечно, это был уже не прежний беспечный Махмуд: неожиданная слава основательно подточила его здоровье.

Эту историю я припомнил так, между прочим. Рассказать же мне хочется совсем о другом — о славе Нанаго. Если бы рассказ мой предназначался только для аулчан,

я бы и пояснять не стал, кто такая Нанаго, — у нас ее знает каждый. Но поскольку в нашем ауле, к сожалению, еще не выходит ни одна газета и ни один журнал, скажу: Нанаго — мечта каждой девушки. Яснее? Ну, говоря современному: Нанаго — эталон свекрови.

Слава Нанаго начала распространяться после женитьбы ее сыновей. И разносили ее по миру невестки — самые суровые и, что греха таить, далеко не всегда справедливые и объективные судьи свекрух. Со стороны никто никогда не слышал, чтобы Нанаго грубо разговаривала с невестками. И их стали спрашивать: как вы ладите со свекровью?

— Она дает хорошие советы, — сказала одна, — но не настаивает на них. Когда я пришла в ее дом, она сказала: «До сих пор ты жила у своей матери, которая тебя растила. А теперь ты моя дочь. Дом, куда ты вошла, — твой дом, все, что в доме, — твое. Будь хорошей хозяйкой. Не скупись на добро и ласку».

Другой невестке посоветовала:

— Вы молодые, все у вас впереди. От вас самих зависит, как сложится ваша жизнь. Иногда из-за необдуманного упрямства происходит много бед. Уступайте друг другу, не упорствуйте в мелких ссорах. Никогда не забывайте, — добавила она, — что все старые люди когда-то были молоды, а все молодое — постареет. Относитесь к старикам уважительно, от этого сами станете душевно богаче. Кто о вас скажет плохое — и обо мне говорит плохое, кто вас обидит — и меня обидит. Будем заботиться друг о друге, и это укрепит семью. А семья крепка, значит, крепок аул, а что такое аул? Это наша страна, ведь она состоит из многих таких аулов. Вы, мои невестушки дорогие, должны знать, что земля держится корнем, а корень семьи — невестка. Да, да — вы и есть корень. Не свекрухи, а невестки. Если вы все это поймете, я буду очень довольна, мне тогда больше ничего не нужно.

Нанаго поступает так, чтобы молодая невестка с первого дня замужества почувствовала доброе к себе отношение, полюбила новую семью. Она никогда не сидит без дела, помогает молодым, чем может. Учит, как надо стирать белье, кроить, шить, как правильно разделать курицу. Учит не словами, а руками, чтобы невестки не обиделись, чтобы им не стало стыдно. Делает сама, как надо, а те смотрят и перенимают. При этом Нанаго шутит:

— Ваши учителя — ваши глаза. Ведь и мы тоже в

молодости все узнавали от других. Лучшее от человека к человеку идет.

Однажды старшая невестка нечаянно уронила большую пиалу с красивыми узорами, из которой свекровь любила пить калмыцкий чай. Пиала разбилась вдребезги. Невестка побледнела от страха.

— Что с тобой, моя невестушка? — спросила Нанаго, заметив, что та сама не своя.

Невестка нехотя развернула тряпку, в которую впились спрятала осколки разбитой пиалы. Свекровь расстроилась: чашку эту подарил ей покойный муж, она очень дорожила ею. Но, сдержав себя, засмеялась:

— Подумаешь, пиала... Стоит ли огорчаться из-за этого! Ты руку, случаем, при этом не поранила? Чего-чего, а посуды у нас в доме хватает.

Слова свекрови ободрили невестку, она улыбнулась и свободно вздохнула. При первой же поездке в город купила ей в подарок очень красивую чашку с блюдцем.

А сколько мы знаем старух, которые из-за разбитой чашки или тарелки заваривают склоку на добрую неделю.

Особенно невесткам нравится то, что Нанаго относится к ним как родная мать. Она все замечает: выпались ли они, поели ли вовремя, не нуждаются ли в чем...

Нанаго не ставит себя в семье в особое положение, не требует к себе, как это делает большинство свекровей, особого почтения и уважения. Она живет вместе с семьей, не отделяя себя, не возвышаясь над остальными, и если порой и возникает между ней и невестками спор, то лишь из-за того, что они настаивают, чтобы она не делала трудную работу.

— Мы постараемся сами, нана, — говорят невестки. — И уберем все. Отдыхайте, пожалуйста. Лучше расскажите нам что-нибудь.

Когда сыновья дают ей деньги на хозяйственные расходы, она всегда выкраивает немного на подарки невесткам: одной отрез на платье купит, другой — туфли...

Некоторые старухи любят позвякивать ключами от сундука: прячут что-либо от невесток. У Нанаго все на виду: в доме каждый живущий — хозяин, все решают сообща, прятать не от кого.

Нанаго никогда не забывает, что невестки должны видеться со своими родителями.

— Никого нет дороже матери родной, — говорит она им. — Не забывайте мать, воспитавшую вас.

Нанаго уже стара, случается, и голова у нее побаливает. Но она никогда не жалуется, даже не любит, когда ее начинают расспрашивать: «Что болит?»

— Ничего страшного нет, немного голова болела и то уже перестает, — отвечает она.

Нанаго, разумеется, даже не подозревала, что слава о ней гремит по аулу, что ее ставят в пример во многих семьях.

Но вот однажды к Нанаго приехала в гости старуха из другого аула, ее дальняя родственница. Долго сидели старушки за чаем, было им что вспомнить, о чем поговорить. Но больше говорила гостья: все время ругала свою невестку. Нанаго слушала ее. Наконец гостья не выдержала:

— Послушай, Нанаго, у тебя, говорят, хорошие невестки. Как ты их воспитываешь, как добиваешься от них почтения и уважения? Передай мне свои секреты. Мне тоже хотелось бы пожить в мире со своими невестками. Сперва я думала, что люди врут, но вот теперь побывала у тебя и вижу: любят они тебя, как родную мать. А у меня пока единственная невестка, и с той живем как кошка с собакой.

Нанаго улыбнулась и, глядя на гостью, сказала:

— Не поздно ли ты спохватилась? Ведь ты должна была знать по собственному опыту: если невестку не встретить с первых дней ласково, не жди от нее послушания. Если с первых дней ты начнешь выискивать у нее одни только недостатки и попрекать ими, то между вами уже никогда не будет ни близости, ни взаимопонимания, ни тем более любви.

— А если видишь недостатки? — вспыхнула гостья. — Что же, молчать?

— Э, дорогая. Мало ли какие недостатки можно найти у нас у всех. Говорят, даже пророк Магомет здорово промахнулся, когда, отправившись в поход, плохо просолил свинину. Ошибаться могут все, и недостатки есть у всех. Одна неважно готовит, другая не так гладит, как ты привыкла, третья выскакивает из дому без платка. Мало ли чего не бывает. И учить, конечно, надо. Но так, чтобы невестке не было обидно. Не оскорбляй ни ее, ни ее мать. Вспомни, какой ты сама была в молодости? А теперь, когда ты прожила долгую жизнь, многое повидала, многому научилась у людей, стала лучше хозяйничать, будь снисходительна к молодым. И не воображай, будто ты самая важная особа в доме, будто каждое твое слово — заповедь шариата

и вокруг тебя все должно вращаться. Не будь надоедливой, не лезь постоянно с нравоучениями, живи своей жизнью и не мешай молодым.

— Выходит, я уже и не хозяйка в своем доме? — разволновалась гостья.

— Почему же? Но своей властью можно пользоваться по-разному. Помни, что сын привел в дом любимую женщину, с которой собирается пройти долгий путь, постарайся ее полюбить. Помни, что теперь главное — их счастье. А они могут его понимать совсем не так, как ты. Главное, чтоб они любили друг друга и жили честно. Радуйся их счастью и не ревнуй сыновей.

— Да, — вздохнула гостья. — Видно, быть хорошей невесткой нелегко, а хорошей свекровью еще труднее. Но, может быть, еще не поздно и мне ею стать?

— Думаю, что нет, — расцвела Нанаго. — Только не останавливайся на половине пути. Ведь тебе придется убрать с дороги немало камней, брошенных под горячую руку.

КОНЕЦ ОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Наверное, нет у нас в Адыгее аула, в котором бы мне по тому или иному поводу, а то и без повода не довелось побывать. К какому бы аулу ни подъезжали, как бы красивы ни были окрестности, прежде всего, как теперь говорят,

думаешь об экономике. Видимо, она въелась в наше сознание, в тело, как угольная пыль въедается в человека, который долгие годы проработал в шахте. Вокруг клены, акации, речушка змейкой вьется, а ты вспоминаешь: сколько тонн навоза здесь вывезли на гектар пашни?

Но когда подъезжаешь к родному аулу, экономика отступает на дальний план. Все больше думается о детстве, о судьбах близких и знакомых людей, и менее всего это связывается с уровнем хозяйствования.

Правда, имелись приметы, по которым я мог почти безошибочно судить о состоянии своего колхоза без каких-либо экономических анализов и даже не заезжая домой. Для этого было достаточно припомнить, что заказывали тебе в те или иные годы твои родные и знакомые.

«Киримизе, — писали мне в далекие послевоенные го-

ды. — Теперь у вас хлеб без карточек, когда будешь ехать, привези несколько буханок».

И я вез хлеб, и это стало входить в привычку. А однажды, когда я извлек из чемодана несколько буханок, мне сказали чуть-чуть смущаясь:

— Киримизе, мы с удовольствием едим хлеб, который ты привозишь из города. Поэтому не откажись взять с собой в город хлеб, который печет наша колхозная пекарня. Уверены, что он понравится твоим городским друзьям.

Так деликатно мне дали понять, что хлебная проблема в ауле решена полностью. Но зато в одном из писем содержалась просьба насчет брынзы. И я стал возить брынзу. Возил до тех пор, пока мне перед отъездом не вручили «для угощения знакомых» здоровенную банку с почти созревшей брынзой местного производства, той самой брынзой, лучше которой нет даже в предгорных аулах. Было ясно: пошло в гору местное овцеводство.

Заказы менялись, и все они как-то связывались в моем воображении со сменой председателей колхоза. У одного выправлялась кукуруза, зато приходил в упадок подсолнечник, у другого роскошествовали овцы, но запустение царило на фермах крупного рогатого скота, третий создавал обилие зеленых кормов, но оставался без ячменя и силоса.

И пенять не на кого было — ведь все председатели свои, доморожденные. Выберут нового, а старого — «в бригаду». Почти в каждой бригаде имелся свой экс-председатель. А то и два. Перед очередной сменой все они собирались вместе и высказывали свои предположения: чем кончит очередной выдвигенец.

Помню, мне позвонили, чтобы я привез бидон подсолнечного масла, — наши плантации сожрал проволочник или какой-то другой поганец, который появляется, когда подсолнечник несколько раз подряд высевают на одном и том же месте. Приехал я как раз после очередной смены председателей. На этот раз избрали не местного, а приезжего — Асланука Чоха. Впрочем, Чох был наш, но долго не жил в ауле. Отец его погиб на фронте, и мальчишку отдали в ремесленное. Долго о нем никто ничего не знал. Правда, мать говорила, что он не забывает ее и даже сестренкам помогает, чем может, но жил он очень далеко, аж под Москвой, и ни разу не приезжал. И вдруг посетил родные края.

Бывшие его одноклассники сообщили: Асланук приехал за матерью и сестрами. Окончил, оказывается, Тимирязевскую академию и получил назначение в Адыгею. В новом

доме ему выделили большую квартиру. Женился, сына имеет.

Но мать отказалась ехать в Майкоп.

— Я там не смогу жить, — сказала она сыну. — Как я могу уехать из аула?

И сколько ее ни уговаривали, не соглашалась оставить родной дом. Что ж, матери не укажешь. И Асланук через некоторое время привез в аул жену и ребенка — Таню и Моса. Таня была ветеринарным врачом, а Мос — воспитателем младшей группы детского сада. Когда мать Асланука заговорила с Таней по-русски, она ответила ей по-адыгейски. Теперь Асланук уговаривал мать уже вместе с сестрами и женой, но опять ничего не добился. Погостив, забрал семью и уехал в Майкоп.

А через два года после этого события, как раз когда я появился в ауле с бидоном подсолнечного масла, услышал новость: у нас опять новый председатель — Чох Асланук.

Вечером, прогуливаясь возле клуба, я узнал, что думают о новом председателе скептически настроенные аулчاي, главным образом — экс-председатели. Один сказал:

— Еще неизвестно, умеет ли он гарцевать на скакуне... Это означало: посмотрим, как он себя проявит.

Другой заметил:

— Правда, он родился по соседству с нами, но сумеет ли поладить с народом — вот в чем я сомневаюсь.

Эта фраза также нуждается в уточнении. «Поладить с народом» в его понимании означало подладиться под установившиеся порядки, обойтись без ломки.

Нашелся товарищ, который изрек следующее:

— Отставать от других — для нашего хозяйства стало традицией. Так было, так будет.

И такие, оказывается, бывают традиции.

А вот мнение, высказанное напрямик, без дипломатии:

— Мужчина он крупный, видный, речистый, только станет ли его слушать такой большой аул, как наш, — это вопрос.

На следующее утро по аулу пошел слух: Чох пригласил к себе всех колхозников-ветеранов. Особо подчеркивалось: и женщин!

Член правления, заглянувший в наш дом, сказал, что Асланук очень просит прийти и меня. Так мы познакомились.

Разговор со стариками мне понравился. Чох только

спрашивал и внимательно слушал ответы, кое-что заносил в блокнот. Старики рассказывали, что, где и когда сеяли, какой собирали урожай, где пасли коров, а где — овец. Асланук, конечно, помнил все, что было при нем, очень хорошо знал, что здесь делалось в его отсутствие, но информация, полученная от стариков, очень многое проясняла, наталкивала на новые решения.

Когда все старики высказались, Чох поблагодарил их.

— Скажи и ты, — попросил его Бирам Бат. — Что ты думаешь о наших делах? Ведь до сих пор у нас еще не было ученого председателя.

— Я еще не знаю, — ответил Чох, — что делается в бригадах, на фермах. Надо хорошо со всем ознакомиться, а уж потом станет ясно, что делать. Только хочу напомнить о том, что мне пришлось услышать в детстве здесь, в ауле. Помните, у нас было два скорняка — Ахмед и Адышес. Ахмеда работой заваливали, а Адышес всегда гулял свободный. Все знали: даже из неважной овчины Ахмед хорошую шубу сошьет. А Адышес самую лучшую овчину испортит. Не походит ли наша замечательная земля на ту хорошую овчину, которую понесли Адышесу?

Все разошлись под впечатлением этой реплики. Сразу стало ясно, что за плечами Асланука именно сельскохозяйственный, а не дипломатический вуз. Ожидали от Чоха крутых мер, но он никаких «оргмероприятий» не осуществлял. Как раз тяжело заболел заведующий молочной фермой Аледжук, и на освободившееся место правление утвердило Таню — жену председателя. Вот и все перемены. И еще одно: в ту осень Высшую партийную школу окончил наш односельчанин Гарун, перед тем работавший в райкоме партии. Поговорив с Чохом, Гарун вернулся в родной аул — его избрали секретарем партийной организации и заместителем председателя.

Вскоре я уехал в город. Время от времени до меня долетали различные весточки. В ноябре в ауле начала работать школа для колхозников, в ней было несколько групп: для кукурузоводов, свекловодов, овощеводов, звеньевых. Отдельно занимались механизаторы. А десятиклассники почти в полном составе начали изучать импульсную доильную установку.

Одну машину Чох велел оборудовать утепленным кузовом. Всю зиму, почти ежедневно, из колхоза выезжали по очереди то кукурузоводы, то овцеводы — знакомились с делами передовых хозяйств.

Обычно зимой все отдыхали. «Село — не завод, — говорили люди. — Что летом заработали, то зимой съедим». Так уж здесь повелось. А Асланук стал всем дело выскидывать. Пока механизаторы ремонтировали технику, строительная бригада, усиленная за счет полеводов, делала навесы для машин. Специальная бригада вывозила в поле навоз и складывала его в штабеля на определенных местах. Стариков попросили заняться пчелами, и им это очень понравилось. Иное дело у тех, кто строил навесы и кто возил удобрения. Возникали скандалы. И ни один вопрос не решался на месте. Бригадиры, а эти посты, как правило, занимали экс-председатели, обычно говорили:

— Я не виноват, это приказ председателя. Не нравятся — идите к нему.

И люди повалили к Чоху.

Чох обычно приглашал в кабинет всех сразу. И многие, помявшись, потолкавшись, молча уходили. Видимо, у них были такие просьбы, с которыми при всех и обращаться неудобно. Оставшиеся по очереди — как расселись у стены — высказывали свои претензии.

— Мне нужна подвода, — заявляет один.

— Просите у бригадира.

— Нух сказал, что председатель запретил давать подводу для личных нужд.

— Я думаю, все зависит от того, какая «личная нужда». Это пусть решает сам бригадир.

Поднимается второй.

— Дай справку, сын хочет в город ехать.

— Пусть зайдет сам. Он кто, шофер? Курсы окончил? Ладно, его дело, пускай приходит. Мариет! — кричит он. — Приготовь справку сыну Бесиджева, положи на стол для подписи. Пускай вечером заходит, вручу ему лично.

— Спасибо, гхаматэ.

И так один за другим. Одному деньги нужны, другому лес, третьему — шифер или цемент или то и другое.

— Товарищи! Весной получим лес, цемент, шифер. Но не очень много. Будем решать на правлении. Учтите — преимуществом будет пользоваться та семья, которая лучше работает и не будет пропускать занятий в школе.

Вечером приходит за справкой сын Бесиджева. Вечером — иные порядки: председатель принимает по одному.

— Вот что, Аслан, — говорит председатель. — Смотри: подписываю справку, ставлю печать. Видишь? Можешь ехать. Но если ты настоящий комсомолец, ты скажешь мне

причину, почему удираешь? Ведь я должен знать, что здесь происходит. Если я не буду знать, то не сумею навести порядок, тогда все разбегутся.

Взяв справку, Аслан смеется.

— Завгару надо каждый день пятерку давать. Значит, все вынуждены калымить. Появляются шальные деньги. Ребята начинают выпивать. А я решил ничего не давать завгару. И что? Сижу без запчастей. Вернее, стою. А у меня жена и ребенок.

— Ну, спасибо, Аслан. Большое спасибо. Я тебе верю. А ты мне?

Аслан мнется.

— Не веришь? Но ведь я этого не знал.

— Ну, верю...

— Тогда подожди еще два дня.

Через два дня гараж принял молодой механик, бывший соученик Аслана. Завгара назначили ездовым на вывозку удобрений — до окончания официального расследования. Аслан, встретив председателя у гаража, возвратил справку.

Очень важный вопрос был решен как раз во время моего очередного приезда, в разгар подготовки к весеннему севу. Выяснилось, что не хватает людей для обслуживания квадратно-гнездовых сеялок, для подвоза табаководам воды и для других трудоемких работ. Асланук и Гарун вынесли на совместное заседание парткома и правления с виду невинный вопрос: об уточнении обязанностей ряда работников. Вызвали на заседание всех заведующих складами, учетчиков, конторских работников, ровным счетом двадцать три человека. Все ребята рослые, упитанные, довольные собой. Они не возражали против какого-то уточнения. Пусть уточняют, если от этого легче, а мы, мол, свое не упустим.

Я пришел на заседание, так как Гарун по секрету рассказал, что ими задумано: спектакль предстоял необыкновенный.

— Итак, вопрос об уточнении, — поднялся Асланук. — Начинаем. Складом подсолнечника заведует Нух Гадатль. Нух, где ты там?

Нух, тридцатипятилетний мужчина с усами и квадратной фигурой штангиста тяжелого веса, поднялся. Было непонятно, как он сумел протиснуться в кабинет через дверной проем. Он весело всех оглядел, твердо уверенный, что склад и он — одно неделимое целое.

— Товарищи! — вдруг слышит Нух. — Смотрите, какой

молодец Нух. Ты, дружок, когда-нибудь за сеялкой ходил, проволоку растягивал?

— Не приходилось,— снисходительно обронил Нух и разъяснил: — Все с семенами возусь. Дело, сам знаешь, ответственное, первому встречному не доверишь. Не до сеялок, председатель.

— Ну, дело поправимое, обучим,— неожиданно произносит Асланук.— Значит, так. Есть предложение: Нуха направить в третью бригаду, на квадратно-гнездовую сеялку, а за складом закрепить Цуцу Беданоккову. Она среднюю школу окончила, заочница Краснодарского института культуры. Вот пусть и учится там, пока в клуб не перебрались.

Не успел Нух сообразить, о чем речь, а председатель спрашивает:

— Цуца здесь? Иди принимай дела у Нуха. А ты, Нух, давай завтра с утра в бригаду.

Среди номенклатурных молодцов поднялась паника. Впрочем, она никак не повлияла на ход дела. Меньше чем за час определили судьбу каждого. Женщинам такой подход к делу очень понравился, а мужчинам — далеко не всем. Но ведь вслух не запротестуешь — уж слишком все очевидно. Только один зав объяснил, что сеяльщиком не может работать из-за пуповой грыжи.

— Учтем,— согласился председатель.— Есть предложение: прикрепить его к табачной рассадопосадочной машине, там ходить не надо, сидеть будет целый день и кататься.

— Как? — вспыхнул зав.— С бабами? Рехнулись вы тут, что ли? Уж лучше кукурузу буду сеять.

— Ну, смотри,— пожал плечами Асланук.— А то на операцию ложись — зачем тебе теперь эта грыжа?

А перед самой весной были заменены двое бригадиров: оба не желали решать на месте вопросы, все к председателю продолжали колхозников посылать.

Летом я снова побывал в ауле. Алий, заглянув ко мне в окно, шепнул:

— Пошли на Чутхабль.

Чутхабль — пруд неподалеку от аула. Воды в нем всегда много было, площадь он занимал большую, а пользы не приносил. Всю рыбу щуки сожрали, полив окружающих участков налажен не был.

Зная, что Алий зря звать не станет, я тут же составил ему компанию. Оказывается, Чутхабль уже очистили от хищников, пустили туда мальков, а на одном из

берегов поставили временную птицеферму: уток начали разводить. Два насоса все время гнали воду на огороды.

Плотники заканчивали в центре аула строительство четырехквартирного дома со всеми удобствами. Колхоз запросил двух молодых агрономов и гарантировал им немедленное предоставление жилья.

В этот день неугомонный председатель как раз и «добрался» до стариков. Случилось это так. В полдень Чох возвращался на машине из Майкопа. Машину он, конечно, водил сам. В центре аула, возле клуба, под тенью векового дуба, как обычно (тогда у нас еще не было Дворца культуры), сидела большая группа стариков, колхозников-ветеранов. Они, как водится, толковали о том, что их интересует. В тот момент, когда председатель остановил возле них машину и вышел, они как раз обсуждали письмо, которое получил Бирам Бат. Писал ему друг его детства, с которым Бирам разошелся во взглядах еще в начале гражданской войны. Бирам ушел к красным, а его друг — к Деникину. Недобитый белогвардеец вдруг на старости лет заболел ностальгией и решил посоветоваться с Бирамом, как возвратиться на родину. Бат попросил приятелей высказать свое мнение по этому не очень ясному вопросу. Поздоровавшись кивком головы, чтобы не прерывать говорившего, председатель стал слушать. Говорил как раз Садымчерий, друг отца Асланука, вместе с ним воевавший. Он считал, что хотя тот человек, возможно, и случайно оказался в чужом лагере, — в тот момент малограмотному адыгу трудно было и заблудиться, — но все же у него после имелось достаточно времени на размышления. Поэтому пусть остается там. Предательство — это на всю жизнь, с этим не шутят.

Старики задумались.

Воспользовавшись паузой, Чох сказал:

— Мне, отцы, что-то хочется вам сказать, и если вы это не посчитаете глупостью и нахальством, я скажу.

— Говори, наш сын, — ответил Бат, — мы слушаем.

— Мне кажется, что я виноват перед вами, отцы. Когда меня выбирали, то Садымчерий, сидящий здесь, от вашего имени дал мне совет: кто бы ни пришел к тебе за помощью, встречай его по-человечески. Никогда не ошибешься, если поставишь мысленно себя на его место. Обдумывай свои слова и поступки. И вот недавно один человек сказал мне, что вы, отцы, на меня обижаетесь: всем, мол, дал работу,

а о вас забыл. Если этот человек не соврал, скажите, и я глубоко извинюсь перед вами.

— Какую же ты можешь дать нам работу? — раздался вопрос.

— Вообще сильную, но очень важную и благодарную. Посмотрите на наш аул, как он выглядит? Как будто вчера было наводнение. А ведь наводнения, отцы, не было ни вчера, ни позавчера. Его вообще никогда не было. Афиис — очень миролюбивая речушка. Мы вот заключили договор на социалистическое соревнование с соседями, и скоро будет взаимопроверка. Так вот соседи не только хозяйственные дела улучшают, но и аул свой в порядок приводят. Очищают дворы, вывозят мусор, если он есть, ремонтируют плетни и ставят штaketные заборчики, красят их, на некоторых домах появился адыгейский орнамент. Среди вас много плотников и других мастеров, разве трудно вам будет навести красоту? Кому и это трудно, может обсаживать саженцами кладбище, ведь и там запустение.

— Прежде всего, — заметил Бат, — надо начать с медпункта и клуба. Посмотрите на ступеньки клуба. На них ногу сломать можно.

— Доски, гравий, цемент, все что нужно, а также подводы — все получите по первому требованию, — добавил Чох.

После этого он сел в машину и дал старикам возможность дообсудить претензию бывшего денкинца. Но о ней позабыли уже — речь зашла о предложении председателя.

Потом мне сообщили, что старики, втянувшись в дело, сами развили программу благоустройства. К осени они прорыли траншею для водопровода — председатель пообещал подвести воду к каждому дому.

В общем, перемены для аулчан стали происходить заметные, и все этому радовались и способствовали, даже бывшие председатели. Они лишь уверяли, что все, что делается теперь, было ими запланировано тоже и что, если бы им дали похозяйничать еще год-другой, они сделали бы то же самое.

Лишь одному мне эти новшества вышли, как говорят, боком. Если раньше меня просили привезти хлеба, или брынзы, или подсолнечного масла, то теперь о продуктах и разговора нет. Напротив, каждый гость из аула привозит то индюка, то гуся, а один приволок даже живого барана. Уж намаялись мы тогда. Просят же привезти нечто более весомое — запасные части к мотоциклам и автомашинам,

электросоковыжималки и разное подобное. Весомое в прямом смысле. И теперь, собираясь в аул, я нагружаюсь, как битюг: в правой руке — задний мост «Москвича», в левой — радиатор для «Волги», на спине — скат для мотоцикла. Иду и утешаю себя тем, что вся эта история — тоже неплохой материал для рассказа об одной нарушенной традиции: традиции отставания.

А МЫ ЧЕМ ХУЖЕ!

абрак и Патрак — мои ближайшие соседи. Их усадьбы граничат, и разделяет их невысокий, во многих местах полностью разрушенный плетень.

Жили они всегда почти как одна семья — делились радостью и горем, новостями и вкусными блюдами, а в трудные годы — и куском хлеба. Мужчины были механизаторами и работали в одной бригаде, а их жены выращивали телят. И хотя внешне Махмуд Хабрак и Тембот Патрак были очень разными: первый — худощавый невысокий крепыш, а второй — крупный, смахивающий на борзатяжеловеса, — их многие считали близкими родственниками.

Однажды Хабраки и Патраки пришли к выводу, что старые, доставшиеся еще в наследство от отцов домишки уже не соответствуют их положению в колхозе. Дома решили ставить себе одинаковые — четырехкомнатные кирпичные громады под шифером, с обширными, словно теннисные корты, верандами. Строились не спеша, все хотелось сделать получше, тем более что старые, отцовские, крыши не протекали: особо торопиться было ни к чему. Перед новосельем женщины — Зуля Хабрак и Зейнаб Патрак — долго совещались насчет цвета обоев и раза три-четыре ездили в Майкоп и Краснодар.

Мне посчастливилось побывать на этом необычном новоселье — Хабраки и Патраки справляли его одновременно, и гости были общими — как обычно в наших краях водится, они гуртом пригласили сразу весь аул, и люди бродили из дома в дом, приминая к земле еще уцелевшие к тому времени остатки плетня.

Вот почему я не сразу поверил слухам о том, что у Хаб-

раков и Патраков что-то не ладится. Очевидцы уверяли, будто все началось с диковинной кровати, которую привез из Майкопа Патрак, побывавший на областном совещании механизаторов. Изготовлена она была из красного дерева, и спать на ней можно было и вдоль, и поперек. Жена Патрака Зейнаб от этой покупки пришла в восторг, подходила к новой кровати то справа, то слева, останавливалась у изголовья, била кулаком по матрасу, и счастливая улыбка не сходила с ее лица.

Такой и застала ее подружка Зуля, жена Хабрака. Поприветствовав соседку, Зейнаб попросила ее посмотреть матрас — достаточно ли он прочно сделан. Зуля стукнула кулачком по матрасу, что-то буркнула, попрощалась и ушла.

В тот же вечер Зуля объявила мужу, что он — не мужчина, не хозяин, что у него нет ни капли самолюбия, а на плечах не голова, а канистра. И когда так называемая канистра начала трещать от боли, Махмуд Хабрак спросил:

— Что же теперь делать? Стреляться?

— Покупать! — назидательно пророкотала Зуля. — Купить такую вещь, чтобы эти зазнавшиеся Патраки допнули от зависти.

Ночная кукушка свое дело сделала, и в ближайшую субботу Хабрак, не очень любезно отклонив приглашение соседа сыграть в шашки, завел мотоцикл и умчался в город. Он держал курс на «толкучку» — в те годы там можно было приобрести немало диковинных вещей. На одну из них Махмуд почти сразу же наткнулся: это была вешалка из рогов оленя. Панты были так искусно отделаны и разукрашены, что Хабрак не мог отвести от них глаз. И хотя хозяин вешалки запросил за нее несусветную цену, он торговаться не стал. Уложив свое приобретение в коляску мотоцикла, Махмуд понесся домой.

Увидев вешалку, Зуля онемела от радости: уж такие штуки с конвейера, как кровати, не сходят. Она сразу смекнула, что панты в передней не будут смотреться, и нашла им место в самой большой комнате, неподалеку от телевизора.

Весть о рогах, которые привез Махмуд, облетела аул с быстротой ветра. Прислонившись к окошку, Зейнаб Патрак с завистью поглядывала на соседское крыльцо. По лицам спускавшихся с него женщин она догадывалась, что ее рекордная кровать осталась далеко за флагом. В этот

день она так и не решилась заглянуть к соседям. Ночью спала плохо, а рано утром прибежала к Зуле вроде бы за солью. Зуля, конечно, повела соседку в комнату, где красовались рога.

Из груди Зейнаб вырвался такой стон, будто в нее вонзилась отравленная стрела.

Женщина разглядывала отделанные чеканным серебром панты. В лучах утреннего солнца они сияли, будто полумесяц минарета. А тут еще Зуля, сорвав с себя цветастый платок, набросила его на одну из ветвей: словно дыханием весны повеяло на гостью.

На работе Зейнаб уже и не глядела на своих доверчивых и ласковых питомцев — перед глазами стояла злополучная вешалка. Вечером она сказала мужу нечто такое, от чего у него надолго пропал аппетит. Тембот Патрак узнал, что в их ауле имеется только один настоящий мужчина и этот мужчина — их сосед Махмуд. Поводя могучими плечами, Тембот бросал грозные взгляды в сторону дома, который совсем недавно был почти что родным, и едва сдерживал желание надавать этому «настоящему мужчине» по затылку.

— А мы чем хуже? — между тем трагически заломив руки, вопрошала Зейнаб. — Если ты в ближайшую субботу не найдешь еще лучшую вешалку, то я не знаю, смогу ли жить на этом свете.

Наступила суббота. Теперь предложение сыграть в шашки не очень любезно отклонил Патрак. Он вывел мотоцикл за калитку и погнал его в город. Но, конечно, ни на «толкучке», ни в комиссионном магазине не только лучшей, но и подобной вешалки не было. Возвратившись вечером ни с чем, он, измученный и униженный безрезультатными поисками и причитаниями жены о том, что в доме «нет и намека на мужчину», бросился было на диван. Но его остановил раздраженный голос жены:

— Чего на диване разлегся? Иди на свою распрекрасную кровать.

Но тут, скорее всего с отчаяния, Тембота словно осенило.

— Замолчи, женщина, — громыхнул он своим басом и поднялся, едва не доставая макушкой потолок. — Что рога? Рога есть и у коровы. А мы давай купим пианино!

Зейнаб замерла на месте. Пианино? Это же надо! Ну, конечно, куда этой Зуле со своими жалкими рогами. Пусть

наденет их на голову своему Махмуду. Тоже мне, молодец, из ее Тембота можно трех таких слепить...

Пианино было куплено темно-коричневое, гэдэеровское, а кроме него еще круглый вертящийся металлический табурет. Показывая односельчанам покупку, Зейнаб так вертелась на нем, что едва не упала.

— А что вы будете делать на этой штуке? — спросила одна из соседок.

— Вазу поставлю на пианино, — нашлась Зейнаб. — С цветами. Как по телевизору показывают. У всех культурных людей в зале пианино стоит, а на ней — ваза с ромашками.

Соседское пианино довело несчастную Зулю до слез.

— А мы чем хуже? — услышал Хабрак за ужином.

Он благоразумно промолчал. Но жену его молчание еще больше распалило.

— Мы обязаны переплюнуть Патраков, понял? Не бывать им впереди нас!

Хабрак, которому в душе было чихать и на рога, и на копыта, и на пианино, кивнул, стоит ли ссориться с женой из-за таких пустяков. Все же он не удержался от шпильки.

— Может, купим оркестр? — предложил он. — С медными трубами и барабаном? Вот сверкать будет! Зейнаб ослепнет.

Зуля искося взглянула на супруга — не издевается ли? — и бросила короткое: «Додумался, голова». Мобилизовав все свои резервные извилины, она долго сидела, задумавшись. И наконец объявила:

— Хабрак,шла!

Махмуд не на шутку испугался — как-то они, будучи на экскурсии в Латвии, видели в соборе орган. Уж не его ли решила перетащить в аул Зуля? К счастью, ее фантазия так далеко не шагнула.

— Рояль! Вези рояль, и Зейнаб скончается у своего жалкого пианино.

Рояль так рояль, только бы в доме тихо было, рассудил Махмуд. Сняв со сберкнижки все свои деньги, он выпросил у председателя отпуск, договорился со знакомым водителем самосвала и уехал. Возвратился не скоро. Зейнаб уже сильно тревожиться начала, — не случилась ли беда, — как вдруг у их ворот остановился самосвал, на котором блистал черным лаком рояль.

Сгружали его всем аулом — уж о такой штуковине здесь и не помышляли. Когда рояль оказался на земле, Махмуд

расплатился с шофером и стал прикидывать, как бы получше присоединить его к заскучавшим в одиночестве рогам. Но не тут-то было — двери его дома не были рассчитаны на такой крупногабаритный груз. Желавших помочь Махмуду все прибывало, но, как ни ворочали рояль, с какого конца ни пытались втолкнуть его в дом, ничего не получалось.

— Выход один, — заметил кто-то из добровольных помощников, — надо вдвое расширить двери. Давай топор...

Махмуд подошел к сараю. Распахнул обе створки дверей, вдруг заулыбался.

— Эй, молодцы, — заорал он, — давай бери его, тащи сюда, без топора пока обойдемся.

Зуля попыталась было протестовать, но муж невинно осведомился:

— Какая тебе разница, где людям показывать эту штуковину? Тут даже лучше, не будут носить грязь в дом.

Среди людей, затаскивавших рояль в сарай, он заметил и своего соседа Патрака. Когда инструмент был прижат к стене и помощники стали расходиться, Махмуд сказал Темботу:

— А не пора ли нам взяться за шашки, сосед?

— Давно пора, — просиял Тембот. — Все вокруг в шашки играют, а мы чем хуже?

Когда, усевшись под орехом, они стали расставлять на доске шашки, до них донеслись голоса жен.

— Зуля, — говорила Зейнаб, — пошли ко мне, рассудишь, получилось ли у меня твое любимое мясное блюдо — лишица.

— С удовольствием, — откликнулась Зуля. — А потом попробуешь мое кислое молоко. А этим, — она кивнула в сторону ореха, — разве угодишь?

— Попробуй угодить, — заключила Зейнаб, — если у них в голове одни кровати да рога.

ДВА ПЛОТНИКА

лучайные знакомства в пути обычно бывают недолговечны. Поговорили люди в автобусе или в поезде, да и расстались. И тут же эта мимолетная встреча, как говорится, вылетает из головы. Вот почему я поначалу не придавал значения вопросу, с которым обратился ко мне незнакомец, сошедший с краснодарского автобуса.

— Извините, — как-то уж слишком робко проговорил он, — вы местный?

Мужчина ничем особым не выделялся. Седые усы, грустные глаза. Пуговицу поношенного пиджака теребили крупные, огрубевшие в труде пальцы. Сугул. Правда, присмотревшись, понял: в молодости этот человек, очевидно, был силачом — о том свидетельствовали упругие плечи, крутая грудь; подтверждала эту мысль и одежда незнакомца — пиджак был ему немного великоват. Вместе с тем чувствовалось, что в последнее время с ним что-то происходило — очевидно, тяжело болел.

— Вы угадали, — ответил я. — Рад буду оказать вам любую помощь. Пожалуйста, не стесняйтесь. Если нужен ночлег, наш дом к вашим услугам.

Приезжий поблагодарил, а лицо его озарилось добродушно-застенчивой улыбкой, синие глаза повеселели.

— Большое спасибо, — повторил он. — Мой друг говорил мне, что в его родном ауле все люди приветливы и гостеприимны. Как это приятно. Меня зовут Василием. Василий Орлов. — С этими словами он протянул руку. Пожимая ее, я назвалса и напомнил, что он гость и любая его просьба — для нас закон.

— Просьба у меня простая, — сказал Василий. — До войны в этом ауле жил Якуб Каншаов. Воевали мы с ним вместе. Понимаете, Якуб — плотник, и я плотник, встретились в саперном батальоне. Очень сдружились. А под Берлином нас война разлучила: угодили в госпитали. Только я был потяжелее ранен, и меня отправили в глубокий тыл. А потом, сами понимаете, плотникам работы хватало — не до путешествий было. А теперь вот надумал пуститься в далекий путь. Не знаете ли вы моего друга? Можете посоветовать, где его найти?

Пока он все это рассказывал, я думал о том, как лучше поступить в создавшейся ситуации. Сразу огорошить друга Каншаова, конечно, нельзя было — такое и сказать-то не легко.

— Каншаов — наш, вы не ошиблись адресом, — заметил я. — Но лучше бы было, если бы вы перед поездкой написали... Дело в том, что этого человека сейчас нет в ауле. Я живу совсем рядом, пройдемте — отдохнете с дороги, перекусите, а потом и решите, как поступить дальше.

Василий приободрился, повеселел. Направляясь ко мне, он с интересом разглядывал дома наших колхозников, а ко-

гда мы оказались на центральной площади, замедлил шаг.

— Не ошибусь, — заметил он, — если скажу: кое-что здесь, на этой площади, строил мой друг.

— Почти все, — обрадовался я возможности перевести беседу в сравнительно спокойное русло. — Ведь он возглавлял до... до перехода на пенсию нашу строительную бригаду. Вот двухэтажное здание правления. Верхнюю часть здания он сам выкладывал. И Дом культуры. Якуб пропадал здесь день и ночь. А на той стороне — детский комбинат. Отделку помещений для ребятишек Якуб производил сам. Видите во дворе детский городок?

— Неоконченный, в глубине?

— Вот-вот. Это Якуб строил по своей инициативе, когда уже на пенсию вышел. А вот и мой дом.

Василий умылся, но от чая отказался — заверил, что совсем недавно пообедал. Человек выдержанный, он не лез с расспросами, но во взгляде его ясно читалось: а где же мой друг? Чтобы оттянуть неприятный момент, я стал спрашивать гостя о войне.

— Что много говорить, — заметил Василий. — Ведь саперы, говоря честно, не воюют, а работают. Строят или разрушают. Мост или блиндаж или там переправу какую. А то и дорогу. Как в мирной жизни. Одна только и разница, что строить или взрывать порой приходится под огнем. Так ведь и остальным не сладко на войне. Вы кем были? Танкистом? Мы всегда танкистам завидовали. Наведем переправу, пройдут мимо нас наши танки... А мы опять за свое.

— А ранило вас последний раз с Якубом где?

— Да уже, считай, в самом Берлине. Канал попался, будь он не ладен, и надо было срочно перебросить на другой берег танки и самоходки. А фрицы пристрелялись, бьют осколочными, бризантными. От батальона, считай, ничего не осталось. В сумерках мы с Якубом и повели ребят. Только навели переправу — немцы засекли. Танковый десант почти целиком выбили. Мы на подмогу — строить-то уже, считай, нечего — напротив имперская канцелярия. Оглядываюсь — нет Якуба. «Ранен», — говорят хлопцы, санитары подхватили. А потом, уже на другой улице, и меня шарахнуло... Лечили в Москве — все клеили, сшивали. Спасибо, хорошо справились...

— А сами вы из каких краев? — снова задал я вопрос Василию, мучительно раздумывая, как выйти из этого тяжелого положения.

— Из-под Калуги я, тоже деревенский. Живем вдвоем с женой, детей нет. Сколько раз собирался вместе с ней приехать к Якубу, да все в последний момент срывалось. В прошлом году уже совсем было выехали. Так нет же — в соседней деревне перед самой уборкой ураганом крытый ток снесло. Пришлось помогать. Зимой собрались — и вдруг жена заболела, да и сам я слег. Теперь доехал. Якуб мне, считай, жизнь спас.

Я попросил Василия рассказать, как наш земляк спас ему жизнь.

— Зимой было дело, отступали мы. Угодило мне из миномета в обе ноги. Вся рота ушла, а Якуб заметил, что меня нет: Бросился назад, нашел. «Беги,— говорю ему,— все равно мне не спастись, немцы рядом...» Ничего он не ответил, а взвалил меня на спину и отошел к траншее. Там тащил по земле, потом забинтовал раны. Спрятал меня в кустарнике, откуда-то воды добыл. Я не все помню, а он только сердился, когда я его расспрашивал. Такой это человек. Очнулся я уже в медсанбате. Через день он проведать меня. А когда узнал, что меня хотят в тыл отправить, при-тащил в батальон. С тех пор мы и не разлучались до самого Берлина. Комбат наш, бывало, шутил: «Вы, Каншаов и Орлов, уж постарайтесь теперь до победы продержаться, вас тогда в музей показывать будут — вот эти два сапера рядом прошагали до самого Берлина». Да вот не вышло у нас...

В дверь постучались, в комнату вошел секретарь сельсовета Мишаост. Ответив на приветствие, я представил ему гостя.

— Приехал проведать фронтового друга,— коротко пояснил я.

Любопытство Мишаоста оказалось сильнее традиционной сдержанности.

— Кто же ваш друг, уж не Киримизе ли?

— Киримизе сейчас стал моим другом,— улыбнулся гость.— А воевал я вместе с Якубом Каншаовым.

— Мда...— протянул Мишаост.— Надо же... Эх, беда. Приехал бы месяцем раньше и застал бы в живых.

Василий опустил глаза, покачал головой.

— Ты еще не знал об этом? — Мишаост смутился.— Извини, дорогой, что я вот так... И не подумал...

— Что уж...— откликнулся наконец Василий,— догадывался я. Эх, ребята, знали ли вы, какой человек жил рядом с вами! Редкостный человек.

— Таким он и у нас оставался,— живо откликнулся

Мишаост.— Я, говорит, не могу брать деньги за детский городок, разве я не заслужил того, чтобы мне разрешили подарить детишкам свою работу? Там и умер...

Василий спросил, как найти могилу друга. Мы не стали навязываться в провожатые, — порой нет ничего благодатней одиночества. Пригласив Василия на ужин, я надолго задумался. Конечно, ни одного, ни другого не упрекнешь в том, что обстоятельства у них взяли верх над фронтовой дружбой. Обстоятельства-то не простые. Как не мог отлучиться с фронта солдат, чтобы помочь своей жене и ребятишкам, так и не решился оставить хоть на день трудовое поле. «Завтра... Завтра...»

Возвратившись с кладбища, Василий попросил познать его с вдовой друга.

— Кто у него еще есть? — спросил по дороге.

Сказал, что дочь с мужем живут в другом ауле, а внучка учится в городе. Она-то и навещает старушку.

Я повел его к монументу, поставленному в ауле в честь Победы.

— Этот памятник построен по инициативе Якуба,— сказал я.— Куда ни глянешь тут — везде его пометки. У нас, горцев, говорят, что, если о человеке напоминают его добрые дела, он не умер, он живет с нами. Это полностью относится к Якубу.

Утром я показал гостю наш музей. Там, на видном месте, висели две фотографии Каншаова — фронтовая, с орденами и медалями, и сделанная совсем недавно для доски Почета — в рабочей одежде.

После завтрака Василий попросил бумаги и чернил. Потом, протянув исписанный листок, с тревогой спросил:

— Как думаешь, пойдут навстречу? Уважат?

— Уверен, что уважат,— ответил я, пробежав глазами текст.

На листке было написано:

«Председателю сельсовета.

Прошу мне, фронтовому товарищу плотника Якуба Каншаова, разрешить достроить детский городок, который не успел закончить мой друг.

Плотник *Василий Орлов*».

Случайные знакомства обычно бывают недолговечными. Но эта встреча не позабудется никогда. Потому что всякий раз, когда приходится проходить мимо детского комбината, невольно задерживаешься у неброской надписи на одном из павильонов детского городка:

«Этот городок начал строить наш земляк фронтовик Якуб Каншаов. Здесь его настигла смерть от разрыва сердца. Закончил строительство фронтовой друг Каншаова Герой Советского Союза Василий Орлов».

КАК АУКНЕТСЯ...

ародная мудрость, если хорошо присмотреться к ней, напоминает, говоря языком географов, систему рек, озер и морей земного шара.

Взгляните на карту. Где-то возле местечка Пено, Калининской области, из-под камня выбивается родничок. Он бежит по полям, перелескам, легко пробивается сквозь холмы Валдая, а по пути в него вливаются десятки других ручейков. И вот уже возмужавшая речушка превращается в реку и получает имя: Волга!

Так же, только под другим небом, рождаются Обь и Енисей, Миссисипи и Конго, Нил и Ганг. Реки всех континентов, пройдя через моря, в конце концов встречаются в океанах. Конечно, в несколько измененном виде.

Но не вся вода уходит в океаны. Остаются озера, и они, если только человек их не тронет, будут существовать вечно в своем первоначальном виде, ни с чем не сливаясь, лишь пополняясь и обогащаясь за счет окрестных родничков и речушек.

А теперь бросьте такой же пристальный взгляд на карту народной мудрости — сборники пословиц и поговорок. Очень многие из них встретишь почти у всех народов мира. Бывало, переведешь дословно адыгейскую пословицу, а переводчик сразу предлагает русский вариант — нечто очень похожее.

Но случалось и так: объясняешь смысл адыгейского изречения, подбираешь десятки близких словосочетаний, но главная соль оригинала все же ускользает, остается нераскрытой. Это даже не идиома, а, как определили лингвисты, «непереводимая игра слов». Непереводимая. То, что существует в одном экземпляре, как и сам человек. Это и есть те самые озера в языковой системе народной мудрости, которые никуда не впадают, составляют национальную ткань родного языка, его неразменный, неповторимый основной капитал.

Все эти рассуждения я записал после долгих попыток

объяснить своему переводчику смысл одной адыгейской пословицы. Беда в том, что подстрочный перевод попросту извращал ее содержание. И переводчику трудно было уловить ее суть. Отдаленно она приближалась к русской: как аукнется, так и откликнется. Но лишь отдаленно. Словно из озера зачерпнули ведро воды. Вкус ее можно кое-как определить, но удовольствия от купания или сидения на берегу или рыбной ловли, глядя на это ведро, не ощутишь.

А дело было так. Неподалеку от нас, дома через четыре, смыкаются усадьбы Шеотлука и Шеуая: Совсем недавно мы с вездесущим Алием стали нечаянными свидетелями перебранки этих стариков. Шеотлук и Шеуай — это известно всему аулу — дружили с молодости. Эти люди всегда старались сделать друг другу что-либо приятное. Если один купит хорошие палырысы, то тотчас спешит угостить друга. Второй, возвращаясь с рыбалки, прежде всего занесет десяток-другой окуньков и лещей соседу. Делятся хорошими новостями, могут беседовать вдвоем до глубокой ночи... Никто никогда не слышал, чтобы они не то что бранились, а хотя бы голос друг на друга повысили.

И вдруг — перебранка, да еще на виду у людей.

И самое главное: обругал соседа Шеотлук — человек славящийся своей выдержкой и вежливостью далеко за пределами родного аула. Он прилюдно обозвал Шеуая дураком и добавил ту самую пословицу, которую мы никак не могли перевести и которая приближается к русской: «Как аукнется, так и откликнется».

Несмотря на все наше желание, мы с Алием не сумели сохранить на лицах положенного по старым традициям равнодушия. Физиономия парня скривилась, словно от боли: так он сдерживал распиравший его смех. Я тоже выглядел не лучше.

Едва завернув за угол, мы оба расхохотались. Конечно, это как раз то, чего нам не следовало делать. Первым это понял я.

— Ну, братец, — выдал я из себя, — не ожидал...

— Извини, — ответил Алий, — но я смеялся не над стариками. Если бы ты увидел свое лицо...

Инцидент, казалось, был исчерпан. Чтобы окончательно замаять его, я объяснил Алию, что в литературной теории подобное положение называется «комизм ситуации». При такой ситуации на человека нападает дурной смех. Он не в силах сдержать его, даже если в тот момент находится в мечети или на профсоюзном собрании.

— Это тебя так подковали на высших литературных курсах? — заинтересовался Алий, ранее донимавший меня вопросами, чему на этих курсах учат.

Незаметно мы дошли до реки. Я направился было к нашему излюбленному местечку, как вдруг Алий предложил:

— Пойдем сегодня на другое место, а?

И в голосе его, и в выражении лица я уловил что-то подозрительное: предложение явно имело какой-то скрытый смысл.

— Тут ведь у каждого места свой хозяин, — напомнил я Алию.

Алий тут же сказал:

— Сядем и будем ждать.

— Кого ждать?

— Шеотлука — кого же еще, — огорошил меня сорванец. — Ведь ты сейчас больше всего на свете хочешь узнать, почему поссорились наши уважаемые старики. Но не знаешь, как это сделать. А я знаю. Надо сесть там, где всегда рыбачит Шеотлук, забросить удочки и ждать.

— А он нас не прогонит под горячую руку?

— Шеотлук? — Алий подарил мне не очень учтливую улыбку. — Папиросы ты захватил?

Я не курил, но папиросы на всякий случай носил в кармане. Есть люди, с которыми разговоришься, лишь предложив закурить. Вместе покурить, говорят, будто выпить из одного колодца...

Расположившись как раз там, где любил сидеть Шеотлук, мы закинули удочки и стали ждать — не клева, а хозяйина этого места. Не более чем через полчаса в прибрежном кустарнике показалась золотистая папаха, с которой Шеотлук не расставался ни в какое время года. Сколько помню себя, эта папаха всегда украшала его голову. Сама голова претерпевала, как теперь говорят, многократные необратимые перемены и наконец стала походить на колено, а папаха оставалась все такой же ослепительно красивой и юной: таково свойство золотистой каракульчи.

Когда старик подошел совсем близко, мы вскочили, поздоровались и начали демонстративно, с громкими извинениями в буквальном смысле сматывать удочки.

Старик оглядел нас и сделал величавый жест рукой. Он означал, что мы можем оставаться на своих местах. Видя, что мы все же собираемся уходить, Шеотлук коротко бросил:

— Вы мне не мешаете.

— Мы будем молчать, — пообещал я, снова забросив удочку.

— Можете говорить, — буркнул Шеотлук. — Все равно в такое время на крючок пойдет только ненормальная рыба. Кстати, я уже давно хотел спросить тебя, Киримизе, — проговорил он после небольшой паузы. — Что это адыгейские писатели так мало книг пишут? Каждую неделю захожу в книжный магазин, спрашиваю, нет ли чего новенького, а мне все время одни и те же книги предлагают.

Я стал не очень уверенно доказывать, что писателей у нас мало, что хорошо писать — дело трудное, что, наконец, не всегда для этого имеется подходящее настроение.

Шеотлук, выслушав все это, заметил не без ехидцы:

— Ты, Киримизе, наверное, думаешь, что, когда моя Нахдах идет прорывать табак, она ждет соответствующего настроения? Мы бы уже давно опухли от голода, если бы от настроения зависела работа комбайнера Меджида или наших доярк. Разбаловали вас, вот что я тебе скажу, Киримизе. Понял? У настоящего творца всегда должно быть настроение.

Эта неожиданная тирада меня обрадовала. Она означала, что Шеотлука что-то тревожит. Докапывается до какой-то философской истины. А раз он начал говорить, то, надо думать, доберется и до самого заветного.

Так оно и случилось. Шеотлук разнес в пух и прах работников кооперации за отсутствие настроения. Отдал должное ремонтникам из «Райсельхозтехники» и, наконец, от критики, как и следовало ожидать, перешел к самокритике.

— Да и сами-то мы хороши, — со вздохом признался он, разделавшись с портными из Дома быта. — Как мы живем? Как разговариваем друг с другом? Как со злейшими врагами.

Желание ускорить события толкнуло меня на рискованный шаг — я решил подать реплику:

— Ну, уж кого-кого, а тебя, Шеотлук, в этом не обвинишь.

Старик покосился на меня, насадил на крючок свежего червячка и, плюнув на него, забросил леску в воду.

— Со всеми бывает, — уклончиво заметил он. — Бывает и со мной. Но, конечно, не себя я имел в виду. Недавно мой сосед, Шеуай, вдруг сообщил мне, что уже давно завидует мне. С чего бы это? — спросил я. Вот его ответ: «Хорошая у тебя, говорит, жена Нахдах: вежливая такая,

услужливая, всегда гостям рада. А моя Лящын — как ведьма. Ей слово — она два, ей замечание сделаешь, она ругаться начнет. И так втянулась в это поганое дело, что порой и при гостях обложит. Хоть сквозь землю провалились. Да ведь ты сам слышал. Помнишь, я попросил ее принести мне спички, а она что в ответ? «Хочешь курить, иди сам за спичками, в нашем доме служанки, слава аллаху, нет». И когда я научу мою старуху вести себя как Нахдах?»

Закурив, старик продолжал:

— Я сказал Шеуаю, что хорошо запомнил ответ его жены. Действительно, не очень красиво получилось. И тут же спросил его: запомнил ли он сам, как именно обратился к жене за спичками? «Нет, говорит, не помню. Попросил, как мог. А что?» А я говорю, что запомнил его слова. Ты, говорю, сказал ей так: «Эй, старуха, где ты там шатаешься? Принеси-ка мне, старая бездельница, спички, я курить хочу». Как ты думаешь, приятно ей выслушивать такие слова? Что же ответил на это Шеуай? Ты не поверишь. Он говорит: «Подумаешь, не так выразился. Да ведь я ее кормлю, пою, я хозяин дома, я...» Тут я его и спросил: разве Лящын не ходит на работу? Или не управляется по дому? Почему так говоришь, что кормишь ее? Она, может быть, делает больше, чем ты. И даже наверняка — теперь у доярок самые высокие заработки в колхозе.

Разве, Киримизе, я не прав? А Шеуай что мне ответил? Он говорит, что и моя Нахдах ходит на кукурузу и виноград, что и она ведет хозяйство, а с мужем и с его гостями общается как положено воспитанной жене. Я решил, что он меня не понимает, и начал издали. Помнишь, говорю, то счастливое время, когда мы выбирали себе невест? Ведь Нахдах и Лящын были подругами. Что ты говорил о Лящын? Да и не говорил ты, а дел. При мысли о ней ашугом становился. Так ведь?

Он, конечно, согласился, от правды-то не уйдешь.

Тогда я вспомнил, какой была Лящын в первые годы их женитьбы: приветливая, ласковая. Если при ней произносили грубое слово — краснела.

И это Шеуай подтвердил.

Шеоглук, забыв, что у него в руках удлище, начал хлестать им по голенищу сапога. Словхватившись, улыбнулся — как-то тепло и вместе с тем горестно — и продолжал:

— Вижу, и этого намека не понял мой друг. И тогда решил выложить ему все начистоту. Как есть. Пусть делает выводы. Раз уж он начал этот разговор, то обязан выслу-

шать все до конца. Я сказал ему, что он не единственный, кто жалуется на жену. Оно и понятно: иметь плохую жену — то же самое, что всю жизнь носить тесную обувь. Даже хуже. Каждую минуту чувствуешь это. Но ведь твоя жена не была такой в первые годы, почему она так переменялась? Не знаешь? Ну-ка вспомни, что ты сказал ей, когда она, подавая нам угощение, нечаянно разбила тарелку? Ты сказал — и это при гостях, — что она растяпа, левша, безрукая и еще много обидных слов. А мог бы сказать совсем другое. Мог бы сказать: «Лящын, не расстраивайся, а радуйся, — разбить тарелку — это к добру». Ты, сосед, забыл, что женщине нужны ласковые слова, и разговаривал с ней день ото дня все грубее. Помнишь, что ты сказал ей, когда мы однажды вечером сидели у тебя? Ты несколько раз позвал жену, а ее все не было. Тогда ты начал ругаться. А когда она появилась, набросился на нее с упреками: «Где ты моталась, идиотка, мы есть хотим...» Она ничего не ответила, а пошла готовить. От волнения и пересолила. Можно было бы и не заметить, а ты раскричался так, что соседи напротив высочили из дому.

«А что же я должен был сделать?» — спросил Шеуай.

«Да хоть бы спросить, где она была. И ты бы узнал, что твоя жена ухаживала за больной соседкой, Мариет тогда было очень плохо, умирала женщина».

Он спросил меня, Киримизе, что я говорю своей жене, если она что-нибудь испортит или не так сделает. Все обращаю в шутку, ответил я. Шучу даже тогда, когда она начинает меня поругивать. Все любят хорошую шутку, а женщина отойдет, услышав ее. А ведь мы, мужчины, каждый свой поступок считаем правильным, а женам и детям делаем по каждому пустяку замечания. Это вызывает вполне законное раздражение. Обстановка накаляется, наконец люди забывают о том, что когда-то жили в мире и согласии. Только и ждут, чтобы сказать друг другу какую-нибудь колкость.

Ты, Киримизе, уже, наверное, устал слушать меня и думаешь: «Вот разболтался старик, всю рыбу перепугал». Но я должен сообщить тебе, чем все это кончилось.

Шеуай выслушал меня, подумал и сказал: «Ладно, друг, попробуй по-другому. Может, ты прав».

Очень я обрадовался. Ведь Нахдах и Лящын — подруги, и мне порой бывало стыдно за своего дружка. Давно уже мне хотелось повернуть его лицом к правде, но все как-то откладывал, не хватало духу. А раз он сам запросил-

ся, я ему все и выложил. Теперь, думал, у них пойдет иначе.

А сегодня утром копаюсь в огороде, вдруг слышу, как Шеуай на всю улицу орет: «Эй, растяпа, где ты там болтаешься, в огород куры залезли...» И слышу ответ Лящын: «Сам ты растяпа, это ты забыл калитку в огород запереть, безрукий осел». Тут уж не выдержал я. Крикнул Шеуаю, что он дурак, и подтвердил это нашей поговоркой.

И Шеотлук назвал поговорку, которую мы никак не могли перевести, которая, как озеро, никак не хотела уходить с насиженного места. Она примерно означает то, что провозглашает русская — «Как аукнется, так и откликнется».

И которая, как это ни прискорбно, доходит далеко не до каждого.

ЗАВИСТЬ

давний противник таких заседаний и совещаний, которые послужили нашему великому поэту Маяковскому темой для его стихотворения «Прозаседавшиеся». Бывают и в наше время подобные «мероприятия»... Но вот собрания и митинги, привлекающие всех людей, — это совсем другое дело. Их посещаю с преогромным интересом. И почти никогда не сожалею об этом.

Однажды мне пришлось стать свидетелем необычного собрания во время сенокоса. Небо хмурилось, вот-вот хлынет дождь. Люди, спасая сено, трудились до седьмого пота. Ко времени, когда упали первые капли дождя, вся скошенная трава была аккуратнo уложена в стожки.

Ливень загнал всех под старый навес. Здесь собрались старики и молодежь, мужчины и женщины, участники районной самодеятельности, прибывшие с концертом, а также я и мой гость из Москвы. После того как люди отряхнулись и обменялись репликами, наступила странная тишина. Странная потому, что необычна она была для такой массы людей. Каждый словно чего-то ждал.

Шумел лишь дождь.

— Товарищи! — раздалось вдруг под навесом.

Все повернулись на голос, заулыбались. Это слово произнес Ахмед Хатанов, человек, который вообще никогда с речами не выступал. Старик славился не красноречием, а

трудолюбием. Выступать же он отказывался даже тогда, когда его очень просили.

— Товарищи! — повторил он. — Как хорошо, что мы все вместе делаем одно большое дело. Спасибо вам, дорогие, что вы так здорово умеете работать. Глядя на вашу работу, и я, человек уже немолодой, ощутил прилив сил. — Он прижал руки к груди и умолк.

Гость из Москвы стал теребить меня за рукав:

— Что он сказал? Переведи.

А я молчал. Вообще-то сентиментальностью я не отличаюсь, но тут что-то запершило в горле. Разволновались и все остальные.

И вдруг люди разговорились. Старики произносили короткие речи, выступали и колхозники средних лет. Несколько сердечных слов, и вся речь. А в целом это был, не боюсь громкого слова, гимн труду коллективному, гимн колхозу.

А какие речи можно услышать иной раз на колхозном собрании! Да что речи. Бывает, иная реплика стоит целого выступления. Но случай, о котором я хочу рассказать, относится не к речам и даже не к репликам. Разговор пойдет о молчании. Молчании одного человека, которое оказалось красноречивее всяких слов.

Как-то довелось мне быть в своем родном ауле на собрании по поводу завершения уборки урожая. Я немного припоздал, причем сделал это умышленно: в присутствии постороннего люди порой ведут себя не так просто, не так непосредственно, как в своем кругу. А я хоть и свой, но вместе с тем и не свой. Вот почему я попросил моего юного друга Алия приберечь мне местечко в сторонке и дать сигнал, когда собрание начнется. В соответствующий момент Алий ввел меня в слабо освещенный зал и усадил на последней скамье.

Пока председатель колхоза читал постановление правления о награждении передовиков уборки, я приглядывался к президиуму. Среди колхозников, удостоенных этой чести, сразу узнал известного механизатора Мишаоста. Это был человек, рожденный для техники. Мишаост, одетый в синий костюм, сидел прямо, взор его был устремлен в люстру, — чувствовалось, что он здорово смущен. Сколько лет выбирают его в президиумы собраний, а он все никак не привыкнет к этому.

Рассмотрев всех членов президиума, я стал потихоньку озираться вокруг. Вот уж чудеса! — рядом со мной оказался Шеокар. Заподозрить в чем-либо Алия я не мог — ведь

мальчишка и знать не знал о том, что произошло лет десять назад.

Я стал потихоньку наблюдать за Шеокаром. Впрочем, скрывать это почти и не приходилось, так как Шеокар — бывший помощник Мишаоста — деликом был поглощен тем, что происходило на сцене, и не обращал никакого внимания на соседей. Чуть выгнув шею, он слушал имена передовиков и всякий раз моргал, когда называлась сумма премии. Казалось, будто именно в этот момент кто-то щелкал его по носу.

Как же ты изменился, Шеокар! Располнел, лицо обрюзгло, под глазами — темноватые мешки. Но не это главное. Изменилась и твоя одежда. Как ты гордился раньше небольшими костюмами, белоснежными рубашками. Разве забудешь, как ты сказал Мишаосту:

— Не могу больше копаться в этой грязи. Земля, мазут, керосин... Будь оно все неладно! И не оденешься как человек, и не поешь как следует, и не выспишься.

И это — после трех лет работы. После того как Мишаост объявил тебе, своему помощнику, что будет рекомендовать тебя в комбайнеры. И ведь тогда машину как раз получили. Ты, Шеокар, отлично знал, что новый комбайн хотели передать Мишаосту, но он запротестовал, сказал, что еще на старом поработает. А молодому механизатору, Шеокару, пусть новую технику дадут, быстрее освоится на самостоятельном посту.

Все мы замечали, что ты в тот сезон стал отлынивать от работы. Думали, что надоело в помощниках комбайнера ходить, хотелось испытать свой характер, проверить свою трудовую хватку. Ничего плохого в этом не видели. И как ошиблись. Как удивился Мишаост, услышав те твои слова. Он не мог проникнуть в их смысл, сколько ни старался. Он даже не обиделся тогда на тебя.

— Мазут... — повторил он. — А мне нравится запах мазута, нравится наше поле. Мазут — поле — хлеб, разве это не одно целое? Нравится хлеб, значит, и мазут должен нравиться.

Ты только скорчил брезгливую мину...

Так вы тогда и расстались. Мишаост продолжал покопать технику, а ты стал, по твоему собственному выражению, «делать деньги».

Кто тебя знает, как ты их делал, но это у тебя получалось. Вскоре на твоём дворе зафыркал «Москвич». Как-то

молниеносно возвел ты себе новый дом. Одевался, как дипломат.

Что и говорить, многие парни в аule тогда призадумались: кому подражать — Мишаосту или Шеокару? И ведь были такие, что за тобой, Шеокар, потянулись. Это-то, только это и настраивало против тебя твоих прежних друзей и соседей — Мишаоста и меня. Но мы виду не подавали. Помнишь, даже на новоселье пришли. И ты, как нам казалось, искренне поздравил Мишаоста с его первым орденом, а меня — с новой книгой стихов.

Разлад начался не по нашей вине. Собственно, особого разлада и не было, сразу произошел полный разрыв. В тот день ты взаем «Москвича» пригнал «Волгу», а вечером как раз чувствовали Мишаоста — он возвратился из Майкопа с Золотой Звездой Героя. Встречал первого в аule Героя Социалистического Труда весь народ: клуб оказался тесен для митинга, собрались на площади. После митинга мы шли домой втроем. Я спросил тебя, не жалеешь ли, что не принял комбайн, ушел с механизаторской работы, вообще оторвался от колхозных дел. Ты ухмыльнулся в ответ:

— Разве я не понимаю, почему ты спрашиваешь об этом? Все мне завидуют. И попрекают от зависти. Разве кто-нибудь в состоянии завести себе такую мебель, какая есть у меня? Или ездить на курорты и тратить там денег столько, сколько я? Вот хотя бы Мишаост. Вкальвает день и ночь, а сколько у него костюмов? Сколько у тебя костюмов, Мишаост, скажи правду?

Мишаост и на этот раз не рассердился на своего бывшего помощника.

— Выходной — один, — добродушно произнес он.

— А у меня — шесть! — выкрикнул Шеокар. — Скажи, можешь ли ты купить шесть костюмов, Мишаост?

— Могу, — ответил комбайнер, — у меня много лишних денег...

— Почему же у тебя только один костюм?

— Потому, что у меня только одна спина... И я не жадный.

— Это ты все от зависти, Мишаост, говоришь, — перебил его Шеокар. — Все мне завидуют, все!

А на следующее утро мы узнали, что Шеокар не только жаден, но и жесток. В ту ночь тяжело заболел наш сосед, старик Каламет. Послали за врачом.

— Острый приступ аппендицита, — определил доктор. — Достаньте машину, надо немедленно везти его в районную

больницу. Пока будет ехать, я созвонюсь, там все приготовят для операции.

Бросились, разумеется, к Шеокару. А он сказал, что его машина неисправна.

Выход; конечно, нашли, операция была сделана своевременно. А утречком все увидели, что Шеокар куда-то отправился на своей машине. Только после этого мы перестали считать Шеокара своим приятелем, откровенно избегали его.

Вскоре он перешел на работу в райцентр и дома появлялся изредка. Разумеется, и на собраниях колхозных не бывал. Что же его привело сюда сегодня?

Увидев, что я заинтересовался Шеокаром, Алий шепнул мне:

— Его выгнали с работы в райцентре...

После председателя выступил секретарь колхозного парткома. Он поздравил земляков с успехом, говорил и о Мишаосте. В эти минуты лицо Шеокара пятнами пошло. Он слушал, сжав кулаки.

По общему требованию на трибуну поднялся сам Мишаост.

— Не мастер я речи произносить, вы это знаете, — проговорил он и улынулся своей немного застенчивой улыбкой. Все зааплодировали. — Поэтому скажу коротко. Наш труд приносит нам радость. Вот тут хвалили меня. А что я без вас всех, без своего молодого помощника Мурата? Золотые руки у парня. Спасибо тебе, сынок. Спасибо твоим родителям за тебя. Спасибо всем, мои земляки.

На некоторое время я позабыл о Шеокаре. Бросив же теперь на него взгляд, поразился. Ни злости, ни самодовольства не было на его лице. Во взгляде — нескрываемая зависть! Может, вспомнилось ему в эти мгновения, как работал вместе с Мишаостом? А может, припомнился час, когда он высокомерно отверг предложение принять новый комбайн? Или промелькнула перед мысленным взором вся его никчемная, отданная наживе жизнь. Кто знает...

Вот почему, будучи солидарен с поэтом, я все же стою за митинги и собрания, которые пробуждают в людях высокие помыслы и в то же время заставляют обнажить самые неприглядные гайники души тех, кто свернул с прямой дороги.

Потому и хочется мне рассказать вам еще и об Айтече.

ГАБИДЕТ И АНТОНИНА

орой задумываешься: почему один населенный пункт назвали селом, другой — станицей, третий — аулом? Не проще ли все называть одинаково?

Нет, не выйдет это. Разнятся эти населенные пункты не только своими названиями, каждое понятие несет на себе значительно большую нагрузку. Я мог бы составить длинный список этих различий, разбив их на пункты и параграфы: самые важные, менее важные и мелкие, но тоже весьма существенные. Но оставлю это этнографам. Мне же сейчас хочется отметить не то, что, так сказать, разъединяет их, а то, что присуще любому населенному пункту — селу и аулу, деревне и станице, кишлаку и айлу: здесь ничего не сохранишь в секрете.

Хорошо это или плохо? Я думаю, хорошо. Человек совестливый вынужден, считаясь с общественным мнением, держать себя в рамках. Конечно, это не всегда удается, но все же сказывается. Мелкие семейные конфликты, как правило, рассасываются, как случайные ссадины — без участия врача. А крупные плывут по аулу (соответственно станице, селу, кишлаку и т. д.), словно грозовые тучи, извергая время от времени то дождь, то град, обязательно с громом.

В каждом населенном пункте имеется несколько домов, обитатели которых, не считаясь ни с условностями, ни с обычными нормами так называемого приличия, ни даже с действующими, говоря официальным языком, общеобязательными постановлениями и распоряжениями местных властей, ведут себя так, как им вздумается.

В нашем ауле неуважением к общественному мнению славился дом Бороковых. Впрочем, не всегда. Пока жива была первая жена Масхуда Борокова, Аминет, дом этот не отличался от всех прочих. Аулчане знали, что Масхуд — человек несдержанный, грубый, но проявлялось это крайне редко. После смерти Аминет в дом Бороковых пришла новая хозяйка — Зулифа. Говорят, познакомился с ней Масхуд в Майкопе на рынке. То есть не то чтобы увидел ее впервые, ведь они — земляки, живут на одной улице. Только раньше Масхуд даже взглядом ее не удостаивал — очень уж разителен был контраст между его Аминет и Зулифой. Эта крикливая толстуха словно рождена была для базара. Она не говорила, а верещала; при этом ее лицо краснело и прини-

мало выражение, о котором сложилось единодушное мнение: «Взбесилась баба». Ее лексике могла бы позавидовать профессиональная спекулянтка. Впрочем, вскоре она и стала ею. Разумеется, Бороков, один из лучших овощеводов колхоза, женатый на Аминет, дочери первого колхозного механизатора, известной в районе доярке, не мог, не унизив себя, снизить до разговора с такой особой, как Зулифа. Так и получилось, что хотя и жили они на одной улице, но вроде как бы и знакомы не были.

После смерти Аминет Масхуду пришлось нелегко. Дочери Сура и Габидет уже были в том возрасте, когда родительские расходы на содержание сильно увеличиваются: своих дочерей он хотел одевать «не хуже других». Вот и пришлось Масхуду отправиться на майкопский рынок с первыми овощами. С непривычки он сильно смущался и уступал перед натиском покупателей. Тепличные огурцы, которые он привез, шли по самой низкой цене. У весов Масхуда образовалась очередь. Это вызвало возмущение других торговцев овощами — обычно они стояли стеной, ни один не сбивал цену, — ведь это приносило каждому из них прямой убыток.

Первой отреагировала на это неслыханное нарушение рыночной этики (есть и такая! — а почему бы и не быть, ведь есть же «воровская этика»), конечно, вездесущая Зулифа. Постояв с минуту за спиной Масхуда, она не только все поняла, но и выработала четкую программу действий. И тут же взялась за ее осуществление. Но к великому удивлению хорошо знавших ее торговцев — не в своей обычной манере. Масхуд вдруг услышал за своей спиной вкрадчивый голосок:

— Постой-ка, Масхуд, прекрати на минутку торговлю. Есть к тебе дело.

Очередь, правда, зашумела, но Масхуд, которому уже опротивело это занятие, отошел с Зулифой в сторону.

— Дорогой мой, — проворковала Зулифа. — Разве это дело, сосед, для тебя? Подумай, такой видный мужчина, передовик лучшего в Адыгее колхоза лично продает овощи. Да к лицу ли это тебе, дорогой? Хорошо еще, что наши тебя не видят.

— А что же мне остается делать? — выдавил из себя Масхуд. — Деньги нужны, а торговать в семье никому.

— Дорогой мой, — еще вкрадчивей зашептала Зулифа. — Плохо ты знаешь женщин Шапсуга. Они не дадут своих

мужчин в обиду. Один аллах знает, на что мы готовы ради них.

При этом она даже не улыбнулась.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Масхуд. Перспектива передать заботы о сбыте парниковой продукции соседке ему пришлась по душе, он готов был при этом даже понести некоторые потери.

— Дорогой мой, — еле слышно выговорила Зулифа. — Ведь я все равно торгую и не уйду, пока не распродам свой товар. Перетащи свои огурцы к моим весам, скажи, сколько их, а можешь и не говорить, твои деньги буду держать отдельно, а сам иди туда, где положено быть такому джигиту, как ты, — в пивной бар. Когда торговля закончится, я найду тебя там. Кстати, ты почему берешь за килограмм?

— Э... — замялся Масхуд, — как-то неудобно торговаться.

— Дорогой мой, — беззвучно засмеялась Зулифа. — Этак ты много не соберешь. Ладно, тащи все ко мне, мы твою ошибку исправим.

Очередь двинулась за Масхудом, который поволок мешки с огурцами на новое место. Но, узнав о том, что цена на огурцы здорово подскочила, люди стали расходиться. Обрадованный неожиданным освобождением, Масхуд не стал задерживаться на рынке.

Примерно в полдень Зулифа нашла Масхуда в пивном баре. По его раскрасневшемуся, довольному лицу можно было легко уяснить, что сидеть здесь ему нравилось больше, чем стоять за прилавком.

— У тебя оставалось сорок два килограмма огурцов, — доложила Зулифа. — Получай восемьдесят четыре рубля. Она выложила деньги на стол.

Масхуд опешил.

— А тебе сколько? — осведомился он. — За работу?

— Дорогой мой, — нахмурилась Зулифа. — Плохо ты знаешь наших женщин. Даже обидно. Если мужчина женат, мы его обходим стороной, аллах с ним. Но человеку, оставшемуся с детьми, не поможет только последняя дрянь. Уверена, что в ауле Шапсуг таких нет. — И Зулифа улыбнулась.

Масхуд, опорожнивший несколько бутылок жигулевского пива, ощутил необходимость выразить свою благодарность соседке. Схватив ее за руку, он начал ее тискать.

Глаза Зулифы сверкнули.

— Масхуд, — шепнула она. — Женщины нашего аула готовы на все. Но разве пивной бар — место для нежностей? И вообще у тебя есть дело поважнее...

— Какое же? — нехотя отпуская руку Зулифы, спросил Масхуд.

— Купить подарки дочерям.

Глаза Масхуда увлажнились.

— А ведь я, — вдруг признался он, — считал, что ты обыкновенная спекулянтка. Честное слово. Накажи меня аллах.

— Так многие думают, — вздохнула Зулифа. — Если бы они знали, что у меня внутри. — И она приложила руку к высокой груди, обтянутой прозрачной кофточкой.

Подарки дочерям Масхуда отбирались долго и придиричиво. В конце концов выяснилось, что наличных денег Масхуда на все не хватает.

— Пустяки, — объявила руководившая делом Зулифа. — Добавлю. Давно уже мне хочется порадовать твоих девочек, да обычаи не позволяют. Но раз аллах предоставил мне такую возможность, не отнимай ее у меня, дорогой мой. И никогда не напоминай об этом пустяке: женщины Шапсуга никогда не были мелочными.

Они возвратились в аул затемно. Прощаясь, Масхуд долго не выпускал ее руку.

— Мне бы хотелось отблагодарить тебя, — сказал он. — Да не знаю, как это сделать, чтобы ты не обиделась.

— У меня есть одна мысль, — шепнула Зулифа.

— Говори...

— Не время сейчас, ты спешишь к дочерям, я — к своей старушке матери. Знаешь что? Приходи, когда дочки заснут, поговорим.

Вскоре после этого в доме Бороковых появилась новая хозяйка. Ее отзывчивость на майкопском рынке оказалась той наживкой, которую насаживает рыбак, чтобы поймать крупную рыбину. Осетр клюнул. И постепенно Масхуд начал меняться. У него появилось желание «сделать» побольше денег. Он расширил парники на приусадебном участке, Зулифа стала разводить кур, индюшек, закупала яйца у соседок, не успевавших ездить на рынок.

И все же не тогда дом Бороковых приобрел худую славу. Произошло это несколько позже, когда мачеха взяла с собой на базар старшую дочь Масхуда — Суру. Одного дня торговли для этой девочки, которая по общему утверждению была

вылитая мать, оказалось достаточным, чтобы взбунтоваться.

— Больше торговать не буду... — сказала она отцу. — Стыдно драться щкуру с людей.

Вот тогда и произошел первый шумный скандал. Масхуд стал на сторону Зулифы.

— Лакированные туфли носить хочешь, — орал он во все горло, — а денежки на них зарабатывать охоты нет? Думаешь, мы с Зулифой век тебя на шею держать будем? Не хочешь ездить на базар, и не рассчитывай ни на что. А завтра, в воскресенье, поедешь с матерью, все уже подготовлено.

Сура, конечно, поехала. А через несколько дней собрала свои вещички и объявила, что переезжает в соседний колхоз — будет там работать на птицеферме.

В тот день в доме Бороковых разразился второй скандал: Масхуд пытался удержать дочь дома, но своей грубостью лишь окончательно испортил отношения с ней. Так они остались втроем. Младшая, Габидет, еще училась в пятом классе. Она-то и стала опорой Зулифы в ее торговых делах.

— Зачем тебе, глупая, решать эти дурацкие задачки, — говорила ей Зулифа. — Со мной на базаре скорее считать научишься. Вот взвесила ты кило триста двадцать граммов помидоров, сколько надо получить?

Габидет прикидывает, называет цифру.

— Глупая, — смеется мачеха. — Там учителя нет, отметку ставить не будут. Всегда добавляй пятнадцать — двадцать копеек, ведь никто не пересчитывает.

— А если пересчитают?

— Скажи, что обсчиталась, извинись.

Но обсчитывать Габидет не научилась. И к торговле не пристрастилась. И даже наоборот — тихо возненавидела эту самую торговлю как своего злейшего врага. И хотя бунтовать не рискнула, но, окончив восемь классов, поехала в город — попыталась попасть в медицинское училище. Экзамен, разумеется, не выдержала и возвратилась в аул. Было это летом, я как раз гостил у родных и стал невольным свидетелем очередного скандала в доме Бороковых. Громче всех звучал голос мачехи:

— Подумать только, такую работу нашли, а она привередничает. Да знаешь ли ты, что значит попасть в контору? Отец у председателя в ногах валялся, чтобы устроить ее, а она фыркает.

— Не буду конторской крысой, — столь же воинственно

выкрикнула Габидет.— И на базар больше не буду ездить. Денег полный сундук, а все им мало...

— Что ты за человек! — заорал Масхуд.— Ей хоть кол на голове теши, не докажешь. Вся молодежь теперь такая, родителей ни в грош не ставит. Сколько ты на ферме зарабатываешь? Вставать на рассвете придется, возвращаться будешь черт знает когда... А дома за теплицами кто будет ухаживать? Завтра же пойдешь к главбуху и скажешь, что ты согласна работать в конторе. Поняла?

— Надо мной и так все смеются. Не пойду в контору! Тут на нее набросилась Зулифа.

— Так ты уважаешь родного отца? — крикнула она, и по тембру голоса можно было с уверенностью предположить, что она, произнося это, сделала рукой, а то и всем корпусом выпад в сторону ненавистной падчерицы.— Денег полный сундук! А для кого же мы стараемся, если не для тебя?

И снова грянул гром.

— Слушай же меня, Габидет,— пророкотал Масхуд.— Слушай. Завтра отправишься на работу в контору. Не сделаешь этого, убирайся на все четыре стороны.

— Отец, подумай, что ты говоришь? — воскликнула Габидет.— Ты ведь не был таким, деньги испортили тебя. Зачем тебе столько денег?

— В контору или куда угодно! — раздалось в ответ.

Габидет вылетела на улицу и остановилась. За ней вышел Масхуд. Он еще не остыл от перепалки, лицо у него было пятнистым, губы дергались.

— Счастливый ты, Киримизе,— сказал он, заметив меня.— У тебя сыновья.

— Я бы не возражал и против дочерей,— пошутил я.— Смотри, какая у тебя красавица Габидет.

— Не в красоте счастье,— буркнул Масхуд.— Еле-еле восемь классов окончила... Ветер в голове...

Что-что, а оскорбление при постороннем Габидет снести не могла.

— А почему плохо училась твоя дочь, скажи и это, отец? Скажи, что она вместо школы на базаре торчала, когда другие делали уроки, она работала в твоём парнике. Так и отстала, а потом не смогла догнать...

На глазах у девушки появились слезы, она убежала.

— Вот видишь,— торжествуя воскликнул Масхуд.— Ты ей слово, она тебе десять. Ну да ладно, завтра пойдет в контору, там, слава аллаху, есть с кого брать пример. Может, заглянешь? Пропустим по стаканчику, а?

Я отказался. Попрошавшись, пошел своей дорогой.

— Как ты думаешь,— послышался у меня за спиной голос Масхуда,— пойдет она завтра в контору?

Я не обернулся. Зачем? Я ведь точно знал: Габидет в контору не пойдет.

Утром я уезжал из аула. Солнце уже лежало на капустных грядках. Дорога была ослепительно чистой и тихой; в такой час ездить на машине — одно удовольствие: ни машин, ни людей. Рядом со мной сидел Алий — он решил проводить меня до первой развилки. Именно там мы и заметили тоненькую фигурку Габидет с чемоданом.

Мы, конечно, прихватили ее.

— К Суре на несколько деньков решила отправиться,— соврала девушка.

Бедняжка даже в этом положении щадила самолюбие отца. Впрочем, какого-либо раскаяния или хотя бы сожаления о том, что произошло, ни в тоне ее голоса, ни в настроении обнаружить нельзя было.

Через некоторое время на областное радио, где я тогда работал, пришла заметка под названием, которое привлекло мое внимание. «Сестры-птичницы». Речь шла о Суре и Габидет. На душе стало легче — нашла девушка свой путь!

В тот день мне казалось, что история с Габидет окончена. Как это нередко бывает у литераторов, размышления о семье Бороковых перешли в план творческий — порой я прикидывал, куда бы мне пристроить этот сюжет. Отдельный рассказ о Габидет и ее сестре писать не было смысла, подобные «бунты» в аулах — не новость. Первый из них произошел, как утверждают старики, еще в тысяча девятьсот двадцатом году. Несколько девушек бежало из аула Адамий в Краснодар, на учительские курсы. Возвратившись, они стали учить ребят в своей же аульской школе. Но вот однажды, когда я готовил очередную радиопередачу, раздался телефонный звонок. В трубке звучал голос Алия.

— Киримизе,— кричал что есть силы мой юный друг,— ты знаешь, откуда я говорю?

— Алий,— взмолился я,— пожалуйста, не кричи так сильно, я еще не полностью оглох. Ты говоришь из автомата, который установлен между парком культуры и театром.

— Точно,— разочарованно протянул Алий.— Значит, сюрприза не вышло. К тебе можно?

— Давай.

— Но я не один.

— Приходи со всей бригадой.

— Сейчас будем.

Еще десять дней назад я знал, что состоится областной слет руководителей школьных производственных бригад, что вызван на него и Алий, бригада которого вышла на второе место в области. Знал даже то, о чем до поры не должен был догадываться и сам герой, — что его наградят ценным подарком.

Но сюрприз все же состоялся. Стук в дверь, и на пороге моего кабинета Алий. А за ним...

— Габидет! — воскликнул я. — Заходи, заходи.

— Здравствуйте, дядя Киримизе, — заулыбалась Габидет. — Я не одна, с подругой.

— И подругу давай сюда.

Она ввела в комнату такую же стройную девушку, как и сама, но только светловолосую, голубоглазую.

— Антонина, — представилась подружка Габидет и густо покраснела.

— Вы работаете вместе? — спросил я, чтобы разрядить обстановку, сделать ее более непринужденной.

— Ага, — подтвердила Габидет.

— Ну, как там ваши цыплята?

Габидет хихикнула, а Антонина покраснела еще гуще.

— Это я виноват, — хмыкнув, произнес Алий. — Габидет уже более двух лет на другой работе. Антонина и Габидет приглашены на наш слет — они должны рассказать о своей ферме. По этому случаю у них досрочно приняли последний экзамен.

— Где же вы учитесь, замлячки? — заинтересовался я.

Короткая реплика Алиа содержала много намеков и дала мне ясно понять, что я отстал от некоторых событий.

— Мы вместе окончили вечернюю школу, — тихо доложила Антонина. — Хотим вместе поступить на вечернее отделение сельхозинститута.

— Поздравляю! Молодцы! А как дела на ферме?

— План первого полугодия, — это опять заговорила Антонина, — выполнен на сто сорок один процент, от каждой свиноматки уже получено по четырнадцать поросят. С откорма снимаем животных со средним весом сто двадцать килограммов.

Я растерянно взглянул на Алиа, но он предусмотрительно отвернулся к окну: выпутывайся, мол, сам как тебе вздумается. Но попробуй выпутаться. В начале этого рассказа я отказался от описания различий между аулом, селом или станицей. Теперь приходится частично нарушить собст-

венную установку. Дело в том, что адыги — мусульмане. Религиозные правила предусматривают для «правосверных» различные запреты — среди них на первом месте вино и свинина. Свинья, согласно мусульманской догме, животное нечистое, мусульманин не имеет права не только есть свинину, но и заниматься свиноводством. Верующих в аулах осталось очень мало, но отвращение к свинине как таковой, да и к свинье, привитое веками, преодолеть не просто. Вот почему эта прибыльная отрасль животноводства в аулах развивается крайне медленно. Специализация, осуществляемая последние годы, направила внимание адыгов на развитие овцеводства и молочно-мясного животноводства. И это, в общем, верно — зачем навязывать дело, к которому не лежит душа. Но все же каждая весточка о создании свинофермы в ауле воспринимается как победа нового. Я лично был знаком со знатым адыгейским свиноводом Цыргоем. По его рассказам знал, что большинство его земляков относится к свиноферме довольно равнодушно, но в угоду некоторым старикам высказывается против нее. Случалось, что религиозные фанатики грозили Цыргою. Как-то на его ферме возник пожар. Следственные органы установили, что имел место поджог.

Так обстояло дело со свиноводством. Как же могло случиться, что я проморгал создание свинофермы в одном из аулов? Это было невероятно. Такого промаха я бы себе не простил. Но тут вспомнил, что сам когда-то привез Габидет в аул, в котором была свиноферма. Теперь все становилось на свои места, кроме одного — как могла оказаться среди свинок адыгейка? Такого случая в области еще не знали. Я попросил Габидет кое-что объяснить.

— Начала я работать вместе с сестрой, — рассказала она, — на птичнике. Осенью пошла в вечернюю школу. Там оказалась за одной партой со свиноводкой Тоней. Я приотстала, Тоня помогла мне, постепенно мы сдружились. Она ходила к нам в гости, я — к ней. Приходилось и на свиноферму захаживать. А когда подруга работает, неудобно стоять без дела. Увидела я, что поросята очень забавные, научилась ухаживать за ними. Конечно, об этом никто из наших не знал. Впрочем, я говорю неправду, один человек знал, шофер Шумаф. Он привозил корма. Заметив меня там, как-то странно поглядел, но ничего не сказал. Потом всегда приветливо здоровался.

— А у меня произошло несчастье, — вмешалась Антонина. — Получила телеграмму, что заболел братишка. Надо

было съездить в родное село, да ферму не на кого оставить. Обратиться к Габидет не рискнула — понимала, чем это может обернуться для нее. Сижу, плачу. Братишка только из армии возвратился, не видела его около трех лет. Вот так. А Габидет говорит: «Если ты, Тоня, на несколько дней, то я смогу... Сестра одна на птичнике побудет, а я здесь. Никто и не узнает...» И я уехала. Думала, обернусь за трое суток, только вдруг сама прихворнула. А тут на ферму какая-то комиссия нагрязнула.

Она умолкла. Продолжать эту занятную историю должна была Габидет, но она смущенно молчала. Пришлось вмешаться Алию.

— Скандальчик разразился будь здоров, — уточнил он. — Габидет онемела от страха. К счастью, на месте оказался Шумаф. Он сказал, что Антонина уехала на несколько часов. Но все равно по аулу пошел слух, что адыгейка возится со свиньями.

— А я сказала: мне чихать на всякие предрассудки! — вдруг выкрикнула Габидет. — Я комсомолка, понятно? Я неверующая! Свиноводство — очень прибыльная отрасль, но одной Тоне здесь трудно. Если дать ей помощников, то колхоз большую прибыль получит. А мы все муллу слушаем. Пошла к секретарю парткома и сказала, что готова пойти к Тоне в помощницы. Вот и все!

— Если бы все, — снова заговорила Антонина. — Слух о наших делах дошел до Шапсуга. Отец Габидет примчался на своих «Жигулях». Примчался и начал требовать, чтобы Габидет бросила работу. «Ты опозорила весь наш славный род, — кричал он. — Теперь люди со мной здороваться не желают». А Габидет только плакала. Наконец он спросил, чего она плачет. Она говорит: «Плачу я, отец, оттого, что ты ничего не понимаешь». — «Что же это я не понимаю, а ты понимаешь?» — спросил он. Габидет ответила: «Ты не понимаешь, почему с тобой не здороваются люди, отец. Ты стал плохо работать в бригаде, погряз в приусадебном участке, спекулируешь овощами. Люди поэтому перестали уважать тебя. Мачеха научила тебя жадности. При матери ты был совсем другим человеком. Одумайся, отец, еще не поздно».

Такой у них шел неприятный разговор. И тогда отец выкрикнул ей самое оскорбительное. Он сказал, что ее ни один адыг не возьмет замуж, кому, мол, нужна жена, пропахшая свиньями. Тут как раз и подошел к нему Шумаф.

Девушки переглянулись и враз расхохотались. Что ска-

зал Масхуду Борокову по поводу замужества Габидет красавец Шумаф — остается лишь догадываться. Впрочем, думаю, что это не столь уж сложно, тем более что при последних словах Антонины Алий нахмурился и снова отвернулся к окну: в таком возрасте подростки очень ревнивы.

— А почему вас пригласили на слет школьных бригад? — спросил я.

— Ты и этого не знаешь? — обрадовался Алий. — Чем вы тут занимаетесь? — Он картинно пожал плечами. — Над этой свинофермой вот уже почти год шефствует восьмой класс средней адыгейской школы. Эти сосунки решили посвятить себя свиноводству.

— А что же их родители?

— Э, — пренебрежительно протянул Алий. — Что родители... Покричали, кто сколько хотел, и успокоились. Все родители и все дети, Киримизе, одинаковы, неужели ты этого еще не усвоил?

Девушки поднялись. Пришлось оставить насиженное местечко у окна и Алию.

— Значит, можно вас ждать? — робко спросила Габидет.

— Где? — не понял я.

Подружки снова расхохотались.

— Главного-то мы и не сказали, — проговорила Антонина. — Хотим вас на свадьбу пригласить. В будущее воскресенье. Приедете?

— А кто женится?

— Женятся, — откликнулась на этот раз Габидет, — двое: Шумаф и его лучший друг Тембот, наш зоотехник.

— Они поручили нам передать, что мы все очень обидимся, если вы не приедете.

— Не в моих правилах обижать молодежь, — сказал я. — Конечно, буду.

Когда они вышли, я попытался как-то сосредоточиться, успокоиться.

«Ну, с чего это ты так разволновался, — говорил я себе, — все правильно. Адамийские девушки воевали с шариатом и вековыми предрассудками, наши, современные, продолжают эти традиции на новом уровне».

И сделал вывод: надо поскорее писать о том, что еще отличает аулы от сел. Ибо с каждым днем этих различий становится все меньше.

МЕСТЬ ТЛЕХУЗАНА

од назад или около того мне, как величайшую новость, сообщили, что Тлехузан оставил пасеку.

Пасека без Тлехузана. Мыслимо ли это? Он ее создал, сделал одной из лучших в Адыгее, вдвоем с помощником Махмудом приносил больше дохода, чем целая птицеферма.

В первый момент я подумал, что старику здорово надоели представители, приезжавшие за опытом чуть ли не каждый день. На профессиональных пасечников Тлехузан не пенял, кстати, и приезжали они крайне редко, — с ними бы он нашел общий язык. Чаще всего прибывали представители, прямого отношения к пчеловодству не имевшие. Бросив беглый взгляд на ульи и записав в блокнот что-то о количестве пчелосемей, они охотно принимали обязательное, предусмотренное адыгейским этикетом предложение перекусить и в этом деле проявляли глубокую осведомленность. Что же касается роения или зимовки маленьких тружениц, то по этим вопросам они бросали, не краснея, реплики невпопад. Перед отъездом их водители недвусмысленно намекали на то, что неплохо бы вручить начальству для более углубленной дегустации с десяток килограммов меда в двух разных посудинах.

После каждого приезда этих липовых пчеловодов Тлехузан заявлял председателю, что бросит пасеку. Понимавший юмор Асланук успокаивал Тлехузана тем, что обещал выделить специальные фонды меда и других припасов «на представительство».

Причина ухода Тлехузана с пасеки оказалась куда серьезней. Как выяснилось, старик оглох.

Первое время он пытался скрывать этот недостаток. Да ведь шила в мешке не утаишь. Поначалу его выручал помощник. Если кто-либо из начальства появлялся на пасеке, Махмуд говорил, что «сам» прихворнул и отвечал на все вопросы. Но как-то в колхоз прибыл важный представитель из области, он серьезно изучал постановку пчеловодства в колхозах. Ответы помощника его не удовлетворяли, он настаивал на встрече с Тлехузаном.

— Мне совсем не обязательно ходить с ним по пасеке, — заметил представитель. — Я много хорошего слышал о вашем старики и хочу с ним встретиться, просто поговорить откровенно. У таких людей можно почерпнуть кое-что по-

лезное. Извинитесь перед ним за мою настойчивость, надеюсь, он, как истинный пчеловод, поймет нашу общую заинтересованность.

И председатель, видевший Тлехузана в полном здравии лишь нынешним утром, не замышляя ничего худого, повел гостя к нему домой. О недоразумениях, которые затем произошли, он рассказывал мне с добродушной, немного виноватой улыбкой. Разумеется, передать все, как было, он не мог — слишком уж неожиданным было несоответствие между вопросами представителя и ответами Тлехузана. Такое нарочно не придумаешь.

Тлехузан принял гостей в кунацкой. Чтобы как-то оправдать свое отсутствие на работе, он повязал голову полотенцем, это придавало ему унылый большой вид.

Когда старушка Гошевной внесла поднос с традиционными угощениями, гость сказал:

— Стоило ли беспокоиться, метр? Могли бы и так поговорить... Я столько слышал о тебе и твоём мастерстве, что не мог уехать, не повидавшись с тобой.

Он подхватил это словцо, «метр», в какой-то французской книжонке и награждал им всех, кто был старше его по должности или возрасту. В городе с этим свыклись, а в аулах порой случались недоразумения. Тут, впрочем, на «метра» никто не обратил внимания, — председатель, присматривавшийся к хозяину, пропустил мимо ушей, старушка Гошевной вообразила, будто речь идет о лесе для ульев, а сам Тлехузан вообще ничего не разобрал. Для того чтобы он что-нибудь услышал, надо было очень громко кричать ему в самое ухо. Но так как гость обратился непосредственно к нему, вконец растерявшийся Тлехузан заулыбался и неопределенно кивнул головой.

До конца обеда за столом царил мир и согласие: гость хвалил кулинарное искусство хозяйки и говорил комплименты Тлехузану.

После обеда Тлехузан повел всех в сад. Вообразив, что главное испытание позади, он даже сдернул с головы полотенце. Швырнув его на диван, крикнул что есть силы:

— Не к лицу человеку болеть, когда в доме такие почетные гости.

В саду представитель сообщил хозяину, что готовит не только соответствующее постановление по пчеловодству, но и очень рассчитывает на помощь такого опытнейшего практика, как Тлехузан. Улыбнувшись, гость добавил: не исключено, что потом он напишет на эту тему диссертацию и

отметит роль, которую сыграл в обогащении пчеловодческой науки Тлехузан.

Сказав это, гость уставился на хозяина. Но тот молчал. Глухой со стажем, быть может, и догадался бы, о чем идет речь, по движению губ. Но на этот счет у Тлехузана никакой практики еще не было. Он силился разгадать, чего от него хотят, но даже приблизительно не представлял этого. И потому молчал.

Зная манеру стариков не открывать рот без крайней нужды, гость принял молчание за знак согласия и стал объяснять, какие именно наблюдения и находки старика могли бы сейчас особенно пригодиться.

Так как дальше молчать уже было неудобно, старик приветливо улыбнулся и выкрикнул:

— Интересно...

И тогда гость, достав толстый блокнот и четырехцветную шариковую ручку, спросил:

— В каких условиях происходит наиболее интенсивное роение? Без науки, без книжек, метр, только из ваших наблюдений.

Напряженно вслушивавшийся в речь гостя, Тлехузан не понял ровню ничего. Конечно, у него имелись свои наблюдения по интересовавшему гостя вопросу, он бы сообщил ему много интересного, если бы представлял, о чем его спрашивают. Но темы разговора старик не уловил. Более того, он решил, что ему задают традиционный вопрос о доходности пасеки. Поэтому, пододвинувшись к гостю, гаркнул:

— В прошлом году чистая прибыль от пчеловодства составила пятьдесят одну тысячу рублей.

Лицо гостя вытянулось, глаза выражали недоумение.

Тлехузан решил, что ему не верят.

— Аллах свидетель, — крикнул он, — что я говорю правду. Если не веришь, спроси у председателя, у него в голове вся наша бухгалтерия помещается. Что же ты молчишь, Асланук, скажи товарищу, что я уже вышел из того возраста, когда люди врут.

— При чем тут доходы? — возразил ничего не подозревавший Асланук. — Это известно всем. Расскажи гостю хотя бы то, что ты рассказывал в прошлом году хлопцам из Кошехабля. Они просто глаза тарашили.

— Вот-вот, — обрадовался этой поддержке гость. — Я в своем труде обязательно укажу источник — в сноске будет значиться ваша фамилия, это очень почетно.

Тлехузан решил, что вопрос о прибылях улажен. Обыч-

но его затем спрашивали о способах хранения меда: как сделать так, чтобы он не засахаривался и не терял свой специфический запах? И он заговорил об этом.

— Для хранения меда мы своими силами изготовили специальные емкости. Если ты был на пасеке, то видел их. Хитрая штука: вроде все просто, а мед может стоять хоть сто лет.

Гость старался сохранить самообладание, но это оказалось ему не под силу. Он бросил на председателя негодующий взгляд и нервно пророкотал:

— Не об этом сейчас речь, метр, меня интересует роение, понял, метр, вот что меня привело к вам. Если вы поделитесь своими находками, я буду очень признателен. От этого выиграют наука и практика. Жду.

Тлехузан наконец-то смекнул, что сморозил что-то не то. Но как поправить дело? Допустить, чтобы гость ушел обиженным из его дома? И он решил признаться в своей глухоте.

— Пусть дорогой гость, — сказал Тлехузан, поднимаясь, — меня извинит, если я что-нибудь не то сказал. Я ведь последнее время очень плохо слышу. Глухим стал, вот что...

Гость тоже поднялся.

— Понятно, — процедил он. — Все ясно, метр. Как дело до роения — метр становится глухим. Спасибо за гостеприимство. Да, вот что, — обратился он к Аслануку. — Мне кажется, что у вас застаиваются кадры. Пора уже выдвигать молодежь. Махмуд давно вырос, он будет хорошим помощником.

Так Тлехузан стал пенсионером. Разумеется, он каждое утро отправлялся на пасеку и продолжал работать, но уже, так сказать, на общественных началах.

Но не это беспокоило старика. Обидно было, что он не слышит голосов своих старых друзей, не разбирает даже того, что бормочет его Гошевной. Впрочем, она еще как-то ухитрялась втолковывать ему свои наставления. А вот что говорят друзья, Тлехузан не знал. Чтобы проверить свои возможности, он однажды включил репродуктор на полную мощность и приблизил его вплотную к уху. Кое-что разобрал. Но тут в комнату совсем некстати вошла жена.

— Ты что, старик, в репродуктор влезть решил? — засмеялась она и сделала такой жест рукой, что у Тлехузана отпала охота экспериментировать.

Как-то на рыбалке мы с Алием оказались рядом с Тле-

хузаном. Он подошел ко мне, что-то собрался было сказать, но махнул рукой.

— Хотел что-то спросить, — вздохнул старик, — да какой в этом толк — ответа все равно не услышу.

— Давайте я буду вашим переводчиком, — вдруг предложил мой юный друг. — Я на полном серьезе. Пускай он спрашивает, а твои ответы я в сокращенном виде буду записывать и передавать ему: читать-то он малость умеет.

Тлехузану этот способ переговоров ужасно понравился — старик необыкновенно оживился. Алий сбегал за тетрадь, и беседа началась. Тут уж не до рыбы — клевала она или нет, этого никто из нас так и не узнал. Зато наговорились вдоволь. Под конец Тлехузан достал из кошелька металлический рубль и протянул Алию.

— Дорогой мой, купи, пожалуйста, на все деньги тетрадей и в свободное время приходи помогать мне разговаривать. Аллах тебя не забудет.

Алий же и вычитал где-то необыкновенную новость об очках, которые возвращают слух. С журналом, в котором было напечатано это сообщение, он явился к Тлехузану. Старик прочитал заметку раз, потом еще раз, потом хлопнул Алия по коленке и расхохотался.

— Врут же... Очки на ухо, что ли, надевать надо? «Это серьезно», — написал Алий.

Вскоре старик съездил в Майкоп. Жене и друзьям сказал, что видеть стал хуже, попробует заказать очки. Но в областном центре тогда не было специалистов по изготовлению «очков, которые бы помогали слышать». Впрочем, врач написал что-то и, пользуясь специальной трубкой, пояснил Тлехузану, что по этой бумажке ему могут сделать чудо-очки в Москве. Если есть там знакомые, пусть пошлет им эту бумагу.

— Знакомые! — ахнул Тлехузан. — У меня внук в Московском университете. Родной внук. Казбек. Разве ты не знаешь Казбека?

С помощью Алия было составлено письмо студенту. Заканчивалось оно строгим предупреждением: хранить операцию «очки» в строжайшей тайне — на тот случай, если они все же не помогут.

Становиться еще большим посмешищем в глазах родни и друзей Тлехузану очень не хотелось.

Прибывший на зимние каникулы студент подал деду знак, означавший, что все в порядке. Вскоре они уединились, и Казбек, надев на деда очки, заложил какую-то проволоку-

ку в ухо. В тот же миг Тлехузан услышал его голос: «Ну, как?»

— Не верил... все не верил... Теперь верю, — сказал старик и прослезился.

— Во что же ты не верил? — заинтересовался Казбек.

— Сказать тебе всю правду? Скажу, ты это заслужил. Ни во что я не верил! Не верил даже в спутники, — признался Тлехузан. — Только ты никому не говори, я уже верю. Я слышу, дорогой, слышу, значит, все возможно. Пойдем, послушаю, что там плетет обо мне твоя бабка. Небось пользуется моей беспомощностью, как ты думаешь?

— В твои семейные дела, дедушка, вмешиваться не могу, их ты решаешь самостоятельно. Только учти — побольше выдержи. А я пойду в клуб.

Гошевной сразу же заметила, что ее муж вошел в комнату в новых очках.

— Мой глухарь совсем выжил из ума, — обратилась она к соседке, сидевшей в комнате. — То одни очки покупает, то другие. Смотри, подошел к зеркалу, как та обезьяна, и разглядывает себя. Ну и ну.

Тлехузан подошел к зеркалу, чтобы женщины не видели его лица и не догадались, что он все слышит. На жену он не сердился — знал, что говорит все это не от злости, а по бабьей слабости на язык. «Это еще ничего, — думал он, — это можно стерпеть. Бывает и хуже...»

— Отчего он оглох? — спросила соседка. — Мой тоже порой ничего не слышит, но мне кажется, будто он прикидывается, чтобы я побольше молчала. А с кем же мне разговаривать, если не с ним?

Забывшись, Тлехузан неосторожно включил радио. Как раз исполнялся зафак Хагауджа — его любимая мелодия. Старик просиял. Сколько раз мечтал он еще хоть раз услышать этот зафак и вот — слушает.

— Смотри, — заволновалась вдруг Гошевной, не спуская глаз с мужа. — Что с ним? Ведь он слушает...

— Слушаю, старуха, — гаркнул Тлехузан. — Не мешай, потом наболтаешься... Или ты оглохла?

Гошевной, наоборот, показалось, будто она слышит то, чего нет на самом деле.

— Ты... ты... все слышал?

Удивлению ее не было предела.

Много в ауле было разговоров о необыкновенных очках Тлехузана, они и сейчас еще идут. А вот о главном событии,

связанном с ними, мало кто знает. А ведь оно произошло, можно сказать, на моих глазах.

Однажды старик появился в Майкопе.

— Киримизе, — сказал он. — Я очень зол на одного человека. Год назад к нам приезжал главный областной пчеловод, Аскер. Он просил меня рассказать кое-что нужное ему, а я по глухоте ему всякую чепуху болтал. Он обиделся и велел снять меня с работы. Теперь хочу ему отомстить.

Старик не слыл у нас злопамятным, и меня заинтересовало — как же он отомстит Аскеру.

Пройдя полтора квартала, мы дошли до учреждения, где работал Аскер. Постучались, вошли. Аскер, беседовавший с одним из своих работников, поднялся, пожал Тлехузану руку, усадил его, предложил стул мне и сказал:

— Мы, Киримизе, сейчас закончим, и я к вашим услугам. — Затем обратился к сослуживцу: — Продолжай, это писатель, при нем можно. А старик глух как пень, при нем хоть из пушек бей, глазом не моргнет. Я однажды напоролся. Сперва подумал, что он меня разыгрывает, теперь даже стыдно в глаза ему смотреть.

Если бы Аскер взглянул при этих словах на Тлехузана, он бы заметил, что старик не только заморгал ресницами, но и дернулся, будто его укололи. Быть может, это мимолетное признание сильно повлияло на его замыслы.

Когда мы остались одни, Аскер спросил:

— Что случилось, дорогой? Кому я понадобился, тебе или этому ветерану?

Я многозначительно моргнул Аскеру, но он не понял намека.

— Оставь эту дурацкую шепетильность, дорогой, я ведь глубоко уважаю этого старца. Клад, а не старик, другого такого во всей Адыгее не сыщешь. Но что поделаешь, если метр потерял слух. Конечно, не надо было снимать его с пасеки, погорячился я, да ведь и молодежи пора дорогу уступать. Что же, он до сих пор обижается?

— Уже не обижаюсь, — ответил сам Тлехузан.

Аскер заерзал на стуле. Я засмеялся и сказал:

— Надо понимать намеки, ведь я моргал тебе.

— Уже не обижаюсь, — повторил Тлехузан. — И все же хочу тебе отомстить за твой неправильный поступок. Асланук сказал мне, будто ты спрашивал меня насчет роев. Бери ручку, дорогой, пиши. Спрашивай и пиши, все скажу. И указывать в книге меня не надо, мне это ни к чему.

— Ну, уж это — обязательно, — вздохнув, заметил Ас-

кер. — Какой же это научный труд, если в нем нет ссылок и сносок?

— Ладно, — согласился Тлехузан. — Если это обязательно, напиши: сведения сообщил глухой тетерев...

ПУЗЫРЬ, ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ МЕДОМ...

олжен признаться, что пузырь, о котором идет речь в поговорке, мне так и не довелось увидеть. Когда-то, давным-давно, адыги хранили мед не в гончарной посуде, а в пузырях, которые в отличие от бурдюков не отличались особой прочностью. Услышал я эту поговорку от одного из своих соседей, славного старика Бахчерия. Это был человек, честность которого могла бы войти в хрестоматию. По этой причине он много лет назад получил должность заведующего продуктовым складом. Бахчерию сдавали на хранение все, что могло возбудить чью-либо алчность. Мед, брынзу, масло, сыр, баранину, шерсть, яйца, фрукты, соленья и много другого лакомого добра он хранил так, что ни об усущке, ни об утруске, ни о каких-либо случайных «разбилось», «вытекло», «крысы испортили» и прочее в правлении и не слыхивали. Крысы в его хранилищах не водились, а некоторые друзья молодости, надеявшиеся извлечь некую выгоду из служебного положения Бахчерия, довольно быстро поняли, что надеждам этим осуществиться не суждено.

Но имелось у моего честнейшего соседа уязвимое место — он старался не впутываться в дела начальства. Наряд оформлен по всем правилам — получай, что выписано. Иной раз отпускает продукты для пропитания делегации, которой не было в тот день и не ожидалось в ближайшем будущем, и хмуро брякнет получателю:

— Имей в виду, переполненный медом пузырь лопнет...

В наши дни это именуется просто-напросто беспринципностью, но тогда редко кто вмешивался в распоряжения начальства. Вот почему даже смутный намек Бахчерия в виде поговорки воспринимался как бунт. И — как напоминание. Напоминание о том, что председатели, запускавшие руку в общественные кладовые, довольно быстро уступали свое место другим.

Услышать эту знаменитую и, я бы сказал, вещую пого-

ворку из уст самого Бахчерия мне посчастливилось через несколько лет после войны. Встретившись неподалеку от его и в то трудное время довольно обильных закров, мы мирно беседовали, как вдруг его окликнули.

— Эй, купец, не прогуливай, отпускай товар,— раздался чей-то голос.

У склада стоял заместитель председателя колхоза.

— Вот, дорогой, накладная, быстренько все приготовь. Сейчас подъедет на машине представитель геологоразведочной партии, распишется и заберет продукты.

Выписано было немало всякой снеди. Взвешивая то одно, то другое, Бахчерий недовольно поглядывал на двери.

— Так и знал,— гневно воскликнул он, увидев у входа машину заместителя председателя райисполкома.— Сегодня он геологоразведчик, вчера был строителем дорог, а завтра научным работником или писателем заделается.

— Ты, старик, поменьше бы болтал,— отозвался шофер начальника.— Наше дело телячье, понял?

— Молчал бы ты, наглец,— взорвался Бахчерий.— Сосете колхоз, сосете, и никакой совести. Но передай своему начальнику: пузырь, переполненный медом, лопается...

— Дождешься, батя, переведут тебя на вывозку навоза,— угрожающе заметил шофер.

Но Бахчерий остался на месте, с работы же было снято начальство, перепутавшее свой карман с колхозным. У меня всегда было такое чувство, будто к смене вороватых руководителей как-то причастен и кладовщик, что его беспринципность — лишь маска. Но доказательств на этот счет никаких не имелось.

Потом с приходом последнего и ныне здравствующего председателя Бахчерий позабыл свою мрачную поговорку. Люди получали то, что положено по решению общего собрания, никто не совершал никаких попыток взять лишнее. Особенно щепетилен в этом отношении был сам председатель. Помню, как-то Асланук ехал в областной центр и попутно прихватил меня. На заднем сиденье тархтели бидоны, в каких обычно домохозяйки держат растительное масло. Колхоз уже несколько лет сдавал подсолнечник сверх плана, и в кладовой Бахчерия масла имелось в достатке, его выписывали каждому колхознику без ограничения по установленной правлением цене. Непонятно, зачем вез он в город пустые бидоны. Об этом я и спросил Асланука.

— Биба просила купить масла. У нас, понимаешь, почти

ежедневно гости бывают, все любят жареное, положенной на год порции не хватает.

— Позволь, Асланук, но ведь на складе этого добра сколько угодно. Бахчерий даже высказал опасение, что до нового урожая люди не раскупят его.

— Может, и не раскупят, вполне вероятно,— согласился председатель.— Ну, а если раскупят? Если кому-либо не достанется в последний момент двух литров масла, что тогда? Вот, скажут, председателю так хватает, а нам, рядовым, так шиш. Ведь скажут же, Киримизе. Ну, честно?

— Очень немногие,— возразил я.— Один из пятидесяти, не больше.

— И с этим согласен,— грустно вздохнул Асланук.— И можешь не сомневаться, что как только будет продан последний литр, этот самый «один из пятидесяти» явится в правление и потребует масла. И поднимет скандал: почему начальству раздают последнее, почему рядовых не предупреждают... А потом начнет рассылать анонимки. Уж лучше заплачу за масло или колбасу по городской цене. Дело, конечно, не только в анонимках и проверках, связанных с ними, дело и в сути. Крошки не возьму сверх положенного. Баранину из города привожу.

— Но ведь люди этого не знают.

— Киримизе,— уж совсем грустно проговорил он,— неужели ты мог подумать, что я это делаю для людей? Или для того склочника, «одного из пятидесяти»? Это ты зря...

Тогда и рассказал я Аслануку о поговорке Бахчерия, добавив, что уже давно никто от него ее не слышал.

— Вот кого нам особенно будет жаль отпускать на пенсию,— заметил Асланук.— Уже сейчас присматриваюсь к школьникам. Подходящих много, но кто же в наши дни согласится стать кладовщиком?

А совсем недавно повстречал я Бахчерия. Поздоровавшись, стал расспрашивать о здоровье, о жене, о работе. Почувствовав по краткости и неопределенности ответов, что у него не все ладно, извинился и стал прощаться, как вдруг услышал:

— Что говорить, Киримизе, давно известно, что переполненный медом пузырь лопается. Вот он и лопнул... Пойдем ко мне, хоть душу отведу.

У меня, правду говоря, сердце дрогнуло: неужели Асланук? Нет, этого быть не может, за Асланука ручаюсь своей головой. Кто же? Не мог споткнуться и Гарун. А если с председателем и секретарем парткома все в порядке, никто

не посмеет нарушать установленный порядок. Где же провало этот проклятый пузырь с медом?

Оказалось, что беда подстерегла Бахчерия там, откуда он ее ждать не мог. Есть у него единственный сын. Челемет. Лично я с ним мало встречался — разница в возрасте сказалась. Когда возвращался с войны, он совсем мал был, потом я уехал в город. Знаю, что Челемет окончил что-то механизаторское, руководил тракторной бригадой, был выдвинут на должность заместителя, а потом и председателя сельсовета. Здесь неплохо проявил себя и был взят в районный центр. Там женился, получил хорошую квартиру, пользовался уважением. Все это я, разумеется, слышал от земляков. Не раз гостил он у родителей. Мать Челемета гордилась дорогими подарками, которые привозил сын, и когда отец бурчал, что мальчишка слишком много денег тратит на пустяки, видимо, отрываёт от себя последнее, успокаивала его:

— Живут хорошо, мы с тобой никогда так не жили.

Она несколько раз бывала в гостях у сына. Возвратившись, передавала большой привет мужу и добавляла:

— Очень обижается сынок, что ты у него еще не побывал.

И вдруг аул облетело известие: в праздник в районном центре состоится скачки. Почти все старики загорелись: «Поедем!» Захватило дыхание и у Бахчерия. В молодости он и сам, бывало, брал призы. Думал, что сын отличится на этом же поприще, но Челемета вынес в гору совсем другой скакун. Особенно обрадовалась его намерению жена.

— У нашего Челемета будет двойной праздник, — сказала она. — Веди к нему всех своих друзей.

— Поймай индейку, — велел жене Бахчерий, — я зарезу ее. А может, баранчика прихватить? Такую уйму народу угостить не так просто.

Но жена стала просить Бахчерия отказаться от этого — сын предупреждал, чтобы ему ничего не возили, всего у него в избытке.

— Индейка еще никому не казалась лишней, — ответил мудрый кладовщик, — уж поверь моему опыту. Насмотрелся я на всякое до прихода Асланука. Со мной ведь человек пять-шесть явятся.

Челемет встретил стариков на автобусной остановке, сообщил, что до начала праздника еще много времени, и повел всех домой. Угощение выставил отличное. В хорошем настроении все вместе отправились на скачки. Тут они получили полное удовлетворение — главный приз оказался у

паренька из их аула. Затем Челемет снова повел их к себе. К этому времени стол был снова накрыт. Кроме известных адыгам блюд здесь красовались ананасы, лимоны, какие-то пестрые заморские рыбки, икра. Поговорили, закусили и стали собираться в путь. Тут Челемет и говорит:

— Дорогие гости и ты, мой отец, зачем вы так торопитесь? Оставайтесь еще на несколько дней, мы с женой будем очень рады.

Старики поблагодарили за приглашение и угощение, и один из них сказал:

— Мы уедем со светлой памятью о хозяевах, а что касается Бахчерия, то думаем, что он должен принять приглашение сына.

— А как же кладовая? — заволновался старик.

— Завтра тоже праздник, а мы передадим твоей старухе и председателю, что ты задержишься на несколько дней. Если уж что-то приключится особо срочное, Асланук приедет за тобой машину.

Так его уговорили погостить у сына. И он остался. Человек, скромный в своих потребностях, всегда точно соизмерявший их с фактическими возможностями, он никогда не гонялся за «нужными людьми», за теми, кто любил пустить пыль в глаза. И когда сын угощал своих гостей, Бахчерий думал: «Зря послушал я старуху, сын, наверное, на эту встречу ухлопал всю месячную зарплату. На что завтра жить будет?»

На следующий день, проснувшись по привычке с солнцем, он внимательно оглядел комнату, в которой ему постелили. Здесь же вчера принимали гостей. Только теперь понял он, что в таких богато обставленных квартирах ему еще не приходилось бывать. В их ауле самые расторопные не могли позволить себе такой роскоши. На полу и стенах — ковры тонкой выделки, цены им нет. В серванте — горы разной посуды, много хрусталя. Сам сервант, как и остальная мебель, — из дорогого красивого гарнитура. Закурив свою трубку, Бахчерий занялся арифметикой. И она его сильно огорчила. По его подсчетам получалось, что зарплаты, которую выплатили его сыну со дня переезда в райцентр и по сей день, не хватало бы даже на половину обстановки только одной этой комнаты.

Мрачные мысли роились и не давали покоя. Думалось, что, не желая отстать от товарищей, сын залез в долги. Надо, думал старик, осторожно его расспросить и в случае чего помочь: у него имелись сбережения.

Но вдруг Бахчерия осенило: приданое! Как он сразу не сообразил, старый дурень, выругал он себя. Ну, конечно, отец жены его сына был не простым смертным, вот мать ее и решила создать им уютное гнездышко. Переборщила, правда, сильно, но ведь любовь слепа. Каждому хочется, чтобы дети жили хорошо, ни в чем не знали нужды. Но, видно, и в этом следует знать меру — добытое своим трудом дороже ценится.

На завтрак было подано так же много всякой снеди, как и вчера, при гостях. После завтрака, когда отец с сыном расположились на тахте для разговора, невестка стала убирать со стола. Недоеденные куски мяса и хлеба она свалила в помойное ведро. Туда же пошел и салат, к которому никто и не притрагивался. Бахчерия покорило: не сон ли это? Оказывается, помощь матери невестки привела к тому, что молодые стали беситься с жиру. Кто же выбрасывает такую пищу... А хлеб... Они со старухой каждый оставшийся кусочек сушили и пускали в пищу или давали птице. Ведь это же ХЛЕБ!

При всем раздражении старик сумел сдержаться — гость есть гость, — и лишь когда невестка выходила с ведром, спросил, что они делают с этими остатками.

— Скоро подъедет специальная подвода для сбора мусора, — ответил сын. — Вынесем, чтобы дома не воняло. Это у нас налажено.

Около девяти утра со двора стали доноситься сигналы автомашины.

— Этот осел опять будоражит всю улицу, — недовольно поморщился Челемет. — Никак его к порядку не приучу — приехал и жди, стой, не на сковородке сидишь.

— Тебе на работу, — забеспокоился отец. — Не задерживайся из-за меня, нехорошо опаздывать. Лучше уж прийти пораньше.

Челемет снисходительно засмеялся.

— Пораньше, отец, пусть приходят подчиненные. А начальству зачем спешить? Так можно и авторитет свой подорвать.

В это время в дверях комнаты появился пожилой человек.

— Челемет Бахчериевич, — сказал он, поздоровавшись, — машина подана.

— Слышу, что подана... Сигналишь как ненормальный. Иди в машину и жди. Подожди, заверни на кухню, возьми ведро с мусором, сейчас возчик появится...

Шофер ушел.

«Да, разговор с сыном предстоит серьезный, — подумал Бахчерий, — и затевать его теперь не следует. Поговорю вечером, когда придет с работы».

Вскоре он остался дома один. — невестка ушла по своим делам. Вдруг раздался стук в дверь.

— Открыто, заходи, пожалуйста, — крикнул старик и направился в переднюю.

Какой-то мужчина внес два ящика, вышел и возвратился с мешком. Поставив его, направился к выходу.

— Что это, для кого? — поразился старик.

— Челемет тут живет? — спросил мужчина. — Это для него. — С этими словами носильщик исчез.

Бахчерий перенес ящики и мешок в кухню и стал разглядывать их содержимое. В ящиках были напитки, лимоны, яблоки, в мешке оказалась целая баранья туша. Под ней лежали две крупные индейки.

Через час или полтора пришел сын.

— Там тебе что-то принесли, посмотри на кухне, — сообщил Бахчерий.

— Неплохо, — отозвался Челемет. — Пригодится в хозяйстве.

— Кто тебе это прислал, сын? — спросил старик. — Неужели все это тебе дает мать твоей жены?

— Мать жены? — удивился Челемет. — Теща? Что ты, отец, это бедная вдова, она живет на свою пенсию, мы ей помогаем, чем можем.

— Тогда... — Бахчерий совсем растерялся. — Тогда откуда у тебя все это? — Он указал на мебель. — Откуда все это? И эти ящики?

— Все это, отец, присылают настоящие мужчины. Люди, которые уважают и любят меня и так выражают свою признательность.

Кладовщик, насмотревшийся за долгую жизнь на всякое, наконец-то понял, как разбогател его сын.

— Чем же ты расплачиваешься? — спросил он. — Ведь даром никто ничего не даст.

— Зачем же даром, отец. И в моих силах оказать услугу товарищу. Одному поможешь приобрести автомашину, другому стройматериалы из особого фонда выпишешь, третий попросит, чтобы его познакомили с нужными людьми. Да мало ли что. Никаких нарушений, отец, все в рамках законов и правил: мелкие взаимные дружеские услуги. Надо уметь жить.

И тут Бахчерия прорвало. Сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, он стал доказывать сыну, что все эти даровые подношения — самые настоящие взятки. А как он обращается с подчиненными? Шофер, пожилой человек, у него на побегушках...

Сын, надо отдать ему должное, слушал длинную и гневную речь отца молча, как и положено хорошему сыну. Но когда старик высказался до конца, вздохнув, заметил:

— Замечательные слова услышал я от тебя, отец. Нужно поступать именно так, как ты говоришь. Но тогда я не получу никакой пользы от высокой должности, на которую мне посчастливилось попасть. Буду жить, как живете вы с матерью, — почти бедно. А мы с женой так жить не хотим. К нам приходят в гости ответственные работники, мы должны их как следует принять, как они принимают нас. И обстановка у нас не должна быть хуже, и одежда. Будь уверен, отец, я никогда не переступлю ту черту, за которой начинается нарушение закона. Живи у меня спокойно хоть месяц, хоть всегда. Давай сейчас пошлем машину за мамой, вам вдвоем будет веселее и нам с женой радостно.

Но старик от этого приглашения отказался. Сказав свое знаменитое «Не забывай, что переполненный медом пузырь лопается», он попрощался и отправился на автобусную остановку.

Поделившись своим горем, Бахчерий помолчал, потом с загадочной усмешкой добавил:

— К счастью, пузырь лопнул раньше, чем Челемет успел натворить бед посерьезней. На днях его сняли с работы и перевели в соседний аул. Теперь у меня есть возможность контролировать его поведение.

И снова, как когда-то давно, у меня возникло смутное чувство, что «пузырь лопнул раньше, чем Челемет успел натворить бед», совсем не случайно, что к этому каким-то образом причастен старый мудрец. Но сколько ни вглядывался я в его окруженные морщинами глаза, ясные и честные глаза уверенного в своей правоте человека, ничего нового прочитать в них не мог. А сам старик, выдержав, не моргнув, мой пыливый взгляд, вдруг заключил:

— Бывают, оказывается, такие дети, которых надо воспитывать всю жизнь...

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ БАТМИЗА

Встречи с земляками — явление в Майкопе довольно частое. Жители Шапсуга сто километров расстоянием не считают. Главное — заранее взять билет на автобус. А там уж пусть шофер думает. Хочешь не хочешь, а в расписание уложишься.

И все же, когда я увидел в Майкопе Батмиза Гонежука, удивлению моему не было предела.

Дело в том, что Батмиз — принципиальный противник путешествий. Один-единственный раз удалось уговорить его съездить в районный центр на слет передовиков-кукурузоводов. Сам он потом уверял всех, что согласился поехать только потому, что надеялся найти себе подходящие сапоги в районном универмаге. Но когда приехали, универмаг еще был закрыт, а когда уезжали, он уже был закрыт, так что пришлось ограничиться коробкой конфет из буфета Дома культуры. Такие же конфеты имелись, разумеется, и в магазине аула, но какой же адыг станет на виду у всех покупать своей старухе сладости. Другое дело — райцентр. Всегда можно сказать: «Покупал папиросы, на сдачу сунули эту дрянь...»

На работу Батмиз всегда ходил пешком. И когда бы члены его звена ни прибывали на машине, хоть на рассвете, он встречал их хмурой улыбкой: «Ну и горазды вы дрыхнуть, люди. А когда же работать будем?»

— У Батмиза железное сердце, — говорили земляки. — Его ничем не проймешь.

Увидев Батмиза, я сразу стал оглядываться, где остальные. Был уверен, что старик мог бы прибыть в Майкоп только под большим нажимом в составе очень представительной делегации. Но вокруг никого не оказалось.

— Как хорошо, что я тебя встретил, Киримизе, — искренне обрадовался он. — Никогда не думал, что Майкоп — такой большой город. Я, видишь ли, прибыл по делу. Вот эту мелочишку отдать надо. — Он указал на стоявшую рядом с ним на тротуаре огромную корзину, доверху заполненную чем-то.

— Это нетрудно, дядя Батмиз, — подбодрил его я. По старой привычке я называл дядями всех своих старших соседей. — Адрес тебе известен?

— Адрес я забыл спросить, — признался старик. — Я думал, что здесь, как у нас: спросишь больницу, и те-

бе скажут: «Вон то белое здание, иди прямо, не ошибешься».

— Здесь насчет больницы все точно, как у нас в ауле, — успокоил я его. — Пошли. Видишь, впереди большое белое здание? Кто тебе там нужен?

— Да она же, старуха. Черт ее угораздил пуститься на этой свадьбе плясать.

Вот оно что, значит, тетушка Кизу в больнице. Последний раз я их обоих видел на свадьбе их внука Хазрета. Запомнился мне на этой свадьбе тамада. Эту роль выполнял помощник гармониста, удалой и легкий на слово парень. Приглашая кого-либо в круг на танец, он обращался к нему с витиеватой и не лишеной самобытности речью.

— О прекраснейший из прекрасных, пусть пропадут все твои болезни, сто лет тебе жить в радости, ибо всем видно: ты как раз тот человек, который не прячется за спиной другого, кто любим и уважаем всеми присутствующими и многими из тех, кто не попал на это замечательное торжество, кто, как и любой настоящий мужчина, прежде всего думает о смелости и чести, поэтому разреши посмотреть подошвы твоих чуваков, а ты, гармонист, ты, о чудотворец, умеющий извлекать прекрасные звуки даже из заднего моста автомобиля, сыграй для него самый свой лучший танец.

Кто усидит на месте после такого приглашения? Разве что безногий. Поэтому танцевали все присутствующие. Немного потанцевала и тетушка Кизу. Окончилось, как сообщил мне Батмиз по пути в больницу, это весьма печально — у нее «схватило» сердце. Чтобы не нарушать ритм такой славы свадьбы, Кизу ничего никому не сказала.

— Когда я увидел, что она вышла в круг, — стараясь придерживаться принятого в отношении женщин иронического тона, вел свой рассказ Батмиз, — то схватился за голову. О аллах, доктор запретил ей волноваться, а она что делает?! Подошел к ней, когда она добралась до стула, и что же? Еле дышит моя старуха. «Дотанцевалась, говорю, глупая? Пошли домой». В общем, слегла. Послушал ее Хазрет и выписал направление в больницу. Две недели уже она у вас, вот и решил привезти кое-чего. Собрал, что на виду было, и отправился — автобусом ведь недолго.

— Это хорошо, — согласился я. — Повидайтесь, поговорите...

— А что мне смотреть на нее, не видел, что ли, — сердито буркнул Батмиз. — Да и говорить нам не о чем, в молодые годы все больше помалкивали, а теперь-то и вовсе молчим.

Разве что выругает она меня раза два в день, только что это за разговор. Конечно, увидит меня, начнет болтать всякую чепуху, ну я и напомию ей ее место.

Так мы дошли до больницы. Часы были не приемные, но старику, прибывшему из аула, сделали скидку. Я решил подождать его в вестибюле, но вдруг Батмиз заупрямился.

— Что я один пойду туда, нехорошо... Давай вдвоем, прошу тебя, Киримизе. Аллах знает, что обо мне могут подумать, если я явлюсь один. Не по-мужски поучится...

Увидев нас, тетушка Кизу заволновалась и попыталась придоняться. Но сестра быстро навела порядок. Она строго объяснила, кому что можно, и ушла. Кизу можно было лежать и есть из ложечки. Старику разрешалось покормить ее и рассказать что-нибудь забавное. Мне надлежало следить за порядком и пресекать нарушения.

— А ты похудел, — с тревогой констатировала Кизу, оглядывая мужа. — Как малое дитя, оставить нельзя ни на день. Подумай сам: на что ты без меня годишься?

Я было насторожился, намереваясь сдержать вспылчивого старика, но мое вмешательство оказалось излишним.

— Я тут прихватил тебе разной ерунды, — сообщил Батмиз, словно старушка спрашивала, что там у него в корзине. — Вот тут в казанке... Ладно уж, раз сама не можешь, покормлю.

Батмиз развернул ватную телогрейку и извлек из нее небольшой чугунок. Когда он снял крышку, из чугунка разнесся привлекательный аромат четлибжа, который вместе с паром мигом заполнил палату.

— Смотри, не остыло, — хмыкнул он, извлекая из кармана ложку.

Кизу попробовала дары аула и закрыла глаза от удовольствия. Вдруг беспокойство мелькнуло на ее лице, и она отстранила ложку.

— Это кто готовил? — запальчиво спросила она. — Гошнаг или Биба?

Гошнаг и Биба — соседки справа и слева.

— Стану я обращаться к этим болтливым бабам... — гордо вскинулся Батмиз. — Слава аллаху, до такого позора еще не дошел. Собрался ехать и решил что-нибудь горяченькое привезти. Автобус-то в шесть, а мне все равно не спится, вот и сделал.

— Что ты все говоришь, — улыбнулась одними глазами Кизу, — остынет...

— Если тебе не нравится, — заметил Батмиз, — можно вылить, я ведь не баба, чтобы всякие там штуки готовить.

— Корми, дуралей, остынет, — начала сердиться Кизу. Вот так они и разговаривали.

Когда кормление закончилось, Батмиз спросил:

— Как мне найти самого главного?

— Зачем тебе главный? — перепугалась Кизу. — Меня здесь хорошо лечат, скоро разрешат подниматься.

— Мужчина сам знает, что ему делать, — отрезал Батмиз и вышел.

— Никогда в жизни не видела, чтобы он что-либо готовил, — проговорила тихо Кизу и вдруг заплакала.

Батмиз возвратился довольно быстро.

— Говорил с доктором, — сообщил он. — Доктор говорит, что ты здорово скучаешь. Ты это оставь, скучать надо было в молодости, поняла?

— Поняла, — тихо ответила Кизу.

— Доктор разрешил мне задержаться в городе на несколько дней и приходить к тебе в любое время. Думал сапоги себе купить, да уж раз так случилось, посижу с тобой немного...

Когда мы вышли из больницы, старик долго молчал. Потом спросил:

— Где ты, Киримизе, покупаешь сладости?

— Здесь есть хороший магазин, дядя Батмиз. Пойдем, покажу.

— Неудобно мне чепухой заниматься, — фыркнул старик. — Что люди подумают... Ты вот что... Возьми деньги, купи побольше, попроси, чтобы хорошо завернули, чтоб не видно было, а я вечером занесу ей. Баба, она и есть баба — без сладкого не обойдется.

— Э, — возразил я. — Пойдем в магазин вдвоем, тебя тут никто не знает. Городские старики не только сами покупают своим внукам сладости, но даже, я это говорю с полной ответственностью, едят их!

— Зря ты, Киримизе, толкаешь меня на такой путь. Ну, заболело у старухи это самое, как его, сердце, ну, надо проведать. Пусть так. Но не стану же я из-за такого случая терять свое мужское достоинство. Иди, а я подожду. Только вот что, не забудь купить тянучки, она их очень любит.

КАК НАЗВАЛИ УЛИЦУ

Новая жизнь врывается в наш аул как и всюду — без стука, без церемоний и реверансов. Приходит и располагается со всеми удобствами, словно наследница, возвратившаяся после долгих странствий в отчий дом.

Раньше глаз отмечал новинки с удивлением, потом привык и стал это делать машинально. Идешь по улице, и взгляд фиксирует: новый дом. Чей? Кто нашел в себе силы строиться вскоре после войны? Тхагансовы? Аллах да поможет им, их дом сожгли гитлеровские каратели в сорок втором. Потом ежегодно стало появляться в ауле по два-три дома, потом — по восемь — десять, строиться стали все.

Прокладка водопровода вызвала новый интерес потому, что стали исчезать колодцы.

Массовая «мотоциклизация» способствовала улучшению дорог на кривых аульных улочках.

Но подлинный переворот внесло появление частных автомашин. Владельцы «Москвичей», «Жигулей» и «Волг» жаждали подъезжать на своих стальных красавицах к самому дому. Они требовали «выпрямить» переулки, причудливая линия которых создавалась веками. Но как выровняешь улочку, если она вьется подобно спирали?

Потом оказалось, что проекты новых домов уже не вписываются в рамки старых приусадебных участков, не соответствуют генеральному плану развития аула, утвержденному райисполкомом. Согласно этому плану за аулом следовало начать сооружение нового жилого микрорайона. Однако поначалу там строиться никто не хотел. Председатель сельсовета доказывал, что новая улица будет первой газифицирована и телефонизирована, что ее прорежет серая лента асфальта, что со временем там будут высажены липы, появится «Универсам», но все эти доводы успеха не имели. Люди предпочитали тесниться на старых усадьбах, лишь бы не уходить с насиженных мест. Долгое время новая улица значилась лишь на бумаге.

Но однажды, выглянув из окна автобуса, я заметил, что в Черемушках, как окрестили аулчане будущий жилой массив, появилось первое здание.

— Кто же оказался самым храбрым? — спросил я у пассажиров.

— Фигумуковы, — охотно ответили мне. — Построили дом старшему.

Ответ этот не показался мне странным или неожиданным. То, что именно Фигумуковы начали заселять новый микрорайон, новую улицу, представлялось мне вполне закономерным. Глава этой большой семьи, Халид Фигумуков, освобожденный от службы в армии по многодетству, был застрелен немцами при попытке поджечь склад горючего, расположенный где-то за аулом. Выросшие после войны сыновья не спешили выделиться — при матери им жилось хорошо и уютно. Но — тесно. И вот началось. Старший, Бат, открывал Черемушки. Стройка шла не то чтобы быстро — это слово не определяло взятый темп. Она велась стремительно. В ней принимали участие не только все шесть братьев, из которых четверо были механизаторами, но и их друзья.

Месяца через три-четыре рядом с первым появился второй дом — в нем поселился Меджид Фигумуков. Прямо против Меджида затем поставили дом третьему брату — Тэтэру.

Короче говоря, ровно через год после первого новоселья наши Черемушки стали солидной улицей, засаженной молоденькими липами, улицей, украшенной тротуарами, отводы от которых тянулись к уютным одноэтажным и двухэтажным коттеджам механизаторов, учителей, животноводов. Теперь уже не просто было получить участок в наших Черемушках. Правление колхоза решило возвести здесь несколько многоэтажных домов для специалистов, молодоженов и одиноких стариков и старух. Сюда отселялись разросшиеся семьи.

Вот так и возник вопрос: как назвать новую улицу?

Поначалу он казался ясным и простым. Председатель и секретарь сельского Совета, обойдя Черемушки со всех сторон, удовлетворенно улыбались. И вдруг навстречу почталон, неизвестный Юнус — любитель «пускать шпильки» на сходах и собраниях.

— Улыбаетесь? — пророкотал он. Юнус славился мощным голосом.

— Улыбаемся, — согласился председатель. При этом улыбка мгновенно сошла с его лица: он напряженно ждал, какой такой «вопросик» ему подкинет Юнус. Ждать пришлось недолго.

— Вы тут улыбаетесь, — сердито пояснил Юнус, — а я горькие слезы проливаю.

— Отчего же ты проливаешь слезы, Юнус? — недовольно спросил секретарь сельсовета. — Зарплату тебе выплачи-

вают своевременно, корма для коровы выделили, овцы твои разгуливают, где им вздумается...

— Не в овцах дело, — перебил секретаря Юнус. — Дело во мне. — Он извлек пачку писем. — Смотрите... Аул Шапсуг, Шовгенову А. Куда нести это письмо?

— Неси Шовгенову А., — нашелся секретарь.

— А сколько у нас Шовгеновых А.? — вопрос Юнуса звучал угрожающе. — Шовгенов Аскер, учитель — в одном конце аула, Шовгенов Ахмед, ветеринар — в другом, Шовгенов Абдул здесь, в Черемушках...

Секретарь хотел было парировать этот выпад, но в их перепалку вмешался председатель.

— Юнус прав, — заявил он. — Нужно дать нашим улицам имена. На ближайшем заседании исполкома сельсовета сделаем это, Юнус. Приходи, поможешь.

— А не лучше ли такой вопрос решить на сходе? Ведь это касается всех, — возразил Юнус. — Подготовьте предложения, а мы обсудим.

Сход проходил неожиданно бурно. Секретарская фантазия сработала плохо, и предложенные названия — Старая, Кузнечная и другие — сразу же вызвали возражения. Черемушки по этому проекту становились улицей Новой.

— Аллах тебя обидел по части названий, — заметил первый выступающий, — Старая, Новая... Что это — рубашка? Вместо Старой предлагаю Солнечная.

Собравшиеся разразились аплодисментами. Посыпались самые различные предложения. Кузнечная была названа Партизанской — там в период временной оккупации жили двое связанных партизанского отряда. Старая стала улицей Механизаторов. А насчет Новой разгорелся спор.

— Первомайская, — кричали одни.

— Майкопская, — перекрикивали их другие.

Вносились и многие другие предложения.

Но вдруг на трибуну поднялась старая учительница Фатимет Салехова. Она подняла руку, и толпа притихла.

— У меня есть предложение назвать наши Черемушки улицей...

Тут она смолкла и, будто в классе, оглядела собравшихся.

— Прежде, чем я внесу предложение, хочу спросить: кто поставил в Черемушках первый дом?

— Фигумуковы, — зашумели люди.

— А второй, третий, четвертый?

— Фигумуковы...

— А тротуары кто прокладывал? Водопровод?

— Фигумуковы...

— А кто больше всех в этом году пшеницы намолотил?

— Фигумуков Тэтэр...

— К этому хочу добавить то, о чем знают старики, но не знает молодежь. Отец Фигумуковых, партизанский связной Халид, был застрелен как раз на том месте, где мы строим Черемушки, ведь именно здесь у немцев был склад горючего. Теперь закончу свою мысль: предлагаю Черемушки назвать улицей Фигумуковых.

Сход зааплодировал. Но тут поднял руку Бат Фигумуков.

— Товарищи,— сказал он.— Отец наш действительно погиб в этих местах. Если уж вы хотите увековечить его память, назовите Черемушки улицей Халида Фигумукова. А для нас, его сыновей, это будет самой высокой честью.

Собравшиеся притихли, призадумались. Но тут раздался голос Юнуса:

— Слава тебе, Бат, за скромность,— сказал Юнус.—

Вот таких скромных тружеников и должны мы почитать наряду с героями войны. Пусть будет у нас улица Фигумуковых. Я сказал все.

ЧЬИ СФЕРЫ!

Несколько дней назад встретил меня у сельсовета наш участковый — Амирзан. Человек с принципами, он сказал:

— Послушай, Киримизе, не считаешь ли ты, что писателям давно пора вмешаться в это дело?

— Видимо, пора,— согласился я и стал осторожно прошупывать, о каком именно деле так тревожится милиция.— Я бы вмешался, но в последнее время, говорят, с мелкими хищениями покончено,— пустил я первый пробный шар. Но, кажется, неудачно.

— М-мда... — не совсем уверенно подтвердил Амирзан.— Вернее даже будет сформулировать так: «В основном покончено». Но, конечно, это уже не проблема, рост благосостояния подорвал ее под корень.

— Различные нарушения правопорядка также пошли на убыль,— продолжал я. Но и этот заряд пошел мимо цели.

— Разумеется, если брать в процентном отношении. Но

тут процентный подсчет может сбить с толку, дорогой Киримизе. В таком ауле, как наш, их не должно быть совсем. Но и с этим мы справимся без непосредственного вмешательства литературы. Я имею в виду другое. Есть такие... — тут Амирзан замолчал, подбирая подходящее словцо,— есть такие...

Поскольку пауза излишне затянулась, я деликатно подсказал:

— Вопросы...

— Вопросы! — вскинулся участковый.— Не ожидал, дорогой, не ожидал. Совсем не то, что вертится в голове. Есть такое словечко, вот оно, ну, подскажи, писатель, давай...

— Соображения?

— Ты, Киримизе, мой старый друг, поэтому я на тебя не обижаюсь. Но мне казалось, что в молодости ты был догадливей. Ну, вот оно, это словцо, на языке... Вот-вот... Подскажи же!

— Положения...

— Есть, поймал... Сферы! Есть, дорогой, такие сферы, в которые милиция вмешиваться не имеет права, если не допущено нарушение закона. Вот в эти сферы и должны забираться писатели. Фельетончик, басню или другое шило в бок — пусть знают, что за них взялись, пусть задумываются и делают выводы. Теперь ты понял, Киримизе, о чем речь?

— Не понял,— признался я.

— Ничего, в школе ты тоже не все усваивал сразу. Но толк из тебя все же вышел. Поэтому надеюсь, что мы и тут договоримся. Я имею в виду сферу воспитания. И не воспитания вообще, хотя можно было бы и шире вопрос поставить. Но сейчас я хочу направить твоё внимание на сферу более узкую. Как, Киримизе, раньше мать воспитывала свою дочь? Как?

— Смотря какая мать,— снова уклонился я от прямого ответа.

— Мать воспитывала свою дочь в труде. Мать учила ее всему тому, что знала сама, и вдобавок заставляла лучшее перенимать у соседок. В двенадцать лет любая соплячка могла приготовить обед не хуже опытной хозяйки. Так же воспитывает дочерей и моя жена. Случись ей отлучиться — беда, девочки держат дом на самом высоком уровне. Недавно старшенькая, Чебохан, замуж вышла. Свекруха молится на нее, как на муэдзину, говорит, что такой мастери-

цы на все руки нет во всей округе до самого Ростова-на-Дону. А историю с Нафисет ты слышал?

Вот такой он, Амирзан. Чтобы добраться до сути, он будет петлять вокруг да около минут сорок. Но все же потом что-нибудь выдаст.

— О какой это Нафисет ты так тревожишься? — спросил я.

— О той самой, которая вышла за Бата Еныхова. Бат — славный парень, другой бы на его месте здорово обоозлился. Впрочем, Нафисет-то не так виновата, как ее мать. Курица и та цыплят учит зерно клевать, а эта недалекая женщина только одно и делала, что огораживала дочь от всяких забот. Соседи мы, ты ведь знаешь, секретов нет. Бывало, попытается девчонка сделать что-нибудь, как ее мать крик поднимает: «Не трогай, я сама». Берется Нафисет за пустые ведра, мать кричит: «Тебе вредно поднимать тяжести». Придет на кухню, чтобы что-либо сготовить или помочь бабушке, а мать тут как тут: «Не место такой девушке на кухне, от огня ее лицо станет темным и руки огрубеют». Один человек в доме возмущался таким воспитанием — отец, но женщины заявили, что дочь — не сын, они и без него ее вырастят. «Мы в детстве и юности горя хлебнули, пускай же наша девочка не знает забот и бережет свою красоту».

Вот так они рассуждали. Так и вышло, что всем взяла Нафисет, а делать в доме не умела ровно ничего.

А тут как раз прибыл после службы в армии Бат. Ты его знаешь, парень под стать Нафисет. Красивый и скромный, отличный механикатор, помощником бригадира назначили. Увидел Бат Нафисет и дропал. Что говорить, разве не ясно, чем это все окончилось? Мать Бата, Кураш, приходили по-здравлять с невесткой даже из соседних аулов.

А тут как раз у Кураш распухла левая рука. Ревматизм, говорят, ее прихватил не вовремя. «Аллах знает, — сказала она соседкам, — что делает. Моя болезнь уже не скажется на семье, с такой невесткой будем сыты и довольны». Она велела сыну зарезать перед уходом на работу курицу, а Нафисет попросила ее приготовить. Бат, напомнила она, очень любит четципс. С этими напутствиями она поехала в районный центр к врачу.

Вот тут-то и завертелась Нафисет. Признаться мужу или свекрухе в том, что она и разделать-то курицу, не то что приготовить, и то не умеет, у нее не хватило духу. Сидит во дворе и плачет. Молодая соседка, София, заметила это и, выяснив причину слез, утешила ее.

«Действительно, положение... Ладно, выручу тебя, Нафисет. Где курица?»

Четципс и мягкое аппетитное пасте ожидали возвратившуюся к обеду Кураш. Она ела и нахваливала. Пообедав, отправилась к соседям рассказывать, как здорово готовит четципс их красавица невестка.

«Честное слово, — призналась она, — я и сама бы так не приготовила это блюдо. Вот уж повезло Бату так повезло».

Несколько дней Кураш готовила сама, а в субботу сказала невестке:

«Приготовь-ка сегодня нам на радость такой же четципс, какой ты сделала тогда. Могут прийти гости, хочу похвастаться своей невестушкой».

«Здорово придумано», — согласился Бат и пошел за курицей.

Рассказ Амирзана мне нравился, но все же я считал, что в нем слишком велика доля так называемой литературной правды, то есть, мягко выражаясь, вымысла, а в переводе на общедоступный язык — брехни.

— Послушай, Амирзан, — перебил я его, — неужели в функции милиции входит наблюдать за молодоженами?

— К сожалению, входит, — сокрушенно признался Амирзан. — Конечно, не за такими, как Бат и Нафисет, таких бы нам побольше. Сейчас сам увидишь, что я не морочу тебе голову. Пошла Нафисет на кухню сама не своя. Очень уж в неловком положении оказывалась она все время по вине матери и бабушки, которые допекали ее до того, что она в собственном доме могла быть только гостьей. Ничего лучше не придумала, как завязать руку первой попавшейся тряпкой. От обиды на себя и на мать горько расплакалась. Тут как раз и появился Бат с курицей.

«Что с тобой, Нафисет? — всполошился он. — Да ты порезалась... О аллах, и завязала руку грязной тряпкой! Будь он неладен, этот четципс вместе с курицей. Погоди, сейчас принесу чистый бинт».

«Не надо, — прорыдала Нафисет. — Не надо...»

Участливые слова мужа еще больше расстроили ее. «Такой хороший, а я его обманываю».

Сильнее заплакав, она тут же во всем призналась мужу.

В другое время Бат долго бы смеялся — очень уж забавно все выглядело. Но иной раз и смех может звучать как нехорошее слово, и Бат, ласково посмотрев на жену, лишь сказал:

«Стоит ли из-за этого плакать? Я сейчас все же принесу чистый бинт, мы тебе аккуратно забинтуем руку и попросим маму приготовить обед. А завтра к нам приедет моя старшая сестра, большая мастерица по части четципса. Она пробудет у нас целый месяц — ее мужа взяли на военную подготовку. Посвятим ее в нашу тайну. За этот месяц научишься у нее всем премудростям».

— Интересно, — согласился я. — Теперь ты должен добавить, что все это тебе рассказал сам Бат. Не так ли?

— Нет, не так, дорогой. Если бы это мне рассказал сам Бат, то, во-первых, я перестал бы считать его мужчиной. Во-вторых, я не стал бы пересказывать тебе все это. А в-третьих, сам подумай, при чем тут сферы?

Сферы в самом деле оказывались ни при чем.

— Рассказала мне все это сама Нафисет, когда я вез ее в больницу.

— Какую больницу? Она заболела?

— К Бату ее вез, после того как его избил хулиган. Я ей, правда, наугад сказал, что его скоро выпишут, и она на радостях разоткровенничалась. К счастью, я угадал, парень скоро поправится.

— Постой, а кто же избил Бата?

— В этом-то вся соль, Киримизе. Вот тут как раз и начинаются сферы. Мальчишки. Суслики. Окончили школу, в институт не попали, в колхозе не работали — маменьки не пускали, готовили к новым экзаменам и снабжали деньгами, чтобы их отпрыски, не приведи аллах, не вздумали сами заработать себе на жизнь. Парни дебоширили в клубе, куражились, как князья. Бат и вытолкал их на свежий воздух. А после концерта они подстерегли его...

— Мда, сферы неприятные, — согласился я.

— Понял, в чем дело? Сусликов будем судить в ауле, выездная сессия тут состоится. Суслики свое получают. А я все думаю: как бы вытянуть на этот суд мамаш и папаш, которые довели своих чад до преступления? Несовершенство закона в этом деле просматривается невооруженным глазом. Посадить на скамью позора этих современных мещан и предъявить им счет за искаленную жизнь парней. Не только Бата имею в виду, но и их собственных сыновей и дочерей. Но в эти сферы милиция не имеет права вмешиваться. Так вот, Киримизе, вернемся к вопросу, с которого

я начал разговор: не считаешь ли ты, что писателям давно пора вмешаться в это дело?

Пришлось признать, что Амирзан прав. Да, это действительно наши, писательские, сферы.

ТРУДНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Некоторые мои земляки считают, что дать человеку поручение — значит проявить к нему особое расположение, а то даже и осчастливить его. Этот вывод я сделал на собственном опыте. Стоит мне появиться возле клуба или нового универсама, как сразу услышишь:

— Вот здорово, Киримизе, что ты не забываешь о своих односельчанах. Знаешь, какой теперь народ пошел? Чуть-чуть выдвинется, займет какое-нибудь мало-мальски заметное положение в городе, как тут же отворачивается от своих старых друзей.

— Ну, не все, — пытаюсь смягчить картину, приблизить ее к истине.

— Знаю, к тебе это не относится, ты всегда пойдешь навстречу земляку. Вот как раз у меня есть небольшое поручение. У вас где-то на окраине города живет старик, хорошие сорта комнатных лимонов разводит. Разыщи его, пожалуйста, и попроси несколько саженцев. Старик, говорят, жадный, но тебе даст, с писателями-то все считаются. А я их у нас разводить стану. Чем наш Шапсуг хуже Майкопа, а?

Я покорно доставал записную книжку, записывал просьбу Махмуда или Сагида, вспоминая, с каких это пор Махмуд или Сагид стал интересоваться лимоноводством. Но иногда случалось, что рядом с нами оказывался Гумзаг, и тогда обращаться к записной книжке не приходилось.

— Не слушай его, Киримизе, как и других бездельников. Каждый из них способен завалить поручениями хоть тысячу человек. Занимайся, дорогой, своими делами. Зачем ему эти лимоны, знаешь? Чтобы потом сказать: зря ты, Киримизе, старался, у меня даже кислицы вкуснее. Что, не так? — наступал Гумзаг на Махмуда или Сагида.

Раздраженно бормоча что-то о непоседливых стариках, они отходили.

Уж не знаю, какими принципами руководствуются адыгейские матери, придумывая детям имена, но почти всегда они попадают точно в цель. То ли мать каким-то образом предугадывает характер сына, то ли ребенок старается соответствовать своему имени, но ошибки случаются крайне редко. А мать Гумзага, подбирая ему имя, будто в зеркало его души глядела. Гумзаг — значит «беспокойный», «непоседа». Таким он и оказался: везде первым поспевал, до всего ему было дело. Одним из первых пошел в колхоз. Когда началась война, первым явился в военкомат. Первый в ауле боевой орден — у него; первым он и трудовой награды после войны удостоился. Правда, на пенсию последним из сверстников пошел, но и после того не утомился: все какое-то дело находит. Сидит дома только в сильный дождь и тогда проводит «домашнюю ревизию» — выясняет, как дела у его многочисленных сыновей, дочерей и взрослых внуков. В ауле шутят: «Нет такой специальности, которую бы не освоили в семье Гумзага». И эта шутка очень близка к истине. Есть среди потомков Гумзага механизаторы и учителя, животноводы и агрономы, врачи и повара, механики и военные. Даже один милиционер есть, правда, среди зятьев. «Взяли для комплекта», — ухмылялся Гумзаг.

Много полезных затей на счету у Гумзага, и, как я уже упомянул, не раз спасал он меня от поручений некоторых бесперомонных земляков.

И вдруг с просьбой ко мне обратился сам Гумзаг. Да еще с какой!

— Послушай, Киримизе, — сказал он, заглянув в беседку, увитую виноградными лозами, где я работал. — Есть у меня к тебе большая просьба.

Я понял, что случилось нечто чрезвычайное, иначе слово «просьба» не сорвалось бы с уст Гумзага, и пригласил его присесть.

Старик постучал палкой о пол, словно слепой, прокладывая дорогу в толпе, тяжело вздохнул и произнес:

— Просьба у меня необычная, поэтому я хочу, чтобы ты понял, в чем ее суть. Слушай же. Случайно подметил одну вещь. Как-то сижу утром за столом. Все собрались на работу, а старший мой Черим галстук завязывает.

«Куда ты собрался, бездельник?» — спрашиваю.

«В клуб, отец, иду, на совещание передовых комбайнеров».

«С утра?»

«Ну да. Будем делиться опытом с отстающими. Ремонт они запустили, вот что, отец».

«Так зачем идти в клуб? Идите в мастерскую и помогите окончить ремонт тем, кто приотстал, ведь через три дня начнется уборка ячменя».

«Извини, отец, — ответил он, — по правлению виднее, что нам и когда делать».

И пошел.

На следующий день галстук стал завязывать Рашид. Ты знаешь, он ведь чабан, ему раньше всех на работе быть положено, а он перед зеркалом вертится, как народный артист. Оказывается, и его на совещание вызвали, но уже в райцентр — там всех животноводов района собирали. Конечно, передовых. Чтобы друг с другом беседовали.

«А кто же за отарой присмотрит?» — спросил я его.

«Подменят меня, отец, у нас с этим порядок теперь».

На третий день в город собрался Камбулет.

«Ты куда? — удивился я. — Уборку-то без агронома не начинают...»

«Начнут, — засмеялся Камбулет, — незаменимых нет. А меня вызвали на областное совещание по борьбе с сорняками».

«Зачем совещание? — очень удивился я. — Разве уже найдены такие слова, от которых погибают сорняки?»

«Отстал ты от жизни, отец, — ответил Камбулет. — Разве можно спорить с начальством? Сверху виднее, а наше дело выполнять команду».

Потом уехал в район на совещание Муртаз.

Потом, бросив звено, пошла на заседание правления Мариет...

Гумзаг замолчал.

— Знаешь, Киримизе, — заметил он после продолжительной паузы, — захотелось мне подсчитать, сколько же дней мои дети и внуки работают, а сколько совещаются. В конце месяца подбил итог. Вот он: специалисты семь раз ездили в райцентр, двенадцать раз заседали в колхозе, восемь раз проводили совещания в бригадах и на фермах. И все в будни, в рабочее, в самое горячее время. Ну, пусть бы зимой, а то ведь лето, уборка. Мне, Киримизе, страшно стало. В газетах пишут и по радио передают о том, что надо беречь каждую рабочую минуту, а на заседаниях убивают враз целые годы. А ведь время, как и молодость, не вернешь. Но, может, эти совещания необходимы, подумалось мне. И решил проверить.

Как раз с утра люди стали собираться на общеаульское собрание. Пошел и я. Поднялся на трибуну докладчик из райцентра. Он стал уверять, что корма — дело важное. Целый час втолковывал нам это. Затем взял слово заведующий МТФ, «Без кормов, братцы, — стал доказывать он, — ой как плохо! Ни мяса не будет без кормов, ни молока». Главный зоотехник, как и докладчик, свою речь читал по бумажке — все о том же. «Для животноводства корма — все! — уныло бубнил он, не отрывая глаз от написанного, ни разу не взглянув на нас. — Будут корма — будет молоко, будет сметана и простокваша, и буренки будут довольны, и люди». Вот так и сказал. И тогда я сам, без вызова, поднялся на трибуну и спросил собравшихся:

«Земляки, не кажется ли вам, что вы вопрос о кормах вывернули наизнанку? Если нам так нужны корма, то зачем мы в пору сенокоса занимаемся болтовней? Подумать только, вы тут доказываете, что коровы любят суданку и люцерну! Земляки, даже прадеды наших прадедов знали, что без кормов животные дохнут, выходы из известной истории с цыганом и лошадей они сделали правильные. Зачем же тратить время на переливание из пустого в порожнее, не лучше ли отправиться на сенокос? Кто с косами, кто с вилами, а мне грабли дайте. Управлюсь, хоть и не молод. Чем здесь лясы точить, выйдем сено косить».

Я едва скрыл улыбку, — от волнения Гумзаг заговорил в рифму, что с ним, кстати, случалось нередко.

— Думаешь, Киримизе, послушали? Черта с два... Даже моя научная ссылка на историю о цыгане и лошади не подействовала.

«Ты, Гумзаг, идешь не в ногу со временем, — сказал мне председатель сельсовета, который вел собрание. — Мы уже давно пересели с коня на трактор. Порядка не знаешь? Чтобы решить какой-нибудь вопрос, надо собраться в области, потом в районе, потом в колхозе, потом в бригадах, в звеньях, все как следует обсудить, наметить и принять планы; потом пересмотреть их и принять повышенные обязательства. Такой порядок, дорогой. А ты куда нас толкаешь?»

И тут до меня дошло: так люди заразились этим проклятым зудом слова, что ни шагу без собраний и заседаний сделать уже не могут. Недавно прихожу на птицеферму, внучка у меня там, посмотреть решил, как работает. И, конечно, попал на собрание. В девять утра. Как раз выступал заведующий фермой, такой солидный мужчина в

летах и с усами. Он клеймил птичницу, у которой накануне пропало одно яйцо — не то разбила она его, не то крысы утащили. Разгорячившись, заведующий стал так сильно размахивать руками, что в азарте толкнул локтем ящик с яйцами, приготовленный к отправке. Ящик грохнулся на пол, из него потянулась желтая струя... Но это не остановило речь заведующего. Надо было кормить птицу, пустить воду в поилки, заняться чисткой помещения, а они все засадили.

Задумался я, — продолжал Гумзаг, — нельзя ли как-то все это делать по-другому? И вот узнал, что сельсовет наметил собрание по благоустройству аула. Собирали всех на девять утра. Пошел к председателю.

«Уважаемый тхаматэ, — говорю, — завтрашнее собрание оторвет от дела человек триста. Пока все соберутся, пока президиум изберут, пока все речи прочтете, уйдет половина дня. А нельзя ли обо всем этом сообщить людям по нашему аульскому радио? В каждом доме есть радиоточка, все узнают, что надо, за ужином. А утром сразу на субботник отправятся. Со свежими силами».

«Как можно без собрания? — удивился председатель. — Что же это получится? Скажут, что я сорвал мероприятие».

«Да ведь мероприятие — благоустройство, а не собрание».

Председатель подумал. И — согласился. Передал план работ по радио. И все узнали, что кому и где надо делать на субботнике. И без лишних слов люди утром вышли на свои участки и все сделали, а к обеду разошлись по домам.

Теперь, Киримизе, руководство аула стало меньше собирать людей, а больше использует радио. И все довольны — ведь радио можно слушать, занимаясь и другим делом, как говорят, по совместительству. Только вот чего-то в район и область стали еще больше народа вызывать на разные заседания. И в соседних аулах каждый день сходки. И решил я попросить тебя. Ты там среди начальства вертись, подскажи насчет совещаний какому-нибудь руководителю области. Пусть пересмотрят этот порядок. Скажи, что не один Гумзаг так думает, всем давно надоело тратить время на выслушивание в душных помещениях известных истин.

— Подскажу, — не подумав как следует, пообещал я. — Не сомневайся, Гумзаг, твое поручение постараюсь выполнить.

Возвратившись в город, я решил передать просьбу Гумзага товарищу, который, как мне казалось, мог бы помочь

в этом вопросе. Выбрав послеобеденное время, зашел к нему.

— Заведующий на совещании, — сообщила его секретарша. — С утра...

— Тогда передайте ему, пожалуйста, что я зайду завтра. Или позвоню.

Девушка заглянула в настольный календарь.

— Завтра он проводит симпозиум по кормам, дело может, как показывает практика, затянуться до полуночи.

— Тогда послезавтра...

— Совет ветеранов труда!

— Тогда...

— Дорогой Киримизе, неужели вы не знаете, что все дни до конца месяца размечены заранее? Коллоквиум по воспитанию, пленум общества «Знание», сессия ученого совета, совещание постоянной комиссии по борьбе с правонарушениями, планерка на стройке, информация по обмену опытом, актив общества по охране природы, съезд добровольных пожарных дружин, разное прочее.

— А когда же? — попытался было спросить я, но секретарша не дала мне договорить.

— Чем задавать, дорогой товарищ, ехидные вопросы, шли бы лучше на заседание творческого актива. Неужели забыли? Оно начинается через пять минут, вы там должны выступать.

Я бросился к зданию театра. На ходу проверил, не забыл ли дома текст выступления, и влился в могучий поток спешивших туда же писателей, журналистов, художников, артистов, работников кинофикации и книжной торговли...

Пришел домой поздно и сразу направился к домашней аптечке. Тройчатки не оказалось.

— Таблетки от головной боли проглотила я, — простонала жена. — Только что вернулась с учительской пятиминутки.

Я лег и кое-как заснул. Но спал недолго. Будто что-то толкнуло меня в бок. Тихо прошел в кабинет, сел за стол. Сперва хотел было сообщить Гумзагу, что поручение его оказалось невыполнимым. А потом решил написать этот рассказ. Может, прочитав его, тот самый солидный начальник, который проводит основное время на симпозиумах, активах и коллоквиумах, все же выкроит часок, чтобы выслушать просьбу моего земляка Гумзага.

ПЕДАГОГИКА ДЕДА МАХАМЕТА

дин из соседей, Абдул Меретуков, порадовал меня доброй весточкой.

— Сегодня возвращается из санатория глава нашей семьи. Загляни вечером, пожалуйста, он будет рад повидаться с тобой.

Начиналась уборка зерновых, и Махамета Меретукова ожидали в колхозе с нетерпением — он отлично разбирался во всей уборочной технике и ухитрялся восстанавливать или заменять даже такие детали, которые во всех справочниках считаются незаменимыми в местных условиях. В прошлом мне самому не раз приходилось видеть, какие чудеса он творил с деталями для тракторов и комбайнов. Уже все ремонтники отступились, инженер направил за вышедшей из строя деталью в областной центр самого расторопного парня, снабженного указанием «на магарыч не скупиться», а Махамет все еще колдует в мастерской. Потом раздастся его спокойный голос:

— Конечно, нам далеко до тех мастеров, которые там на заводе штампуют и обрабатывают эти штуки, но и слепой свинье иногда попадается желудь. Может, попробуем эту никчемную самоделку?

И всем ясно, что Меретуков добился невозможного. Ставят «никчемную самоделку» на место, и машина снова в работе. А ведь на уборке — это не дежурная фраза, а сама жизнь — важен каждый час. Сколько потерь порой несут колхозы, не учитывающие этого. Запоздали на час-два, и хлынул ливень, налетел шквальный ветер, прижал хлеб к земле, перепутал колосья. Жатка его не берет, начинается переоборудование уборочной техники. А время идет...

Если ты, читатель, заметишь, что я в своих историях слишком уж часто отвлекаюсь от прямого разговора, отвечу: «Наблюдение меткое, глаз у тебя острый». Но, делая отступление, я не забываю, о чем собирался вести разговор. Конечно, другой на моем месте, возможно, прямо начал бы с того, что он увидел на празднестве, посвященном возвращению главы семьи Меретуковых с курорта, но меня такой подход к материалу не устраивает. Мне кажется так: уж если ты собрался рассказать о человеке, то скажи о нем все самое существенное. Поэтому я продолжу свое отступление.

Мне частенько приходилось беседовать с Махаметом

о жизни, слушать его высказывания на самые различные темы. Немало интересного он дарил собеседникам. Но более всего поражала меня его откровенность. Уж как-то так получилось, что оба сына и обе дочери Махамета стали учителями. Когда трое старших собирались в педагогический институт, он провожал их одобрительным молчанием. Но когда за старшим сыном и его сестрами решил последовать и младший, Асланчери, Махамет вдруг заявил ему:

— Подумай еще раз, сын мой, следует ли тебе становиться учителем. Мне кажется, тебя тянет к технике, ты ведь многому уже научился у наших механизаторов. Иди туда, где учат на инженера, или оставайся в бригаде, тут есть очень редкостные мастера. Подняться тебе до их плеча нелегко будет.

Асланчери успокоил отца, сказав, что еще подумает. И все же пошел в педагогический. Работал он в школе вроде неплохо, но Махамет не раз уже, как всем казалось в шутку, предлагал младшему перейти в тракторную бригаду. Асланчери отшучивался. Старший сын Махамета, мой ровесник Аслан, был назначен на пост директора нашей школы. Говорят, он много помогал брату, но все же был не очень им доволен.

А теперь пора возвратиться к тому самому вечеру, с которого я, помнится, собирался начать рассказ. Гостей было довольно много. Махамет рассказывал о мацестинских ваннах с почтительным юмором, умело вызывая на разговор гостей. Вкусная еда и радушие хозяина настраивали всех на веселый лад. В присутствии деда притих и младший внук Махамета — Абу, первоклассник, вернее, закончивший первый класс весной и переведенный во второй. Абу стрелял большими черными глазами то в гостей, то в деда, слушал, что говорят старшие, но потом, впрочем не так скоро, все это ему наскучило.

Тут я вынужден сделать еще одно отступление. Мальчишки вроде Абу меня живо интересовали уже много лет. Если мне удавалось понаблюдать за мальчишкой или девчонкой или за группой ребятшек так, чтобы они об этом не подозревали, я иной раз обогащался забавными и поучительными наблюдениями. Одиноким среди взрослых гостей Абу, сам того не ведая, стал объектом моего внимания. Делая вид, будто я внимательно слежу за беседой, я фиксировал каждое движение Абу и безошибочно определял тот критический момент, когда он уже не мог заставить себя сидеть со взрослыми за столом «как положено». Я рассуждал при-

мерно так: если он нормально развитый мальчик, то должен выкинуть какое-нибудь забавное коленце. Разумеется, он еще мог бы просто встать и отправиться в свою комнату, но я бы не считал его после этого вполне нормальным. «Слишком тихий», — решил бы я.

Абу на несколько минут как бы погрузился в раздумье. Видимо, он решал мучительно проблему: чем бы заняться? Абу громко вздохнул, пытаясь обратить на себя внимание любимого деда. Но тот был занят гостями. Впрочем, каким-то краешком глаза он все же поглядывал на него, но Абу этого не замечал.

Короткие минуты затишья окончились — Абу заерзал на стуле и внимательно оглядел стол. Ничего интересного. Он потянулся за горчицей, извлек из баночки маленькую ложечку, намазал горчицей хлеб, попробовал. На лице появилась выразительная гримаса, означавшая что-то похожее на «ну и дрянь». Он стал ножом счищать с хлеба горчицу. С ножа он снял ее пальцем, понюхал и вытер палец скатертью. Оставался хлеб. Отщипнув кусочек мякоти, он скатал ее в шарик, положил на ноготь большого пальца. Огляделся по сторонам, хитровато улыбнулся и сделал шелчок в сторону тетки-учительницы. Попал! Тетка вздрогнула и тотчас повернулась к Абу. Он, разумеется, опустил глаза и потупился. Но так долго усидеть не смог. Поднял голову, встретился взглядом с тетей. Она, укоризненно взглянув на него, незаметно погрозила пальцем.

Так неожиданно завязалась игра. Когда тетка отвернулась, он пустил в нее еще один снаряд. Но в цель не попал — недолет. Шарик оказался в тарелке — о ужас, — деда Махамета! Странно, наблюдательный Махамет его как будто и не заметил.

После небольшой паузы на ноготь лег третий снаряд, тот самый роковой снаряд, который и стал причиной последующих событий. То ли что-то отвлекло мальчишку, то ли он торопился, но получился перелет — шарик шлепнулся возле тарелки отца. Асланчери взял его в руки, повертел, взглянул на сына и крикнул:

— Как ты, паршивец, обращаешься с хлебом? Марш из-за стола, я с тобой потом поговорю!

Абу словно ветром сдуло. А за столом воцарилось неловкое молчание. У адыгов так поступать не принято. Для расчетов с детьми у тебя хватит времени и после того, как разойдутся гости. Но если тебе не терпится, гости могут покинуть твой дом немедленно. Они этого не сделали из

глубочайшего уважения к Махамету. Все встали из-за стола в свое время, словно бы ничего не произошло.

— Абу! — раздался голос Асланчерия, когда дом опустел.

— Спит Абу, — заметила мать, кстати, тоже учительница. — Не трогай его, завтра все растолкуешь.

— Завтра он ничего не поймет, — упорствовал Асланчерий. — Наказание не должно запаздывать. Абу, сюда!

Заспанный мальчик подошел к матери.

— Сперва выслушай, — крикнул Асланчерий, — а уж потом, если тебе позволит совесть, дрыхни сколько тебе будет угодно. Ты как обращаешься с хлебом? Говори...

Абу молчал.

— Что такое хлеб? — спросил Асланчерий, пустив в ход самую высокую ноту, отчего последнее слово в этой фразе прозвучало как-то неестественно, с надрывом.

Абу хмыкнул.

— Не понимаю, что у тебя вызывает смех! — тут же взорвался Асланчерий. — Что же такое хлеб? Молчишь? Хлеб — это святая святых, понял? Это результат самоотверженного труда наших уважаемых земляков, твоего деда, всех тружеников нашей необъятной страны. Понял? Что же ты молчишь? Хлеб — это наше золото! Вот если бы у тебя в руках был не хлебный катышек, а золотой, ты метнул бы его в тетю Бибу или в меня? Ну, говори.

— Нет, — пробормотал Абу.

— Добираемся до сути, — немного оживился Асланчерий. — А почему?

— Золотой — тяжелый, — пояснил Абу. — Он может больно ударить, я же так, понарошке... Я не хотел, чтоб тете было больно.

— Выходит, ты все-таки ничего не понял? — возмутился Асланчерий. — Тулица! Ладно, ступай спать, я тебе завтра все лучше объясню.

Махамет, пригласивший меня к себе в комнату, молча слушал этот разговор. Потом сказал:

— Знаешь, дорогой товарищ, как будет при коммунизме?

Озадаченный неожиданным вопросом, я молчал.

— При коммунизме каждый человек будет на своем месте. Каждый будет там, где от него больше толку. Я думаю, изобретут такую машину, которая точно определит, кто на что годен. И если ты по призванию сапожник, тебе вручат шило — старайся вовсю. А если у тебя имеются за-

датки к писательству, пожалуйста, получай бумагу и строчи сколько вздумается. А то сейчас сапожники садятся сочинять книги, а детей учат все, кому не хочется выполнять «грязную» работу.

На этом мы и расстались.

На следующий день меня разбудили на рассвете — началась жатва. Тут, мне думается, самое бы время сделать еще одно отступление насчет того, как в колхозе приступают к уборке хлебов, как чувствуют первый сноп и как, словно по сигналу, трогаются жатки. Но мне сейчас недосуг отвлекаться от темы — дело в том, что именно на рассвете встретил я в поле Махамета. Возле него стоял Абу.

— Решил взять с собой паренька, — заметил Махамет. — Пусть поглотает пыли на току. Пора уже, вырос.

При этих словах мальчишка подтянулся, посерьезнел.

В тот день наши пути пересекались не раз. Видел я Абу и возле жатки, и на комбайне, и на самосвале, который перевозил зерно на ток. На току мальчик и застрял, а его дед пошел по своим делам. Система машин для очистки зерна приковала внимание Абу. Вот грузовик подошел к бункеру, кузов его поднялся, и зерно посыпалось в яму. Там оно попадало на вертикальный транспортер, который доносил пшеницу до очистительной установки. Хоть и пыльно было вокруг, но Абу не отходил от нее. И, наконец, добрался до конечного пункта тока — транспортера, который подавал зерно на автомобиль. Теперь, чистое и сверкающее, словно золото, оно шло на элеватор.

Потолкавшись на въездных весах, взвешивавших самосвалы с зерном, Абу сел на скамью рядом с весовщиком и, переполненный впечатлениями, незаметно уснул. Тут его и обнаружил Махамет.

— А теперь домой, — сказал он, переноса мальчика в кузов машины. — А то мама твоя там уже, наверное, ругает нас. Да и отец ждет не дожидается, чтобы закончить вчерашний разговор.

Я сел рядом с Махаметом и своими ушами слышал то, что сказал деду Абу. Случилось это, когда мы уже приближались к аулу. Он притянул деда к себе и прошептал:

— Махамет, передай папе, пожалуйста, что я больше никогда не буду бросаться хлебом.

— Вот и хорошо, — серьезно ответил Махамет. — Это я ему сообщу. Будем считать вчерашнюю историю забытой.

Что-то в тоне деда показалось мальчишке подозрительным.

- Честное слово, Махамет, не буду,— поклялся он.
- Мы тебе и так верим,— успокоил мальчика Махамет.— У нас ведь никто друг друга никогда не обманывал.
- Никогда! — подтвердил Абу.

РАДИО ПОМОГЛО

отъ и не очень много в ауле жителей, разумеется, по сравнению с городом, но и здесь не со всеми удается наладить дружеские контакты. С одним в детстве что-то не поделили, он и помнит до сей поры, все еще при встречах отворачивается. Другого пришлось покритиковать на собрании. Тут комментарии излишни — большинство аулчан питают к критике такую же пылкую любовь, как и население индустриальных центров. С третьим вроде бы ничто и не сталкивало, а как-то так получилось, что ничто и не сближало.

Среди этих «третьих» был и Амзан, наш незаменимый плотник. Увидимся на улице — кивнем друг другу, вот и все общение. Так обычно и бывает между людьми, которых разделяет разница лет в восемь — десять. Когда один начинает брить усы, другой мечтает попасть в первый класс. Когда первоклассник переходит в десятый, у старшего товарища заводятся детишки, теща, мотоцикл. Амзан был старше меня лет на десять, и человеком он стал меня считать уже после войны. Году этак в сорок пятом или сорок шестом, встретив меня на улице, он легонько кивнул в ответ на мое горячее приветствие. Так и шло дело многие годы. Знал я, что у него один сын, знал, что его жена Таус, отличная доярка, ушла с фермы, когда там смонтировали импульсную доильную установку — новый механизм ей «не дался», как пояснила она сама, знал и его невестку. Амзан, как мне казалось, очень гордился выбором сына, но в адыгейском этикете тема о невестках — запретная, об этом не разговаривался. Вот, видимо, и все, что я знал об Амзани и его семье.

Как же удивился я, когда заметно подросший Алий, увидев меня во дворе, осведомился:

— Амзан знает, что ты приехал?

Если бы в ауле Амзанов было столько, сколько Махамудов или Саферов, вопрос Алия заставил бы задуматься —

которому это Махамуду или Саферу я понадобился? Но Амзан у нас был один, и нужен я ему был не более чем Большая Медведица. Поэтому ответ мой носил весьма определенный характер.

— Среди тех, кому я сообщил о своем приезде, — сказал я, — как мне помнится, Амзана не было.

— А зря, — возразил Алий. — Он несколько раз о тебе спрашивал.

— Может быть, он сказал, какое у него ко мне дело?

— Ничего он не сказал, он вел себя так, словно курица, которая никак не может решить, где ей снести яйцо.

— С сыном его ничего не случилось? — на всякий случай спросил я, хотя знал, что, если бы с кем-либо что-либо случилось, мои домашние осведомили бы меня своевременно.

— Вот именно, с сыном и случилось, — ухмыльнулся Алий. — У сына появился сын, Амзан-второй. Наверное, Амзан-первый попросит тебя сообщить об этом событии по радио.

В то время я работал на радио, и реплика Алия показала мне весьма остроумной. Подобное, кстати, в принципе не было исключено. Простодушные односельчане были уверены, что события их личной жизни не менее интересны и важны, чем, скажем, сбор огурцов в звене угрюмого Хазрета. Не раз на площади, у магазина, мне приходилось участвовать в импровизированных читательских конференциях.

— Аскер из Кошедабля получил от ста овцематок сто пять ягнят, — подражая нашему диктору, провозглашал при моем появлении Аскер из Шапсуга, и все дружно смеялись. — Уж лучше сообщил бы, Киримизе, что жена нашего счетовода родила двойню.

Я мог бы привести два-три десятка ехидных реплик, показывающих, что далеко не все мои земляки столь же горячо интересуются делами соседей, как я сам. Но с воспоминаниями пришлось повременить — в калитке стоял Амзан. Разумеется, тот, который был старше меня на десять, а не младше на пятьдесят. Глаза его блестели, выглядел он помолодевшим. Будто на курорте побывал. Видно было, что его действительно распирало от желания чем-то поделиться.

Но Амзан не торопился. Как положено, он подробно расспросил меня о здоровье, о работе, о погоде в Майкопе, области, в крае, а также на Черноморском побережье. Как человек повоевавший, Амзан неплохо знал географию Европы. Мне подумалось, что, если гость переключится на

вопросы о погоде только лишь в тех странах, в которых ему пришлось громить фашистов, разговор наш растянется на весьма неопределенное время и еще неизвестно, не помешает ли нам что-либо добраться до сути. Чтобы ускорить события, я пустился на хитрость — попросил Алию позвонить секретарю парткома, что я немного задержусь по уважительной причине, пусть подождет.

— Нет, — заволновался Амзан, — сейчас я тебя отпускаю. У меня всего несколько слов. Ты, Алия, погуляй на улице, — повернулся он к мальчишке, — у нас с Киримизе мужской разговор пойдет.

Алия исчез. Проводив его глазами, Амзан совсем тихо проговорил:

— Должен перед тобой извиниться, дорогой. Извиниться и сказать спасибо. Огромное спасибо. Ты сам должен понять — в моем возрасте без внука — это одна смехота. Позор какой-то, а не жизнь. Разве последние годы я жил? Мне казалось, что весь район на меня пальцами показывает. А теперь я могу спокойно на улицу выйти. Спасибо тебе, дорогой, и извини за то, что было.

— Что же такое было, Амзан, за что я тебя должен извинить? Мне раньше казалось, что ничего такого между нами не было.

— Верно, Киримизе, — согласился Амзан. — Это между тобой и мной ничего не было. А между мной и тобой было.

По выражению моего лица Амзан догадался, что и это объяснение нуждается в пояснении.

— Конечно, ты ничего не знал... Понимаешь, я всегда считал, что ты занимаешься пустым делом. Что это, — думал я, — за работа — тараторить по радио. Не дело для мужчины, думал я. И мне было удивительно — как это такой уважаемый человек, вояка, не понимает, что его закинуло на обочину. Понимаешь, дорогой, я именно так и думал до последнего времени. И только после того, как невестка моя понесла, я понял, что и радио — дело вполне мужское.

Вот когда я оценил деликатность Амзана, отправившего погулять Алию. Конечно, счастье, что он или кто-либо другой не оказался свидетелем нашего разговора. Но что Амзан все же имел в виду?

— Амзан, — взмолился я, — дорогой мой, извини за назойливость, но в последнее время у меня что-то с памятью стало. Пожалуйста, подробнее, что ты имеешь в виду?

— То, что было, дорогой товарищ. Спасибо, что не оставил наше письмо без ответа, спасибо, что посвятил целую

передачу этому щекотливому вопросу. Теперь сам видишь, чем дело закончилось, — у меня внук!

И тогда меня осенило.

— Послушай, Амзан, — осторожно осведомился я, — а как складывались дела до того, как ты додумался письмо написать? Пожалуйста, подробней, это необходимо для совершенствования работы радио.

— Не я додумался письмо написать, извини, я считал, что все это — одна болтовня. Старуха моя так решила. Ты ведь знаешь, что ни в одном доме нет такой замечательной невестки, как у меня, видел ее не раз. Всем взяла девка — и красотой, и умом, и вежливостью, радуйся, да и только. Но... вбила себе в голову, что с детьми надо повременить — где-то вычитала, будто после родов молодая женщина становится не такой красивой. Сам понимаешь, мне на такие темы ни с ней, ни с сыном заговорить невозможно. Старуха кое-как выведала у нее причину нашего горя и сообщила мне. По мнению невестки, лучше всего рожать в тридцать лет. О аллах, ей-то двадцать один. Девять лет ждать! Уж лучше в могилу сойти.

Амзан, говоря о могиле, весело улыбался — ведь все было в прошлом. Сейчас он готов драться за каждый день своей жизни — кто, кроме него, сумеет по-настоящему воспитать внука? Все это было написано на его лице.

— Вот тогда-то старуха и брякнула: «Вижу, что без нашего земляка — работника радио — ничего у нас с внуком не получится». И она попросила сына написать тебе на радио письмо. Конечно, без подписи. Помнишь это письмо? В нем говорилось, что теперь в аулах молодые женщины боятся рожать, так как думают, что после родов они станут некрасивыми, а им не хочется в молодости быть безобразными. Если они ошибаются, пусть радио ответит. А чтобы мы знали, будет ли такая передача, попросили сообщить об этом по радио. Остальное ты знаешь лучше меня, дорогой...

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Ну и история! Живо вспомнилось озабоченное лицо радиожурналистки, явившейся с этим письмом. Сквозь его строки так и читалось ненаписанное: «Помогите, хотим иметь детей!» План ее был прост: пригласить в студию врача-специалиста и актрису адыгейского драматического театра, мать четырех детей. Разговор должен вестись очень серьезно, без иронии, доказательно. Чтобы выстрел попал в цель, мы несколько раз сообщили, что такого-то числа будут переданы ответы врача по теме: «Материнство и красота женщины».

— Моя старуха все здорово устроила, — вспоминал Амзан. — Невестка, скажу откровенно, не особая любительница слушать радио, но Таус так все подстроила, что она оказалась у репродуктора перед началом вашей передачи. Выслушав все, задумалась. Актрису эту она несколько раз видела в театре, исключительной красоты женщина... Прошло какое-то время, и старуха передала мне просьбу невестки. Ты догадываешься какую: сделать детскую коляску. Уж я постарался, такой коляски и раньше не было и в будущем не будет.

— И тебе спасибо, Амзан, за этот рассказ. Я рад, что все улажено, что радио сослужило вам такую службу.

— Не совсем, — улыбнулся Амзан. — Ты ведь знаешь, что говорили наши прадеды. Они говорили: «Двоих иметь — это значит иметь почти что одного, а если иметь только одного — это почти что ничего не иметь». Правда, они же и добавляли, что воспитывать ребенка — это все равно что грызть камень. Но ничего, у сына зубы как из железа, да и я еще не успел познакомиться с зубными врачами.

— Желаю в этом деле полного исполнения желаний, — сказал я на прощание. — Если что, смело обращай на радио, сделаем все возможное.

— Спасибо, родной, — заулыбался старик. — Но думаю, что на этот раз ваша помощь не понадобится.

НЕОЖИДАННЫЙ СТИМУЛ

ейчас много говорят о различных формах стимулирования. Стимул, как известно, это побуждение к действию, поощрение. И тут уместно рассказать о том, что произошло с дедом Сафером — человеком в высшей степени упрямым и непокладистым.

Тут необходима существенная оговорка — Сафер статен и чернобров, крепок и черноволос, лишь на висках пробирается седина. Дедом же я назвал его только потому, что он дед по своему семейному положению. Женился, вопреки принятому у нас правилу, очень рано, как уверяют его приятели, из упрямства. Заметив как-то красавицу Мариет, он раза два побывал у нее в гостях, вот и все ухаживание. Мариет, воспитанная в духе национальных традиций и

обычаев, на него и внимания почти что не обратила: молодые ходят от скуки, а невест выбирают более степенные. То есть нельзя сказать, чтобы она совсем не заметила рослого, плечистого парня в аккуратной черкеске, на которой поблескивал отцовский серебряный кинжал, девичье око мимо таких фактов не проходит. Но уж слишком он был молод.

Сам Сафер, как рассказывают его друзья, рассудил иначе. Он сообщил самым близким товарищам, что намерен жениться на Мариет и сделает это немедленно. Его, конечно, стали отговаривать.

— Ей же почти столько лет, сколько тебе, — говорили они. — Подожди уж, покуда у нее подрастет дочка, тогда и женись.

— А если у нее будут одни сыновья? — заметил Сафер. — Выходит, я должен буду дожидаться ее внуки? Нет, джигиты, мне требуется именно эта Мариет, и она будет моей женой.

Как в воду смотрел Сафер — пошли у него, как по заказу, одни сыновья, хотя ему самому, опять же вопреки обычаю, хотелось иметь и дочь.

— Все, точка, — сказал, говорят, Сафер, когда родился пятый сын. — Помоги, аллах, поставить на ноги эту банду.

Сыновья в отца пошли. Все рослые, бровастые, молчаливые и упрямые. Не успеют школу окончить, семью заводят. Не успеют жениться — дети появляются. И тоже — все мальчишки. Мариет волнуется, переживает, требует, чтобы муж «вмешался», образумил хоть младшего парня, заставил учиться, а Сафер только ухмыляется.

— Легче лбом в стене окно сделать, чем переспорить нашу породу. Были бы шарики в голове, без хлеба не останутся.

И в работе в отца выдались. Тот, окончив курсы трактористов, дальше заниматься не пожелал, и эти. Хотели Сафера на курсы бригадиров послать, ноотрез отказался. Застрял на месте и сыновья.

— Пусть другие сохнут за партами, — без обиняков заявил он, — а я и трактористом на хлеб заработаю.

Был момент, когда правление решило послать Сафера на курсы агрономов — создали такие специально для заслуженных практиков, — но и тут он уперся. Эту историю я хорошо помню — как раз сидел в правлении, когда подбиралась кандидатура на курсы. Представитель райцентра, перебрав несколько фамилий, вдруг вспомнил:

— А что же вы Сафера Кунижева не называете? Он по

своему уровню любого агронома за пояс заткнет. Обзаведется знаниями, цены человеку не будет. Зовите Сафера.

Понимая, что из этого ничего не выйдет, председатель все же возражать не стал — чего зря спорить с начальством, ведь кандидатура действительно очень подходящая. По глазам председателя догадался: очень ему хотелось послушать, как они будут разговаривать — представитель с Сафером.

И вот тракторист, поздоровавшись со всеми за руку, уселся у стены кабинета, сплошь заставленной стульями.

— Идея одна есть, Сафер,— сказал председатель.— Ты только сразу не брыкайся, как необъезженный жеребчик, не спеша. Человек ты достойный во всех отношениях, награжденный орденом, а вот в вопросе о повышении уровня не совсем сознательный. А теперь послушай представителя.

— Говори спасибо, Сафер,— заулыбался представитель,— и собирай чемодан. На год отправим в город. Год проучишься, пролетит, как один день, и вернешься в колхоз младшим агрономом. Давай, Сафер, беги домой, завтра выедем вместе.

Хитро зашел представитель, вроде бы и отступать Саферу некуда. Другой бы из такой ловушки не выбрался. Только упрямство Сафера оказалось сильнее всякой дипломатии.

— Опять курсы,— ухмыльнулся он.— Бросьте вы уже мучить меня этими дурацкими разговорами. Посмотрите сами, старший внук в школу собирается, а я за парту сяду. Я знаю, зачем вам это,— выкрикнул он, поднимаясь.— Знаю! Хотите, чтобы надо мной во всем районе смеялись. Вот чудело, вот выскочка, разогнал молодых и, вместо того чтобы честно работать, сачковать уехал.

Теперь в тупике оказался представитель. Так он из него и не выбрался. В спешке послали учиться какого-то недо-тепу.

Прошло несколько лет. Однажды, зайдя в Майкопе в книжный магазин, занимающий почти весь первый этаж огромного нового здания, я не поверил своим глазам: в отделе учебников перед продавцом стоял Сафер. Все еще молодцеватый, но с седыми висками. «Многовнучатый дед» — как шутя называли его сверстники.

— Есть кое-что интересное и по механике,— услышал я голос продавщицы.— Подобрать?

— Давай, хороший человек, все давай, что может пригодиться, не жалею денег, только спасибо скажу.

Заметив меня, Сафер обрадовался:

— Посмотри, пожалуйста, дорогой Кирмизе, что еще можно взять для самообразования.

— Для какого возраста? — не без задней мысли осведомился я — любопытство разбирало меня весьма основательно: для кого это так старается наш упрямец, не желающий учиться? Ответ его показался мне шуткой.

— Для меня,— вздохнул Сафер.— Видно, от судьбы не уйдешь,— добавил он после продолжительной паузы.

«От судьбы не уйдешь!» — это звучало не только загадочно, но и в какой-то степени обреченно. Что подстроила этому человеку судьба-злодейка? Неужели он на старости лет согласился стать бригадиром? И теперь догоняет ветер?

Приставать с вопросами у нас не принято. Порывшись среди книг, отобранных продавщицей, я отказался от первого предположения и решил, что кто-то из друзей Сафера повышает свое образование во всех сферах знаний. Занимательная астрономия и задачи по физике, популярные книги по естествознанию и биологии и многое другое уже было сложено. Девушка добавила к ним литературу по механике, математике. Уплатив деньги, Сафер направился к выходу. Мое приглашение отдохнуть и попить чаю он вежливо отклонил, сказав, что торопится в ночную смену.

— Мы теперь со старшим сыном,— пояснил он,— на одном тяжелом тракторе работаем. Я стараюсь больше в ночь выходить.

«Значит, для сына», — решил я, расставшись с земляком.

Но оказалось, что я ошибся. Произошло нечто более интересное, даже невероятное: учиться действительно начал сам Сафер. В магазине он сказал правду, а я истолковал его слова иносказательно. Узнал об этом от одного из наших учителей, навестивших меня в Майкопе. Первый его внук, как уверял Сафер, поразительно походил на бабушку, дед здорово привязался к нему. И Юнус почему-то признавал одного лишь деда. Слово Сафера было для него законом.

— Бабушка, почему из кастрюли валит пар? — спрашивает Юнус.

Бабушка отмахивается.

— Придет дед, он тебе расскажет.

— Верно,— соглашается кроха,— Сафер все знает.

Однажды сын заспорил о чем-то с отцом в присутствии Юнуса.

— Папа,— потянул мальчик отца.— Не спорь с Сафером, он все знает. Вот пойду в школу, Сафер мне будет помогать.

— Как же, будет,— хмыкнул отец. Он явно ревновал Юнуса к деду.— Лгунишка ты маленький... Что дед знает, кроме машин?

Юнуса эти слова расстроили, он стал горячо доказывать, что дед знает все. В заключение спросил:

— Правда, дедушка, ты ведь будешь мне помогать, я не лгунишка?

Ответа он ожидал необычно долго: Сафер вдруг приуменьшил. Он не привык давать пустые обещания. Сказал, значит, будет сделано. Но если признаться внуку, что в школьных делах он не силен и может оплошать, выйдет все же, что Юнус — лгунишка. И лишь потому, что зря так уверовал в деда. Подорвать свой авторитет в глазах самого любимого внука, внука, похожего на Мариет, Сафер не мог. Оставалось одно: подтвердить, что внук прав, и доказать это.

— Я тебе буду помогать, дружок,— четко и твердо ответил дед.— Но это не значит, что кто-то будет стараться за тебя. Буду разъяснять тебе лишь самое сложное.

Так Сафер взялся за пополнение своих знаний — из, так сказать, престижных соображений. Стимулом для этого послужило желание остаться на уровне в глазах Юнуса. Как он сам потом объяснил мне, в тот момент он полностью не представлял себе, какое хлопотное и почти непосильное дело звали на свои плечи. И добавлял: к счастью! Если бы открылась тогда перед ним вершина горы, на которую решил взобраться, то определенно дал бы задний ход. Но он видел лишь ее подножие, что-то вроде предгорья, сама же вершина скрывалась в неясной дымке.

Программу первого класса Сафер повторил в несколько дней, потом начал штудировать методическую литературу, которой его снабжал дальний родственник, учитель. Он же посоветовал Саферу запастись разными занимательными книжками, в которых можно найти ответ на множество неожиданных вопросов.

Начальную школу проскочили без труда. Юнус лучше всех своих сверстников, да и большинства взрослых, знал названия деревьев, каждую травинку, каждый злак называл по имени, знал повадки животных и зверей, особенности растений. Всему этому Сафер в свое время обучался у своего деда. «Занимательная астрономия» помогала ему давать консультации и по части воздушного океана.

С пятого класса Саферу стало труднее. Теперь пришлось заниматься уже не часок-другой в неделю, а более систематично. Наблюдавшая за этим соревнованием Мариет не

могла представить, что предпримет ее упрямый муж, когда программа еще более усложнится.

А он сделал то, чего никак не ожидали, стал заниматься открыто, отдавал книгам все свободное от работы и внуков время. Пишу «внуков», так как за Юнусом следовала целая череда мальчишек, и все они жаждали отличиться перед дедом и завоевать его любовь. К чести Сафера, он прилагал все силы, чтобы не делать различия между внуками, чтобы никто не заподозрил его в предвзятом отношении к старшему. Но спрятать его слабость было так же трудно, как скрыть в боковом кармане арбуз. Впрочем, знаний, припасенных для Юнуса, с лихвой хватало всем остальным — ведь они были младше.

Приезжая в аул, я не раз шутя спрашивал Сафера, в каком он сейчас классе. Молодцеватый бригадир тракторной бригады — его все же уговорили занять эту должность, — подкручивая буденновские усы, лихо рапортовал:

— Так что, Киримизе, переходим в девятый.

— А что, — поинтересовался я, — Юнус без твоей помощи не одолел бы эту премудрость?

Сафер как-то огорченно цокнул языком, глаза его затуманились. Это означало, что я задал вопрос, которого задавать не следовало ни в коем случае. Взгляд, которым сопровождалось цоканье, должен был подсказать мне, что на мою догадливость возлагались куда большие надежды.

— Лошадей, Киримизе, — сухо произнес Сафер, — у меня нет со времен коллективизации, но плетка осталась. Плетка лежит всегда на одном месте. И как я, Киримизе, ни люблю внука, я бы исполнил ему спину, если бы он без моей помощи не осваивал то, что нужно. Я ему даю то, что не может дать ни одна школа. Понял? — И он пошел своей дорогой.

Пошел и я. Точнее, не пошел, а побрел. Что, собственно, имел в виду этот упрямец? Что успехи Юнуса не имеют к нему никакого отношения? Тогда на кой черт он тратит остатки своей жизни на учебники и не очень популярную литературу?

С этим вопросом я и уехал в Майкоп.

А совсем недавно встретил Сафера в будний день в городском парке. Поздоровались, присели на скамью. Ведя беседу по всем правилам, мы минут через пятнадцать приблизились к делам семейным. И тогда я спросил, что привело его в такой день в город, не могу ли быть полезным.

Сафер отрицательно покачал головой.

— Я думаю,— заметил он,— парень справится и сам. Сегодня сдает последний экзамен в институт, на первых трех получил пятерки.

Огромная выдержка понадобилась мне, чтобы не задать висевший на кончике языка вопрос: не думает ли он вместе с Юнусом и институт кончать? Счастье, что сдержался.

Помолчав, Сафер повторил:

— Думаю, что парень справится сам.— И добавил: — Не в нем дело, Киримизе. Горько признаваться в своих ошибках, но без этого не обойтись — дело в том, что я слишком поздно понял, куда завело меня мое идиотское упрямство и невежество. Да, Киримизе, невежественное упрямство.

Я боялся шевельнуться: дожидаться исповеди самого Сафера — не чудо ли это?

— Скажу откровенно, Киримизе, людей, тратящих время на книги, я считал чокнутыми. Вот я, обыкновенный тракторист, думал я, зарабатываю вдвое, а порой и втрое больше учителя. Без вораха книг. И мозги не сушу. И в душе потешался над образованными. Потратить столько лет, чтобы ничего не получить взамен... А потом появился этот неожиданный стимул — желание не ударить в грязь лицом перед внуком. Стал читать.— Сафер достал папиросу, затянулся, спросил: — Походим? Что-то не сидится...

Мы прощлись по главной аллее парка, пустынной в эти дневные часы. Лишь на отдельных скамьях сидели пожилые женщины, наблюдавшие за внучатами. Это зрелище несколько развлекло Сафера.

— Ты должен понять меня, Киримизе,— заговорил снова он,— тебе это понять нетрудно. Образованному. А неуч сочтет меня ненормальным. Читал я и с каждой страницей узнавал что-то новое и необычайно интересное. Докапывался до самой сути, чтобы все толково передать внуку, чтобы и он увидел, как интересно проникать в тот мир. В неизвестное. И чем больше читал, тем страшнее становилось: сколько лет потеряно! — Сафер усмехнулся.— Чем больше читал, тем лучше понимал, какую чудовищную глупость совершил, что не учился и не приохотил к этому сыновей. Сколько мы все потеряли. И я продолжал читать, решать задачи. Но мне все труднее и труднее становилось, и я уже собирался бросить это дело, как вдруг этот сорванец задавал мне какой-нибудь невысказанный вопрос. Тогда снова садился за учебники: слово есть слово. А однажды, когда безнадежно застрял в какой-то теореме, ко мне подсел Юнус.

— Сафер,— сказал он по-взрослому, как доброму приятелю.— Давай вместе. Ты мне достаточно помогал, а теперь проверь, не пропали ли твои усилия, не зря ли я тебя слушал.

Сафер бросил окурки в кусты и рассмеялся, но глаза его оставались грустными.

— Он разгадал меня, понимаешь? Давно, видать, разгадал и тянул за собой своими вопросами. Понял парень, что я страшно жалею, что не учился в молодости, когда такие возможности открывались, и решил исправить эту ошибку. Так я с ним и одолел десятилетку. И скажу тебе правду: если бы не седьмой десяток и не такая огромная тракторная бригада, я бы и институт протопал за ним. А что? На поводе у такого внука и в академии можно проскочить,— снова улыбнулся он, но теперь уже от всей души.

У выхода из парка, пожимая мне на прощание руку, вдруг задорно взглянул на меня.

— Что, Киримизе, я, кажется, ответил на вопрос, который ты мне собирался задать? — весело спросил он.— Сбросить бы лет пятнадцать, ну, десять... пусть десять, и я бы бежал вслед за Юнусом и дальше. Отставал бы на полкорпуса, не больше. И институт бы с ним окончил...

Он пошел к институту, а я вдруг вернулся в парк. После такого откровенного разговора всегда хочется побыть одному.

ЗЕЛЕНЫЙ МЕМОРИАЛ

а послевоенные годы наш аул многократно потрясали самые различные происшествия и перемены. Назвать даже самые главные нет никакой возможности. Но, думается, ни одно событие не затронуло души аулчан так, как то, что произошло на Тигетличе. Оно буквально всколыхнуло аул, заставило забыть обо всем, примирило старых врагов, настроило всех на одну высокую волну, исключаящую распри, смывающую все второстепенное, мелкое, сугубо личное.

До той знаменательной весны о Тигетличе в ауле никто никогда и не упоминал по вполне понятной причине: находится этот участок в полукилометре от аула, неподалеку от наших Черемушек, между шоссе и крутым берегом Афипса. Участок невелик и не пригоден, как казалось, ни для чего. Да и не подступиться к нему — от берега до дороги он

сплошь зарос кустами дикого терновника. Продрасть сквозь эти свирепые колючки не сумел бы и муравей, не только человек. Потому и получил этот участок еще от наших прадедов меткое название: Тигетлич.

Тигетлич — идиома, буквально это слово не переведешь. «Тиге» — «солнце», «лидж» — «щекотка», или «поле, которое щекочет солнце». Но адыги вкладывают в это сочетание совсем иной смысл: «забытая аллахом земля, никчемное поле, бесполезный угол...»

И вдруг по аулу поползли слухи, что на Тигетлич зачастил Дамир Аутлев — с топором и ножовкой. Очищает участок от терновника.

— Зачем ему это понадобилось? — вот вопрос, который заинтересовал всех в ауле.

Единственный разумный ответ мог заключаться в том, что Дамиру стало тесно на своем приусадебном участке и он решил пустить под огород или сад заброшенную землю. Но всем было известно, что Дамир уже с трудом обрабатывал землю у своего дома, а значительную часть яблок и слив из своего сада осенью отдавал детским дошкольным учреждениям — их у нас два. Следовательно, это предположение отпадало само собой. И вопрос повис в воздухе.

Дамиру — под восемьдесят, он — участник войны, мобилизовали его в июле сорок первого. Прощаясь с пятнадцатилетним Бесланом, он наказал ему беречь мать и вообще быть настоящим мужчиной. Беслан понял это по-своему. Как только ему исполнилось семнадцать, он отправился в военкомат и записался в добровольцы. Только одно письмо получила Амдехан Аутлева от сына — он писал, что в составе лыжного батальона отправляется на специальное задание. Потом пришли одновременно два письма: одно от командира батальона, в другом была похоронка. Комбат писал, что Беслан погиб, бесстрашно сражаясь с врагом, что в ходе боя он лично уничтожил шестерых гитлеровцев. Пуля попала ему в сердце, он сразу же скончался и похоронен был неподалеку от деревни Озерки, севернее Старой Руссы.

Амдехан всю тяжесть потери приняла на себя — решила не сообщать мужу страшную весть. Но он вскоре и сам догадался о том, что произошло, — не мог же его единственный сын слишком долго не писать ему без особо уважительной причины. Попросил жену сообщить, где погиб Беслан. Она переправила ему похоронку.

Вот уж совпадение! Оказалось, что Дамир воевал на том же Северо-Западном фронте, в районе озера Ильмень,

неподалеку от Старой Руссы, что отец находился совсем недалеко от места гибели сына. Но Озерки все еще были в руках противника. Потом, когда началось наступление и эта территория была отбита у врага, Дамиру не удалось попасть в Озерки: быть может, его и отпустили бы, но он постеснялся во время тяжелых боев отпрашиваться из роты. Впервые поехал туда уже после победы, демобилизовавшись из армии. Поехал прямо из Праги, не заезжая домой.

С помощью местных жителей удалось Дамиру найти место захоронения лыжников, оно находилось на опушке бора. Сельский Совет решил перенести могилу в центр села, и Дамир участвовал в этой работе. Работе страшной, рвущей сердце на части, но почетной и необходимой. Помог и памятник соорудить — по тем временам совсем неплохой.

С тех пор Дамир почти каждую весну ездил в Озерки, а однажды даже повез туда Амдехан. Это было роковой ошибкой. Постояла Амдехан у могилы единственного сына, схватилась за сердце и упала...

Дольше обычного пробыл тогда в Озерках Дамир, но все же возвратился домой и на следующий день вышел на работу. И раньше он был неразговорчивым, теперь же и вовсе замкнулся в себе.

Судьба Дамира волновала односельчан — от такого горя да одиночества и свихнуться недолго. Вспомнил кто-то, что в отдаленном ауле проживает старшая сестра Амдехан, кажется, давно овдовевшая. Съездил кто-то к ней, поговорил... Вскоре старушка навестила родственника да так и осталась в его доме: готовила, стирала, занималась хозяйством, присматривала за Дамиром.

Постепенно, год за годом, рана затягивалась. Дамир стал более общительным, а когда его назначили в звеньевые, проявил себя умным, толковым руководителем.

О старой трагедии напоминало лишь одно: каждую весну отправлялся он под Старую Руссу.

Вот и в ту весну, о которой идет речь, он две недели гостил в Озерках, а по возвращении зачастил с топором и лопатой на Тигетлич.

Я узнал об этом от Алия, который в то время уже возглавлял школьную производственную бригаду. Юноша наведаясь ко мне в беседку, где я расположился со своими бумагами, по-взрослому извинился и без обычных предисловий и свойственной ему аллегоричности сразу же признался, что Дамир его «беспокоит». По взгляду моему понял, что я не в курсе последних событий, и в двух словах

пояснил, что происходит: старик начал расчищать заброшенный участок, пошел войной на терновник.

— Тут что-то кроется, — заключил он. И добавил, уж совсем удивив меня: — И, может быть, очень серьезное!

— Что же ты предполагаешь, зачем Дамиру понадобилось приниматься за такой непосильный труд?

— Третью ночь не сплю, ломаю над этим голову, — ответил Алий. — И, кажется, догадываюсь. Давай порассуждаем логично. Дополнительная земля Дамиру ни к чему, он даже не весь приусадебный участок использует, а урожаем задаром отвозит детишкам в ясли и садик.

— Может быть, — высказал предположение я, — ему попросту мозолит глаза заброшенный, неводеланный участок? Там, на Новгородчине, куда он ездит каждый год, земли победнее, к ним иное отношение...

— Может быть, — помолчав, проговорил Алий. — Не только может быть, но и безусловно. Тигетлич — это бельмо на нашем, а значит, и на его глазу. Но, думаю, его осенила какая-то идея. Он очищает участок для чего-то! Понял? Для чего-то определенного!

Поразмыслив, я согласился с Алием.

— Прояви терпение, как и положено настоящему адыгу, и вскоре все прояснится, — посоветовал я.

— Эх, Киримизе... — вдруг вырвалось у него. — Эта ваша мужская выдержка, эта ваша показная невозмутимость! Очистить Тигетлич! Дамир не понимает, какую ношу взвалил себе на плечи. Конечно, он не отступится, но одолеть эту бесконечную стену колючек он не сумеет, даже если бы жил еще двадцать лет. Знаешь, что я вчера вечером проделал?

Алий с сомнением взглянул на меня: достоин ли я доверия? Видимо, вопрос решился в мою пользу.

— Я проследил, когда старик уйдет с Тигетлича, и пошел туда сам. С топором и лопатой.

Вот этого я не ожидал. Алий не рассуждал, а действовал. Не выжидал, пока все прояснится, а прояснял!

— Махал топором до самой ночи, — продолжал между тем Алий, — и вырубил лишь четыре куста. А ведь их на Тигетличе тысячи! Потом все прибрал за собой, чтобы старик ничего не заподозрил, и пошел спать. Но поясницу ломит и сейчас. Как же старик выдерживает?

— Что же ты предлагаешь?

— Хочу просить тебя обратиться к Дамиру за разъяснениями. Ты — писатель, твоя обязанность — всех расспрашивать, тебе он ответит. И больше никому.

Пожалуй, в этом был смысл. Но, что бы ни ответил Дамир, результат будет один: нужно предложить ему помощь. Чью? Колхоз занят своими делами, ему сейчас не до Тигетлича, вдвоем с Алием мы слабые помощники. Все это я высказал своему юному другу.

— А школьная бригада! — воскликнул Алий. — А просто школьники! Многие сейчас попросту бьют баклуши...

Обсудив все детали переговоров, мы двинулись на Тигетлич.

Как было заранее задумано, сделали большой крюк, обошли Черемушки и вышли на Тигетлич со стороны леса.

Дамира увидели не сразу — он отдыхал под невысоким полотняным тентом, устроенным в тени небольшой дикой яблоньки.

Услышав шаги, старик поднялся, оправил бешмет и, ответив на наше приветствие, выжидательно смолк.

— Вот шли мимо... — пробормотал Алий, совершенно растерявшись.

Дамир внимательно оглядел парня, потом перевел взгляд на меня. Видимо, он ожидал, что я более внятно объясню причину нашего бесцеремонного вторжения.

— Извини нас, Дамир, — сказал я, — но мы пришли не из простого любопытства. Алий — бригадир школьной бригады. Мальчишки и девчонки аула предполагают, что ты затеял что-то общественно важное, но, быть может, не совсем рассчитал силы, и очень хотят тебе помочь. Сами они не решаются обратиться к тебе с вопросом, вот и привлекли меня.

Проговорив это, я облегченно вздохнул: Дамир не сердился, не прогнал нас. Напротив, изборожденное морщинами лицо его чуть-чуть разгладилось, брови немного опустились, и оттого глаза старика глядели на нас чуть менее сурово. Он достал трубку и стал посасывать ее не разжигая — известно было, что от курения он отказался, а трубку брал в рот, когда требовалось выиграть время на размышление.

— Тебя зовут Алий? — вынув наконец трубку изо рта, спросил старик.

— Алий, — подтвердил мой спутник, вытянувшись в струнку, хотя и до того стоял довольно напряженно.

— Это ты сегодня ночью сюда навевывался?

— Я... — Алий покраснел, но глаз не опускал.

— Тогда слушайте, ребята... — Дамир опустился на пенек и указал рукой на землю, приглашая нас последовать

его примеру. Что ж, для восьмидесятилетнего мы оба были «ребятками» — один, правда, малость постарше, вот и вся разница. — Я уже и сам понял, что одному мне не управиться. Задумал хорошее дело, хотел преподнести жителям аула подарок, да вот не учел свой возраст. Будь это лет двадцать назад...

Продолжительная пауза. Старик снова посасывает трубку и разглядывает нас спокойным, ровным взглядом. Что-то взвешивает, решает: сказать или нет?

— Вот тут, — Дамир обводит рукой Тигетлич, — как раз то самое место, куда не заглядывал аллах со дня сотворения мира. А земля хорошая. И расположение участка хорошее. И подумалось мне: почему бы здесь не разбить сад в честь наших земляков, погибших на Отечественной войне? Все расчистить и посадить по яблоне в честь каждого погибшего. А к стволу прикрепить дощечку или железку с надписью: яблоня Беслана Аутлева... А также каждого другого, кто не пришел с войны... Хорошая земля пропадает, а сад такой будет всем нужен. Кто захочет помянуть своих дорогих, может прийти сюда словно на могилку...

Мы стояли потрясенные: мальчишка и фронтовик восприняли замысел Дамира одинаково.

— Через час, — сказал Алий, — я приведу сюда всех свободных от дел в бригаде мальчишек и девчонок. С лопатами и топорами. Пятьдесят... — он помедлил, — а то и сто человек.

— А захотят? — усомнился Дамир.

— Сад памяти погибших! Да ведь у нас почти в каждом доме...

— По аулу восемьдесят девять человек погибло, — сразу же уточнил старик.

— А сколько пропало без вести! А сколько умерло от ран уже после войны! — Алий уже по-новому оглядывал участок. — Чтобы не мешали друг другу, разобьем ребят на небольшие звенья, приступим к работе сразу с нескольких сторон, будем сходиться к центру. За неделю, тэтэж, здесь не останется ни одной колючки.

— Ну, не за неделю, — внес поправку Дамир, — за месяц, но это все равно, главное — управиться к осени, ко времени посадок.

— Я побежал...

Алий словно испарился.

— Я хочу за свой счет заказать в плодпитомнике девятносто яблонек, и осенью мы их высадим тут, — проговорил

Дамир. — Уже начал побаиваться, что ничего не получится, ведь мог бы и заболеть. А они действительно помогут или одно баловство получится?

— Помогут...

Я взялся за топор. Взмах, и... топор отлетает от гибкой и прочной, словно стальная проволока, ветки. Да, тут нужно хорошо приоровиться, чтобы удары не пропадали вхолостую. «Пожалуй, у ребят это дело не сразу получится, — подумалось мне. — Кроме топоров, надо бы прихватить ножовки».

— Не там бьешь, — вдруг услышал голос Дамира. — Бери пониже, вот так. Еще немного пониже, по корням...

Стало получаться лучше.

Через час к Тигетличу начали стекаться мальчишки и девочки со всего аула. Дамир каждому лично показывал, как приступить к делу.

Вскоре терновник был в буквальном смысле окружен со всех сторон. Ребят расставили так, чтобы они друг другу не мешали. Кто-то запел, и над Тигетlichem, видимо впервые в жизни, зазвучала песня.

В полдень раздался голос Алия:

— Все к дороге! Кончай работу, все к дороге!

Ребята собрались у тента Дамира.

— Отбой на сегодня, — объявил Алий. — Завтра — суббота, у большинства наших родителей выходной. Давайте расскажем, какой сад задумал устроить на Тигетличе Дамир, кто захочет помочь, пусть идет с нами. Договорились?

— Договорились! — прогудело в воздухе.

— Тогда по домам!

Через несколько минут мы снова остались, как и утром, втроем — Дамир, Алий и я. Но картина, представшая перед нами, была уже совсем иной. Тигетлич здорово изменился. Там и сям зеленели огромные кучи выкорчеванного терновника.

— Ты славный парень, — проговорил Дамир и дотронулся пальцами до плеча Алия. — Аферим! Верно, через месяц здесь действительно будет чистое поле. Мы не спеша подготовим его под посадку деревьев. Пожалуй, пойдем и мы по домам, Киримизе; и ты, Алий, ступай с нами.

Аферим — значит молодец. Удостоиться такой похвалы от Дамира было очень почетно для Алия. Лицо его расплылось в улыбку.

— Я, пожалуй, если Дамир разрешит, догоню товарищей, — проговорил он.

— Ступай,— согласился Дамир.

Алий припустился бегом.

— Вот уж не думал, что на эту неприятную работу выйдет столько народу,— задумчиво произнес старик, когда мы остались вдвоем.— А этот парнишка, Алий, он, ты знаешь, чем-то напомнил мне моего Беслана. На того тоже можно было положить...

То, что произошло сегодня, взволновало и Дамира, и меня. Но ни один из нас и представить себе не мог того, что должно было произойти следующим утром.

Возвратившись домой, ребята рассказали о замысле Дамира своим родителям, братьям, сестрам. Женщины поведали о нем соседям, у которых не было детей, одиноким старикам и старушкам. Весть донеслась до председателя колхоза, секретаря парткома, председателя сельсовета. Вечером они собрались, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. Беседовали они в кабинете председателя колхоза Асланука. Здесь их и нашли братья Фигумуковы. Бат, Меджид и Тэтэр выстроились у дверей, рослые и широкоплечие, черные от загара, раскрасневшиеся от возмущения.

— Что же это такое! — сильно нажимая на последнее слово, проговорил старший, Бат.— Идет закладка сада памяти погибших, а нам об этом сообщает соседская старушка! Как будто наш отец не был расстрелян фашистами, как будто мы к этому делу совершенно не причастны!

Оба председателя молчали, а Гарун расхохотался. Вслед за ним рассмеялись и председатели.

— Ничего смешного не вижу,— уже менее воинственно заметил Бат.

— Смешного, конечно, мало,— согласился Гарун.— Скорее, грустно: и мы, руководители, к вашему сведению, дорогие Фигумуковы, узнали об этом деле «от одной старушки». И вот сидим, шевелим мозгами — как подключиться к этому делу, как не остаться в стороне от событий. Пока все судачили, зачем Дамир ходит на Тигетлич, он делал свое дело. Теперь ему пришел на помощь школьный комсомол, пионерия... Да вы садитесь, претензии предъявлять некому, с Дамира взятки гладки. Можно, конечно, обвинить его в том, что он не согласовал свою инициативу, не обратился с заявлением...

— Вот это штука...— вырвалось у Меджида.— Ну и дед! Один на Тигетлич двинулся! Да мы завтра втроем на трех бульдозерах это все за один день рассортируем...

— Поздно! — возразил Асланук.— Да ни к чему сейчас

это. Как и все, явимся завтра утром с топорами, лопатами, граблями. Дамир прав: такой сад должен быть заложен собственными руками — от начала до конца.

— Лопатой такой участок не вспашешь,— вставил слово Тэтэр.— Без плантажных плугов все равно не обойтись.

— И без борон; без катков,— добавил Бат.

— В этом есть резон,— согласился Асланук.— Когда люди вручную очистят участок от кустарника; можно пустить тяжелую технику — двоих на бульдозерах, вслед за ними двоих с плантажными плугами, двоих за ними — с боронами и катками...

Утром аул опустел: к месту закладки сада двинулись как на праздник — целыми семьями, вместе с малыми детьми, стариками и старухами. Ни в одном доме не осталось живой души, разве что кто-то не мог подняться с постели. Гармонисты прихватили с собой инструменты, дорога на Тигетлич напоминала главную улицу аула во время Первомайской демонстрации.

Дамир, не ожидавший ничего подобного, не выдержал, нервы его сдали, он не мог сделать и шагу. Хорошо, что рядом оказался боевой помощник.

— Показывай, где кому работать,— попросил он Алию,— мне с этим не управиться.

Поразительно, но Алий отлично справился с обязанностями прораба. Два-три слова, и люди получают свой участок. Вот он отправил в дальний конец Тигетлича семью председателя колхоза, вот объясняет задачу бригадирам, секретарю парткома. Ни слова лишнего, все четко, ясно. Стучат топоры, гремит музыка; словно птицы, перелетают от группы к группе шуточные реплики. Да, товарищи, шутки, песни, смех. Были, конечно, и слезы, что скрывать. Но адыги их стараются не замечать. Праздник, неожиданно свалившийся прямо с неба, праздник для всех.

И вдруг всё на какой-то миг смолкло: люди услышали гул мощных моторов — подошли агрегаты братьев Фигумуковых и их товарищей. Подошли вовремя — от Тигетлича уже почти ничего не осталось, лишь небольшая зеленая гривка в центре. Еще полчаса, и с нею также было покончено.

Люди покинули «новорожденное» поле, открыв дорогу механизаторам. Первым выступил Бат с навесным бульдозером. Зеленые ветки, корневища, комья земли — все это довольно быстро было свалено в одну огромную кучу.

Затем начал свое дело плантажный плуг Тэтэра. Пласт

земли в семьдесят — восемьдесят сантиметров, перевернутый могучей машиной, поблескивал черноземным жирком. Земля тут — во всей Кубани не сыщешь!

Кто-то тронул меня за рукав. Оглянулся — рядом стоял старейший житель аула, участник гражданской войны, которому посчастливилось видеть Ленина, Бирам Бат. Он улыбался.

— Такое, — проговорил старик, — видел только один раз в своей жизни, и день тот помню как сейчас. Когда разгромили Деникина, был разбит Врангель, а потом доконали бело-зеленых, которые засели в лесу и которыми командовал Улагай Кучук, начали мы делить по новому, Ленинскому декрету землю. Вот тогда и вышли все в поле. Новорожденных несли с собой, ведь землю давали на каждую живую душу, в том числе и на женщин, детей. Самой маленькой крошке полагалось столько же земли, сколько и любому здоровенному мужику...

Бирам умолк, а я представил себе тот великий день.

Еще была осень, посадка. Дамир уже понял, что ему не придется, как он собирался, покупать самому все саженцы в плодопитомнике — эту миссию люди возложили на главного агронома колхоза. Но одну заботу старик не передал никому — таблички с надписями. Их под его руководством выполнили школьники. Уж не знаю где, Дамир раздобыл около сотни медных пластинок, и ребята выгравировали на них имена героев. Деревья же садили родственники и друзья погибших. Выпала эта честь и мне — Дамир выделил местечко и для Героя Советского Союза Хусена Андрухаева: он хоть и не родился в нашем ауле, но не раз приезжал сюда вместе со мной на каникулы. Уход за садом приняла на себя школа.

...Прошло семь лет. Шумит, цветет, плодоносит зеленый мемориал, созданный Дамиром. Здесь многолюдно в праздник Победы, звенят песни осенью, когда идет сбор урожая. Я случайно узнал, куда идут доходы от сада на Тигетличе. Как председатель областного Фонда защиты мира, просматривал я однажды копию списка поступлений в Фонд, присланную из банка. Одна строчка особенно обрадовала: «Выручка от яблок, собранных в саду Дамира».

Зеленый мемориал, сад Дамира, Тигетлич... По-разному называют мои земляки цветущий оазис над Афипсом. И мне подумалось, что странно будет нашим потомкам слышать те или иные названия. Уже в наши дни юные узбеки из Кызылкумов недоуменно пожимают плечами, когда их про-

цветающий край, крупнейший центр хлопкосеяния, называют порой Голодной степью. Для них это обидная нелепица. Такую же обиду будут испытывать юные граждане моего аула, когда услышат, что иные старики именуют их любимый уголок отдыха, прекрасный сад Дамира, Тигетlichem. Чтобы они могли понять, в чем дело, я и пишу этот рассказ. И хочу закончить его стихами:

Будь щедр, как сад, будь добр, как дом,
И на добро ответь добром.
Но глуп, кто любит всех подряд, —
Так в Адыгее говорят.

В беде любому помоги;
Не лги врагу, себе не лги,
Ложь — не спасение, а яд —
Так в Адыгее говорят.

С лица смывает грязь вода,
С души — не смоешь никогда,
Не сможет грязь смыть наряд —
Так в Адыгее говорят.

Оставь свой след в чужой судьбе,
Пускай же в память о тебе
Деревья весело шумят —
Так в Адыгее говорят.

Отчизну матерью зовем.
Что выше есть и что светлей!
Нигде не забывай свой дом,
Каких бы ни искал путей.

И мать, и Родина — одна
От колыбели нам дана.
Они навек в сердцах царят —
Так в Адыгее говорят.

КАК УСЛЫШАТЬ СКАЗКУ!

то не риторический вопрос, дорогой читатель, не прием, с которого автор решил «зайти», чтобы заарканить тебя, привлечь внимание к своему творению. Нет, я уже давно думаю над тем, как услышать сказку, которую мать напевает своему малышу? Услышать и записать.

Я смутно помню свое раннее детство, когда моя мать

еще считала меня маленьким и рассказывала сказки. Некоторые запомнил. Признаться, я думал, что все матери в Адыгее рассказывают своим ребятишкам точно такие же сказки. Ну, может быть, с небольшими отклонениями, но в общем те же самые.

И вот однажды я засиделся у товарища в гостях. Мы тихо беседовали, а в соседней комнате его жена и невестка укладывали детишек спать. Они рассказывали им сказку, которой я никогда не слышал, даже сама форма ее была для меня откровением.

— Подожди, — попросил я друга, — послушаем.

Первой начала невестка.

— У человека два глаза, — ласково пропела она.

— То, что видят глаза, правда, — речитативом произнесла старшая.

— Три ножки у нашего аня, — пропела невестка.

(Аня — это такой столик.)

— Раз у аня три ножки, — повела старшая, — он очень устойчив.

Снова невестка:

— Четыре соска у коровы.

— Если у коровы четыре соска, — продолжала старшая, — и все целы, значит, ты завтра получишь молоко.

— Пять! — неожиданно коротко выдыхает невестка.

— Пять друзей — пять пальцев на руке, — комментирует старшая. — Если все дружно трудятся, это радостно, красиво и надежно.

— Шесть!

— Я увидела шестерых волков, но они не могли разорвать даже маленького комарика, — неожиданно сообщает старшая.

Невестка без паузы включает в новую тему:

— Какими же они были, эти волки? Наверное, еще меньше блохи? Очень маленькие?

— Маленькие, да не очень. Они были ростом с коня Куйжия.

(Замечу: Куйжий — сказочный народный герой.)

— Да ведь конь Куйжия маленький.

— Маленький не маленький — догадайся сам: стоя у подножия горы, он достает траву с ее вершины.

— Так, верно, и гора эта была чуть поменьше бородавки?

— Меньше или не меньше, сам решай. Только знай,

что когда богатырь заглядывается на ее вершину, у него слетает с головы папаха.

— Значит, богатырь этот сам не больше кузнечика.

— Больше или не больше, суди сам: немного пригнувшись, он рукой черпает воду из колодца...

Сказка не прерывается ни на секунду. На последнее замечание следует немедленный ответ невестки:

— Но, может быть, колодец тот совсем мелкий — вода подходит к самому верху?

— Мелкий или не мелкий, сообрази-ка побыстрее: если утром забросить в этот колодец ведро, поднять его успеешь только к вечеру.

— Тогда, наверное, наш день мал, как наперсток.

— Мал или нет, пораскинь мозгами: утром корова уходит на пастбище, а возвращается оттуда к вечеру уже с теленком...

Сказка прервалась, так как ребята заснули. И я об этом очень сожалел.

— Послушай, Гошевной, где ты услышала эту сказку? — спросил я у жены друга.

— Нигде, — пожалала плечами Гошевной. — Говорим, что взбредет в голову.

— Позволь, а как же невестка не сбивается?

— А она что, маленькой не была? — удивилась Гошевной. — Да ты что, не знаешь, мы каждый вечер болтаем детишкам все, что придет в голову? Ты меня, Киримизе, удивляешь.

Если б она знала, как удивила меня: в каждом доме свои сказки! И каждый день новые! С ума сойти. Стать невидимкой и бродить из дома в дом — каждый вечер можно записать несколько новых сказок. Этой мыслью я тут же поделился с хозяином и хозяйкой. Гошевной только засмеялась, а хозяин посоветовал:

— Если достанешь костюм невидимки, все же не заглядывай к Бирамовым — он такой ревнивый, что по запаху чужака учует.

Впрочем, через несколько дней выяснилось, что в некоторых случаях можно кое-что занести в блокнот и без костюма-невидимки. Заглянул я как-то к старому Салеху — просто так, без особой цели. У него сидели его сверстники. Прислушавшись, понял, что старики рассказывают какие-то притчи.

— Трое охотников, — вел рассказ один из гостей, — пришли однажды к мудрецу: они нашли в лесу дикий мед и

никак не могли его поделить. Каждый считал, что ему полагается больше. Попросили это сделать мудреца... Старик спросил жадных друзей: «Как разделить мед, по-человечески или по-божески?» Все трое в один голос закричали: «Конечно, по-божески». Мудрец разделил мед на две неравные части и сказал: «Теперь деритесь. Кто окажется сильнее, получит большую часть, а самому слабому ничего не достанется». Охотники помялись и попросили поделить мед по-человечески. Мудрец разделил мед на три равные части. «Мда, по-человечески лучше», — согласились охотники.

Так закончил свою притчу рассказчик.

— Ладно, друзья, — проговорил Салех. — Хозяйка уже приготовила ужин, пойдемте.

Перед ужином я наскоро записал эту притчу.

Теперь хожу в гости, как говорится, с камнем за пазухой, то есть с блокнотом в кармане. Чуть что услышу — на бумагу. Да вот беда — не очень-то разговорчивы мои земляки, а особенно — землячки. Вот и думаю: как услышать сказку?

МУДРЫЕ СЛОВА

Недавно у нас в ауле побывал известный лингвист. Он интересовался, как и положено людям его профессии, фольклором и вообще народной мудростью. Особенно же его привлекали пословицы и поговорки.

— Постой, дорогой, не торопись, — может сказать мне внимательный читатель, — подобный сюжет ты уже однажды использовал. Только тогда приезжал не фольклорист, а писатель. И даже, кажется, не один.

Что возразишь? Прав ты, целиком и полностью прав, уважаемый читатель. Но что поделаешь, если в последние годы в наш аул зачастили люди. Из края, из столицы и, честное слово, даже из-за рубежа. А о майкопских ученых и говорить нечего. Не зря же в ауле выстроили двухэтажную гостиницу. Предприятие это действует на хозрасчете и приносит прибыль. Совсем недавно в ауле побывал филолог из Чехословакии, знающий адыгейский язык. Он изучал наши племенные диалекты. Ученые, обрабатывая сведения, полученные от мудрых стариков, обогащают науку. Им

присваивают различные звания и повышают в должности. В связи с возрастающим наплывом ученой братии, в сельсовете даже занялись делом совершенно новым и необычным — классификацией стариков. Теперь известно, что одни из них особенно сильны в адыгейском эпосе, другие — знатоки старинных мелодий и танцев; есть, оказывается, среди них и немало этнографов — это специалисты по орнаменту, разной бытовой утвари, по музыкальным инструментам, одежде и другим, еще более узким отраслям.

Вот почему появление лингвиста из Москвы никого не застало врасплох. Во время завтрака он объяснил мне цель своего приезда, а после завтрака он повел его к Индрису Хатхо. Моим землякам это имя без дополнительных слов разъясняет цель приезда московского гостя. Заметив, что я веду москвича к Индрису, Алий сказал довольно громко:

— Товарищ из центра интересуется пословицами.

Для читателей же, которые не столь близко знакомы с Индрисом Хатхо, замечу, что лучшего знатока по этой части в нашем ауле нет. Особенностью Индриса, впрочем, является не память его, а самобытность. Много раз я беседовал с ним и пришел к выводу, что он сообщает не только те пословицы, которые слышал от старших и запомнил, но и те, которые сам сочинил. Они у него, как он однажды признался, «как-то сами с языка срываются».

Представив гостя, я пояснил Индрису цель его приезда.

— Из самой Москвы! — удивился старик. — Стоило ли так далеко тащиться, чтобы услышать наш невразумительный лепет?

Как и положено, он долго доказывал, что ровным счетом ничего не знает, что школы не кончал, а писать научился уже после коллективизации, да и то только потому, что его выбрали бригадиром. А то бы и по сей день оставался неграмотным.

— И вообще мне создали дугую славу, — произнес он уже вполне серьезно. — В разговоре с соседями или со своей старухой, бывало, приведешь какую-нибудь ранее услышанную присказку, а они рты открывают: откуда? Известно откуда — от деда. Дед у меня так разговаривал, что никогда слушать не устанешь. Эх, если б вы с ним встретились! Сто тетрадей написали бы, не меньше. Адыги говорят: голова человека стоит столько, сколько видят его глаза, потому я и старался все видеть и запоминать.

Переводя все это гостю, я заппулся на последней фразе.

Афоризм насчет головы и глаз я услышал впервые и сразу же занес его в свой блокнот.

— Что ты там себе записываешь? — ревниво уставился на меня гость. — Не дело, коллега, не дело. Переводи все, он ведь для меня сейчас говорит.

— Тут непереводимая игра слов, — схитрил я, — идиома. Потом разберемся.

— Говори так, как он сказал, над переводом будут работать знающие люди.

Пришлось уступить. Воспользовавшись нашей короткой перепалкой, Индрис спросил:

— Почему вы все записываете? Ведь запомнить сказанное легче, чем записать? Пусть будет в голове, тогда нужным словом можно воспользоваться в любое время. А с тетрадями одна возня. Я, конечно, понимаю, что запоминается не все, а только то, что проходит через сердце. Недаром адыги говорят, что сердце и ногти никогда не стареют. Мне кажется, что так мог сказать только человек, который хорошо присмотрелся к людям и знал жизнь со всех сторон.

— Если мы станем надеяться на память, — вздохнул гость, — мы не сохраним сотой части того, что услышим.

— Может быть, — неуверенно проговорил Индрис. — Может быть... Но все же сохранится самое главное, самое ценное. И это еще лучше. Слова надо проеивать, как просо или пшеницу. Полова уйдет на корм скоту, а людям останется зерно. — Подождав, пока я все это перевел, Индрис заметил: — Встречались мне не раз люди, которые свое дело вовремя не сделают, а потом носятся, мечутся, тратят силы, суетятся, причем чаще всего без толку. Таким я в глаза напоминаю адыгейскую поговорку: «То, что не найдешь в хорошую погоду, не сыщешь в дождь». А есть люди, которым ничего не стоит сказать неправду. Смотрит в глаза и врет. Знает же, как было в действительности, но врет, не краснея. Такому человеку надо сказать, глядя прямо в глаза: «Сколько ни будешь валить правду, она все равно поднимется. Сколько ни будешь ставить на ноги ложь, она все равно свалится».

— А что вы скажете о новой жизни? — задал вопрос гость.

— Люди стали жить богато, отлично одеваются, пользуются новой техникой. Мой внук, — Индрис едва заметно усмехнулся, — даже от бритвы отказался, чешет лицо какой-то тарактушкой. Мы в молодости так хорошо не жили. Есть на праздник новые чувяки, и рад-радехонек.

Сейчас молодежь каждый день, в будни и на работе, носит красивую одежду и обувь, часики. Это хорошо. Но все же надо помнить, что самая нарядная одежда — молодость. Это я стараюсь напоминать своим внукам. Берегите, говорю им, свою молодость, дорожите каждым ее часом, не запяняйте ее нехорошим поступком.

— А что вы скажете насчет электробритвы? Почему она вам не нравится? Удобно ведь.

— Это верно, удобно. Человек, пользующийся электробритвой, никогда не будет не брит. Но, как я заметил, он и никогда не будет чисто выбрит.

Гость машинально провел рукой по подбородку и смутился.

Индрис заметил это.

— Не прими ничего из сказанного на свой счет, — быстро проговорил он. — Я — хозяин, ты — гость. Значит, ты хозяин, я слуга. По этому поводу у нас говорят: нежданный гость проверяет хозяина, иной хозяин хватается за цеп, чтобы помолотить просо, когда гость уже в кунацкой. Но ко мне это не относится, я научился в любой момент достойно встречать гостя, у моей старушки для этого всегда наготове неприкосновенный запас. Только эти слова не для ее ушей, услышит похвалу и испортится: для человека похвала все равно что для молока тепло — скиснет. Но сколько бы у тебя ни было припасено для гостей, не забывай, что говорили наши отцы: корми гостя не столом, а хорошим настроением. Что это значит? А вот что. Можно богато накрыть стол, наставить всякой снеди, но никто от этого не получит удовольствия, если у хозяина хмурая физиономия. Или хозяйка не в духе. Или кто-то в доме срывает свой гнев на ребенке. Это оставляет неприятный осадок. Если хозяин и хозяйка веселы, угощают улыбкой, шуткой, то и небогатое угощение кажется княжеским.

Москвич аж порозовел от удовольствия. Записав все это, он попросил Индриса порассуждать о дружбе.

— Об этом много метких выражений знают люди, — оживился Индрис. — Кое-что запомнил и я из того, что говорил мой дед. Вместе есть — вкуснее, вместе трудиться — выгоднее. Разве не верно? Или вот: лучше иметь верного друга, чем злого брата. Дружбу не купишь, не унаследуешь, ее надо заслужить. И потому еще говорят: люди все могут. Конечно, и люди разные. Сто друзей, говорят, мало, один враг — много.

Хозяйка прервала наш разговор, подтвердив еще раз,

что старик не зря хвалил ее. Пока мы отдавали дань ее кулинаруному искусству, Индрис рассказывал:

— Часто бываю в клубе, слушаю приезжих докладчиков. Многие толково говорят, мысль ясна, но излагается сухо. Почти ни один не приведет к месту поговорку или поговорку, не пошутит. А ведь что такое шутка или поговорка в докладе? Это все равно что приправа к пище. Мыслим ли шашлык без лука, перца и разного прочего? А ведь мудрые изречения — та же приправа для докладчика, без нее содержание получается пресным как каша для новорожденного. Вот, например, недавно слушал я доклад о поведении. Много правильных мыслей было высказано, но запомнить их трудно. А сказал бы он, что мужчина должен кушать хорошо, а женщина красиво, и легко бы в память вошло — как в кошелек. Или такое изречение: «Мужеподобным стать легко, а ты стань женщиной». И это пригодилось бы: «Больше слушай, меньше говори», «Гни лозу, пока молодая, учи сына, пока мал», «Плохой сын отца позорит», «Творя зло, не надейся на добро». И еще о мужчинах: «Трус своей тени боится».

Чем дальше шел разговор, тем больше приводил афоризмов старик. Это было удивительно. И, конечно, многое я переводить не успевал — заносил как попало в блокнот, чтобы потом разобраться. Лишь на другой день вместе с товарищем из Москвы стали мы расшифровывать эту скоропись. Литературный перевод порой сделать было невозможно, ибо смысл некоторых изречений был понятен лишь тем, кто знаком с нравами и обычаями адыгов. Но многие были ясны и в беглом, подстрочном переводе.

— Кто в состоянии, угощает весь аул, а иной и родную мать не прокормит.

- Если сердце не видит, то и глаза слепы.
- Нога коровы не поднимется на теленка.
- Легко управлять лодкой с берега.
- Что тревожит, о том и думаешь.
- Не кичись прожитыми годами, кичись сделанным.
- Не потрудишься — горюшка хлебнешь.
- Воспитавшись дома, иди на сходку.
- Не умничай.
- Любишь мед, люби и пчелок.
- Наевшись, гость поглядывает на дверь.
- Кто приглашает, тот не укоряет.

Записав все это, москвич тут же пытался самые понравившиеся ему изречения перевести литературно. И это не

получалось, — чтобы перевести иную поговорку, требуется очень много времени и, сверх того, еще кое-что.

Полистав записи, я продиктовал ему еще несколько мыслей Индриса:

— Не умеющий пить, пьет в десять раз больше и оставляет разум на дне сосуда.

— В неначатом деле мерещится змея.

— Говори, подумав; садись, оглянувшись.

— Не имеющий быка запрягает теленка.

— Свою шапку сбережет тот, у кого под шапкой имеется голова.

— Чрезмерная хвала и чрезмерная хула — одно и то же.

— И мед хорош лишь на любителя.

Гость был очень доволен результатами поездки.

— Даже не знаю, удобно ли вот так брать чужое и публиковать, — засомневался он. — Правда, мы ведь ссылаемся на источник.

— Наш мудрый старик и это предусмотрел, — ответил я. — Вот среди записей я нечаянно пропустил такую: если я съем то, что предложил мне хозяин, я не обжора; если поведаю то, что услышал, — я не сплетник.

— А может быть, мне следует еще раз наведаться к этому чудесному старику? — вдруг осенило москвича. — Под конец разговора его будто прорвало — так и сыпал афоризмами. И вообще меня удивляет поведение местных фольклористов: под боком такой искристый источник, а они пьют хлорированную водопроводную воду.

— Хорошо, если ограничиваются ею, — пошутил я. — Но они знают: если драгоценность не беречь, она быстро потускнеет.

— А может быть, все же заглянем к Индрису еще раз? — начал настаивать он.

— Боюсь, что услышим мы то, что придется ему сказать, — для этого случая у старика припасено изречение, так же бьющее не в бровь, а в глаз.

— Думаю, что меня не остановит никакое изречение — ведь даже из-за одного меткого слова можно проехать тысячу километров.

— Но оно уже известно, ради него не стоит тревожить старика.

— Какое же это изречение?

— Если осел недогружен, он не сдвинется с места. Извини, но ты сам настаивал.

Гость засмеялся и занес в тетрадь и эту строку.

— А как ты думаешь, какой подарок можно прислать старику, чтобы он не обиделся, а остался доволен?

— Пришли статью о встрече с ним.

— Да ведь он малограмотный?!

— Э, дорогой, не ожидал от тебя такой наивности. Он это слово тоже по-своему толкует. Индрис считает себя неграмотным по сравнению с теми, чьи книги стоят на его полках.

— И все же через год я снова навещу его.

— Это другое дело — через год он примет тебя так, будто ты пришел к нему впервые.

БИРАМКУЛЬ И ЛАСТОЧКА

Проходишь по аулу и чувствуешь себя вечным должником своих земляков. Вот здороваются с тобой молодой агроном. Автоматически киваешь в ответ и вдруг с некоторым запозданием вспоминаешь, что ведь это именно он, этот на вид совсем молодой человек научил колхозников современным методам выращивания овощей. Теперь поливные площади дают раз в десять больше дохода. И мне становится стыдно, что я еще не написал об агрономе-новаторе.

А вот шествует с друзьями бригадир механизаторов, имя которого не сходило со страниц областных газет года два или три: он придумал какое-то приспособление для уборки полеглых хлебов — простое в изготовлении и весьма эффективное в работе. Встречаясь с ним, готов провалиться сквозь землю: начатый когда-то о нем рассказ так и остался незавершенным: что-то отвлекло...

— Салам, Киримизе, — улыбается мне секретарь партийной организации Гарун. — Как доехал? Как поживает наша многонациональная литература?

Я бодро сообщаю, что литература день ото дня крепнет, а у самого на сердце камень — уж о ком, а о Гаруне написать надо бы обязательно. Хотя бы уже потому, что он не следует тенью за председателем, а делает свое собственное дело. И еще потому, что сумел найти дело каждому коммунисту. Поразительно, но факт: все сто коммунистов колхоза имеют постоянные поручения. Гарун — ходячий рассказ,

даже не один, а целый сборник. Но когда все это ляжет на бумагу?

Видимо, нужно не раскисаться и не прохаживаться по улице, кивая направо и налево, а идти в свою беседку, в которую, кстати, специально для этой цели неутомимый Алий совсем недавно провел электричество. Нужно брать в руки перо и, как любил говаривать один наш журналист, «строчить, не ожидая вдохновения». А я все хожу и хожу. И, о позор мне, думаю не о Гаруне, не о бригадире и даже не о молодом агрономе. И не о десятках других земляков, имена которых следует уже давно увековечить. Я думаю о Бирамкуле.

Да, дорогой читатель, о том самом стороже тракторной бригады Бирамкуле, который не только ни черта не смыслит в выращивании овощей, не только не дает никому никаких поручений, не только не изобрел эксцентриковое мотовило, но даже читать-то как следует не выучился. Быть может, он бы и освоил грамотешку, если бы не его несколько, скажем помягче, своеобразные взгляды на женщин: Войдя в класс ликбеза и увидев там особ противоположного пола, он, как вспоминают со сдержанной улыбкой очевидцы, выпалил: «Я еще не совсем спятил, чтобы терять время в бабьем обществе. С меня достаточно одной язвы».

Сколько я его помнил, Бирамкуль не признавал никаких авторитетов. Обыкновенное проявление вежливости, казалось ему, может наложить на него несмыслаемое пятно. У председателя, к примеру, идет заседание, а он входит, не спросив, перебьет говорящего и — на это его все же хватало, — извинившись за бесцеремонность, спрашивает: «Что ты сегодня ел на завтрак, тхамат?» Председатель, отлично знакомый с повадками Бирамкуля, сразу же нападает на завхоза: «Что случилось в бригаде?» Завхоз вздыхает: «Кухарка заболела, вот что...» Председатель обращается к Бирамкулю: «Спасибо, дорогой, сейчас все уладим. Езжай, мы будем решать». Бирамкуль таращит на него глаза: «Зачем решать, дорогой, не надо ничего решать. Надо сейчас же выделить кухарку, и я повезу ее с собой».

Я не видел Бирамкуля улыбающимся. Грубоватый, мрачноватый, какой-то угловатый, он казался мне олицетворением практичности и сухости. Признаться, глядя на него, я не раз пытался представить, как он ухаживал за своей будущей женой, но фантазия моя не срабатывала. Хотя, насколько это известно, у него никогда никаких крупных неладов с женой не было, я не относил это на счет его

особых качеств — адыгейские женщины порой бывают терпеливы из самолюбия.

И вот все последние дни я думаю о Бирамкуле. Оказывается, можно...

Впрочем, не лучше ли делать выводы тогда, когда это делать положено — в конце рассказа? И вести его по порядку?

Начало этой истории относится к весне. Я встретил Бирамкуля у Гаруна, секретаря парткома.

— Скоро ласточки прилетят, а у нас ремонт не закончен, — шумел Бирамкуль. — Сколько можно тянуть, секретарь? Где твой стыд?

— Даю слово, Бирамкуль, председатель сказал, что сегодня строители будут на полевом стане.

— А кровати когда привезут?

— Да пускай хоть краска подсохнет...

— А что ей сохнуть, за ночь все высохнет, я протоплю.

Уходя, Бирамкуль, повернувшись ко мне, буркнул: — Говорят, ты много ездил по аулам. Если будет время, загляни на наш полевой стан, сравни с другими. — И вышел.

Загадочное приглашение раззадорило мое любопытство. Решив, что Бирамкуль недоволен ремонтом, я принял приглашение и как-то по пути завернул на полевой стан. Нашел сторожа в красном уголке, он собственноручно расписывал стены. Получалось очень красиво. Долго разглядывал я законченные куски, дивясь вкусу и мастерству старика. Ему это почему-то не понравилось.

— Тут еще нечего смотреть, — сказал он, — работа не закончена. Пойдем в столовую.

Столовая оказалась на свежем воздухе — большой длинный стол под навесом. Скамья. В стороне — специальное место для курения с урной для окурков.

Потом зашли в спальню, которая в случае непогоды могла заменить и столовую. Кровати с пружинными сетками разместились у стен, а в середине просторной комнаты стоял самодельный стол — одной стороной он упирался в столб, поддерживавший потолок. Двери и окна были распахнуты настежь, но внутри еще сильно пахло краской.

Мы уже собрались выходить, как вдруг в дверь влетела ласточка. Не обращая на нас внимания, она приткнулась к уголку в потолке, образовавшемуся между балкой и столбом, явно намереваясь строить здесь гнездо.

— Погоди, — попросил я. — Посмотрим.

— Что тут смотреть, сдурела птаха, — хмуро произнес

Бирамкуль. — Пусто было, вот она и начала гнездо лепить. А теперь уж не знаю — гнать ее или сама уйдет, когда люди здесь поселятся. И как они уживутся?

«Отлично все знаешь, — подумал я. — Сейчас же после моего ухода скovyрнешь все, что она налепила, и история будет исчерпана».

Потом мы осмотрели кухню, душевую и умывальник, кладовую с постельным бельем и телерадиопринадлежностями, шахматами и книгами, а также гириями и гантелями. Затем старик повел меня в огород. Оказывается, трактористы будут обеспечены не только свежими овощами, но и арбузами и дынями.

— Свободного времени много, вот и занимаюсь пустяками... — разъяснил Бирамкуль.

Собственно говоря, это и все «материалы дела». Я уехал и, помнится, в одной из радиопередач, посвященной полевым станам, упомянул о стороже Бирамкуле. Не жалеет, мол, человек времени на создание удобств для тех, кто решает судьбу урожая, проявляет инициативу и находчивость. Что-то вроде этого.

И вот ирония судьбы. Вставишь в передачу какую-нибудь остроту, меткое наблюдение, сногсшибательный факт — никто не заметит. А тут два или три слова о Бирамкуле — и сразу несколько писем. Смысл их был одинаков: с каких это пор областное радио решило прославлять хулиганов? В одном из них даже такая колкость была: «Уж если радио действительно решило выдавать хулиганов за передовиков, то у нас есть типчики получше Бирамкуля».

Поразмыслив, я решил, что все эти письма неудачная попытка разыграть меня. На выходной ехал в аул со спокойной душой. И вдруг, не выходя из автобуса, узнал, что авторы писем вовсе не шутили. На стене клуба бросилось в глаза объявление о том, что вечером Бирамкуля будет судить товарищеский суд.

Дома мне сообщили: старик избил тракториста Хамилуха.

Это уже выходило за рамки наших аульских будней и звучало неправдоподобно. Хамилух, здоровенный детина, которому все нипочем, избит тщедушным стариком!

— Как же было дело? — попытался выяснить я.

— Кто их знает... Суд выяснит.

— Да неужели Хамилух стал в суд жаловаться?

— В том-то и дело, — разъяснили мне, — что в суд подал сам Бирамкуль.

— На себя?

— Вот именно.

В одном ауле — две сенсации. Не многовато ли? И я отправился в клуб.

Заседание товарищеского суда началось в переполненном зале. Выяснилось, что не явился лишь один... пострадавший. За ним откомандировали уважаемого члена суда. И вот Хамилух занял место на передней скамье. Рядом с Бирамкулем.

Председатель суда Махмуд Агержанов, потерявший на фронте правую руку, левой зазвонил в колокольчик. Наступила тишина. Он предоставил слово Бирамкулю.

— Что долго говорить, — негромко произнес старик. — Погорячился я, и очень здорово. Съездил этому парню палкой по спине, а затем пониже раз пять или шесть. А то и все семь или даже восемь. Не помню. Если он скажет, что десять раз — не стану отрицать, все могло в ту ночь случиться. Судите меня за самоуправство. Все!

К великому удивлению публики Хамилух начисто все отрицал.

— Выдумывает старик, — пожал он плечами. — Сейчас мы еще живем по домам, я не бываю по ночам на полевом стане. Видимо, он перепутал меня с кем-то другим. Ладно, я пошел, у меня и других дел хватает.

— Постой, — задержал его судья. — Бирамкуль, у тебя есть доказательства, что ты бил именно Хамилуха?

— Есть, — ответил старик. — Вот доказательство. — Он достал из кармана кепку. — Хлопцы из бригады могут подтвердить, что это его кепка. Я ее нечаянно сбил с его головы, а он не стал ее искать. Утречком я нашел ее там, где все это случилось. Но я и так знал, что это он.

— Почему? — спросил судья.

— Он мне не раз говорил, что не потерпит, чтобы в спальне вместе с ним жила ласточка и выводила там птенцов. Один раз он даже стал разрушать гнездо, но наши ребята не допустили этого, он успел только кусочек отбить. Я его потом подклеил. Тогда он мне и сказал: «Запомни, Бирамкуль, все равно тут гнезда не будет!» Я понял, что он выполняет свою угрозу. И стал поджидать его ночью. Несколько ночей дежурил напрасно, даже решил, что он просто болтун. Думаю, подежурю еще одну ночь, а потом брошу. И вот он явился. Часов в двенадцать. С палкой — чтобы сразу достать до гнезда. А меня не заметил. Темно было, а я у входа сидел. Когда он подошел к гнезду и замахнулся, я выр-

нал у него палку и ею же пошел его отхаживать. Конечно, это не дело, чтобы ласточки жили в комнате механизаторов, отлично понимаю. Но если уж такое случилось и одна поселилась тут и даже начала высиживать птенцов, то надо потерпеть немножко. Все механизаторы ничего против не имели, абсолютное большинство. Один Хамилух против. Пусть скажет, что ему эти ласточки сделали?

— Кхе... — крикнул Махмуд. — Чего же ты, Бирамкуль, хочешь?

— Я хочу извиниться перед Хамилухом. Погорячился. Пусть он даст слово, что больше не тронет гнездо, и я тут же извинюсь. При всех.

— Что скажешь, Хамилух? — с трудом скрывая улыбку, осведомился председатель суда. — По-моему, условия вполне приемлемые. Как говорится, джентльменские. По рукам?

— Не бил он меня, — упрямо повторил Хамилух. — А насчет гнезда могу сказать — ничего мне не сделали эти ласточки, только когда я сел перекусить, одна «какнула» мне на яичницу. Парни увидели и стали надо мной смеяться.

— А зачем ты сел под гнездом? — взвился старик. — Места мало?

— Кхе... — снова, уже громче крикнул Махмуд. — Так как порешим? Хамилух, за тобой слово.

— Гнездо не трону, — выдохнул Хамилух. — А извиняется пусть перед кем угодно — то был не я.

— Вот и хорошо, — обрадовался Махмуд. — Я тоже не мог поверить, что в нашем ауле найдется человек, который вдруг станет ласточкины гнезда разрушать. Конечно, это был человек из соседнего аула, — в магазине у соседей тоже продавались такие кепки.

На этом заседание суда было закрыто.

Люди начали расходиться по домам, у всех было претличнейшее настроение. Когда в зале почти никого не осталось, я решил задать Бирамкулю вопрос: с какой же целью он подал в суд?

— Э... — недовольно процедил он. — Махмуд не станет спрашивать об этом, сам понимает. А ты, видимо, плохо знаешь этого Хамилуха. У него слово — железо. И я поэтому не спал все ночи подряд, сторожил гнездо. Сегодня уж выплыву за всю неделю.

Вот теперь в самый раз делать выводы. Оказывается, можно много лет прожить бок о бок с человеком и совсем не знать его. И поэтому, отлично сознавая свой долг перед

очень многими заслуженными земляками, я все же сажусь за рассказ о малограмотном мрачноватом Бирамкуле. О человеке с открытым сердцем, который почему-то очень этого стесняется и потому...

Впрочем, стоит ли комментировать то, что и так ясно?

НАШИ ЧУДАКИ

ауле трудно скрыть что-либо от соседей. И секреты тут долго не держатся. Один подметит неладное и в тот же час передаст другому «по секрету». А тот третьему. Так цепочка дотянется до того, кто ее пустил, и круг замкнется. А поскольку выдающихся событий у нас не так уж много, предметом пересудов чаще всего становятся поступки, выпадающие из общепринятых норм. Ничего плохого человек не сотворил, даже наоборот, хорошо сделал, но здесь раньше не принято было поступать подобным образом, и полетела весточка по беспроволочному телефону — от уха к уху. «А ты знаешь, этот Аюб опять начудил...» — «Слышал... Известный чудак. И в кого он только уродился...» Так многие забавные истории о наших чудаках дошли и до меня. И решил я поделиться некоторыми с читателями.

ТАЙНА ЕЛЬМЫЗА

Начинаю с Ельмыза не только потому, что в записной книжке он значится первым. Сейчас весна, за окном щебечут птицы. Кажется, будто чибибс выкрикивает: «Ель-мыз-Ель-мыз-Ель-мыз». То же самое на разные лады повторяет вся их пернатая братия. А сам Ельмыз об этом и не догадывается. В такое время ему не до чирикания. Ельмыз — кузнец, а кузнецу в дни сева и других забот хватает. Думается мне, что и по ночам у него в ушах раздается звон молота. Птичий пересвист он может послушать разве что на зорьке, когда принимает душ и отправляется в мастерскую.

История эта началась зимой. Как утверждает старуха Кокой, в ту ночь всюю сыпал снег. Крупные мокроватые

хлопья падали, как цветки черемухи, и ей, когда она проснулась среди ночи, показалось, будто ветки груши под окном обложены ватой. Ныли кости. Кокой встала и глянула в окно. Снегу всюду навалило столько, что едва различила место, где был их плетень.

— Ты не спишь? — обратилась Кокой к Ельмызу. — Посмотри, что на дворе делается. Это аллах напоминает нам грехи наши.

— Уж тебе-то припоминать нечего, — буркнул Ельмыз. — Один грех за тобой — длинный язык, да и тот — от аллаха. Спи, старуха. Умолкни!

Вот и все, что случилось той ночью в доме кузнеца Ельмыза. И утро не предвещало никаких, говоря современным языком, сенсаций. Ельмыз позавтракал, взял лопату и около часа расчищал снежные барханы во дворе и на улице. Часть снега он даже успел перебросить в огород. Когда Кокой снова выглянула в окно, она не узнала ни двора, ни улицы: будто и не валил всю ночь снег. При этом ей пришла в голову мысль, которой она в тот же день, уже после того как обнаружила некоторые отклонения в поведении супруга, и поделилась с соседкой. «Мой старик, оказывается, еще полон сил и задора, — подумала она тогда. — Не удивлюсь, если мне скажут, что он заглядывает к какой-нибудь молоденькой вдовушке».

Эта мысль появилась и мгновенно улетучилась. Потом постучалась снова и погостила чуть подольше. А когда возвратилась в третий раз, то уже накрепко засела в голове — видимо, в первые разы она высматривала себе там подходящее местечко. И оно нашлось. Кокой встревожилась не на шутку. Да и то — прожить сорок лет с человеком и вдруг узнать о коварной измене — тут хоть кто покой потеряет.

Пригвоздив таким образом Ельмыза, ее необузданная фантазия метнулась в другую сторону.

«Кто же перешел нам дорогу?» — начала прикидывать она. И вдруг вспомнила: при школе построен многоквартирный дом для учителей. В одной из квартир проживает молоденькая преподавательница русского языка. Говорят, она пишет что-то такое, какую-то атацию или нотацию или еще что-то непонятное. По улице в очках ходит... Да, да, и офицер к ней приезжал. Говорили, правда, что жених, да кто там знает. А зовут ее Татьяна Алексеевна.

Припомнив все это, Кокой даже застонала от боли. Ну и дура! Ну и слепая... Разве не ясно, что именно к этой учительнице навевался ее Ельмыз! Старый грехо-

водник, тихонько застонала она, я тебя выведу на чистую воду. Весь аул узнает, до чего ты дошел. А учительница? И двадцати пяти лет нет ей, а гляди, связалась со старой кочерыжкой. Погодите же, миленькие, вы у меня попляшете...

Потом, поостыв немного, Кокой все же сообразила, что прямых доказательств вероломства супруга у нее нет, как нет и подтверждения того, что он связался именно с молодой учительницей. Быть может, поперек ее дороги стоит совсем другая особа. Значит, доказательства надо добыть. А поскольку каждый, даже не читавший Клаузевица, отлично знает, что один в поле не воин, Кокой решила призвать на помощь своих подружек, скажем прямо, таких же старых сплетниц, как и она сама.

В ветреный зимний день, когда все уже давно переговорено и косточки всех земляков перемыты и перетерты до янтарного блеска, получить такое задание! Со дня создания колхозов им такое счастье не приваливало. Старухи заматались от дома к дому, составляя план слежки за погрязшим в грехах Ельмызом.

Правда, нашлись среди подружек Кокой и такие, которые попытались втолковать ей, что никакой почвы под ее подозрениями нет, но их засмеяли: разве секрет, что нет дыма без огня? И каша заварилась.

Днем Кокой, не спуская глаз с мужа, заметила, что он занялся какими-то необычными сборами. Пошел в сарай, достал старую охотничью сумку, набил ее хлебными корками, положил туда остатки каши и оделся потеплее. Перед уходом вдруг порывлся в сундуке с зерном и бросил в сумку несколько пригоршней ячменя и проса. Потом, не сказав ни слова, ушел.

Подружки Кокой, выглядывавшие из окон, без труда установили, что коварный Ельмыз в школу не заглядывал. Свернув с главной улицы, переулками выбрался на окраину аула и напрямик, через поле, двинулся к лесу.

Через несколько часов кузнец как ни в чем не бывало возвратился домой. С пустой сумкой. Бросил ее в угол, пополоскался под умывальником и, с удивлением оглядев пустой стол, спросил:

— Может быть, ты вообразила, что с сегодняшнего дня я смогу обходиться без ужина?

Кокой быстро накрыла на стол. Пока Ельмыз ел, она наблюдала за ним. Ничего подозрительного не обнаружив, встревожилась еще больше. «Другой бы хоть чем-

нибудь себя выдал, а этот? Сидит как праведник. Ну и гусь...»

Она решила больше не полагаться на самотек, а за всем проследить лично. И случай представился на следующее же утро. Позавтракав, Ельмыз стал снова заправлять свою сумку. Теперь он не ограничился вчерашней дозой — насыпал туда несколько больших кружек проса, ячменя, овса, положил несколько краях перепеченного хлеба; правда, они его не ели, но и его Кокой было жалко, — она собиралась скормить его курам и индюшкам.

Когда Ельмыз вышел, Кокой не стала мешкать. Набрала на себя полушубок, платок, всунула ноги в валенки и пустилась за ним. Аж взмокла, пока догнала его у околицы. Не задерживаясь, тем же размашистым солдатским шагом Ельмыз пустился через поле, а она, присев на подвернувшийся пенек, стала отдыхать.

Конечно, Кокой, как она потом признавалась подружкам, уже тогда поняла, что дело тут вовсе не в молодой учительнице, ей было стыдно, что она впутала такую славную женщину в эту скверную историю. Но все же докопаться до истины Кокой решила твердо. И храбро двинулась через заснеженное поле к лесу. Растоптанные валенки зачерпывали снег, он таял, и скоро ноги начали мерзнуть. Но Кокой решила все преодолеть, лишь бы разоблачить своего неверного супруга.

Добравшись до леса, она двинулась по следам, которые оставил за собой Ельмыз, и вскоре увидела его. В первый момент решила, что муж рехнулся: стоя по колени в снегу, в полном одиночестве, он пригоршнями разбрасывал зерно. Словно сеял его по снегу...

Кокой стало нехорошо. Она постояла с минуту, прикрыв глаза, а когда открыла их снова, увидела, что на то место, куда Ельмыз бросал зерно, слетались птицы. Они радостно щебетали и, купаясь в снегу, жадно склевывали добычу. Глядя на них, Ельмыз улыбался. В ее сторону он, к счастью, ни разу не повернулся. И она тихонько поплелась домой.

Рассказывая об этом подружкам, Кокой со слезами спрашивала:

— Что это может значить? Никто никогда у нас не носил зерно в лес... Как вы думаете, не следует ли мне повести его к доктору?

И тут одна из подружек надоумила Кокой:

— Что мы в этом деле понимаем, дорогая? По такому

делу ты бы лучше всего посоветовалась со своей учительницей.

Сказано это было, разумеется, в шутку, и Кокой поначалу даже обиделась. Но, поразмыслив на досуге, она, чуть-чуть поколебавшись, бросилась к Татьяне Алексеевне. Учительница, склонившаяся над бумагами, поначалу слушала ее невнимательно. Когда же дело дошло до событий в лесу, ее встрепетулась. Вскочив, хлопнула себя по лбу так, что с носа соскочили очки. Впрочем, сообщение насчет очков проверить нам не удалось, и я решил отнести его на счет неуемной фантазии тетюшки Кокой. Что же касается остального, то это я имел счастье наблюдать собственными глазами.

На следующее утро из школы к лесу направилось несколько групп мальчишек и девчонок: они несли с собой корм птицам. А еще через день в школу пришел бригадир плотницкой бригады Батмыз. Свысока поздоровавшись с Татьяной Алексеевной, он прошел прямо к директору.

— Ельмыз — старый чудака, — сказал он. — Разве это так делается? Надо в разных местах установить кормушки. Пускай твои хлопцы после занятий явятся в мастерскую, я организую их изготовление. А при ельмызовской кустарщине мы только зерно разбазариваем.

Предложение Батмыза, конечно, приняли, в лесу были установлены столики с кормом для птиц. И все же Ельмыз не прекратил свои походы. Более того, я своими глазами видел направлявшихся в лес стариков. При них не было ничего, кроме сумок с кормом. Ответив на приветствие, они смущенно бормотали:

— Этот чудака Ельмыз хоть кого с толку собьет.

ЛАЛУХ НА КУРОРТЕ

А это история о другом нашем чудаке — Лалухе. О том самом чабане Лалухе, который недавно был награжден медалью. Это прозвище укрепилось за ним не сразу. Помнится, как-то, когда он пас колхозную отару вдали от аула, налетела буря. Ураганный ветер с ливнем. Овец он уберег всех до единой, но сам тогда заболел. Об этом эпизоде сообщила областная газета, и в больнице его навещали не только руководители колхоза, друзья и родственники, но и представители райцентра. Они же и надоумили отправить Лалуха после выздоровления на курорт. Для этой цели даже

была добыта специальная путевка — в горную грязелечебницу. Но Лалух от нее отказался. То ли решил, что не к лицу потомственному чабану «где-то в грязи валяться», как он выразился среди друзей, то ли по другой причине, но отказался решительно и наотрез.

Поскольку уговорить Лалуха в чем-либо не представлялось возможным, о чем председатель превосходно знал, он отправил на отдых одну из доярок, страдавшую ревматизмом. Она возвратилась повеселевшей и очень благодарила Лалуха.

Все, казалось, завершилось вполне благополучно, все были довольны, а подлечившаяся доярка подарила супруге Лалуха Гошнаг платок из какого-то редкостного пуха. Но вдруг весной в колхоз нагрянул тот самый руководитель, который лично ездил в Майкоп добывать для Лалуха путевку. Он, понятное дело, прежде всего спросил у чабана, как ему отдыхалось на грязях. Бесхитростный Лалух, не думая о последствиях, признался, что на курорте не был. По изменившемуся лицу руководителя понял, что сморозил глупость, и добавил, что в те дни у него умер в другом ауле родственник и ему неудобно было покидать его несчастных детей.

Руководитель сочувственно покачал головой и сказал:

— Дело поправимое, дорогой, хоть и не из легких. Хорошо, что я узнал об этом весной.

Летом председатель колхоза был вызван в райцентр за новой путевкой для Лалуха. На этот раз ему представлялась возможность отправиться в Kisловодск. Во избежание недоразумений председателю было предложено доставить Лалуха туда на машине.

Разумеется, Лалух и на машине отказался выехать из аула. В спор он себя втянуть не дал, сказал лишь, что куда не поедет. Председатель оказался в нелегком положении. Что сказать этому сверхзаботливому начальнику? Он решил укрыться от неминуемой грозы под медицинским зонтиком: попросил главного врача местной больницы выписать справку о том, что Лалуху Kisловодск противопоказан. Заручившись ею, отправил на отдых старого механизатора. После этого он доложил начальству, что Лалух снова не выехал по уважительной причине.

Пока эта канитель тянулась, за Лалухом прочно закрепилась слава непревзойденного чудака. Встретившись с ним, его ровесники смеялись:

— Ну и чудака же ты, Лалух. Второй раз на курорт по-

сылают, а он отказывается. Во всей Адыгее другого такого чудака не найдешь.

За глаза над ним подсмеивались и люди помоложе его. И даже женщины.

— Дали бы мне бесплатную путевку, — говорила каждая, — я бы и раздумывать не стала. Полтора рубликов стоит она, да дорога бесплатная.

На Лалуха все это не действовало. Впрочем, подобная невозмутимость — одна из черт, которая присуща всем чудакам. Ни упреки, ни добродушные реплики, ни злые окрики на них не действуют. Чудаки делают свое дело, идут напролом, а все остальное их вроде бы и не касается вовсе. Вот таким же типичным чудаком оказался и Лалух.

Но зимой дело приняло неожиданный оборот: Лалух был вызван в райцентр. По указанию районного начальника его положили в больницу для широкого обследования. Врачи, не найдя у чабана ровных никаких заболеваний, выдали ему документ о том, что ему не противопоказано лечение в нервно-соматических санаториях на территории Советского Союза, а также в Болгарии, ГДР, Чехословакии и Югославии. Копия справки была отправлена в райисполком.

Теперь над Лалухом подтрунивал весь аул.

— Придется тебе, друг, все же расстаться со своей Гошнаг на целый месяц, — смеялись старики. — Ты смотри не заблудись в этой Югославии, там, говорят, такие горы...

Лалух готовился к отражению новой атаки, но тут вступили в силу законы, переступить которые он никак не мог. Когда прибыла очередная путевка, председатель колхоза явился с ней на квартиру к Лалуху. Положив на стол путевку в Гагру, он сказал:

— В райисполкоме предложили две: в Венгрию и в Гагру. Я решил, что тебе лучше съездить на первый раз в Гагру.

Лалух раскрыл было рот, чтобы вынести приговор и этой путевке, но председатель не дал себя перебить.

— Подумай, Лалух, над моими словами. Всему есть предел. Начальник заботится о тебе от всей души. И это действительно очень хороший человек. Если ты не поедешь и на этот раз, он решит, что ты над ним издеваешься. И я вместе с тобой. Да так оно и будет в самом деле, ведь всякому чудачеству имеется предел.

— Ладно, — произнес, подумав, Лалух, — уважим начальство. Готовь, старуха, мне бельишко в дорогу.

Когда «этого чудака Лалуха» на председательской «Волге» отвезли на станцию, на улицу высыпали все нетрудоспособные. Трудоспособные же сожалели о том, что упустили возможность полюбоваться посрамленным чабаном.

Ровно через неделю разнесся слух, будто Гошнаг получила от Лалуха письмо. Это всех удивило. Никто не помнил, чтобы чабан когда-либо брался за перо не у колхозной кассы или раскрывал книгу. Но факт оставался фактом: письмо от Лалуха прибыло, и написал он его собственноручно. Только вот прочитать его Гошнаг не могла — ее слабым глазам оказались недоступны замысловатые каракули супруга. За помощью она обратилась ко мне. Хоть и не сразу, но все же письма Лалуха удалось расшифровать. Вот что они означали.

«Во-первых, должен признать, что я действительно старый осел и чудака, — здесь лучше, чем в Мекке. Передай мой салам моим приятелям и скажи, что такая жизнь, как у меня, даже присниться не может. Один доктор натирает мне поясницу, другой купает в нарзане, третий зубы лечит, а четвертый каждый раз осматривает меня и пишет мою биографию в специальную тетрадь. На обеденном столе стоит все — масло, мед, курятина, молочное и всякие булочки. Ты, старуха, не поверишь — днем спать заставляют. Я, конечно, делаю вид, будто сплю, — зачем огорчать таких хороших людей. А вчера у нас был вечер, и доктор разрешил мне сплясать зафак. Танцевал я с одной русской девушкой, и поясница не болела. Да, самое главное чуть не забыл. Доктор, который пишет мою биографию, сказал, что мне вредно волноваться, что я не должен ни в коем случае расстраиваться. Так что тебе, старуха, придется оставить свои глупые придирки — меня нельзя выводить из терпения. Когда приеду, подробнее расскажу, как ты должна будешь себя теперь вести. Ну, пока. Всего хорошего.

Лалух».

Когда я окончил чтение, Гошнаг восторженно взглянула на меня. Глаза ее молодо блеснули, в голосе зазвенел металл.

— Смотри ты, — угрожающе пророкотала она. — По возвращении он намерен мною командовать. «Меня нельзя выводить из терпения»... А меня, выходит, можно? Но ничего, вернется, я найду на него управу...

Каламет Четенуков прослыл чудаком совсем недавно, можно сказать, прямо на глазах. Когда закончилось сооружение аульного водопровода, специальное собрание было посвящено благоустройству. Председатель сельсовета обратил внимание жителей боковых улочек и переулков на необходимость отодвинуть плетни в глубь своих владений: это позволит выровнять улицы, сделать их доступными для автомашин.

— Много места,— между прочим заметил председатель,— у нас занимают колодцы. Когда в каждом доме будет водопровод, необходимость в них отпадет. Но с колодцами следует расстаться лишь после того, как водопровод вступит в строй и все убедятся в его надежности.

После этого собрания все принялись за дело. Мечта обзавестись «Жигулями» все больше волновала воображение многих земляков. А о водопроводной воде и говорить нечего — это была у нас подлинно народная стройка. Каждый делал на сооружении водопровода все, что мог.

Не стану описывать того дня, когда включили воду. Радость была неописуемой. Правда, поначалу вода все шла ржавая, но инженер предупредил, что так и должно быть,— промывались трубы. С каждой минутой она все светлела и наконец стала прозрачной, похожей на полуденное небо.

В водопровод поверили. Уже на следующий день кое-кто стал сносить колодцы. Прошла неделя, и в Шапсуге колодцы можно было по пальцам пересчитать. Через месяц колодцев как не бывало.

Мне, признаться, даже как-то обидно стало за них. Сколько поговорок, сказаний, былей связано с колодцами. Глоток колодезной воды! И у меня есть стихи, посвященные ему. Есть и рассказы. И все же я должен признать, что одно дело — идеализация прошлого в поэзии и вообще в литературе, а другое — в быту. Бумага стерпит все. Легко воспевать ветряки, смакую булку, выпеченную из муки производства мелькомбината № 1, муки, прошедшей через двадцать пар пальцев. Если стихи получатся удачными, их прочитают с удовольствием. Валяй, пиши оды о соломенных стрехах, сидя под бетонной крышей многоэтажного здания, быть может, их заметят. И о колодцах пиши сколько тебе угодно, только не заставляй людей пользоваться колодезной водой, если они того не хотят, ведь сам-то ты приходишь в

ярость, когда кран в твоей квартире хоть на секунду утихает.

Поразмыслив над всем этим, я с большим пониманием отнесся к той поспешности, с которой мои земляки расстались с такими внушительными представителями старого быта, как колодцы.

И вдруг узнаю: расстались, да не все. Каламет Четенуков, колодец которого стоял, как и у большинства жителей аула, почти что на улице, зарыл его, чтобы не тормозить процесс реконструкции. Но на следующий же день начал в глубине двора рыть новый. В тот день его жена Курак не была дома — загостилась у дочери, проживающей в другом ауле. Когда она сошла с автобуса, ее окружили соседки. Что уж они ей наболтали, сказать трудно, но, войдя в дом, она сразу же набросилась на мужа:

— Что тут у тебя случилось?

— Ничего,— пожал плечами старик.— Как там наши? Могла бы Аскера прихватить.

— Счастье, что не привезла внука, а то бы и он услышал то, что говорят о тебе соседи,— вовсе выходя из себя, крикнула Курак.— Стыд и срам. Люди зарыли колодцы, у всех водопровод, а ты новый рыть вздумал.

Каламет еще более удивился.

— Что людям до того, что я делаю на своем собственном дворе? — спокойно ответил он.— Вот уж не думал, что мой колодец обратит на себя чье-то внимание...

«Чье-то внимание»!..

Колодец Каламета волновал воображение не только аульных кумушек. Когда работа подходила к концу и Каламет цементировал вокруг нового колодца площадку, к нему пришел в гости его старый друг Ахмед.

— Красавчик, ничего не скажешь,— ухмыльнулся Ахмед, поглаживая седую бороду.— Ты что же, водопровод не признаешь?

Каламет с удовольствием отправил бы своего чересчур любопытного друга куда-нибудь подальше, но этикет не позволял ничего подобного. Поэтому он, стараясь казаться равнодушным, ответил:

— Признаю водопровод и с удовольствием умываюсь ледяной водой. Старуха моя не нарадуется — стирать или мыть посуду — одно удовольствие. Очень хорошая штука.

— Зачем же тебе колодец? — в лоб спросил Ахмед.

— Мне хочется иметь для питья колодезную воду, я

очень привык к ней. И место у нас тут какое-то особое — исключительно вкусная вода.

— Ну и чудак же ты, — резюмировал Ахмед. — Что у тебя там, в колодеце, мед?

Каламет молча отправился в дом и вынес оттуда графин с водопроводной водой. Опустив ведро в колодец, он зачерпнул кружку воды оттуда.

— Попробуй, что вкуснее, — предложил Каламет, все еще уповавший на здравый смысл.

— Дорогой мой, — расхохотался Ахмед. — Я всю жизнь пил гнилую колодезную воду и, слава аллаху, со вкусом ее знаком. Ладно, пойду. С такими несговорчивыми говорить — только время тратить.

В этот момент из-за плетня высунулась детская головка. — Дядя Каламет, — прощепетала девочка, — дядя Каламет, здравствуй. Бабушка узнала, что у тебя есть колодец и прислала меня за водой — никак не может привыкнуть к водопроводной. Можно набрать?

Она протянула старинный медный кувшин — кумган. Каламет просиял.

— Заходи, пожалуйста, красавица, заходи, давай свой кумган, угостим твою бабуся свеженькой, — приговаривал он, наполняя кувшин. — Пусть пьет вволю, а когда всю выпьет, наполним снова. Приходи, когда тебе вздумается, и бери сама воду. Собак мы не держим. Приходи в любое время.

Поблагодарив, девочка умчалась, а Каламет, догнав своего гостя, сказал ему:

— Да, наша жизнь с каждым днем меняется. Меняется все, не только вода. Меняется одежда, пища, мебель, меняется само отношение человека к человеку. Вот я на днях видел, Ахмед, как по улице прогуливалась твоя внучка Аминет. Сколько ей? Шестнадцать? У нее под глазами, о аллах, страшные синяки. А ведь ее никто не бил, это она следует моде. Мне такая мода не нравится, вот я и не трачу на такое дело синьку, кожу, как меня мать родила. А ей нравится. Что же, ругать ее за это?

— Это уже совсем другое дело, — неуверенно ответил Ахмед. — Стоит ли совать нос в женские дела...

— Ты прав, друг, — согласился Каламет. — Не стоит. Но вот дела мужские. Твой внук недавно на каникулы приехал? Зачерий, кажется?

— Мой, — совсем тихо подтвердил Ахмед. — Что тебе до него?

— Ровным счетом ничего, — заверил Каламет. — Даже более того, мне очень понравился его костюм. Голубые штаны с этими железными замками. Они обтягивают ноги, как перчатки. Я даже специально узнал: такие штаны называются джинсы. Джинсы — то есть чертова одежда, это ты и без меня знаешь. И пиджак к этим штанам соответствующий — рукавчики кончаются выше локтя. И баки...

— Мода, дорогой сосед, — потупя глаза, пояснил Ахмед. — Не мы ее придумали, не нам ее отменять.

— Зачем ее отменять, Ахмед? Зачем? Нравится молодым, и хорошо, и благодари аллаха, что можешь одевать внуков по моде. Но, пожалуйста, не заставляй меня одевать джинсы. Все бы ничего, пусть даже тесновато, стерпел бы. Но в нашем возрасте с одной штукой шутить нельзя. Догадываешься? Ну, с ширинкой. Она ведь там не на пуговицах, а на замке, на такой «молнии». Что, как в самый неподходящий момент заест замочек, а? Тут уж не до моды будет, дорогой.

Ахмед понял, что миссия его провалилась с большим позором, чем можно было предположить. Он двинулся было к выходу, но Каламет снова потянул его за рукав.

— Извини, друг, — миролюбиво улыбнулся он, — это я ведь все ради шутки. Замки на джинсах вполне добротные. А только пройдет несколько лет, прочитают наши дети в книжке слово «колодец» и спросят у старших: что это такое? И начнут старики молоть всякую чушь... А чтобы этого не случилось, они смогут ответить: «Колодец — это такая штука, которую вырыл на своем дворе чудак Каламет. Можете не только поглядеть на него, но и попробовать воду, которой утоляли жажду ваши славные предки».

— Извини ты меня, — проговорил Ахмед. — Затемнение на разум нашло.

Но тем не менее теперь в ауле никто не называет Каламета просто по имени. К нему всегда добавляют: «Это тот чудак, который вырыл себе колодец после того, как в ауле был пущен водопровод».

ГУЧИПС НА ПЕНСИИ

К пенсионерам в нашем ауле относятся с особым уважением. Причин для этого немало, и все — весьма существенные. Взять хотя бы такой момент: на пенсию аульские муж-

чины уходят, как правило, после семидесяти лет. Если учесть, что и после этого они находят себе полезное занятие, то есть не бездельничают, то разговор об уважении можно бы и не продолжать. Но есть еще более существенная причина. Ведь все эти пенсионеры — не просто чужие городские пенсионеры, которых никто раньше не видел и о которых никто не слышал. Старики, восседающие где-либо возле сельсовета или магазина на скамьях или бревнах, — наши отцы, дяди, деды, соседи, наставники, их мы уважаем с дня рождения.

Вот почему я здорово удивился, когда узнал, что Гучипса зачислили в чудачки в первый же день его ухода на пенсию.

Для начала скажу, что удивительным был прежде всего сам его уход на пенсию. Гучипсу едва перевалило за семьдесят, был он джигитом во всех отношениях, а уж такого звеньевого — ищи, днем с огнем не найдешь. Два ордена и медаль — за небывалые даже для наших мест урожаи кукурузы. Звено у Гучипса особенное было — из молодежи. Он принимал к себе неопытных юнцов и девушек, которые отлично знают, что такое кримплен, банлон, дедерон, но понятия не имеют о гибридных семенах. Разочарованные неудачами на вступительных экзаменах, эти кадры поначалу с издевкой поглядывали на своего «отставшего от атомного века», как они потихоньку называли Гучипса, наставника. Шли к нему в звено, собственно, чтобы не числиться безработными и нагуливать стаж. «Отсижусь годик, а там снова попытаю счастья в вузе», — рассуждали молодые люди.

С сентября Гучипс начинал с ними «собеседования»: выводил на уборку. Уж что он им говорил — неизвестно, но как-то так получалось, что участок Гучипса очищался от кукурузы первым. Каждый год звено его пополнялось новыми людьми. Его подопечные быстро осваивали трактор и комбайн и с каждым годом все более вытесняли ручной труд. В конце концов людей у Гучипса оказалось слишком много, их стали переводить в другие звенья, постепенно молодые механизаторы приняли на себя всю свеклу и подсолнечник.

Следует оговориться, что переходить из звена Гучипса никто не хотел, и добровольно подобный акт не совершался. Людей перебрасывали со скандалом.

Гучипсу прочили звание Героя, как вдруг все узнали, что он подал заявление о переходе на пенсию.

Слово «чудак» уже готово было сорваться со многих

уст, но тут Чаба, жена Гучипса, сообщила своей соседке под большим секретом, что ее старик «сдал». Об этом, разумеется, весь аул узнал менее чем через час, и Гучипса оставили в покое: сдал, пусть идет на отдых.

В один день со мной в аул возвратился с курсов новый секретарь колхозного парткома Джантемир. Случилось так, что о заявлении Гучипса мы узнали одновременно.

— Тут что-то не так, — заподозрил Джантемир. — Старик может еще минимум десять лет тянуть. Попытаюсь поговорить с ним по душам. Заходи, Киримизе, вечером, я его приглашу к себе. А еще лучше — давай вечером нагрянем к нему!

Так мы и сделали. Когда Чаба отправилась в кухню готовить ужин, Джантемир попросил Гучипса быть с нами пооткровенней, свои ведь. Старик схватился за поясницу.

— Нет сил терпеть, дорогой. Рад бы, да стоит ли позориться. Сами подумайте — сколько лет работал, а тут отстану...

— Кто же примет звено? — заинтересовался Джантемир.

— С этим все ясно, меня заменит Хамид. Человек всю технику освоил, перешел на четвертый курс института, партгрупорг звена. Давно уже вырос, меня за пояс заткнул.

— Может, ему еще есть чему поучиться у тебя? — настаивал Джантемир.

— Дорогой, — грустно заметил Гучипс, — Хамид даже в институте заочно учится, а у меня сможет и подавно. Пусть идет ко мне в заочники. Одно только мне ясно — без меня он шире расправит плечи.

— Как это? — не понял Джантемир. — Выходит, ты ему мешаешь?

— Не то, — отмахнулся Гучипс. — Есть вещи, перешагнуть через которые никто не в силах. Я у него — как потолок, понимаете? Потолок! Незримый, а ушибиться боязно. Его надо в другую хату переводить. Или снимать потолок. Вот я уйду, и Хамид распряжится.

— А не получится ли так, что звено после твоего ухода съедет?

— Нет, тут я кое-что придумал.

— Что же?

— Скажу после того, как оформите на пенсию.

Проводы Гучипсу устроили пышные. Под конец он сам пустился в пляс и танцевал так, что у многих zakралось подозрение: не оказалась ли его жена Чаба в сговоре с

мужем? Было ясно, что она наговорила на него лишнее.
А зачем?

Утром Гучипс появился, как всегда, на рассвете на улице. Но пошел не на работу — дела Хамиду он передал накануне, — а в гости. Заглянул к одному приятелю, поговорил с ним, потом к другому, третьему...

Вечером пенсионер Гучипс постучался в кабинет Джантемира.

— Вот, — он протянул секретарю какой-то список. —
Читай.

Секретарь парткома прочитал полтора десятка фамилий стариков — однокашников Гучипса.

— А дальше? — вскинул он глаза на старика.

— Не понял? — удивился Гучипс. — Я думал, тут и ребенку все ясно. Пока я был в звене, молодежь очень старалась. Как будет теперь? Я организую звено из этих стариков, стану звеньевым. И теперь не понял? Вызовем на соревнования молодых. Кажется, дошло? Очень здорово им придется попотеть, чтобы обогнать нас. Это будет хорошее испытание для всех.

— Но у нас нет ставки звеньевого для тебя, — встревожился Джантемир. — Ладно, что-нибудь выкроем.

— Не обижай нас, дорогой, — сказал Гучипс. — Мы будем работать как пенсионеры, на общественных началах. А расчет — в конце года, после уборки.

— Аккордно? — загорелся Джантемир.

— Аккордно!

Теперь, когда аулчанам приходится проходить мимо кукурузной плантации, которую возделывает звено стариков, кое-кто ехидно замечает:

— Участок чудака Гучипса. Это же надо: отдал свое место и ставку молодому, а сам вкальвает на общественных началах. Ушел, называется, на пенсию...

Старушки соседки вздумали было предъявить счет Чабе за то, что она пустила слух, будто ее муж «сдал». Но Чаба претензий не приняла.

— Я совсем не это имела в виду, — отпарировала она. — Но, правда, теперь и с этим все в порядке.

— С чем? — не унимались старухи. — Объясни наконец.

— Раньше он съедал на обед целую курицу, а перед уходом на пенсию едва с половиной управлялся. Но теперь, слава аллаху, и с этим все в порядке: ему и курицы не хватает. Завтра отправлюсь на птицеферму за инкубаторными цыплятами.

АЛИИ И ЕГО ДЕД ТЕМИРКАН

ной раз и веселые рассказы писать грустно. Не один год продолжалась наша дружба с Алием. Незаметно летело время, мой юный друг переходил из класса в класс... И вот он снова в Майкопе.

— Киримизе, — говорит Алий, — у меня к тебе одна просьба.

— Валий, — копирую я его самого.

— Я уже вырос из этого, — вздыхает Алий.

Действительно, парень в последний год здорово изменился. Руководство школьной производственной бригадой сделало его взрослым в полном смысле этого слова. Взрослым — значит отвечающим за свои поступки. И на вид это уже не подросток, а, скажем, зрелый юноша.

— Ты, конечно, хорошо знаешь моего деда Темиркана, лучшего знатока адыгейского этикета, народных традиций, всяких хороших правил. Сколько я их слышал на своем веку, трудно сказать. И теперь жалею, что не записал. Но все равно мои записи — ноль по сравнению с его голосом, а вот насчет этого он — кремень. Никак не уговорю.

Оказывается, Алий в последний год много раз просил деда выступить перед членами школьной бригады со своими правилами поведения, но дед, как и следовало ожидать, наотрез отказался. Более того, он еще и обиделся, когда Алий сказал ему, что уже подготовил соответствующее объявление.

— Так-то ты уважаешь старшего? — раскричался он, что вообще-то позволял себе лишь в крайних случаях. — Как ты посмел подумать, что я когда-нибудь уподоблюсь свистунам, которые говорят о чем попало и когда кому-либо вздумается? Что я знаю? Учим тебя скромности, учим, а ты все стараешься вперед выскочить. «Отец с орденами... Дед научит вас жить...» Учи сам кого хочешь, а ко мне больше никогда с этим не приставай. Понял?

Прослушав эту речь в исполнении Алиия, я живо представил своего удивительного соседа. Однажды, когда мы с Алием зачистили на рыбалку, Темиркан позвал меня к себе.

— Киримизе, — сказал старик, немного смущаясь, — я заметил, что этот паршивец не дает тебе покоя.

Я выжидательно молчал — любая реплика могла в данном случае подпортить дело.

— Что ты в нем нашел?

— Да ничего; — развел я руками. — Ровно ничего. Мои парни в городе учатся, на рыбалке тоска заедает, а тут рядом человек.

Темиркан взвешивал мой ответ не менее минуты. Потом изрек:

— Смотри не балуй его. Пусть делает все, что делаешь ты. Поручай ему самое трудное. Не давай никаких поблажек. Не вздумай угощать сладостями. Разговаривай как со взрослым. Что бы ни сделал, не хвали. В общем, веди себя как аталлык, раз уж он бегаёт за тобой.

Аталлык — воспитатель у адыгов. Конечно, дед и сам мог бы быть отличным аталлыком, но уж слишком он был молчалив. И еще одно — знаток обычаев и правил этикета, он отстал от быстро текущей жизни, не был знаком с литературой и искусством, а современные мальчишки болели будущим и мало интересовались прошлым. Темиркан отлично понимал это, немного ревновал меня к своему любимому внуку, но поделаться ничего не мог. Но я и виду не подал, что догадываюсь о том, что происходит в душе старика. Более того, я сказал, что Темиркан зря беспокоится: о чем с Алием ни заговори, он все время ссылается на слова деда. Дед делает так, дед сказал так, дед считает, что это неправильно...

Лицо Темиркана прояснилось, даже некоторые морщинки разгладились.

— Смотри... — не выдержал он. Но тут же спохватился. — Что он там плетет и приписывает старшим? Не вздумай принимать это за чистую монету, мальчишки любят хитрить. Я-то их насkozó вижу, а ты еще молод, да и вообще... писатель...

Так шутивно закончил Темиркан серьезно начатый разговор. И вот промелькнули школьные годы, Алий принят в институт. Что же ему еще нужно от деда Темиркана?

— Правила мне нужны, Киримизе, вот что. Я хочу, чтобы школьная бригада получила в наследство от него его мудрость. А он не желает публично выступать.

— Ты хочешь, чтобы я уговорил его? Не берусь, это и мне не по зубам.

— Знаю... Я хочу, Киримизе, чтобы ты помог мне разыграть деда.

Тут я вспомнил о своих аталлыкских обязанностях.

— Ты это оставь, — строго сказал я. — Что скажет Темиркан? Вот, скажет, доверился этому бумагомараке, а что из этого вышло? Ты небось в своем розыгрыше и мне определенную роль отвел?

Алий красноречиво молчал.

— Все, забыли об этом, — заключил я. — Не позволю обижать старика.

— Да ведь он не прав.

— Ну и что? Он имеет право быть неправым.

— Значит, пусть пропадают его наставления? Все, что он знает, уйдет с ним навсегда, ничего не останется? Ради коллектива, мне кажется, можно и разыграть старика. Ты сам, кстати, когда-то спорил с моим отцом насчет его непомерной скромности. И убедил. На праздники он теперь надевает китель с орденами и медалями. А розыгрыш будет совсем безобидным, когда дед все узнает, он сам посмеется.

— Что же ты предлагаешь? — не совсем последовательно спросил я.

Алий изложил свой план.

— Ты в какой институт поступил? — осведомился я, выслушав его.

— Ты что, забыл? В сельскохозяйственный!

— Надо было тебе идти по дипломатической части. А агроному лучше обходиться без хитростей.

Алий понял меня правильно.

— Значит, приедешь?

— Если будет время... Надеюсь, что никаких дополнительных подвохов не будет?

— Ни шагу за рамки плана...

В назначенный день я оказался в ауле. Уже через час встретился с отцом Алиа, Аледжукком. Поговорили о том о сем, как положено. Вдруг Аледжукк заулыбался:

— Ты, дорогой, не попадайся на глаза деду, он зол на тебя.

— Могу узнать, в чем дело?

— Глупости. Я объяснил ему, что ты не виноват, а он ничего знать не желает. «Нахватался, говорит, этот сорванец у писателя и ведет себя черт знает как».

— Что же он вытворяет?

— Да вроде ничего особенного, но деда коробит от всякой малости. Конечно, и я не привык к городскому тону, но у меня нервы крепче, вот в чем дело, Киримизе. Увижу, что сын не так ведет себя, спелю зубы и молчу. А дед не

выдерживает — уходит. Откуда это у него? За столом стал громко разговаривать, как-то даже деда перебил. Не съев одного куска, потянулся за другим. Стол у нас немного шатается. И что же он устраивает? Берет кусок хлеба, мякоть вытаскивает, а корку запихивает под ножку стола. Приходи вечером, сам полюбуйся. Парня просто не узнать. Я понимаю, что ты ни при чем, но дед все в сторону вашего дома поглядывает. Во время ужина садись на всякий случай подальше от него. Но приходи обязательно.

Это была ценная информация. Она свидетельствовала, что пока все шло по плану, намеченному Алием. Дед уже накалился и готов был на все. Значит, оставался ужин.

Я, как и было условлено, немного припоздал. Заметив меня, Алий заорал во весь голос:

— Э, опоздал! Нехорошо... Штрафную ему, штрафную!

Дед приподнялся, но тут же сел на место. Выдержке его можно было позавидовать. Уж я-то не совладал бы с собой при таких обстоятельствах. Алий вел себя развязно и, кажется, даже немного переборщил. Но зато после ужина дед сказал ему:

— Если у тебя найдется минутка...

— Найдется, дедушка, найдется, — перебил его Алий. —

Даже две. Что же дальше?

— Тогда пойдем со мной, я хочу сказать тебе кое-что. Я был бы рад, — повернулся Темиркан ко мне, — если бы и ты пошел с нами, Киримизе.

По дороге во флигель, где обитал дед, Алий заскочил к себе и прихватил магнитофон. Когда мы с Темирканом уселись, он сказал:

— Может, дедушка, сперва послушаем Лили Иванову? — Он включил магнитофон.

— Прошу тебя, успокой эту штуку, — сказал Темиркан. — Выслушай меня. Обычно такие вещи говорят без посторонних, но Киримизе — не чужой. Как твой аталлык, он тоже может послушать то, что я скажу. Не возражаешь, Киримизе?

Я кивнул, а Алий выключил музыку.

— Адыги говорят, что корова теленка не ударит ногой. Я тоже желаю тебе добра. И мне будет больно, если люди из-за твоего неправильного поведения тебя не будут уважать. До сих пор я считал, что ты набрался ума-разума, а что увидел после твоего возвращения из Краснодара? Видно, ты забыл, что живешь среди людей.

— Что же я такого плохого сделал, дедушка? — удивился Алий.

— Плохо то, что ты поступаешь скверно, а еще хуже, что не замечаешь этого. Потому я позвал вас сюда. Не обижайся, скажу, что думаю. А ты запоминай.

— Говори, дедушка, я все запомню, — очень серьезно пообещал Алий.

— Верю. Человек должен помнить, что живет он среди людей, должен с ними считаться, уважая порядок. Когда стало известно, что тебя приняли в институт, мы пригласили гостей — для нас это большой праздник, ведь в нашем роду еще не было людей с таким высоким образованием. Но это не значит, что ты самый главный. А что ты устроил? Первым занял самое почетное место. А на нем должен был сидеть мой ровесник Кадырбеч. Правда, ты исправил ошибку, но не сам — твой отец позвал тебя, а я усадил Кадырбеча как положено. Потом, когда ты сел на другое место, ты сразу же достал из кармана папиросы и нахально закурил. Этого делать нельзя. Лучше за столом вообще не курить, но в крайнем случае следует попросить разрешения старших. А как же иначе? Дальше. За столом начался разговор. Вместо того чтобы слушать, ты, перебивая всех, стал рассказывать об экзаменах. И при этом размахивал руками, хвастался своими знаниями. Воспитанный человек этого бы не сделал. Поступил — и ладно, стоит ли об этом так много толковать!

— Согласен, — проговорил Алий. — А что еще тебе не понравилось?

— А как ты ел? Правда, ты не в гостях, а дома, но разве можно хватать куски? Ешь спокойно, всем всего хватит, не показывай, что ты жаден, ведь ты таким никогда и не был. А с этим хлебом... Как ты мог додуматься до того, чтобы сунуть хлеб под ножку стола? Да ты этим самым дал пощечину своему отцу, который этот хлеб вырастил. Такой поступок — беспредельно обиден, так с хлебом может поступить только тот, у кого черствое сердце. Никогда не принай хлеб, который дает человеку жизнь.

Дед умолк, достал папиросу и закурил. Бросив выразительный взгляд в мою сторону, он продолжал:

— Уж не знаю, кто тебя так воспитал, но ты и в других случаях поступал неправильно. Помнишь, принесли воду? Что ты сделал? Взял кружку и стал пить. А как надо было поступить? Спросить старших: «Есть ли среди вас желающие попить?» А ты не подумал об этом. Выпил всю воду и сунул

пустую кружку пожилому соседу под нос. Есть, между прочим, тоже надо уметь. Не зря же наши старики говорили, что глупого человека живот ославит. Если с тобой за столом сидит старший, не начинай есть первым, жди, пока он выберет то, что ему понравится. Если твой сосед допустил за столом какую-либо оплошность, что-то уронил, запачкал скатерть или еще что-нибудь, не замечай этого, веди себя так, будто ничего не случилось. И не гляди, как едят другие. Из общего блюда бери то, что лежит сверху, не ковыряйся, не пытайся добыть кусок снизу. И не чавкай, это неприятно окружающим.

— Мне кажется, — воспользовавшись паузой, вставил Алий, — что ты, дедушка, приписываешь мне и чужие грехи.

— Я не говорю, что все эти оплошности допускал ты. Но раз ты не знаком с одними правилами, можешь не знать и других, поэтому я выскажу все, что у меня на душе, а ты запомни. Ведь тебе придется сидеть за столом и в гостях. Прежде, чем приняться за еду, посмотри, мой внук, сколько на столе еды и сколько человек сидит за ним. Выяснив это, соответственно и веди себя. «Малая пища плохо идет», — говорили наши деды. И это так. Ведь может случиться, что хозяин не ждал гостей или накануне у него другие гости были. Он ставит на стол все, что имеет, но этого мало. В таком случае следует проявить такт и человечность. Если ты не наелся, не показывай этого, хозяина нельзя обижать. И, конечно, потом не злословь, это у нас считается плохим признаком, вернее, признаком плохого человека. Люди избегают таких гостей.

Ты скоро начнешь жить самостоятельно, поэтому заодно уж скажу и о том, как надо вести себя при гостях. Не вставай из-за стола, пока гость не кончил есть, он подумает, что пора уходить. Не говори за столом о ценах на продукты. Если у тебя гость, не груби членам своей семьи, не выказывай свой норов. Гость может вспомнить поговорку: «Нежеланного гостя обливают холодной водой» или «Иной гость красивее сзади».

Незаметно для себя Темиркан перешел и к другим вопросам поведения — как вести себя на улице, с товарищами, как поступать в тех или иных затруднительных случаях, как оказать уважение женщине. Потом вдруг спохватился.

— Ладно, хватит, — оборвал он себя. — Если ты, мой внук, запомнишь хоть половину, и то я буду рад.

— Дедушка, — ответил Алий, — кто же в двадцатом веке надеется на свою жалкую память? Твои дорогие слова я

записал на ленту и буду повторять, когда мне вздумается. А если ты позволишь, я прокручу эту ленту, когда буду прощаться со своей бригадой. Ведь я обещал им, что ты выступишь перед нами, а ты отказался. Теперь я буду лжецом только наполовину: тебя они не увидят, но голос твой услышат.

Темиркан усталился на магнитофон, который тут же начал дотошно повторять все то, что он только что сказал внуку. Момент был критический — дед мог и рассердиться. Но у него хватило чувства юмора, чтобы правильно все оценить. Покачивая головой, он сказал:

— Внук есть внук, что с него возьмешь. Свистун. А тебя, Киримизе, я когда-то давно, когда ты забрался в наш сад, зря пожалел. Надо было хорошенько отделать крапивой, это бы пошло тебе на пользу. Ну, скажи, чем ты отличаешься от этого сорванца? Нет, не говори сразу, бухнешь какую-нибудь челуху. Подумай хорошенько, потом скажешь.

Вот и думаю сейчас над этим каверзным вопросом. Но ответа не нахожу. Да и важно ли это? Был у меня друг — мальчишка Алий. Теперь его нет. А станет ли другом Алий-студент? Не знаю. Поэтому и веселый рассказ дописываю с грустью.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

ождение человека в ауле — всеобщий праздник. Счастливая семья не меньше недели находится в центре доброжелательного внимания. Отец и мать, бабушка и дедушка, а также вся многочисленная родня принимают поздравления земляков и держат двери своих домов нараспашку.

На торжество, устраиваемое по такому случаю, съезжаются родственники со всех концов земли советской. На моей памяти сохранился лишь один случай, когда дядя новорожденного не прибыл по такому поводу в аул. Но у него имелась для этого весьма уважительная причина, так сказать, твердое алиби — он находился в то время в Антарктиде.

Но как-то так получилось, что появление внука в доме Тлибежуковых вызвало небывало широкий резонанс. Особых причин для этого не было, и я отношу

это за счет стечения различных непредвиденных обстоятельств.

Первое из них — дед новорожденного, Аскер, замечательный кузнец. А поскольку дедом он стал зимой, в самый разгар ремонта сельскохозяйственной техники, в его услугах нуждались очень многие. Каждый заходивший в кузницу с просьбой прежде всего нахваливал кузнечное дело и желал ему развития в еще более широких масштабах. Лишь после этого оратор излагал свою маленькую просьбу: отковать ту или иную деталь для трактора или плуга, а то и для культиватора или сеялки.

Аскер, сыновья которого подались кто в механизаторы, кто в учителя, в глубине души лелеял надежду, что ему удастся как-либо приохотить к своей «непрестижной» профессии внука. Поэтому шитые белыми нитками комплименты своих клиентов он воспринимал с восторгом и, чтобы выполнить все обещанное в срок, не отходил от наковальни ни днем ни ночью.

Имелось и второе обстоятельство, не менее важное. Гошенаф, бабушка новорожденного, все еще работала на ферме. Много лет она была дояркой, а когда в коровнике смонтировали немецкую импульсную доильную установку, уступила свое место невестке, а сама перешла в телятницы. Все знали, что Гошенаф гордилась своей прежней работой, была награждена за нее медалями, и, поздравляя ее с внуком, сожалели, что родилась не внучка.

— А то бы, — добавляли они, — тоже стала замечательной дояркой.

Эти сердечные слова Гошенаф встречала совсем не так, как ее муж Аскер. Более того, невинные пожелания подружек вызывали у нее едва скрываемое раздражение.

Все объяснялось в высшей степени просто: Гошенаф, как и всякая современная бабушка, давно уже определила будущее внучки. Своей профессией она, разумеется, гордилась, но считала, что наступило совсем другое время. Управиться с доильной установкой может каждая, а ее единственная внучка должна стать детским врачом. Педиатром. Это словечко она вычитала в «Советах молодой матери» и потратила не один час, чтобы научиться произносить его быстро и правильно: должна же бабушка точно знать, кем работает ее внучка: пе-ди-а-тр-рр...

Ею был предусмотрен и тот случай, ежели появится на свет не внучка, а внук. И ему была уготована не менее увлекательная карьера — внук должен стать ученым. А по-

чему бы и нет? Один в ауле уже имелся. Правда, он проводил основное время где-то на самом краю земли, в Антарктиде, но Гошенаф не собиралась засылать мальчишку так далеко. Ее внуку найдется место среди ученых в Москве или Майкопе! В Майкопе даже лучше — все будет зримо чувствовать ее причастность к науке.

Поскольку судьба внучки и внука была твердо определена, Гошенаф немного раздражало некоторое несоответствие пожеланий подружек с ее замыслами. А однажды одна из доярок, высказав сожаление о том, что родился внук, а не внучка, добавила:

— Не расстраивайся, Гошенаф, будет хорошим кузнецом твой внук...

Только аллах знает, сколько сил понадобилось мужественной Гошенаф, чтобы оставить ту реплику без ответа! Она лишь покраснела, что-то пробормотала и занялась своими телятами.

«Кузнецом будет!»! — в сердцах повторяла она про себя, заливая в кормушки поило. — Как бы не так. Ученым будет Аслан, вот кем он будет! Ишь ты, Тлевцежев — ученый, а Тлибежуков — кузнец...»

Но если на ферме Гошенаф сумела проявить необходимую выдержку, то дома она только и ждала момента, чтобы выплеснуть все, что накопилось у нее на душе за долгие часы вынужденного молчания. Разумеется, лучшим объектом для разрядки внутренней напряженности был ее муж: Аскер обычно с добродушной улыбкой выслушивал все, что бы она ни несла. Он посасывал трубку и изредка кивал головой. При этом он думал о том, как лучше взяться за изготовление детали к трактору «Т-150». Хитрая штука, шайтан бы ее побрал, но не ждать же, пока завод пришлет новую.

В тот вечер, когда Гошенаф с особым нетерпением ждала мужа, Аскер, наобещавший механизаторам слишком много, засиделся в кузне почти до полуночи. Когда он вошел в дом, жена встретила его «короткой очередью», как определил про себя он сам.

— Работенку выбрал себе... Ни днем ни ночью покоя нет. Кузнец — как козел отпущения...

Аскер, по обыкновению, промолчал. Умывшись, сел за стол.

— Знали бы люди, что это за профессия, — продолжала между тем жена, погромыхая посудой, — не желали бы ее не только моему внуку, но и своим врагам.

Вот тут-то слово жены и высекло искру. Сама того не ведая, Гошенаф задела самое больное место мужа — вопрос о том, кем будет внук, вопрос, решенный Аскером окончательно еще много месяцев назад.

— Что ты там бормочешь о внуке? — осторожно осведомился он, набивая рот пшенной кашей.

— Да вот то и бормочу, — немедленно откликнулась Гошенаф, — что только дураки желают, чтобы Аслан стал кузнецом. Уж я этого не допущу ни под каким видом. Разве не ясно, кем станет этот славный мальчишка? Он будет ученым! Большим ученым! С ним будут советоваться даже в правительстве.

— А чем тебе не нравится специальность кузнеца? — справившись с кашей, осведомился Аскер. — Слава аллаху, живем неплохо. Заказы мне привозят даже из Джиджихабля, хотя там своих кузнецов хватает.

— Чтобы Аслан задышался в дыму, приходил домой потевший и грязный? — вскинулась Гошенаф. — Этому не бывать! Не пойдет внук по твоим стопам, не дождешься этого.

В другом случае Аскер уже давно отошел бы на заранее подготовленные позиции, то есть пошел бы отдыхать, — что спорить с женщиной? Но тут речь шла о будущем не только их семьи, но и его прославленной профессии. И он, отложив куриную ножку, произнес короткую речь. Суть ее сводилась к тому, что работа кузнеца принесла счастье его семье, славу их роду, пользу колхозу.

— Если бы это было не так, — выдохнул он в заключение, — стало бы государство давать мне два ордена? Скажу тебе от всей души — если бы мне довелось увидеть нашего внука кузнецом, я бы подбросил свою шапку так высоко, что она бы уже никогда не вернулась на землю.

Сообразив, что зашла в споре слишком далеко, Гошенаф проворчала:

— Ладно, герой, кушай, а то последние силы потеряешь. Ни ты, ни я не знаем, кем будет наш внук. Вот подрастет, и сам все решит... Ждать недолго.

Аскер, ухватив куриное крыло, согласился:
— Вот именно... Посмотрим, кто из нас посмеется последним.

Тут необходимо небольшое разъяснение. Говоря о том, что внук «подрастет» и сам выберет себе профессию, Гошенаф вовсе не имела в виду те далекие туманные дали, когда Аслан окончит школу и сядет за изучение списка высших

учебных заведений страны. Спокойные и выдержанные адыги, предусмотревшие еще в древности все, что потребуется человеку, позаботились и об этом. По обычаю ребенку самому предоставляется возможность определить свою судьбу, самостоятельно выбрать профессию еще в тот момент, когда он только начинает ходить. Именно этот веселый и трогательный обычай и имела в виду Гошенаф, упоная на сообразительность внука. На это же надеялся и Аскер.

Прошло еще несколько месяцев. Как-то вечером, незадолго до Нового года, Аскер затемно возвратился из кузни. Уже на пороге, услышав шум, понял, что случилось что-то особо важное.

— Он пошел!.. — сообщил выскочивший в переднюю Тембот, отец Аслана. — Ты слышишь, он пошел...

Из кухни выбежала Гошенаф.

— Пошел... — пропела она. — Ты бы посмотрел, как он смешно топает...

Сердце кузнеца радостно забилось. Помолчав, чтобы успокоиться и не ляпнуть сгоряча лишнего, он произнес традиционное «с аллахом» и добавил:

— Под Новый год можно устроить «выбор профессии». Возражений не было, и все, каждый по-своему, стали готовиться к необычному семейному торжеству. Деятельное участие могли в нем принять любые, даже самые дальние родственники, а присутствовать — все желающие.

В те дни я как раз гостил в ауле и, по обыкновению, заглянул к Аскеру на кузню. Несмотря на мороз, дверь была распахнута настежь.

— Выдам тебе, дорогой, свой секрет, — зашептал Аскер, хотя поблизости никого не было. — Помнишь, я тебе рассказывал о том, что все наши пытаются сбить малыша с пути. Под Новый год у нас «выбор профессии», приходи, увидишь, какой я им сюрпризик устроил. Смотри...

Он достал из дальнего уголка сверток. В нем были маленький медный молоточек и такая же, надраенная до золотого блеска, наковальня. Игрушки можно было отправлять на выставку.

— Как думаешь, потянется? — радостно спросил Аскер.
— Твое дело в шляпе, — подтвердил я, любуясь редкими по красоте изделиями земляка. — Такие и в областном музее могли бы красоваться.

— Зачем нам музей, — отмахнулся Аскер. — Тут дело посерьезней... Думаю, что на столике ничего более привлекательного не окажется.

Должен сделать еще одно отступление, специально для русского читателя. «Выбор профессии» происходит следующим образом. Отец, мать, бабушка, дяди и тети, другие родственники готовят к этому дню игрушку или предмет, как-то символизирующие профессию, которую они прочат малышу. К примеру, катушка ниток — швея или портной, молоточек — кузнец и так далее. В прежние времена, когда выбор будущих увлечений был весьма ограниченным, родственники довольно легко находили или изготавливали игрушку, выражавшую их пожелание. Все, что они приносили, устанавливалось на краю маленького низенького столика. Малышу предоставлялась возможность полюбоваться содержимым столика, так сказать, определиться. Потом его пускали к игрушкам. Вещь, которую он выбирал, и решала спор о том, кем он станет в будущем. Вот для такого испытания и подготовил кузнец свою чудо-наковаленку.

Вечером, накануне Нового года, я, конечно, заглянул к Глибежуквым. Аскер провел меня в комнату, где стоял столик с загодя заготовленными игрушками. Чего тут только не было! Бабушка, целый день рыскавшая по майкопским магазинам, у самого края положила книжонку с ярко раскрашенной обложкой. Путь к профессии ученого, рассудила она, лежит через книги. Отец Аслана купил сверкающий эмалью игрушечный трактор, а Мерем, мать малыша, — губную гармошку, — она желала, чтобы ее сын стал музыкантом. Один из дядей принес крошечный фонендоскоп, а другой — заводную легковую машину черного цвета, символизировавшую, по его мнению, «должность ответственного работника». Было тут немало и других игрушек.

Разглядывая содержимое столика, Аскер подмигнул мне. Это означало, что ничего лучше его молоточка и наковальни он обнаружить не мог при всем старании. Я ответил понимающим кивком, и мы отправились в комнату, где уже был накрыт другой стол, побольше. «Выбору профессии», как водится, предшествовал обильный ужин.

После ужина состоялся предварительный осмотр маленького столика всеми присутствующими — каждый должен был лично убедиться, что все предметы на нем выставлены справедливо, ни один не выпирает, ни один не задвинут подальше. После некоторых споров была чуть-чуть отодвинута от края книжка, ближе поставлен трактор.

— Подведите мальчика к столу! — скомандовал Аскер. Воцарилась необыкновенная тишина. Затаив дыхание,

взрослые ждали выхода малыша. В душе каждый напутствовал Аслана, желая, чтобы детская ручонка коснулась заготовленного им подарка.

Наконец дверь смежной комнаты раскрылась, и Мерем подтолкнула ребенка к столику. Тут к нему подошла бабушка. Она запела речитативом:

— Топ-топ, мой топтыжка, топай, топай, мой малыш. Вот и столик тебя ждет. Посмотри на подарки, что тебе приглянется... Топ-топ, мой топтыжка, топай, топай, мой малыш...

У Аслана загорелись глазенки. Он качнулся в сторону столика, чуть пошатнулся, но удержался на ножках и вразвалку, не спуская глаз с игрушек, пошел вперед.

Никто не проронил ни звука: мы, признаваясь, и дышать боялись, заинтригованные нехитрым, но волнующим ритуалом.

Малыш наконец оказался на расстоянии вытянутой ручки от столика, прямо перед ним лежала бабушкина книжка. Гошенар подалась вперед, губы ее что-то шептали. Наверняка «бери, бери».

Но ребенок книжку не взял. Ручонка его опустилась, и он потопал дальше. Потянулся было к трактору, и глаза отца сразу засияли...

Но малыш снова опустил ручонку. Глазенки его забежали и остановились на отливавшей золотом наковальне. Еще несколько шажков, и он протягивает ручки к предмету, над которым не один день корпел его дед. Аскер притих, загал дыхание. Вот ручонка малыша повисла над медными игрушками, вот дотронется до них...

И тут снова глазенки стали шарить по столу, ребенок на что-то нацелился и довольно решительно потопал к избранному предмету. Еще минутка, и он уверенно снял со стола пятнистую коровенку и прижал ее к груди обеими ручками.

Все зааплодировали, а один из дядей Аслана, купивший эту игрушку в аульском универмаге, радостно рассмеялся.

Явно разочарованная, бабушка ушла на кухню, а более выдержанный Аскер, стараясь не показать, что он чем-то недоволен, снова позвал всех к столу. Когда гости уселись, он сказал:

— Теперь пусть выскажется Сафер. Что он имел в виду, выставляя этого бугая? Кем, по его мнению, должен стать мой внук?

Сафер, не обращая внимания на некоторую передержку в речи отца, неточно определившего пол его парнокопытного, ответил, что ему хотелось бы, чтобы его любимый племянник Аслан, дай аллах ему много-много лет жизни, стал зоотехником или ветврачом.

— А чем плохо быть механизатором? — возразил второй дядя новорожденного, Тембот. — Нашел веселое занятие — коровам клизмы ставить... Несерьезно как-то...

— А музыкантом... — заикнулась было Мерем, но ее перебил дядя, принесший фонендоскоп:

— Тоже скажешь — музыкантом... Может, еще барабанщиком?.. Нет лучше профессии врача: не выжил, так умер, а умер — в книгу жалоб не напишет. — И он громко расхохотался.

Воспользовавшись паузой, инициативу в разговоре захватил один из гостей, небезызвестный в аule Гумзаг, — человек, славившийся своей рассудительностью.

— Друзья мои, — сказал он. — Не расстраивайтесь, что ребенок не вытянул ваш подарок. В наше время неуважательных профессий нет. Допустим, что он действительно станет животноводом. Посмотрите, сколько тут у него возможностей, если профессия зоотехника ему понравится. До аула доходят вести о том, что наши ученые выводят новые породы коров. Разве будет плохо, если Аслан выведет новую породу, у которой молоко будет восьмипроцентной жирности? Или вес ее составит семьсот килограммов.

— Тогда он станет ученым, — воскликнула возвратившаяся из кухни бабушка.

— Вот именно. Или пойдет по другому пути — станет руководителем крупного молочного комплекса. А?

Все заулыбались.

— Или, — продолжал Гумзаг, — станет лучшим мастером машинного доения, будет получать призы на конкурсах.

Мать малыша расплылась в улыбке.

— Раздумывая обо всем этом, — добавил в заключение Гумзаг, — мы не должны забывать, что время идет вперед. Когда мне и моим сверстникам приходилось выбирать профессии, мы и понятия не имели о том, что когда-нибудь появятся механизаторы. Но мы стали ими. А когда выбирал профессию дед Асланчика, он не мог знать, что появятся космонавты, и стал кузнецом. Но когда над этим вопросом придется всерьез задуматься самому Аслану, может быть,

уже будут такие профессии, о которых мы сегодня ничего не знаем. Поэтому есть предложение.

На лицах хозяев и гостей появились выжидательные улыбки.

— Есть предложение, — закончил Гумзаг, — давайте пожелаем малышу, чтобы он рос здоровым, крепким и смелым. И тогда в свое время он выберет себе профессию по душе. Уверен, что она понравится и бабушке с дедушкой, и отцу с матерью, и всем нам.

По праву хозяина Аскер ударил своим медным молотком о медную наковальню. Мелодичный звон разлился по комнате.

— Кланяюсь тебе, Гумзаг, — сказал Аскер, — за твою мудрость. А сейчас напоминаю: приближается Новый год. Пусть же будет он таким же радостным, как минувший. Мы поднялись с наполненными бокалами.

СЧАСТЛИВАЯ ПРИМЕТА

верите ли вы в приметы?

Думается, что на этот, казалось бы, очень простой вопрос не каждый ответит сразу, и далеко не всегда ответ будет категоричным. Более того, человека, который, не задумываясь, выкрикнет бодрое «нет» и станет доказывать, что верных примет не существует, я могу заподозрить в неискренности или, простите за откровенность, в ханжестве.

Лично я поостерегся бы от такого категорического отрицания уже хотя бы потому, что примета приметам рознь. Вера в черную кошку — разумеется, от лукавого, а вот ныть в поясице может кое-что означать и подсказать. Цифры «13» или «7» — от кабадистики, а вот багровый закат или птичий переполох при поднимающемся ветре — дело особое.

Есть и кое-что сугубо личное в восприятии самых простых фактов. Я, например, уверен, что встреча с неприятным мне человеком не пройдет для меня бесследно, — она надолго испортит настроение, снизит работоспособность, оставит в душе мутный осадок. И наоборот, увидев идущего навстречу человека, пусть даже незнакомого, на лице которого написана доброжелательность, и сам настроишься по-доброму, повеселеешь, приободришься. И нет в этом ни-

какой мистики, психология дает таким фактам научное толкование.

Все эти мысли пришли мне в голову после утренней встречи с Зачерием Тлебзу. Я вышел из дому, удрученный неприятным известием, на сердце словно камень лежал. Прошел с полквартила и увидел спокойно шагавшего навстречу Зачерия — невысокого, худощавого, подтянутого, словно юноша, человека, хотя голова его будто инеем обсыпана. Видимо, и морщин на его лице немало, но они, как льдинки на солдцепеке, казалось, таяли в лучах его дружеской улыбки.

Подойдя поближе, Зачерий приложил руку к груди, слегка кивнул головой; глаза его лучились теплотой. Этот взгляд в сочетании с уважительной позой как бы говорил: «Оглянись вокруг, человек, и ты увидишь, как хороша жизнь, поймешь, что неприятность, которая сейчас омрачает твое чело, не так уж велика по сравнению с радостью бытия».

Быть может, другой расшифровал бы улыбку Зачерия и его взгляд по-своему, иными словами, но смысл, уверен, не изменился бы.

Ответив на приветствие, я почувствовал, что встреча эта что-то перевернула в моей душе, у меня вдруг возникла твердая уверенность, что все окончится благополучно, что неприятность не так уж велика и не стоит того, чтобы из-за нее так расстраиваться.

Думая о Тлебзу, неожиданно стал размышлять о том, как могла у нас в ауле появиться такая фамилия? По-адыгейски «бзыу» — «птица», а три буквы «тле» — означают «мужчина», «человек», можно перевести и так, и этак. И просто: «человек — птица»; и более образно: «крылатый человек»; и иносказательно: «человек, любящий птиц».

Удивление мое вызывало не сочетание букв, а совпадение невероятного, парадоксального, — Зачерий Тлебзу не только любил птиц, но и держал их в своем доме, чем накликал на себя гнев строгих приверженцев шариата, согласно догмам которого правоверный не имеет права заводить никаких пернатых, кроме, разумеется, кур и индюшек. Да, есть у мусульман и такой запрет.

С молоком матери каждый из нас усваивает всяческие «можно» и «нельзя». С детства я знал, что держать птиц в доме не полагается, что птица в доме — позор для семьи, так же как свинья.

Долгое время у меня не было причин ставить эту мусуль-

манскую догму под сомнение, она как-то уживалась с теми новыми понятиями о различных областях жизни, которые я осваивал. Многие отпадало само собой, а вот до птиц дело не доходило. Видимо, не было подходящего повода, толчка, что ли. Нельзя так нельзя. Меня эта проблема несколько не беспокоила.

И не начала бы беспокоить, не оказался я в годы войны в госпитале в небольшом русском городке Каменске. Этот тихий уютный городок был заселен добрыми, отзывчивыми людьми, готовыми поделиться всем, что они имели, — а имели они крайне мало, — с незнакомцами, переполненными просторные светлые палаты. Врачи, сестрички, нянечки, не смотря на невероятную, хроническую усталость, относились к раненым так, словно каждый из нас приходился им отцом, братом или сыном.

Из персонала госпиталя мне особенно запомнился молодой хирург Юрий, оперировавший меня. Он не только работал почти круглые сутки, но и ругался с военкомом, почему-то не желавшим отправлять его, хирурга-окулиста, на фронт. Юрий с уважением глядел на людей, раненных в боях, всячески старался облегчить их страдания и строчил рапорт за рапортом в различные военные инстанции. Случайно узнав, что я пишу стихи, Юрий стал приносить мне книги из своей домашней библиотеки — Фета, Аксакова, Блока, Есенина, Маяковского. Однажды, когда я уже разгуливал среди выздоравливающих, он, немного смущаясь, пригласил меня к себе домой.

Приглашение хирурга — за глаза его все любовно называли Юрочкой — застигло меня врасплох. Признаюсь, до того мне никогда не приходилось бывать дома у русских товарищей — уж как-то так сложилась моя жизнь: аул, общежитие Адыгейского педагогического училища, вслед за ним студенческое общежитие пединститута, потом казарма танкового училища, палатки, землянки, блиндажи... И наконец, мой предпоследний дом — танк «Т-34», столкнувшийся где-то в Донбассе с немецким броневой снарядом, танк, из которого меня вытащили боевые друзья. Теперь вот эта светлая палата. Как встретят меня в чужом доме, как посмотрят на солдата-«нацмена» с недолеченными ранами и черной повязкой на глазу.

Эти сомнения, надо думать, отражались у меня на лице. Заметив, что я колеблюсь, и отгадав причину колебаний, Юрочка добавил:

— Дома у меня одна мама, она уже знает о тебе, рада

будет познакомиться. Да еще — книги, много книг, их собирали дед и отец...

И я согласился.

Мать Юрочки, еще не старая женщина в черном платье, усадила нас за стол, собираясь напоить чаем. Расставляя чашки, извинялась, что не может принять гостя как подобает.

А я глядел на стены комнаты, заставленные полками и стеллажами с книгами, глядел во все глаза, мне хотелось каждую книгу пощупать, раскрыть, полистать.

Вдруг какой-то странный, неестественный для комнаты звук, напоминавший птичий щебет, отвлек мое внимание. Прислушался, сомнений не оставалось: в комнате пела птица. Не веря собственным ушам, огляделся. На стене у окна висела ажурная клетка, довольно просторная, сплетенная из тонкой проволоки. На жердочке посреди клетки устроилась синичка-лазоревка. Чувствовала она себя, видимо, неплохо, — поглядывая на нас черными бусинками глаз, щебетала, развернув веером свой длинный пестрый хвост. Да, это была обыкновенная лазоревка, каких я немало встречал в наших лесах, в рощах, даже в собственном саду. Но в комнате! Для меня, воспринимавшего тогда все на свете с колокольни адыгейских обычаев и традиций, птица в квартире, в человеческом жилище означала нечто чрезвычайное, невероятное.

Вынужден повториться: у адыгов не принято держать птиц в неволе, в доме адыга клетка с птицей немыслима. По наивности я полагал, что обычаи адыгов общечеловечны, если можно так выразиться, был уверен, будто запрет держать птиц дома — не адыгейская выдумка, а закон, почитаемый во всем мире. По наивности я тогда полагал, будто нарушить этот закон может только плохой человек. Вот так сработал во мне воспитанный с детства предрассудок.

Вместе с тем я хорошо знал, что хирург Юрий — душевный, хороший человек. И в доме он вел себя достойно — с уважением обращался к матери, внимательно слушал все, что она говорила. Подарил мне несколько прекрасных книг.

Я не знал, что думать. С одной стороны, отличные люди, с другой — держат дома птицу. Как это совместить?

Слушая рассказ Юры о его спорах с военным комиссаром, я то и дело бросал удивленные взгляды в сторону лазоревки, которая самозабвенно щебетала, заливалась так,

будто сидела на ветке клена. Это заметила мать Юры. Но истолковала по-своему. Когда мы допили чай, она проговорила:

— Вы, очевидно, тоже любите птиц. Юра, покажи гостю канареек.

Юра повел меня в другую комнату. Там в еще более просторной и красивой клетке прыгали две пташки — одна побольше, ярко-желтая, с разноцветным оперением, как оказалось, кенар, и другая поскромнее — его подруга.

— До войны, — с гордостью пояснил Юра, — у нас было много певчих птиц, ими отец занимался, а я лично приручил скворца. Он выучился говорить «Юра», честное слово. Вполне осмысленно — когда я входил, он выкрикивал: «Юра», «Юра»...

— А разве это можно, — вырвалось у меня, — держать птиц дома?

Чуть было не ляпнул, что это грех.

Уклонившись от прямого ответа, Юра стал рассказывать, как его отец обучал канареек. Вдруг умолк, тяжело вздохнул.

— Извини, — после паузы чуть слышно выговорил он. — Скоро год, как прибыла похоронка, а я все смиряться с этим не могу. И на фронт не пускают...

Наступила неловкая пауза. Чтобы отвлечь хозяина, я стал рассказывать о своем друге, адыгейском поэте Хусене Андрухаеве, которому за подвиг, совершенный под Ворошиловградом, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В госпиталь возвращались вместе — Юра проводил там почти круглые сутки. Когда вошли в вестибюль, он неожиданно спросил:

— Никак не пойму, что ты имел в виду? Почему нельзя держать птиц дома? Все думаю над твоими словами и не нахожу ответа.

Я покраснел, словно был уличен в чем-то нехорошем. Да оно и впрямь скверно — делать замечание хозяину в его собственном доме. Стал путано объяснять почему, но сбился — ведь я этого не знал — и в заключение сказал, что в аулах это не принято.

— А, в аулах... — обрадовался чему-то Юра. — Это, очевидно, связано с кораном, там много разных запретов. У нас, у русских, большие расхождения с кораном. Ваша религия запрещает держать в неволе птиц, но этот запрет не распространяется на женщин. А у нас... Помнишь Есенина:

«Мы в России девушек весенних на цепи не держим, как собак, поцелуям учимся без денег, без кинжальных хитростей и драк»...

Мне стало стыдно, что я полез со своими ветхозаветными догмами к человеку, который более образован, кругозор которого значительно шире моего. Случай этот запомнился на всю жизнь. Потом мне не раз приходилось бывать в гостях у русских товарищей, державших дома самых разнообразных птиц — зябликов, щеглов, дроздов, снегирей, овсянок, чижей, клестов и, конечно, канареек; посещал и птичьи базары, и, скажу откровенно, не раз возникало желание завести себе певунью-канарейку. Но останавливала мысль: что подумают земляки?

Да, нужно быть бунтарем, чтобы поступить наперекор принятым обычаям, поплыть против течения, противопоставить себя чему-то общепринятому. Пусть даже и устаревшему, противоестественному.

Что подумают земляки? Этот вопрос останавливал многих в самых разнообразных начинаниях. А Тлебзу он не остановил. Он первым в ауле завел у себя дома птиц. Как он сам однажды поведал мне, произошло это случайно. Как-то в лесу подобрал вывалившегося из гнезда дрозда. Птенец был зол и прожорлив, выводить его оказалось не просто. Да и жена была против птицы в доме. Но дрозд оперился, похорошел, его оливково-серая спинка красиво сочеталась с желтоватым брюшком. И однажды он запел, да так, что пребывавшая в постоянной оппозиции к нему жена Зачерия заслушалась. Потом выяснилось, что он отлично подражает мяуканью кошки, которая частенько сживалась, облизываясь, перед его клеткой. Когда дрозд начинал мяукать, оскорбленная кошка уходила из комнаты.

В конце лета дрозд стал взрослой птицей. В воскресный день в присутствии жены Зачерий достал его из клетки и вышел в сад.

— Неужели выпустишь? — заволновалась жена, прива-завщаяся к птице.

Зачерий разжал пальцы.

— Лети, друг, — сказал он. — Теперь и без нас проживешь.

Дрозд расправил крылья, попрыгал на ладони хозяина и неловко взлетел. Сделав небольшой круг, снова уселся на ладонь, повернулся к Зачерию, приподнял голову и запел, зашелкал.

— Давай, друг! — повторил Тлебзу. — Лети, ты свободен...

Словно поняв, что ему говорят, дрозд снова взлетел, сделал круг пошире, немного покружил над головой Тлебзу и вскоре приземлился на его ладони.

— Оуа! — только и выговорила жена Зачерия. — Он не желает расставаться с тобой, он привязался к тебе...

Так в доме Тлебзу окончательно поселилась птица. Дрозд вполне мог бы обойтись и без клетки — он чувствовал себя здесь равноправным членом семьи и жил бы на свободе, если бы не кошка.

Потом Зачерий приручил молодого скворца, затем появился зяблик.

Не стану подробно рассказывать все, что говорилось в ауле о Тлебзу. Разумеется, взрослыми. Теми взрослыми, которые не имеют своей головы на плечах, а живут «как все». Среди ребятишек увлечение Зачерия нашло неожиданный отклик. Они не только заходили к нему послушать пение птиц, но и нередко приносили своих певцов и мастерили для них клетки — дома держать птиц им конечно же не разрешалось, — стали строить скворечники, прикреплять их возле своих жилищ. А когда иные родители доказывали им, будто Тлебзу, нарушивший обычай предков, — плохой человек, лишь снисходительно-загадочно улыбались: о доброте, порядочности, благородстве Зачерия они знали не понаслышке.

А однажды...

О, это «однажды»! За ним обычно следует нечто сногшибательное, маловероятное. Но тут ничего невероятного не произошло, события, думается мне, развернулись в их логической последовательности, ибо одно действие влечет за собой другое. Однажды Зачерий Тлебзу и несколько его юных единомышленников принесли с клетками в детский сад.

— Сад без пернатых — не сад, — сказал Тлебзу заведующей Аминет Нагоевой. — Мы принесли вам их, пусть веселят малышей.

Появление клеток с птицами детвора встретила с неописуемым восторгом.

Тут же всем пояснили, как ухаживать за новыми питомцами, какая птица что ест, сколько и когда. Потом появились дежурные по уходу за птицами, потом на птичий концерт были приглашены родители...

У истории этой нет конца — все больше ребятишек вес-

ной изготавливают скворечни, зимой носят в лес корм птицам, летом подбирают и выхаживают вывалившихся из гнезд птенцов, все меньше таких, кто целится в птиц из рогаток.

А взрослые? Взрослые, когда речь заходит о Зачерии Тлебзу, снисходительно улыбаются: чем бы, мол, дитя ни тешилось...

А это может означать только одно: они признали себя побежденными.

Вот почему я прошу читателя не торопиться с ответом на вопрос о приметах и предчувствиях. Разве не верная примета: встреча с Тлебзу — к счастью! Разве обманет меня предчувствие, что очень скоро в ауле будет полностью покончено с вредными пережитками? Могу поспорить с любым, что именно так и произойдет.

ХАДЖФАТИМА И ЕЕ ДЕТИ

ы с Хаджфатимой ровесники. Когда-то, впрочем, довольно давно, бегали вместе в школу. После окончания семидетки я уехал учиться в педагогическое училище, а она пошла на ферму.

В шестнадцать вышла замуж, а в семнадцать родила дочь.

Лет около двадцати тому назад, приехав в аул, встретил ее на улице. Рядом с ней степенно шагала мальчишка лет восьми, на руках она держала сверток, из которого с жадным любопытством глядели в небо черные глазенки-бусинки.

— Дочь или сын? — спросил я.

Хаджфатима засмеялась.

— Казбек — младший, — кивнула она на мальчишку, шагавшего рядом. — А это, дорогой Киримизе, внучка моя, Дэхэнэф.

Мне показалось смешным: совсем молодая женщина — бабушка.

— Старшая дочка свой счет открыла, — пояснила она. — Да и вторая замуж собирается.

Мелькнула мысль, что Хаджфатима, став бабушкой, покинула ферму. Но на площади я увидел ее портрет на доске Почета. Да, наше поколение не привыкло сидеть без

дела. Ферма, дети, внуки — что еще навалится на нее, не знавшую, что такое передышка? Но постепенно я начал замечать какие-то перемены в облике Хаджфатимы. При очередной встрече что-то неприятно поразило меня. Что именно, понял не сразу. Лишь потом дошло: странное какое-то на ней платье было. Раньше появлялась на улице нарядная, аккуратная такая, подтянутая; а то вдруг совсем перестала следить за собой.

Дома услышал, что даже на вручение ордена Хаджфатима явилась в стареньком костюме. Председатель колхоза, когда-то сидевший со мной за одной партией, укоризненно оглядел свою сверстницу.

— Такой день! — сказал он. — Очень большой праздник... — Он осекся, не желая договаривать.

— Понимаю, — засмузилась Хаджфатима. — Да что поделаешь — с фермы прямо к внукам. Пока всех покормишь, постираешь, стоговишь на завтра, уже и ночь, некогда и к портному сходить.

— Ладно, — вздохнул председатель, — во всех нарядах ты у нас хороша.

Говорят, после этого Хаджфатима все же заказала себе новый костюм. Но на примерку все никак не могла выбрать-ся, и старшая дочь «выгучила» — попросила мастера, чтобы шили на нее. Так и сделали...

Когда та самая красавица Дэхэнэф, которую я видел на руках Хаджфатимы, выходила замуж, бал закатили на весь аул. Каждый член семьи преподнес невесте дорогой подарок — кто золотые часы, кто кольцо с камнем или серьги, кто модные туфли. Таков обычай. Бабушка, разумеется, не отстала от других, она подарила ей очень красивый отрез на пальто.

Дэхэнэф поблагодарила бабушку.

— Такой красивый материал, — сказала она. — Теперь у меня будет пятое пальто.

Хаджфатима вздохнула: она вспомнила то время, когда горянка вообще не имела ни одного пальто, а бегала по морозу в платочке. Когда она начала ходить в школу, как раз развернулась кампания, которая в наши дни звучит неправдоподобно: «Пальто — горянке». Теперь у девочки их будет пять; что ж, пусть носит на здоровье.

Но Дэхэнэф не ограничилась благодарностью.

— А, нэнэй, — добавила она. — За отрез я тебе, конечно, благодарна, но давно хочу попросить об одном...

— Говори, моя девочка.

— Ты видела, какое красивое бархатное платье прислал мне дядя Казбек?

Казбек, тот самый, «последний», был летчиком и служил далеко от родного аула.

— Видела.

— И не подумала, что такое платье надо носить с твоим серебряным поясом? Отдай его мне. Ты ведь уже совсем старая и давно уже не носишь его. Да и не к лицу старухе так наряжаться.

С поясом этим у Хаджфатимы было связано очень многое. Его подарил ей муж накануне свадьбы. Лет десять назад он умер, и эта вещь была ей особенно дорога. Но Хаджфатима давно уже не жила своими интересами: она достала пояс и отдала внучке.

Через некоторое время из соседнего аула в гости приехала младшая дочь, Зейнаб. Поев, она улеглась на диване. Вдруг вспомнила:

— Мама, ведь приехала я по делу: у меня к тебе просьба. Ты ее можешь выполнить?

— Постараюсь, — пообещала Хаджфатима.

— У тебя был серебряный пояс. Ты уже старая, он тебе не нужен, а моя дочь как раз замуж собралась. Подари его ей, пусть красуется.

— Опоздала, Зейнаб, — вздохнула Хаджфатима. — Пояс я уже подарила.

— Как ты могла! — возмутилась Зейнаб. — Да ведь это подарок тебе от отца! Кому ты его спланила?

— Отдала Дэхэнэф.

— Моя дочь ничем не хуже Дэхэнэф. Да уж ладно, тоже ведь внучка, подарила так подарила. — Что-то вспомнив, она добавила: — Тогда вот что: отдай моей девочке то сукно, которое Казбек прислал тебе на костюм. Оно, по-моему, тебе по цвету не подойдет, ты уже слишком стара для него.

Хаджфатима молча отдала сукно.

Когда дочь уехала, подошла к зеркалу, долго разглядывала себя и полночи проплакала. Чуть на ферму не опоздала...

А совсем недавно я увидел Хаджфатиму в Майкопе, на сцене драматического театра. Ей вручали второй орден. Бабушка вновь выглядела сорокалетней. Белая кружевная блузка, сиреневый костюм, легкие модные туфли. Когда она поднималась на сцену, на лацкане костюма сверкал орден

«Знак Почета», а когда возвращалась в зал, рядом с ним красовался орден Ленина.

В перерыве разыскала ее. Разговорились, и я не удержался от комплимента. Хаджфатима покраснела от удовольствия.

— Это все Казбек! — блестя глазами, сказала она. — Прилетел в отпуск с женой и сыном, походил, поглядел на меня, на сестер своих и племянниц и вдруг говорит: «Теперь наконец до меня дошел смысл старинной поговорки: «Когда замужняя дочь приходит в отцовский дом, даже круглый камень прячется». Почему, нан, ты, такая молодая и красивая, одеваешься как старуха?»

Круглый камень — это обыкновенный булыжник, который используют, чтобы толочь соль, перец, мак. Добра такого на улице сколько угодно. Разъясняю это, чтобы до читателя точнее дошел нехитрый смысл адыгейской мудрости.

Сказав это, Казбек достал из чемодана подарки, которые привез матери. Потом договорился с председателем колхоза, что ей дадут двухнедельный отпуск. Договорился с портным. Жена Казбека попыталась освободить мать от хозяйства, чтобы она хорошенько отдохнула, но тут уж Хаджфатима не уступила.

— Хозяйничай со мной, — сказала она. — Может, чему и научишься.

Потом, когда портные сделали свое дело на славу, Казбек пригласил сестер и племянниц. И каждый, кто входил в дом, невольно восклицал:

— О, нан, какая ты у нас молодая и красивая!

Когда все уселись за стол, Казбек сказал:

— Смотрите, чтобы так было все время, пока я буду служить на Севере. Поняли?

ГОРСТЬ ЗЕРНА

Ночь уже давно перевалила за середину, приближался рассвет, а Индрис Карагуланов все ворочался на своей жесткой постели, тщетно пытаясь уснуть. Потеряв последнюю надежду на это, он распахнул окно и уселся около него, тяжело дыша. Но и свежий воздух не приносил облегчения. Что-то странное происходило в природе — приближался

рассвет, а за окном как будто сгущались сумерки; какая-то тяжесть наваливалась на слабые плечи Индриса, ему чудилось, будто он слышит, как трещит его давно поседевшая голова.

И вдруг где-то совсем близко блеснуло и захлопотало так, что он инстинктивно втянул голову в плечи. Сверкнули первые капли, крупные, как горошины, и хлынул ливень. Ветра не было, и струи, тонкие и гибкие, как электрические провода, протянулись между небом и землей.

Индрис радостно глядел на эти низвергающиеся на землю потоки воды, чувствуя, как ослабевает тяжесть в голове, плечах, будто кто-то невидимый снимает со спины наваленные на нее мешки с зерном... Ливень прошел стремительно, воздух стал легким и живительным, краешек неба подернулся серой полосой.

Индрис почувствовал, что его клонит ко сну. Прошел к постели, улегся; подумал было, что этот дождь очень вовремя подоспел, наливающаяся пшеница станет более полновесной; мелькнула еще какая-то мысль, и тут все оборвалось — пришел долгожданный сон.

Проснулся Индрис, когда солнце стояло высоко в небе. Открыв глаза, старик глянул в распахнутое окно, вспомнил о ночном ливне, и на душе стало совсем хорошо — труд его и его товарищей теперь обернется хорошим урожаем.

Мысль его будто зацепилась за что-то. Он напрягся, вспоминая, что еще могло приключиться в эту долгую ночь? И догадался: ему приснился добрый сон.

Индрис сосредоточился, и память окунула его в мир зыбких ночных видений. Он — в родной степи, куда ни глянь — раздольное пшеничное море. Стебли по самые плечи, колосья набиты крупным, ядреным зерном. Он растирает меж ладоней один лишь колос, а в морщинистой его руке оказывается крупная горсть пшеницы...

Индрис лежит, сомкнув веки, по лицу его блуждает улыбка. Однако память и на этот раз выдала не все, он чувствует: во сне приключилось что-то еще — самое приятное, самое удивительное.

Что?

Он не в силах припомнить. Знает: приснилось что-то такое, что влило в его грудь новые силы, заставило расправить плечи, позабыть о болезни. Что же именно? Это очень важно, это нужно обязательно припомнить.

Но нет, воспоминания обрывались, как в бурю обрывается телеграфный провод, и концы его уносит куда-то в неведомую даль.

Индрис, почувствовавший себя значительно лучше, чем накануне, впервые за последние два месяца вышел во двор.

— А что скажет доктор? — широко улыбаясь, обратился к нему случайно оказавшийся в эту пору дома его сын Сафер. — Боюсь, что не похвалит. Постельный режим не снят...

— Человек сам должен чувствовать, когда ему лежать, а когда ходить, — ответил старик. — Сегодня мне лучше, и я встал. Скоро совсем выздоровею.

— В добрый час, отец, — все так же улыбаясь, ответил Сафер. — Однако Сидор Борисович велел мне строго следить, чтобы ты лежал в постели, не выходил без его разрешения. После завтрака, очень прошу тебя, снова укладывайся.

Заболел Индрис в день завершения сева кукурузы. Их звено вело сев непрерывно, даже ночью, при фонарях. Тут дело заключалось не в том, чтобы просто обогнать остальных, а провести сев, как выражался агроном, в «оптимальные» сроки. Поинтересовавшись, Индрис выяснил, что «оптимальные» — это значит лучшие. Чем туже сожмешь сроки сева, тем выше урожай.

Молодежь спокойно перенесла это перенапряжение, а семидесятипятилетнему Индрису ночные бдения дались не легко. Если бы он сказал, что ему трудно, его бы сразу отправили домой. Но какой же адыг признается, что ему трудно? А уж от Индриса такого признания вовек не дождешься. Он сеял вместе со всеми, хотя чувствовал себя все хуже и хуже.

Но вот сеялка прошла последний гон. У дороги их ожидали, как принято говорить, представители общности — секретарь парткома, редактор стенной газеты и еще кто-то, — у Индриса кружилась голова, и разглядеть других он уже был не в состоянии. Вручение вымпела, торжественные речи — все это проплыло, будто в тумане. К счастью, подошел грузовик. С трудом взобравшись вместе со всеми в кузов, старик слез у своего дома. Кое-как добрался до постели...

А когда очнулся, у его кровати сидел добрейший Сидор Борисович.

— Надорвался, — проговорил доктор.

Индрис чуть повернул голову и увидел, что врач разговаривает не с ним, а со старшим сыном Сафером.

— Я предупреждал, — продолжал между тем Сидор Борисович, — что организация труда в звеньях приводит к перегрузкам. Можно сеять, конечно, и ночью, но тогда надо ввести вторую смену. И разве можно заставлять такого глубокого старика работать круглые сутки? Лошадь не выдержит — не то что его изношенное сердце.

— Вы хорошо знаете, Сидор Борисович, — возразил Сафер, — что моего отца и остальных никто не заставлял сеять ночью, они проявили инициативу. Больше ни одно звено ночью не работало. В будущем году введем двухсменку. И вообще мой отец совсем не такой глубокий старик, он полон энергии. Но, конечно, вы правы, один мешок он может поднять, а два — это ему уже не под силу. Что же теперь?

— Теперь строгий постельный режим и сильнодействующие лекарства. Если не поможет, что вполне вероятно, отправим в больницу.

«Как бы не так, — подумал про себя Индрис, — уж куда-куда, а в больницу не поеду ни за что».

Уходя, Сидор Борисович оставил пачку рецептов, предупредил, что за некоторыми лекарствами придется съездить в Майкоп. И еще сказал, что два раза в день к старику будет приходить сестра — ему необходимы уколы.

Индрис в душе лишь усмехался: полагал, что, как только врач уйдет, он поднимется и как ни в чем не бывало займется своим делом. Не впервой ему работать сутками напролет. Конечно, уставал, но усталость потом как рукой снимало.

Как только Сидор Борисович и Сафер вышли, Индрис попытался встать с постели. Увы, он явно переоценил свои возможности. Едва лишь поднялся на локте, даже не сел, а только приподнялся, как снова потерял сознание.

Уколы и таблетки первое время, как ему казалось, не помогали — голова кружилась, едва он пытался оторвать ее от подушки. Никогда не болевший, Индрис тяжело воспринимал свою временную нетрудоспособность — мыслями он был в поле, рядом со своими товарищами.

Здоровье возвращалось очень медленно. Покружилась за окном и умчалась весна, пришло лето, жаркое и плодородное, — пшеница, посеянная под зиму, и кукуруза, которая так подвела его, обещали высокий урожай. Все приятели, навещавшие Индриса, только и говорили о подготовке к

жатве. Одни сообщали, что уже сделано, другие советовались, третьи просто мечтательно вздыхали: «Вот-вот выйдем в поле, на току уже все готово к приему зерна!» И не ведали, что наносят сердцу Индриса жестокие удары. Жатва без него! Возможно ли это?

Постепенно он начал медленно подниматься, ходить по комнате. Голова кружилась, но Индрис не падал. Потом головокружение стало поменьше, он начал совершать пятиминутные прогулки по комнате. Разумеется, так, чтобы никто не видел. Сидор Борисович предупредил: узнает, что Индрис нарушает режим, отправит в больницу.

А после этого ночного ливня рискнул выйти во двор. И ничего, голова почти не кружилась, ноги не подкашивались. Все же предупреждение Сафера подействовало — он снова улегся.

Перед самым обедом вдруг нагрянул Сидор Борисович. «Сафер наябедничал, — догадался старик. — Теперь начнется...»

Доктор поздоровался, проверил пульс больного, выслушал его, подозрительно оглядел, задумался, потом проговорил:

— Нарушаешь?

Индрис промолчал.

— Скажи спасибо, что сейчас все благополучно окончилось, — строго заметил Сидор Борисович. — Чистая случайность. Не будешь лежать — не поправишься.

— Сегодня ночью, — заговорил наконец больной, — что-то произошло. После грозы мне значительно лучше стало. А потом сон приснился — что-то такое хорошее...

Сидор Борисович подозрительно оглядел пациента: уж не появилась ли у него навязчивая идея?

— При чем здесь сон, дорогой мой? Мало ли что кому приснится, не вставать же из-за этого с постели.

— Мне приснилось, будто я растираю в руках колос, понимаешь, доктор, колос пшеницы. А потом... еще что-то... я не запомнил что, но так легко мне стало, почувствовал, что выздоровел. Вот и вышел во двор. И ничего.

— «Ничего»... — передразнил Сидор Борисович. — А если бы брякнулся на землю, insult или, не дай бог, инфаркт? В общем, лежать, дорогой, коли хочешь жить.

— Вот что, Сидор, — вдруг объявил Индрис, — лежать я больше не стану, належался. Теперь я себя чувствую лучше. Завтра уборка начинается, а я лежать буду? Соображаешь?

Сидор Борисович еще раз выслушал больного, еще раз проверил пульс; потянув веки вниз, стал разглядывать его глаза. Потом изрек:

— Нужен консилиум! Завтра придет наш земляк Довлет, осмотрим тебя вдвоем и все решим. А пока — постельный режим. Вот так!

Довлет после окончания медицинского института был оставлен в аспирантуре. Но он часто приезжал в аул и интересовался более всего стариками — говорили, будто он пишет какую-то научную работу о продлении жизни, что ли. Несколько раз он в поле осматривал и Индриса, что-то записывал в толстую тетрадь. Никаких предупреждений или замечаний Индрису не сделал, хотя некоторых снабжал рецептами, а иных отправлял домой. К этому парню Индрис питал большое доверие.

«Что ж, подождем Довлета», — подумал он.

Они явились часов в десять утра. Индрис сидел у окна и прислушивался к шуму, доносившемуся из степи. Гудели тракторы и комбайны, урчали моторы автомашин. Старейший колхозник, участник всех жатв, он по звукам представлял себе, что происходит на полях. Вон слева косят пшеницу на свал — трактора гудят натужно и ровно. Чуть правее, поближе к Зеленой балке, идет прямое комбайнирование — шум моторов комбайнов сливается с характерным гулом дизелей грузовиков. Еще правее — ток; и там уже началась страда — идет очистка первого зерна.

Индрис закрыл глаза и представил это зерно, крупное, теплое, ласковое... Мысли о зерне пробудили в нем какое-то воспоминание — еще секунда, и память выдаст что-то очень важное... Но тут дверь скрипнула, и в комнату вошли врачи — их старый аульский лекарь Сидор Борисович и начинающий ученый Довлет.

Поздоровавшись с пришедшими, Индрис начал стаскивать рубаху.

— Не нужно, отец, раздеваться, — остановил его Довлет. — У тебя на лице все написано. Боевой конь услышал зов трубы... Расскажи, как ты себя чувствуешь? Голова кружится?

— Совсем немножко, — признался Индрис и неожиданно добавил: — Залежался я, оттого и кружится. И здоровый человек если перележит, потом плохо себя чувствует.

— Пройдись, пожалуйста, по комнате, — попросил Довлет.

Индрис походил немного.

Лишь после этого Довлет выслушал его и выразительно поглядел на коллегу.

— Когда ты себя лучше почувствовал? — снова задал вопрос молодой врач.

— Несколько дней назад, после сильной грозы. В ту ночь мне приснилась пшеница — ядреная, колосья небывалых размеров... И еще приснилось такое, что я сразу себя почувствовал здоровым.

— А что именно? — оживился Довлет.

— Да вот, вылетело из головы, — сокрушенно проговорил Индрис. — Как выдуло ветром. А такое привиделось хорошее, такое...

— Ну что ж, — заключил Довлет. — Все ясно. Я согласен с вами, Сидор Борисович, можно рискнуть. Работать, Индрис, тебе пока нельзя, тем более на току, на солнце-пеке, но в тени посидеть можно. Первый раз — под моим наблюдением. Завтра я заеду за тобой, отправимся на ток. Там все и решим. Согласен?

— Милые вы мои... — Индрис так растрогался, что чуть было не бросился обнимать врачей. Но вовремя опомнился. В его возрасте допускать какие бы то ни было нежности — грубейшее нарушение древнего адыгейского этикета.

— Сейчас отдыхай, а с утра я заеду за тобой, — пообещал Довлет. — До завтра.

Все описанное выше я почерпнул из рассказов Сидора Борисовича, с которым у меня давняя дружба, Сафера, Довлета. Но то, что произошло на следующее утро, я видел сам.

Председатель колхоза Асланук отдал на полдня свою машину Довлету и мне. В шесть утра мы заехали за Индрисом.

Он уже стоял у калитки — в новом легком бешмете, папахе, строгий, нахмуренный. Сев рядом с водителем, приказал ему:

— На ток!

За всю, правда, недолгую, дорогу никто не проронил ни слова. Индрис напряженно глядел перед собой. Когда показались строения механизированного тока, он слегка подался вперед, но взял себя в руки, ни единым жестом не выдал своего волнения.

Лихо развернув машину, шофер остановил ее у огромного навеса, рядом с бункером, к которому подъезжали самосвалы с зерном.

Индрис вышел из машины и сразу же направился к бункеру. Пошли за ним и мы.

Подойдя к бункеру, он стал глядеть, как поднимается кузов самосвала, как, шурша и позванивая, ссыпается на ленту конвейера зерно. Потом протянул руку, она врезалась в струю зерна, рассекая ее надвое. Затем протянул вторую руку и, сомкнув ладони лодочкой, набрал полную пригоршню пшеницы.

Видимо, в этот момент он позабыл о нас. Поднес руки к лицу, стал с силой вдыхать запах свежей пшеницы.

— Да, его в дни жатвы в постели держать грешно, — прошептал Довлет.

А Индрис вдыхал запах спелой пшеницы, и морщины на его лице разглаживались. Казалось, будто остатки болезни в этот момент покидают его.

Вдруг он вспомнил о нас. Вернее, о Довлете.

— Теперь могу сказать, сынок, что приснилось мне в ту ночь, когда лучше себя почувствовал. Вспомнил! Растер будто я меж ладоней колос, и вся ладонь покрылась зерном. И поднес я его вот так к лицу, как сейчас, и стал вдыхать. И запах этот гнал болезнь, и мне становилось все лучше и лучше, почувствовал я себя здоровым и сильным. Вот такой сон, сынок. После того и выздоровел. Верись мне?

— Верю, отец, — улыбнулся Довлет. — Я этот случай обязательно опишу. Можешь оставаться на току. Но уж не забывай: солнце пока что твой первейший враг, держись в тени. Газеты читай, беседуй с молодежью. А через дней пять-шесть сможешь приступить к работе. Но тоже в тени.

— Все сделаю, как ты велишь, сынок, — заверил Индрис.

Вот и все о горсти зерна. Мы отправились к комбайнерам. В этот день можно было увидеть в буквальном смысле пшеничные ручейки и реку. Ручьи текли с полей в комбайны, из бункеров в кузова автомашин, оттуда — на тока; после механизированной очистки зерно снова оказывалось в автомашинах, и текла на элеватор лолноводная пшеничная река.

Все это волновало, вызывало радостное и гордое чувство. Но над этим гигантским торжеством труда возникало одно и то же видение: старый Индрис, вдыхающий запах свежескошенной пшеницы и на глазах молодеющий от этого запаха.

АМБРОЗИЯ

ороший у нас в ауле установился порядок — на все наиболее важные заседания правления колхоза и исполкома аулсовета приглашаются почтенные старики. И делается это не для вида: дескать, насчет уважения к старости у нас все в порядке, не подкупаешься. Со стариками действительно советуется, с их мнением считаются. И благодаря этому правлению колхоза и Совету удалось избежать очень многих ошибок. Мудрость и опыт стариков, как это доказали у нас, — еще один весьма существенный резерв нашего движения вперед.

Конечно, при этом, само собой разумеется, иной раз случаются определенные неожиданности — предложения стариков тем хороши, что в каждом деле их опытный глаз всякий раз находит свои повороты и ракурсы, позволяющие взглянуть на него по-новому.

Вот и мне посчастливилось однажды побывать на таком расширенном заседании. Решался вопрос, в котором были заинтересованы все жители аула. Месяца полтора назад аулсовет объявил месячник по борьбе с амброзией.

Подозреваю, что не все читатели, особенно горожане, ясно представляют себе суть дела, о какой такой амброзии идет речь. И далеко не всякая энциклопедия их сможет выручить. К примеру, если судить по Малой советской второго издания, то амброзия существует только одна — так в древнегреческой мифологии именовалась пища богов, дающая бессмертие. Но поскольку в нашем ауле перепроизводства этого ценного продукта питания еще не добились, то и не было необходимости бороться с ним. Впрочем, вопреки мнению столь авторитетной энциклопедии, имеется еще одна амброзия — очень зловредный сорняк, завезенный к нам, говорят, когда-то из Соединенных Штатов Америки. Страдает от него сельское хозяйство весьма изрядно. Скажу без преувеличения, что сорняк этот стал сущим проклятием для кубанских земледельцев: амброзия процветает в самых сложных условиях и давит вокруг себя все живое, быстро истощая землю. Там, где появляется амброзия, больше ничего не растет.

Вот этой-то амброзии, заполнившей многие наши сады, огороды и улицы, и объявил войну аулсовет. За месяц с сорняком надо было покончить раз и навсегда. А чтобы борьба протекала успешней, наиболее отличившимся были назначены премии: популярные романы современного ады-

гейского классика Тембота Керашева с его автографами. Премий было пять, а желающих заполучить автограф Керашева — значительно больше. Поэтому итоги конкурса подводила специальная комиссия. Члены ее обошли дворы, заглянули во все закоулки, учли все, что требовалось учесть, и сегодня должны были назвать имена пятерых самых достойных претендентов на желанные премии.

На заседание исполкома аулсовета, разумеется, были, как обычно, приглашены и почтенные старики. Попросили заглянуть и меня, чтобы я при случае мог сообщить Темботу Магометовичу, что его автографы попали в надежные руки.

Скажу честно: отправился я на это заседание без особого энтузиазма. Посудите сами — что интересного могло произойти на такой официальной церемонии? А я в тот день должен был закончить статью для газеты, сроки подпирала.

Но, к счастью, врожденное любопытство взяло верх, и я стал свидетелем открытия, совершенного Карабатыром Ахмедовым. Впрочем, не буду забегать вперед. Поначалу все шло по сценарию, разработанному председателем аулсовета. Авторитетный член комиссии доложил о том, какая работа была проделана в ходе месячника, сообщил, что с этой зловредной заокеанской растительностью в основном покончено, назвал пятерых кандидатов на премии и предложил вручить им книги Керашева.

Затем поднялся председатель аулсовета.

— Итак, — заключил он, — фамилии победителей названы. Попрошу дорогих односельчан, удостоивших нас своим присутствием, высказаться по названным кандидатурам: кто из них достоин этой высокой награды, — он похлопал по стопке книг, лежавших на столе, — а кто не достоин. Если же возражений против названных претендентов нет, то проголосуем, поздравим победителей и вручим им премии. Кто просит слова?

— Утвердить! — раздались со всех сторон дружные возгласы.

И вдруг поднялся Карабатыр Ахмедов, бывший бригадир овощеводов, невысокий сухонький старичок в синем бешмете и огромной папахе из золотистой каракульчи.

— Я предлагаю голосовать за каждого в отдельности, — звонко произнес он и, видимо боясь, что его не поймут, добавил: — По одному, значит, врозь. Так, мне думается, будет вернее.

— По одному, так по одному, — согласился председатель, хотя видно было, что предложение Карабатыра его порядком озадачило. — Первым по списку комиссии значится Асхад Кунижев. Кто за то, чтобы вручить премию нашему уважаемому Кунижеву?

Все единодушно подняли руки вверх. Председатель взглянул на Карабатыра — он тянул свою руку вместе со всеми. Таким образом было утверждено четверо претендентов на произведения Тембота Керашева. Дошла очередь до пятого.

— Кто за то, чтобы такую же премию вручить Юнусу Ханануку? — возгласил председатель. При этом он уставился на Карабатыра. — Прошу всех, кто «за», поднять руки. Опустите. Кто «против»?

Вверх взметнулась одинокая рука Карабатыра.

Собравшиеся оживились — никто не мог припомнить случая, чтобы Ахмедов кого-либо публично критиковал. Уж если требовалось сделать кому-то замечание, он находил для этого более удобный момент, чтобы не позорить человека при народе. Но сейчас, кажется, дело было яснее ясно — Юнус очистил от амброзии не только свою усадьбу, но и оба кювета по дороге, ведущей на ток, хотя никто его об этом не просил, и премию свою он заработал честно.

— Ты против или недослышал? — уточнил председатель. — Комиссия предложила премировать Хананука, поскольку у него во дворе не обнаружили ни одного стебелька амброзии, двор он содержит в полном порядке, штaketник окрасил в зеленый цвет. Даже фасад его дома красиво разрисован, — добавил председатель после небольшой паузы.

— И все же я против того, чтобы премировать Юнуса, — упрямо возразил Карабатыр. — Не всю амброзию выполол Юнус, и он об этом очень хорошо знает. Пусть сам скажет, прав я или возвожу на него напраслину?

Присутствующие сразу повернулись к Юнусу Ханануку — одному из лучших скотников колхоза, мужчине крупному, неуклюжему, необщительному.

— Что мне говорить? — угрюмо пожал плечами Юнус. — Я ни на что не претендую, комиссия сама определяла, кто что сделал. А только амброзию я уничтожил всю.

— Не всю! — запальчиво выкрикнул Карабатыр. — Вспомни, что было в автобусе... Позавчера...

— Дорогой Карабатыр, — вкрадчиво, почти шепотом заметил председатель аулсовета. — В наших автобусах амб-

розия еще не растет, а если где и пробивается, то Юнус за это не отвечает.

— Э...— Карабатыр поднялся.— Амброзия — это сорняк, верно я говорю? А сорняки бывают не только на огороде... Мне не раз говорили, что Юнус на ферме часто сквернословит, даже при женщинах, но я этому не верил. Думал, что такой хороший работник не позволит себе засорять свой разговор сорняками, амброзией. А позавчера сам слышал, как он ругался в автобусе. При женщинах и детях. Очень плохие слова говорил. Потом он увидел меня и умолк. Выходит, не всю амброзию уничтожил Юнус.

В зале засмеялись. Карабатыр уселся на свое место, а председатель стоял в раздумье, почесывая себя за ухом.

— Ты, дорогой наш Карабатыр,— наконец выдал из себя председатель,— как всегда, прав, и то, что делал Юнус, нехорошо. Но, дорогой наш Карабатыр, конкурс-то был по другой части, зачем путать два вопроса? Объявим борьбу со сквернословием, и если Юнус не учтет...

— Не понимаешь ты меня,— перебил председателя Карабатыр.— Конкурс был на амброзию, а разве ругательства не та же амброзия? Но я бы не стал тут ничего говорить, если бы не такая премия. Как мы можем вручить произведения нашего дорогого писателя человеку, который не стесняется сквернословить даже при детишках?

— Уловил,— обрадовался председатель.— Товарищи, в этом есть смысл.

— Послушали бы, как Юнус на ферме с доярками изъясняется,— раздался женский голос.— Уж там он амброзии не жалеет...

Я позабыл о своей неоконченной статье — ждал, чем же окончится этот неожиданный разговор.

Председатель постучал по столу, призывая к порядку, и, когда в зале стало тихо, сказал:

— При таком повороте, товарищи, дело меняется. Видно, комиссии придется подработать этот вопрос и предложить другую кандидатуру. А мы объявим месячник по борьбе со словесной амброзией.

— Я с этим не согласен,— возразил, поднявшись Карабатыр.— Сорняки на усадьбе и дороге Юнус как огнем выжег и премию свою заслужил. Поэтому я предлагаю дать ему месячный испытательный срок,— если за это время он не будет замечен в сквернословии, пусть председатель вручит ему произведения Керашева. А не изгонит и эту амброзию — значит, надо будет премировать другого.

— Я согласен! — громко произнес Юнус и вдруг широко, добросердечно улыбнулся.— Карабатыр прав — амброзии нигде не должно быть.

— Тогда...— Карабатыр тоже улыбнулся.— Я думаю, нам этих слов достаточно, Юнусу можно верить. Тогда я снимаю свое возражение. Пусть берет книгу, и пусть напоминает она ему, как нужно вести себя с людьми.

Возвращаясь домой, я думал о том, что неплохо бы при очередном переиздании Малой советской энциклопедии слово «амброзия» пометить литерами «а», «б», «в». Под «а» оставить насчет пицци богов, под «б» — растолковать насчет сорняка, а под «в» внести трактовку Карабатыра — она этого вполне заслуживает.

ЗИГЗАГИ ЛЮБВИ

После выхода в свет книги «Аул Шапсуг улыбается» я получил со всех концов нашей необъятной Родины много писем от незнакомых людей. Каждое вскрывал с понятным волнением. Признаюсь, вскрывал не сразу. Поначалу разглядывал конверт. Если на нем был обозначен обратный адрес корреспондента, находил этот город или поселок на карте, пытался угадать, какие чувства вызвало знакомство с моим родным аулом у человека, проживающего от него за многие тысячи километров.

Чувства, должен признаться, это знакомство вызывало самые разнообразные. Водитель грузовика с Чукотки откровенно признался, что ранее и не подозревал о существовании адыгейского народа: он полагал, будто «адыги» и «уде-ге» — это одно и то же, только пишется по-разному. Его заинтересовали наши обычаи, и он задал мне по этой части ряд вопросов.

Читатели в общем-то благосклонно отнеслись к моей прозе: рассказы в чем-то обогатили их представление о нашей многонациональной державе. В некоторых письмах выражалось сомнение в правдоподобности поступков героев отдельных рассказов.

Но действительно серьезные упреки я получил от юных читателей. Вот письмо от студентки из Минска Ольги П. «Обо всем написали,— сокрушается она,— даже о соба-

ках, вернее, о любви к собакам. А вот о настоящей любви в книге лишь полслова — эта тема слегка затрагивается в рассказе «Габидет и Антонина». Видимо, вы полагаете, что «Железное сердце Батмиза» тоже о любви; конечно, так оно и есть, но тут любовь, если можно так выразиться, на завершающем этапе, что более соответствует вашему нынешнему возрасту. Но были же вы когда-то молодым? Живут же в вашем ауле девушки и юноши? Как у них зарождается любовь, как к этому относятся их родители, как проходит сватовство, какие устраиваются свадьбы? А если говорить откровенно, то я слыхала, будто у вас до сих пор живы такие дикие законы гор, когда девушек попросту умыкают. Наверно, вы избегаете этой темы, побаиваетесь навлечь на себя гнев земляков. А может, и сами в этом грешны. Извините за резкость. Ольга П.»

Отвечать вам, Ольга, не просто. Во-первых, я действительно не молод. Во-вторых, хоть сам я и не грешен, случаи воровства девушек, очень редкие, все же имеют место в нашей жизни. И свадьбы играют не так, как у русских, — об этом я написал рассказ. И взаимоотношения в семье посложнее. Но не эти частности определяют сущность сегодняшней жизни. Если не брать в расчет отдельные исключения, ныне в Адыгее любовь возникает и развивается точно так же, как и в любом другом уголке нашей страны. Молодые люди встречаются, женятся; порой создают прочную семью, а бывает, и разводятся.

Причиной разводов нередко — это беда не чисто адыгейская — является неразумное, эгоистическое вмешательство мамаш, которым жена сына или муж дочери чем-то не угодили, оказались не такими, какими бы им хотелось их видеть. Не стану скрывать, случаются и браки по расчету, рационализм проникает и в аулы — шила в мешке не утаишь. А бывает и так: иной раз девушка со слезами признается матери, что «поверила, а он...».

Каждая мать реагирует на такое признание по-разному, но в конце концов дело как-то улаживается. Разумеется, узнают об этом и другие девушки, и у некоторых появляется что-то вроде водобоязни — они не хотят верить ни одному молодому человеку: «А вдруг бросит?» Чем это обычно кончается? Вдруг будет так, как случилось с нашей телятницей Асиет.

Как известно, адыгейская земля славится своими красавицами. В каждом ауле есть дома, куда парни протаптывают не просто тропу, а настоящее шоссе с двусторонним

движением, женихов здесь встретишь в любую погоду. Иные даже предпочитают ненастье — они таят надежду, будто в грозу или в метель их конкуренты угомонятся. Наивный расчет, красота манит всегда.

Живет и в нашем ауле девушка, слава о которой, говоря языком газетных отчетов, перешагнула административные границы района. Узнал я об этом из вполне достоверного источника. Как-то вечерком на майкопской улице меня остановила немолодая землячка. Ей сообщили, сказала она, что я накануне возвратился из аула, и она хочет узнать: вышла ли замуж Асиет? Видимо, землячка была уверена, что эта проблема и меня должна волновать. Я честно признался, что как-то за другими делами позабыл спросить об этом родных. Игнорируя уклончивость моего ответа, землячка с величайшим раздражением выпалила:

— Что она о себе воображает? На то и дается аллахом красота, чтобы побыстрее выйти замуж. Переборчивая невеста в девках остается...

Поначалу этот разговор развеселил меня, потом, как это нередко случается, заставил задуматься. Вспомнилась Асиет. Последний раз видел ее в новом клубе. Лицо девушки привлекало красивым румянцем, щеки пылали, словно яблоки ныне популярного сорта «джонатан». Глаза карие, продолговатые, брови с загадочным изгибом. Поэты пишут в таких случаях, что в этих глазах отражается космическая бездна. Черные шелковистые волосы сплетены за спиной в тугую косу. Когда Асиет прохаживается, коса словно бы оживает: она плавно и величаво изгибается, а когда Асиет стоит на месте, кажется, будто коса сплетена из почти невидимых солнечных лучей, — такая игра теней.

Что еще знал я об Асиет? Что после окончания десятилетки в институт она не пыталась поступать. Поработала некоторое время на почте, куда устроила ее мать, потом — в магазине, куда «втолкнул» ее дядя; а теперь — на ферме. Пошла туда, несмотря на стойкое сопротивление матери. И не учетчицей, а самой обыкновенной телятницей. Трудится хорошо, как и многие, но не выделяется. Изредка появляется на танцах, но никого из парней не ошастлививала своим вниманием.

В ауле, как, впрочем, и в городе, нет почти никакой возможности что-нибудь скрыть от соседей. Поэтому всем и каждому, в том числе и мне, известно было, что большинство женихов мечтало именно о такой невесте и жене, как Асиет. И не было в ауле старухи, которая не мечтала бы о

такой невестке. Не говоря уже, разумеется, о стариках. Но те, как известно, предпочитают не распространяться на эти темы.

Вот и все, что я знал об Асиет. Но, видимо, в ее жизни произошло что-то такое, что заставило зашевелиться даже ее землячек, перебравшихся в Майкоп. Вот почему, прибыв в ближайшую субботу в аул, я словно бы между прочим спросил, почему вопрос о замужестве Асиет приобрел столь широкую огласку. Вот что мне поведали.

Одно время казалось, будто до замужества Асиет — один лишь шаг. За ней ухаживал молодой приезжий агроном. И вдруг с подружкой Асиет, ее напарницей Зулей, «произошла беда», в которой она призналась матери и о которой на следующий день узнал весь аул. Виновник переполоха за несколько дней до того уехал, завербовавшись на шахты аж на Шпицберген. С него взятки были гладки, но фраза, которую он на прощание бросил своей бывшей избраннице, каким-то образом облетела весь аул. «Неужели я такой замухрышка, что ничего лучше телятницы не найду? За меня даже продавщица или учительница согласится выйти, могла бы догадаться об этом сама», — сказал он и был таков.

Зуля стала матерью-одиночкой.

Асиет все свободное время проводила у Зули. Помогала ей, утешала, как могла, даже написала письмо беглому отцу ребенка на далекий Шпицберген. Но ответа не дождалась.

Зато вполне определенный ответ получил приезжий агроном, имевший виды на Асиет.

«Я такая же телятница, как и Зуля», — сказала ему Асиет, — «понци другую».

Он увез свое разбитое сердце в родной аул, где вскоре и женился на дочери заместителя председателя колхоза.

Мои родные, как, впрочем, и все земляки, склонялись к мысли, что Асиет всерьез разочаровалась в мужчинах не после бегства ухажера соседки за Полярный круг, а после женитьбы агронома. Походи он, попытайся доказать свою любовь, глядишь, и смягчилось бы сердце красавицы — подружки уверяли, будто агроном «ей спился», «запал в сердце», будто, давая ему столь суровую отповедь, она все же надеялась, что он не отступит, а будет еще настойчивей добиваться своего.

Но он не выдержал испытания.

С тех пор вела себя Асиет так, будто в этом мире существовали одни лишь женщины. На парней — никакого внимания. Это стало беспокоить ее многочисленных теток,

в свое время также славившихся необыкновенной красотой.

— Поторопись, Асенька, — нашептывали они ей, — а то, гляди, подрастут новые красавицы, и женихи сменят маршрут.

— Вот потому-то я и не спешу, что они слишком уж быстро маршруты меняют, — парировала она.

Случай с Асиет заинтересовал меня.

«Неужели обида ее окажется сильнее самой жизни? — спрашивал я себя. — Неужели она так навсегда и останется с убеждением, будто все мужчины — негодяи и совратители? Ну, вышел из доверия агроном, пусть за пастуха или механизатора выходит...»

Но тут по аулу, словно шелест тополей, пронесся шепоток: в девичью Асиет заглянул Аскер, и она его не высмеяла. Напротив, она присмирела, притихла, растерялась.

Здесь требуется небольшое отступление. Бесспорно, женская красота — сила неборимая. Но и мужское обаяние кое-что значит. Наметанное око девушек на выданье почему-то сразу и безошибочно замечает таких мужчин, как Аскер, — рослых, плечистых, носящих на лапкане клетчатого пиджака ромбик, а в кармане — плотную книжечку диплома. Именно таким был Аскер. Но то, что привлекало других невест, как раз и отталкивало Асиет, и надо было думать, что Аскеру в девичьей Асиет уготован весьма недружелюбный прием. К этому следует добавить, что Аскер был приезжим, а к тому же являлся одним из начальников Асиет — старшим зоотехником колхоза. Правда, он привез в аул свою мать и младшую сестру, но...

Когда я прибыл в аул недели через две, мне поведали о дальнейших событиях, развернувшихся на этом «личном фронте», который, однако, привлек внимание общественности. Аскер стал все чаще заходить к Асиет, и она его не отталкивала. Но и не проявляла к нему особого интереса. Так сказать, не давала никаких авансов.

К чести Аскера нужно сказать, что, заглядывая по долгу службы в телятник, он на ферме никогда не выделял Асиет среди других работниц. Более того, однажды даже сделал ей вполне справедливое замечание, чем вызвал у девушки слезы.

Иначе держал он себя за пределами фермы. Старался повсюду, где бывала Асиет. Он был неизойливо внимательным, не особенно лез на глаза, но вместе с тем вел себя так, что всем, в том числе и самой Асиет, стано-

видось ясно: нет, не отступится этот парень, уж он-то своего добьется.

Ухаживание Аскера походило на хорошо продуманную военную операцию. После разведки боем, то есть ряда визитов, он произвел артналет, а проще говоря, вручил Асиет письмо. Сочинял он свое послание, как впоследствии уверяла его младшая сестренка-школьница, всю ночь напролет. По ее утверждению, утром, когда Аскер вышел с письмом в руке, она обнаружила, что весь угол его комнаты, от кровати до окна завален скомканными бумажками. Судя по этим черновикам, Аскер прибегал к разным стилям. Тут был и цветистый восточный «рахат-лукум». Несколько беспощадно смятых листков начинались словами: «О свет моих очей, души моей отрада...» Валялись листки, начинавшиеся катэгорическим «Моя дорогая!», и бумажки со словами: «Днем и ночью ты в моих мыслях, ты свила свое гнездо в моем сердце».

Что было в последнем варианте, к сожалению, так и осталось тайной, хотя и волновало других молодых людей, менее преуспевших в эпистолярном жанре. Ибо свершилось чудо: прочитав письмо Аскера, Асиет на глазах у тетушек сперва рассмеялась, потом заплакала, а в общем, крепко задумалась.

Вечером, когда вместе с другими парнями в ее комнате появился Аскер, красавица устремила на него взгляд, в одно и то же время исполненный веры и сомнения.

«А правду ли ты говоришь?» — словно бы вопрошал этот тревожный взгляд.

Аскер, поняв, что лед тронулся, направил к ней, как положено, для переговоров своих друзей — сватов. Ответ был неясный: Асиет не сказала «да», но и не произнесла «нет».

И тогда Аскер, уловив момент, смело пустился в объяснения. Она слушала, полузакрыв глаза, наслаждаясь его словами. Он говорил о том, как изменится его жизнь, как обрадуется его мать.

Казалось, Асиет сейчас выговорит заветное «да». Но она неожиданно спросила:

— А вдруг ты меня бросишь? Ведь я простая телятница. Так бывает... Вон Зуля поверила, а теперь мается...

Аскер начал клясться и божиться, что он однолюб, что не мыслит свою жизнь без Асиет, что такой, как она, и из свете-то больше нет.

— А вдруг ты потом изменишься? — перебила его красавица.

— Да я тебя всю жизнь на руках буду носить! — с жаром заверил он.

— Правда?

— Уж не знаю, чем поклясться, — развел Аскер руками.

— Не надо клясться, — вдруг странно улыбнулась Асиет. — Напиши мне расписку, что ты всегда будешь меня любить и никогда ни на кого не променяешь.

— Р-расписку? — растерялся Аскер. — О аллах, да хоть десять! Что же мне писать?

— Я тебе продиктую.

Аскер просиял.

— Но писать будешь в присутствии друзей.

— Пожалуйста.

Когда Аскера и Асиет окружила толпа молодежи, красавица начала диктовать:

— Пиши: «Даю тебе эту расписку в том, что буду тебя всегда любить, никогда не буду обижать, никогда не променяю на другую...»

Собравшиеся разинули рты от удивления. Такого на их веку еще не случалось. Неужели Аскер согласится все это писать? При всех?

Он писал, не замечая удивленных взглядов, он видел только Асиет. Но не эту, другую, ту, которая плакала на ферме от его замечания. Закончив, подписал и протянул листок девушке.

Асиет медленно прочитала написанное, листок в ее руке задрожал.

— Ты написал это при всех! — проговорила девушка, глотая слезы. — Поэтому я, хоть это и не принято у адыгов, отвечаю тебе тоже при всех...

Она на мелкие части разорвала расписку, швырнула клочки на пол, приподнявшись на цыпочки (Аскер был выше ее), обхватила его шею руками и поцеловала в губы. Аскер прижал ее к себе. Когда они оглянулись, комната была пуста.

Недавно я встретил Аскера в Майкопе: сияющего, еще более красивого, но чем-то озабоченного. Увидев меня, зоотехник обрадовался:

— Дядя Кирымизе, помоги...

— К твоим услугам, дорогой, все, что в моих силах...

— Ты с директором универмага хорошо знаком? Говорят, они получили красивое приданое для новорожденных. Мне бы один комплект, Асенька вот-вот...

Как тут откажешь?!

перва их было двое, потом стало трое. А потом...

Но во избежание недоразумений или криво-толков сразу поставлю все точки над «и»: он — мой молодой земляк Каладжерий, она — юная землячка Наусас; он и она — молодые супруги, на свадьбе которых мне посчастливилось в свое время побывать. Третье действующее лицо «Жигули», разумеется, автомашина. Подержанная, выдавшая виды, но довольно резвая на ходу.

Повторяю, сперва их было двое: он и она. Механизатор широкого профиля и телятница. Я не раз встречал их на улице — улыбающихся, откровенно счастливых. Чувствовалось, что они гордились друг другом и радовались своему выбору.

Обоих легко было понять. Высокий, широкоплечий, черноголовый Каладжерий, отслужив в армии, сел на мощный трактор и в поле стал доказывать, что награды за отличную службу получил по заслугам. Жених завидный. Ни в чем не уступала ему и Наусас. Красивая, лицо смуглое, тонкие брови, черные с озорными лучиками глаза, правильный нос, большие сочные губы и упрямый подбородок. Эту, казалось бы, малосущественную деталь вынужден подчеркнуть: упрямство было присуще Наусас.

Каладжерий впервые увидел Наусас на доске Почета. Портрет девушки произвел на возвратившегося из армии механизатора столь глубокое впечатление, что уже через три месяца была сыграна «свадьба».

А еще через год молодые переехали в свой дом, построенный с помощью колхоза на самой лучшей улице.

Казалось, ничто не могло омрачить счастье этой славной четы. Но жизнь — не болото, где все давно отстоялось; жизнь — бурная река с порогами, ледоходами, подводными течениями — пронеси, аллах...

Вот на один, едва заметный невооруженным глазом порог и понесло любящую и любимую, чуткую и понимающую, умную и работающую, но самую малость завистливую и упрямую Наусас: душу ей стали берёдить соседские «Жигули».

В соседнем доме жили Шаушаше и Хаджакеш Пшихожевы, люди средних лет. Шаушаше было лет тридцать, ее мужу — за пятьдесят. Женаты были Пшихожевы более десяти лет, детей не имели, особым хлебосольством не от-

личались, зарабатывали немало, получали прибыль и от личного хозяйства. Хаджакеш, один из лучших бригадиров колхоза, по полям ездил на мотоцикле, а для удовольствия жены приобрел легковую автомашину «Жигули». Или, как значится в ее паспорте, «Ладу». Или, как ее называла возгордившаяся этим приобретением Шаушаше, «фиат». Это слово она произносила как-то странно, как ей казалось, с итальянским акцентом, получалось что-то вроде «хиа».

По воскресеньям, когда молодая телятница Наусас поливала на своем огороде помидоры, а ее верный Каладжерий таскал ей воду из ближайшей колонки, на соседнем дворе неожиданно раздавался крикливый женский голос:

— Хаджакеш, где ты там! Спички у меня вышли. Заводи «хиа», поедem в магазин.

Хаджакеш мгновенно заводил «хиа», или «фиат», или «Ладу», или «Жигули», и мчал свою молодую хозяйку в магазин, который располагался... в этом же квартале.

Справедливости ради нужно сказать, что Наусас долго держалась. Но тут вмешалась соседка. Заметив, что Наусас бросает равнодушные взгляды на их машину, Шаушаше решила подлить масла в огонь. Призывы подать «хиа» раздавались все чаще и в конце концов сделали свое дело.

— Почему бы нам не завести машину? — спросила однажды вечером Наусас мужа.

— Хорошая мысль! — тотчас откликнулся Каладжерий. — Ты у меня молодец! Запишусь на очередь. Пока повестку пришлют, мы соберем необходимую сумму.

— А когда до нас дойдет очередь? — оживилась Наусас. Она не думала, что муж так быстро согласится с ее предложением — Каладжерий мечтал совершить с женой путешествие в какие-нибудь далекие страны, и они откладывали деньги на круиз вокруг Европы или хотя бы по Дунаю.

— Года через три, — ответил он. — А может, и раньше.

— Три года... — разочарованно выговорила Наусас. — Да за это время...

Возможно, на том бы разговор и закончился, если бы в этот самый момент в открытое окно не донеслось:

— Хаджакеш, где ты там? Заводи «хиа», поедem за бубликами...

Удар попал в цель.

— Три года... — повторила Наусас, и слезы блеснули в ее глазах.

Первые слезы любимой... Чтобы осушить их, Каладжерий готов был буквально на все. Что же касается машины, то

тут его долго уговаривать не пришлось — он и сам не прочь был завести собственный автомобиль: какой же механизатор не мечтает прокатиться по аулу на своей машине!

— Денег-то мы наберем,— задумчиво проговорил он, обнимая жену,— но машину купить не просто. Разве что подержанную, выдавшую виды. А с ней хлопот не оберешься.

— Ты ведь разбираешься в технике,— польстила мужу Наусас.— У тебя и старая машина будет бегать лучше новой.

В начале рассказа, давая характеристику третьему действующему лицу — «Жигулям», — я писал, что машина была довольно резвая на ходу. Случилось это, однако, далеко не сразу. Купив запущенный кем-то до крайней степени автомобиль, Каладжерий отдал его ремонту много времени и денег.

Но вот машина отремонтирована и окрашена — она совсем как новая.

— Садись,— пригласил Каладжерий жену,— испытаем покупку...

Принарядившаяся Наусас гордо проследовала к машине и уселась рядом с мужем. Машина лихо вылетела за ворота и понеслась по улице, ведущей в старую, так сказать центральную, часть аула.

Возле магазина Каладжерий остановился, и Наусас, приподняв голову чуть выше обычного, шагая чуть медленнее обычного, вошла в магазин.

Потом они по ее просьбе проехали на ферму. Здесь подружки искренне поздравили телятницу с приобретением, а две из них попросили подвезти их к аулу, что Каладжерий с удовольствием и сделал.

Наступило воскресенье. Когда за окном раздалось знакомое «Хаджакеш, заводи «хиа», Наусас рассмеялась.

— Поедем в город,— предложила она мужу.— День такой хороший...

— На сегодня я наметил профилактический ремонт,— ответил муж.— Да и у тебя намечена стирка.

— Верно,— согласилась Наусас.— Привези мне в бидоне речной воды, ею хорошо стирать, а потом приступишь к профилактике.

Каладжерий привез речной воды и, переодевшись в комбинезон, полез под машину... Через некоторое время Наусас дондобилась вода, но просить об этом занятого работой мужа постеснялась... Пришлось тащить тяжелые ведра самой.

Обедали поздно.

— Пока ты будешь гладить белье,— сказал, выпив компот, Каладжерий,— я проверю машину.

— Я могла бы и потом этим заняться,— с некоторой обидой заметила Наусас, но Каладжерий не поддержал жену.

— Пусть каждый занимается своим делом,— ответил он,— что время попусту тратить.

Стемнело, а Каладжерий все не возвращался. Наусас, встревоженная необычно долгим отсутствием мужа, вышла за калитку. Как раз шла домой ее соседка Шаушаше, или, как называла ее Наусас про себя, «хиа».

— Ты ждешь мужа? — весело спросила она.— Вернется не скоро, он повез в соседний аул какую-то красавицу.— Сказав это, она прошла в свою калитку.

По лицу молодой женщины потекли слезы.

«Уж я с ним поговорю...» — решила она, впервые испытывая муки ревности.

Но тут улица озарилась светом фар, и, обдавая Наусас клубами пыли, возле ворот остановилась их машина.

— Где ты был? — не выдержала Наусас.— Я так волновалась...

— Делать нечего, вот и волнуешься,— рассмеялся довольный поездкой муж.— Подбросил одну женщину на станцию, опаздывала...

— Мы теперь так редко бываем вместе,— как бы невзначай заметила за ужином Наусас.— Даже в кино не ходим...

— Не до кино,— отмахнулся муж.— Если б ты знала, сколько мороки с этой машиной... Но зато уж когда она исправна — нет большего удовольствия, чем прокатиться на ней.

Так и пошло. То Каладжерий работал, то ремонтировал машину, то обкатывал ее или «подбрасывал» первого встречного куда тому вздумается — отказывать в такой просьбе он не мог.

Прошел год. Наусас за это время очень изменилась — похудела, как-то осунулась. Изменилось и ее настроение. То она всегда и везде появлялась веселой, светилась радостью, а в последнее время не просто было вызвать на ее лице улыбку. Наусас уже давно поняла, что машина сыграла в ее судьбе зловещую роль — с каждым днем она становилась мужу все дороже. Машина в буквальном смысле вытесняла Наусас из его сердца. Теперь муж не только не помогал

ей по хозяйству, но и дома оказывался лишь тогда, когда машина выходила из строя.

Но упрекать мужа Наусас не решалась — понимала, что сама стала виновницей своих бед.

И все же однажды словно бы в шутку обмолвилась:

— Ты так ухаживаешь за машиной, что о тебе могут песню сложить...

Обычно «песни складывали» о людях, над которыми хотели посмеяться. Или о героях. Каладжерий принял эту реплику как шутку.

— И поделом мне, — ответил он. — Хорошо, что люди не знают всех подробностей, а то бы добавили, что все это я сделал по совету собственной жены. Уж тогда бы мне насмешек наверняка не избежать.

— Мы собирались купить мне новое пальто, — переменяла тему разговора жена. — Деньги есть, надо съездить в город.

— Деньги эти придется отдать заведующему складом Ламову — он обещал достать мне два запасных ската. Конечно, придется переплатить, да ведь выхода нет. — С этими словами Каладжерий вышел, сел в машину, и только его и видели.

Задумалась Наусас: как выйти из ловушки, в которую попала по собственной вине?

Помог случай. Как-то вечером Каладжерий возвращался на машине домой. Рядом с ним сидела их односельчанка. Увлечшись разговором с ней, он на повороте не сразу заметил встречную машину. Авария произошла по его вине. И хотя никто не пострадал, встречной машине был нанесен ущерб, а его «Жигули» вовсе вышли из строя — кое-как дотащился домой.

Пошли осенние дожди, неожиданно рано повалил снег. Полевые работы завершились, товарищи Каладжерия работали в мастерских или учились на курсах повышения квалификации, а он возился со своей машиной.

Но не зря говорят: нет худа без добра. По вечерам он бывал дома, даже как-то сходил с женой на новый кинофильм. Поужинав в добром настроении, уселся у телевизора. Вот тут-то и огоршила его Наусас.

— Дорогой, — сказала она, — я должна сообщить тебе важную новость. Очень важную...

Каладжерий взгляделся в лицо жены. Оно вдруг похоронело, зарумянилось, ресницы смущенно сомкнулись. Он все понял без слов. Вскочив с кресла, он привлек жену к себе.

— Это хорошо! — выкрикнул он, взял ее голову своими большими руками, взглянул ей в глаза. — Нас будет трое! — Подхватив жену на руки, он прошелся по комнате в лихом танце.

— Я бы хотела, чтобы нас было трое, — откликнулась Наусас. — Но нас будет четверо... А ты даже, наверное, не запомнишь лица ребенка: ведь ремонт машины подходит к концу...

— Не я виноват... — начал было Каладжерий, но осекся, сообразив, что время для дискуссии выбрано неудачно. Да и какие могут быть споры с этим, третьим! Все же он уточнил, хитровато прищурив веки: — Что же ты предлагаешь?

— Продай проклятый «хиа»... — робко проговорила она.

— Но ведь у нас тогда будет не так, «как у людей»? — не утерпел Каладжерий.

— Зато у нас будет экипаж, которого нет у соседей, — детская коляска! — воскликнула Наусас, поняв, что судьба «Жигулей» решена.

...Недавно я встретил эту чету возле клуба. Каладжерий, расправив плечи и гордо поглядывая вокруг, катил впереди себя шоколадного цвета детскую коляску. Рядом с ним плыла, приподняв голову чуть выше обычного, Наусас. Я не оговорился — она именно плыла, а не шагала или ступала. Супруги то и дело переглядывались, устремляли взор на коляску, где, спокойно глядя в небо, покоился ОН — тот, кто вытеснил из их жизни «Жигули», «Ладу», «Фиат», «Хиа».

И подумалось: знать бы заранее, какие последствия принесет нам наше неумное подражание, наше желание угнаться за модой, стать вровень с тем, а вернее — опуститься до того, кто больше приобрел, многое в нашей жизни пошло бы куда складнее.

КАРАГУЛАН ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

адыгов старость священна. Старейший в семье — это подлинный глава, к слову которого не только прислушиваются, но и относятся с благоговением, как к приказу, каким бы мягким тоном оно ни было высказано.

Старик заходит в помещение — все поднимаются со своих мест, бросают папиросы, если курили, умоляют, если шел разговор.

Детей с самого раннего возраста приучают уважать старых и старших — не поучениями, а примером, установившимися в семье взаимоотношениями.

В беспрекословном уважении к старшим воспитывался, разумеется, и я. Каково же было мое потрясение, когда однажды, будучи учеником четвертого или пятого класса, прочитал я один рассказ. Ни названия, ни автора сейчас не помню. Сюжет его прост и страшен. В зимнюю стужу, в метель парень увозит в дремучий лес старушку мать. Увозит подалее, высаживает из саней, устраивает под деревом и... возвращается домой. Таков будто бы древний суровый закон борьбы за существование: если ты стар и беспомощен, не можешь себя обслуживать и не вносишь ничего в общий котел, ты должен умереть.

Правда, в конце рассказа сын, уже почти возвратившийся в свою деревню, вдруг спохватывается, поворачивает коня и гонит его в лес — за матерью: он не желает мириться с безжалостным законом предков. Пусть сам умрет с голоду, но не оставит на съедение диким зверям ту, которая его родила и выкормила...

Я завел с матерью разговор об этом рассказе. Мне хотелось узнать, правда это или выдумка, не верилось, что такое могло быть на самой деле.

Мать видела, в каком я состоянии, понимала, какого ответа я жду от нее. Но без колебаний ответила:

— Правду написал этот хороший человек, сынок, такой обычай был. — И добавила: — Так в старину поступали многие народы. Такой же обычай был и у нас. От своего деда я слышала, что когда-то в краю шапсугов, на побережье, так же избавлялись от беспомощных стариков. Чтобы выжить и сохранить потомство, люди не считались ни с чем. — Увидев, что я чуть не плачу, мать добавила: — Ты уже почти взрослый, мой сын, поэтому я и говорю тебе правду. Ведь от правды все равно никуда не денешься. Далеко в горах, за высокогорными пастбищами Лагонаки, говорят, стоит скала, где кончали жизнь наши предки. Теперь старость в почете, и это очень разумно — народы не могут развиваться, не пользуясь опытом старших поколений.

Такой или примерно такой разговор состоялся много лет назад. И в памяти моей засел мрачный образ скалы смерти.

А недавно мне довелось гостить в одном из приморских аулов. Домишки здесь не стояли рядами, как в обычных селениях, они карабкались в горы. Каждый клочок земли

был ухожен и щедро плодоносил; этому способствовала быстрая и шумная речушка, пробившая себе дорогу среди камней. Чуть повыше, за аулом, шумели старые сады.

Однажды я забрался далеко в горы и внезапно очутился на отвесной скале. Я любовался видом дикой, необузданной природы, открывавшимся отсюда. Внизу раскинулся аул, он напоминал груды разноцветных, как попало разбросанных камушков.

Вдруг я услышал чей-то голос:

— Осторожней, молодой человек, здесь и оступиться недолго...

Оглянувшись, увидел сидевшего на валуне старика. Я подошел к нему, поздоровался, и мы разговорились. Речь старика была остроумна, пересыпана поговорками и пословицами, большинство которых я слышал впервые. И я, конечно, вытащил свой блокнот.

— Назови, пожалуйста, свое имя, отец, и я запишу, если ты не станешь возражать, некоторые неизвестные мне изречения.

— Зовут меня Карагулан. Конечно, пиши. Но не всякому показывай записанное — ведь то, что нравится двоим, может не прийтись по вкусу третьему.

— Как называется гора, на которую мы забрались? — спросил я.

— Верно, ты приехал издалека, если не знаешь этого, — догадался Карагулан. — Слушай же: наши предки дали ей имя Жгаибг!

Жгаибг — гора старых!.. Вспомнился рассказ матери. Подумалось: уж не эта ли самая гора?

— Да, — подтвердил Карагулан, — та самая скала, с которой когда-то сбрасывали тех, кто не мог обеспечить себя пропитанием.

— Значит, это было? Живых людей сбрасывали вот с этого обрыва? — заволновался я.

— Да, сынок... Но люди поняли дикость этого обычая. Мне рассказывал об этом мой дед. Мне скоро сто, деду еще больше было, когда я услышал от него эту историю. Потом посчитаешь, сколько ей лет...

Старик говорил не спеша, следя за бегающим карандашом: ему, видимо, хотелось, чтобы я записал все слово в слово. Когда я, притомившись, переставал записывать, он умолял, давая мне отдохнуть. Вот что я записал.

«Когда-то, очень давно, в наших горах существовал такой закон: если у старика плохо видели глаза, переставали

слушаться ноги и руки, его приносили сюда и обрасывали в пропасть. Поручалось это обычно внукам — в их сердцах было меньше жалости. Никто не считал обычай плохим — ведь не они его придумали. Все знали, что с ними произойдет, когда они станут беспомощными, и безропотно подчинялись закону гор.

Однажды внук повез сюда своего деда. Отец юноши вечно был занят охотой, поэтому внук находился на попечении деда и очень любил его. Что бы ни случалось, внук обращался за советом к деду и поступал так, как тот учил. Но ничего не поделаешь, закон есть закон. Привезя деда к подножию скалы, внук понес его навёрх. Дед спокойно глядел в лицо внуку. Наконец они оказались наверху. Чтобы поскорее покончить с этой ужасной необходимостью, внук заторопился к обрыву, но споткнулся о камень и выронил свою нетяжелую, но дорогую ношу.

Оказавшись на камнях, дед неожиданно расхохотался. Его смех озадачил внука.

— Почему ты развеселился? — спросил внук. — Неужели тебе не хочется жить? Неужели тебе не жаль расставаться с этим небом, с этой землей, с этим чистым воздухом?

— Смеюсь я, мой внук, потому, что вспомнил один случай из своей жизни: я точно так же споткнулся на этом месте, когда нес к обрыву своего деда. Но я его не выронил, а донес до края... Просто споткнулся там, где и ты. Разве не смешно?

— А почему ты не отвечаешь на другой вопрос? Неужели тебе не жаль расставаться с жизнью?

— Закон есть закон, — ответил старик. — Раз я ни на что не годен — толкай меня в пропасть.

— Почему же ни на что? — возразил внук. — У тебя нет сил, но есть то, чего нет у меня, ты знаешь, как человек должен поступать. Твои советы могут оказаться дороже хлеба...

— Делай свое дело побыстрее, — заторопил его дед. — Иначе у меня не хватит выдержки, и я потеряю мужество перед смертью. Не хочу, чтобы позор пал на мои седины в час испытания.

Но юноша не торопился нести деда к краю обрыва, в голове его роились диковинные для того времени мысли.

«Кому нужен этот проклятый, жестокий закон? — думал он. — Когда я стану старым, мой любимый внук пойдет по проторенной мною же дороге и сбросит меня с обрыва. Пусть

дед живет. Пусть смерть сама придет за ним, как это случается у всего живого».

Дед сидел на камне, о который споткнулся юноша, а внук обдумывал, что делать с дедом, как сохранить ему жизнь. Возвратиться с ним в аул нельзя, там нарушение закона не простят. И он вспомнил, что неподалеку отсюда, в стороне от проложенной людьми тропы, есть глубокая, теплая пещера. Снова взяв деда на руки, он спустился со скалы и отнес его в пещеру.

— Здесь, — сказал внук, — ты будешь отныне жить, сюда я буду приносить тебе пищу. А водой ты сам себя обеспечишь — рядом бьет родничок.

Так они и поступили: юноша стал приносить в пещеру пищу. Дед благодарил аллаха за доброе сердце внука. В хорошую погоду он кое-как выходил из пещеры, но делал это крайне осторожно — знал, что если его кто-либо заметит, то недобровать ни ему, ни его спасителю.

Однажды князь, властвовавший в наших краях, устроил себе на потеху такую игру. Он приказал отковать золотой плуг и объявил, что выставит его напоказ. Собравшимся задаст вопрос: «Сколько стоит этот плуг?» Горцу, который даст лучший ответ, награда: князь исполнит любое его желание.

Сколько же стоит золотой плуг?

Над этим вопросом ломали голову десятки парней — многим хотелось, чтобы жестокий и богатый князь выполнил какое-либо их желание. Хотелось этого и нашему юноше. За советом он отправился к деду. Старик внимательно выслушал его, поразмыслил немного и сказал:

— Хитер князь, но нетрудно перехитрить и его. Думаю, что твой ответ ему понравится. Скажи ему: любой плуг, будь он хоть золотой, не стоит и самой мелкой монеты, если не выпадет на поле дождь. Скажи ему: цена твоему золотому плугу — три майских дождя. Если в мае трижды выпадет дождь, земля получит достаточно влаги, а влага — это урожай. Только урожаем можно оценить плуг, а из чего он сделан, не имеет никакого значения.

Так и ответил юноша князю в присутствии его высокомерной и чванливой свиты. Ответ удивил всех. Князь поначалу нахмурился, потом спросил:

— Как зовут тебя, юный мудрец?

— Русланом назвали.

— Не думал я, Руслан, что такой простак, как ты, даст самый правильный ответ на мой вопрос. Но уж это точно —

без дождя плуг ни к чему, из чего бы он ни был сделан. А после трех майских дождей будет такой урожай, что купиай хоть три золотых плуга. Что же ты просишь у меня, что тебе нужнее всего?

Просьба Руслана удивила князя еще больше, чем ответ.

— Мне самому ничего не нужно, — сказал он. — Но если ты хозяин своему слову, отпусти девушек, которых на днях угнали для тебя из моего аула твои молодцы.

Князь вынужден был выполнить желание юноши.

В другой раз обратился Руслан за советом к деду, когда на одну из предстоящих аульских свадеб приехала из долины знаменитая красавица. Каждый хотел пригласить ее на танец. И Руслан не отставал от других. Красавица оказалась в затруднительном положении — с кем танцевать? Тогда поднялся музыкант и объявил:

— С красавицей будет танцевать тот, кто завтра первым увидит восход солнца.

Как опередить множество соперников? Руслан бросился к деду.

— Этому делу можно помочь, — сказал старик. — Перед рассветом все парни, которые захотят танцевать с красавицей, соберутся за аулом и станут глядеть на восток, туда, где должно появиться солнце. А ты гляди в противоположную сторону. Там, на западе, высится гранитная гора, и первые солнечные лучи озаряют ее вершину раньше, чем солнце появляется на востоке. Увидишь эти лучи, крикни, что солнце взошло...

Задолго до рассвета собрались юноши со всего аула. Некоторые притащили огромные камни и влезли на них. Все они уставились на восток, лишь один Руслан глядел на запад. Кто-то из парней засмеялся:

— Зачем ты сюда пришел, если не знаешь, где запад, а где восток?

Руслан ничего не ответил. И вдруг на гранитной скале вспыхнули золотые блески.

— Солнце взошло! — радостно выкрикнул Руслан.

Все повернулись и увидели, что он прав. Красавица сдержала слово, она танцевала только с Русланом.

И во многих других случаях, следуя советам деда, юноша поступал в высшей степени разумно. Люди это заметили, о нем стали говорить, что парень не по годам умен.

Однажды выдался неурожайный год. Богатые семьи не тужили: их запасов хватало надолго, но большинство

аулчан приуныло — голода не избежать. Есть ли выход из этого трудного положения?

Руслан пришел к деду. Услышав его вопрос, старик глубоко вздохнул.

— Выход, конечно, есть, — наконец сказал он. — Но решить это дело может только сельский сход. Он скоро должен быть. Люди там будут говорить долго, их предложения, возможно, не подскажут выход. Если же кто-нибудь выскажет то, что я тебе сейчас скажу, горячо поддержи его. Выслушай всех, и если никто не скажет того, что сейчас услышишь, выскажешь это сам. Скажи: «Люди! Хотя я моложе всех, кто здесь помогал нам найти выход из беды, но выслушайте и меня, и подумайте, правильно ли я говорю. Надо весь хлеб, который имеется в ауле, собрать в одно место. Взвесив его, мы увидим, что имеем, будем знать, сколько каждому можно употреблять, чтобы дожить до нового урожая». Те, у кого хлеба много, конечно, начнут протестовать, они не захотят делиться с другими, но их нужно заставить пойти на такой шаг во имя спасения детей и женщин, во имя спасения аула. Вот так и скажи. И тогда большинство поддержит тебя, и все выживут до нового урожая.

Все произошло, как и предвидел старик. Руслан последним высказал свое предложение, и люди ухватились за него, ибо это был лучший выход. Многие от души благодарили Руслана.

— Какое счастье, — говорили люди, — что у нас в ауле есть такая светлая голова.

А когда внезапно умер аульский старшина, стали прочить на его место Руслана. На сходе было названо только одно имя — его.

Юноша не на шутку перепугался. Ведь все, что он предлагал, исходило не от него, а от деда. Не справиться ему с такой трудной должностью. В отчаянии он решил во всем повиниться перед земляками: авось помилуют старика, который столько раз помогал им своими советами.

— Люди, простите меня за обман, — воскликнул он. — Но не я выручал вас все это время, моя голова еще не созрела для таких мудрых мыслей. Мудрость приходит с годами, если, разумеется, человек умен. Вы помните моего деда Селима, которого я минувшей весной отнес на Жгаибг. Не хватило у меня духу сбросить его в бездну, я отнес его в пещеру, где он и живет по сей день, туда я и хожу к нему за советом.

Наступило некоторое замешательство: новость оказалась слишком колючей, не сразу ее ухватишь руками. Пользуясь этим, Руслан продолжал:

— Если бы в каждом доме жили старики, во сколько раз умнее бы мы все стали. Я очень часто беседую со своим дедом, стараюсь запомнить то, что он говорит. Он однажды сказал: «Старик знает, что делается на дне котла». Так оно и есть. И еще он как-то сказал: «Не разбивай сердце, ибо другого не сделаешь». Разве нам не дороги сердца наших стариков, выросивших нас? Разве наши сердца не скорбят, когда мы чиним над ними зверскую расправу?

Тут заговорили все сразу. Жарко спорили и в конце концов отменили этот несправедливый, жестокий закон.

А старшиной Руслана все же избрали. Сказали ему:

— Вези деда домой и в трудных случаях советуйся с ним...»

Карагулан умолк, поглядывая на мой карандаш.

— Ловко ты научился писать, — похвалил он мою работу. — Однако рано прячешь карандаш. Мне хотелось бы, чтобы ты записал еще несколько моих мыслей. Если они покажутся тебе глупыми, вырвешь листок и бросишь в печку.

И Карагулан продолжал:

— Выслушай меня, пока не записывая. Потом обдумаешь мои слова и запишешь то, что сочтешь важным. Или ничего!

Карагулан раскурил трубку, пустил густую струю сизого дыма.

— Задумывался ли ты над тем, зачем я сюда прихожу, на эту гору? Оплакивать сброшенных в пропасть предков? Так разумные люди не поступают. Что было, то было. Тревожно у меня на душе, дорогой, потому и прихожу. А тревожно потому, что стал я каждый вечер смотреть телевизор. Живем мы мирно, хорошо, но над головами нашими поднимается тень, — вехорощие люди решили соорудить новый Жгайбг. Жгайбг уже не для стариков, а для целых народов. Непокорные, не желающие следовать чужой указке народы они вознамерились столкнуть в пропасть. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Еще бы! Старик выражался довольно ясно. Новый Жгайбг, атомный Жгайбг!

— Что же ты предлагаешь? — спросил я Карагулана. — Что ты надумал?

— Я ничего не надумал, — признался старик. — Для такой работы, наверное, нужен дед Руслана. Я же могу про-

сить тебя об одном: передай тем, которые для нас строят Жгайбг, что мы не те старики, которые давали себя сбрасывать в пропасть. Да ты не пиши, сынок, не торопись, такие мысли надо получить и попроще выразить, чтобы все поняли: довольно шутки шутить, довольно играть с огнем!

...Как тесно все переплетается в нашей жизни. Легенды, были и действительность. Да, не зря поведал мне старинную притчу столетний Карагулан, не зря закончил он ее столь прозаично, бесхитростно привязав ее к нашей реальности, к тому, чем мы живем.

Давно уехал я из того аула, но стоит закрыть глаза, и вижу высокого, худощавого старика в сером поношенном бешмете, идящего на замшелом валуне. Помахивая в такт словам давно потухшей трубкой, он негромко, но твердо предупреждает:

— Довольно играть с огнем!

В глазах старика вера: Карагулан надеется, что к его словам прислушаются те, кому они адресованы.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Их зовут Кокой и Накар. Они супруги. Люди трудолюбивые, гостеприимные, понимающие шутку и умеющие при случае пустить в ход приперченное словцо. Поженились еще до войны. В войну Накару довелось хлебнуть немало горя. Раненый, он попал в плен, через некоторое время бежал, попал к французским партизанам, в аул возвратился уже после победы. Кокой, получив известие о том, что ее муж пропал без вести, ни одного дня не сомневалась в том, что Накар обязательно найдется. Она как будто и не особенно удивилась, когда он возвратился, только все недоумевала, как это его занесло в далекую Францию.

С тех пор и почти до самого последнего времени над их домом не было ни единого облачка. Они честно трудились в колхозе и растили детей. Сын, окончивший педагогический институт, преподавал в отдаленном ауле. Уехала и дочь — вышла замуж за механизатора из аула Джамбечи. Накар ушел на пенсию года через три после жены.

Вот тогда-то и начал меняться климат над их усадьбой: что-то в характере Кокой дало трещину, она с каждым днем становилась все сварливее.

Поначалу добродушный и малоразговорчивый Накар не обращал на эти перемены никакого внимания — послушает-послушает нарекания жены, кивнет в знак того, что, мол, учтет свой промах, и займется каким-либо делом.

Но вскоре Кокой стало раздражать буквально все, даже эта тихая покорность мужа.

— Что ты все молчишь? — злилась она, когда он молча соглашался с ее несправедливыми, высказанными в грубой форме замечаниями. — Конечно, ты считаешь меня последней дурой, не находишь нужным отвечать мне.

Он не откликался.

— Дожила! — еще более распалилась жена. — На старости лет узнаю, что я этой старой развалине не пара! Что ж, поищи себе другую! Иди, но уж больше не возвращайся...

— Что с тобой происходит? — как-то спросил он. — Уж не заболела ли ты?

Кокой словно бы только и ждала этой невинной реплики. Какими только именами не был наделен муж! Накар узнал, что он недотепа и раззява, последний лентяй, что у него «дырявые руки», что женщина, прожившая с ним жизнь, это «самый несчастный человек в мире».

С тех пор и пошло. Если Накар отмалчивался, он получал сполна за молчание, если же что-нибудь отвечал, ему отвечали вдвойне. Он стал все чаще заглядывать к приятелям, но и это не спасало его — когда бы старик ни возвращался, жена выдавала ему очередную порцию брани.

«Что случилось с моей старухой?» — терялся в догадках Накар. Но ответа не находил.

Однажды вечером, когда Кокой, придравшись к какому-то пустяку, начала отчитывать мужа, Накара вдруг осенило: явилась идея, как хоть на время выйти из этого унизительного положения. Слушая ругань супруга, он весело заулыбался.

— Ему смешно! — совсем распалилась женщина. — Жена делает этому старому балбесу замечание, а у него рот как у лягушки. Ну, скажи, ради аллаха, чего ты смеешься, что ты нашел в моих словах смешного?

— Завтра утром скажу, почему улыбаюсь, — серьезно ответил Накар.

Кокой с удивлением глядела на мужа — не хитрит ли он, не разыгрывает ли ее? Но нет, он по-хорошему улыбнулся, как это бывало, когда, возвращаясь с совещаний передовиков, он привозил ей какой-либо дорогой подарок.

Ругаться Кокой расхотелось, она подала ужин и раньше обычного улеглась спать.

Едва рассвело, Кокой поднялась и начала готовить завтрак.

— Теперь говори, — обратилась она к мужу, когда он поел, — что тебя вчера так развеселило?

— Стало радостно на душе, — ответил Накар, — потому, что вспомнил, что сегодня ты не сможешь меня ругать и я проживу день спокойно, будто с тобой ничего и не случилось.

— Так и думала, что ты вчера немножко тронулся, — закипела Кокой. — Ничто не спасет тебя от моего справедливого слова, это ты крепко запомни, старик. Если хочешь знать...

— Прекрати свою брань, старуха, — спокойно возразил Накар. — Ты забыла, что сегодня пятница? У нас, мусульман, пятница — самый дорогой, священный день. В пятницу ругаться нехорошо, наши старики говорят, что это может принести несчастье. Как бы и ты не накликала беду на наш дом или на дома наших детей!

— С каких это пор ты стал таким набожным? — хитровато улыбнулась Кокой. — Не ты ли доказывал нашему Асланчику, что бога нет?

— Говорил это, — не стал отрицать Накар. — Это же могу и сейчас сказать. Но наши старики уверяют, что в пятницу не следует ругаться потому, что это плохая примета. А в приметы я верю, да ты и сама знаешь, что многие из них сбываются.

Кокой долго молча глядела на мужа.

— Ладно, — проговорила она наконец, — пусть сегодня будет по-твоему: не стану ругаться, если ты не выведешь меня из себя.

День, как пишут в военных сводках, прошел без перестрелки. За ужином Кокой вспомнила, как заболел их первенец Аслан. Однажды, когда мальчику не было и года, среди ночи ему стало совсем плохо, и Накар, уведя из колхозной конюшни жеребца, поскакал в город. К утру у их порога остановилась машина — прибыл врач. Ребенок был спасен.

Так окончилась пятница, и настала суббота. Не успел Накар проснуться, как услышал раздраженный голос жены:

— Наш сосед уже давно овец кормит, а ты все дрыхнешь.

— Если бы ты, женщина, вспомнила, какой сегодня

день, то не спешила бы меня ругать, — как-то значительно проговорил Накар.

Кокой остановилась словно вкопанная и подозрительно поглядела на мужа.

— Уж не вообразил ли ты, что на этой неделе две пятницы? — хмуро спросила она. — Сегодня я отыграюсь за вчерашнее молчание, ты это должен знать.

— Вчера ты вспомнила, как болел наш Аслан, — проговорил Накар, пропустив эту угрозу. — Но помнишь ли ты, когда он родился? Ну, поднапрягись. В пятницу тебя увезли в родильный дом, а когда я в субботу пришел туда, мне сказали, что на рассвете ты наградила меня мальчиком. И я, счастливый, бродил под окнами до тех пор, пока ты не выглянула... — Накар вдруг умолк и отвернулся.

— Что же ты замолчал? — глубоко вздохнув, проговорила Кокой. — Ну, выглянула, и что? Все выглядывают, когда приходят мужья.

— Я сразу и не понял, что это — ты, никогда еще ты не была такой красивой. В раме окна ты похожа была на картину, которую я видел в журнале «Огонек».

Кокой зарделась, морщинки на ее лице разгладились.

— Да, ты прав, — подтвердила она, — Асланчик появился в субботу. Действительно, на рассвете. Мне очень не хотелось рожать в пятницу.

И этот день минул без словесных баталий. Каждый спокойно занимался своим делом. Перед обедом Кокой принарядилась, чего с ней уже давненько не случалось, а вечером начала перетряхивать вещи в комод.

— Сколько у меня хороших платьев, — заметила она, — а хожу все в одном. Это все ты мне привозил, — добавила после большой паузы.

В эту ночь Кокой долго ворочалась — обычно крепкий ее сон тревожили непрошенные воспоминания, какие-то смутные сновидения. Проснулась в плохом настроении. В такие дни Накару доставалось особенно крепко. Заметив, что муж не спит, она начала было пристрелку:

— Вчера мне показалось, будто ты рылся на полке, взял деньги, а потом куда-то исчез. Может быть, скажешь, зачем тебе понадобились деньги? Можешь, конечно, и не говорить, если это секрет.

— Не секрет, — весело откликнулся Накар. — Но для этого ты должна надеть одно из платьев, которые рассматривала вчера.

— И так хороша, — совсем рассердилась Кокой. — Ну, что там тебе понадобилось в магазине?

Накар оделся, полез в ящик, где лежали его инструменты, достал какую-то коробочку.

— Вот, — сказала он, опустив глаза, — получай. Это в память о том дне, когда я тебя украл из дома твоих родителей. Это случилось как раз сорок лет назад, в воскресенье. Такое событие я решил отметить.

Кокой с удивлением разглядывала красивую брошь, преднесенную мужем. Куда девалась ее воинственность!

— Ты все помнишь... — растерянно прошептала она. — Да, это случилось в воскресенье, сорок лет назад. Ты на меня тогда так ласково смотрел, так ласково... Потом мы скакали, скакали... С тобой были Казбек и Тембот, у него мы и пережидали, пока наши родители сталкиваются насчет свадьбы. Жаль, что эти ребята не вернулись с войны, а то бы пригласили их сегодня.

Занимаясь в этот день своими делами, Накар исподтишка приглядывался к жене. Лицо ее было каким-то умиротворенным, вся она незаметно для себя подтянулась, иногда что-то тихонько напевала — давненько не видел он ее такой. После обеда она прилегла отдохнуть, а потом отправилась к подружке, с которой много лет работала на ферме.

И за ужином ничего существенного не произошло, но на следующее утро...

Накар проснулся оттого, что по комнате разносился запах чего-то вкусного. Стоя у печи, Кокой колдовала над казанками. Заметив, что муж поднялся, она не без иронии проговорила:

— Если ты, старик, вообразил, будто у меня все выветрилось из головы, то ты ошибаешься. Понедельник — тоже особенный день для нашей семьи, — в этот день родилась Зейнаб, дай аллах ей и ее детям, а также ее мужу много лет жизни и здоровья. Так что можешь сегодня не оглядываться на меня, как заяц, которого догоняет лиса, сегодня я тебя не трону. Но завтра... — Кокой угрожающе сдвинула брови на переносице, лицо ее нахмурилось: — Уверена, что уж во вторник я с тобой полностью рассчитаюсь за всю неделю — во вторник никаких событий у нас не было.

— Ты не совсем права, — мягко возразил Накар. — Впрочем, может быть, то, о чем я вспомнил, не было для тебя событием. Но тогда, в тот вторник, мне казалось, что этот день останется и в твоей памяти. Если же ты забыла, значит, я ошибался, и не стоит об этом больше говорить. Втор-

ник, старушка, твоя, во вторник можешь честить меня с самого рассвета.— Сказав это, Накар, заметно расстроенный, стал одеваться.

Кокой наморщила лоб.

— Во вторник тебе вручили орден? — неуверенно спросила она.

— Орден я получал в среду, — грустно возразил Накар. — Ладно, займись овцами.

— Потерпят эти овцы, — рассердилась Кокой. — Ты должен сказать мне, что случилось во вторник, иначе я себе места не найду. Постой, постой, как же я могла забыть... Прости меня, дуру, ведь это был самый счастливый день в моей жизни. Война окончилась, а тебя все нет и нет. Если как-то пропал без вести, то должен же когда-нибудь найтись. И вот прибегает на ферму соседский мальчишка: «Кокой, беги скорей, Накар вернулся. С французскими медалями». Это было во вторник! — Кокой вдруг уткнулась лицом в подушку и заплакала навзрыд.

«Нервы», — подумал Накар, подавая ей чашку с водой.

— Пойду все же к овцам, — проговорил он и вышел в полном недоумении — плакала его жена за всю их многолетнюю совместную жизнь впервые.

«Ничего, успокоится, — решил он. — И что это на нее нашло?»

Возвратившись к обеду домой, Накар обнаружил, что глаза у жены все еще на мокром месте. Готовя ужин, она снова всплакнула. Впрочем, встретив встревоженный и недоуменный взгляд мужа, тут же взяла себя в руки.

Вечер провели у телевизора — выступал адыгейский ансамбль.

Кокой увлеченно следила за выступлениями артистов — в молодости она была участницей самодеятельности, любила лихие кавказские пляски, задорные частушки. Глядя на повеселевшее лицо жены, Накар успокоился. Но среди ночи до него донесся странный звук: сомнений не было — это всхлипывала Кокой.

Весь следующий день Накар по поручению правления колхоза проверял работу второй бригады, возвратился поздно, изрядно уставший. Это не помешало ему тотчас обнаружить, что Кокой и сегодня плакала.

Старик крепко призадумался. Уж не переборщил ли он с этими семейными датами? Ведь не замышлял ничего плохого, просто хотел в деликатной форме напомнить жене, что в их жизни было много радости, счастья и нет смысла ом-

рачать ее теперь, когда у них нет никаких забот. Но если Кокой никак не может без брани, если ей для здоровья необходима именно такая разрядка, то пусть ругается, он выдержит. Попросит только, чтобы она проделывала это чуть потише и по возможности воздерживалась от особенно обидных для мужчины слов.

Укладываясь спать, Накар словно бы невзначай проронил:

— Кончается день шестой, заканчивается наше перемирие. Завтра четверг, день седьмой, в который ровно ничего не произошло. Так что, если тебе невтерпеж, не сдерживай себя больше.

В ответ Кокой... громко рассмеялась. А через минуту... снова всхлинула.

Накар окончательно растерялся. Так и уснул, ничего не поняв. Утром проснулся оттого, что его тормозила жена.

— Вставай, добрый человек, выделивший мне день в неделю на ругань, выбери самого жирного индюка из тех, что я откармливаю на Октябрьские, зарежь его, а потом пригласи к обеду своих друзей.

— Что случилось? — всполошился Накар, вообразивший, будто жена подсмеивается над ним.

Однако же Кокой не шутила, и он с удовольствием отправился выполнять ее поручение.

Когда гости, ровесники Накара, расселись за столом, она устала его снedyю и сказала:

— Вот этого старика, хозяина нашего дома, как вам известно, я нередко обижала. Вернее, обижал его мой зловредный язык. Теперь этого больше не будет. Почему — старик сам расскажет вам за обедом, я разрешаю. Угощайтесь! Крикните мне, когда потребуется еще что-нибудь, — в нашем доме всего хватает. Приятного аппетита!

Накар, смекнувший наконец, почему жена плакала, очень расстрогался и отказался было посвящать друзей в свои семейные тайны. Однако, вспомнив, что и некоторым из его гостей порой изрядно достаётся от своих жен, поведал о том, что случилось у них за семь дней. Разумеется, поведал под большим секретом.

К счастью, в нашем ауле самые большие секреты держатся в секрете не более часу. В тот же день, день седьмой, эта история дошла и до меня. И я решил обнародовать ее: быть может, она сослужит добрую службу какому-нибудь задержанному женой бедолаге.

ТАЙНА СТАРОГО ДУБА

ентр нашего аула с каждым годом хорошеет, а за его чертой появились и свои Черемушки. Сохранившиеся старые улочки и переулки замысловатыми лабиринтами, в кружеве садов и огородов, сбегают к реке.

За причудливой лентой реки — лес.

Глядишь на наш лес с крутого берега горной реки, и кажется, будто это самый обыкновенный лес. А войдешь в него, походишь под кронами могучих деревьев, и почувствуешь — особенный он, необыкновенный.

Когда я был маленьким, лес казался мне уголком затерянного мира: все чудилось, что вот сейчас из-за кустика шиповника высунется хобот невиданного чудовища, будто уже и тень его ползет по изъеденному плесенью мху.

Вырос я, обстрелялся на войне, поездил по белу свету, посмотрелся разных диковинок, а лес все не переставал казаться мне загадочным. Только я уже не представлял его себе в виде затерянного мира, не ждал встреч с невиданными чудовищами. Теперь лес представлял в моем воображении в виде большого города. Как в большой город съезжаются люди со всех концов земли, так и в лесу нашем сошлись самые разные деревья. Вот высоко вскинула голову, будто высматривая что-то в небе, приподнявшись на цыпочки, тянется к солнцу сосна. Вокруг нее, широким кольцом, устроили хоровод елочки. Зеленым пунктиром убегают в чащу ясени и осины. Поближе к прогалинам можно встретить и березку. Тоненькую-претоненькую. Тоскует, наверное, одинокая.

Чуть в сторонке от других деревьев, явно отгораживаясь от всей этой малопочтенной компании, расправил упругие ветви бук. В своей серой шинели он напоминает готового к бою воина-гиганта. Неприступен и величав этот гордец.

Но и он понимает: далеко ему до дуба.

Дубов в нашем лесу много. Есть молоденькие дубки, подростки. Они, как всякие подростки, ведут себя немного заносчиво и шумно. Дубы постарше — солидные, скромные, уверенные. Их кроны, сдерживая натиск ветра, упруго прогибаются, словно резиновые, но ствол остается недвижим.

Главное же украшение нашего леса — дуб Тембота, — так называют его мои односельчане. Около трехсот лет этому великолепному дереву. Дуб Тембота и среди дубов ве-

ликаном кажется. Его огромная крона занимает полнеба, порой сливаясь с низко нависшими облаками.

Еще школьником я заинтересовался: почему это дерево носит имя Тембота, старика на первый взгляд ничем не выдающегося? Мне рассказали следующее.

Хакуровы из поколения в поколение ухаживали за этим деревом, весной и осенью убирали под ним опавшие листья, засохшие ветви, окапывали. Так уж повелось в семье Хакуровых — кто-либо из детей принимал на себя обязанности престарелого деда или прадеда по уходу за этим дубом. И потом, до глубокой старости, являлся, говоря по-современному, его шэфом. Тембот Хакуров сдружился с деревом, когда был мальчишкой, лет в десять — двенадцать. А теперь ему около ста. Выходит, имя этого человека дубу присвоили не зря. Именно Тембот приходил к дубу и зимой, после каждого снегопада, лопатой расчищал снег, сгребал его вокруг ствола, а на толстые ветви насыпал хлебные крошки, пшено. «Пусть птицы вьются тут не только летом, но и зимой», — говорил он.

Дуб Тембота известен на многие сотни километров вокруг. Говорят, задолго до революции под этим дубом любили отдыхать ашуги. Здесь они слагали свои песни, отсюда несли их людям. Дуб был их первым слушателем. Нередко под этим дубом устраивали встречи друзья, чтобы разделить радость или горе, поделиться сокровенными мыслями.

Предание гласит: по пути из Майкопа на Кавказ под этим дубом отдыхал Максим Горький, здесь он впервые услышал рассказы адыгейских сказителей, песни наших ашугов, адыгейские сказки. Известны его слова: «Такие сказки могут принадлежать только здоровому народу». Под этим дубом сложил немало своих песен и сказаний народный поэт Адыгеи Цуг Теучеж. Здесь, под дубом Тембота, играл свои незабываемые мелодии выдающийся гармонист Адыгеи Магомед Хагаудж.

Под старость люди задумываются — кому передадут они в наследство свои знания, свое дело? Меня интересовало: кто из семьи Хакуровых возьмет на себя заботу о дубе? Конечно, тревожило это и самого Тембота. Тревожило потому, что внуки и правнуки, едва оперившись, улетали из родного гнезда. А к дубу надо привыкать с детства, иначе человек и дерево не сдружатся, — так считал Тембот. Мудрый старец давным-давно понял, что навязанное силой — немилостиво. Вот почему он и молчал до поры до времени... Захотят, сами увяжутся за ним...

И однажды...

О, это «однажды»! Случай, которого ждешь иной раз многие годы, да так и не дождешься. И Тембот, грешным делом, думал, что останется его дуб без верного друга, зачахнет, умрет вместе с ним их славная семейная традиция.

Но однажды, когда Тембот, позавтракав, сказал, что отправляется к дубу, как он выразился, «к нашему дубу», его правнук Азамат, лишь год ходивший в школу, спросил:

— Тэтэж, а тэтэж, почему ты сказал «наш дуб»? Ведь в лесу все деревья общие. В саду у каждого свои яблони и груши, а в лесу хозяина нет.

Тембот остановился в дверях.

— А ты разве не знаешь, что в лесу есть дуб, за которым много лет ухаживают Хакуровы?

— Нет, — признался Азамат. — Я слышал, что в ауле какой-то дуб называют дубом Тембота, но не знал почему. Говорят: «Дуб Тембота уже распустился», «Сегодня у дуба Тембота побывали экскурсанты», — а почему так говорят, не знаю.

— Теперь будешь знать, — заметил Тембот и потянулся к ручке двери.

— Тэтэж, — заволновался мальчишка. — А какой он, этот дуб?

Тэтэж, то есть дедушка, заволновался еще больше. Но виду не показал.

— Какой? — задумался он. — Такой, что мой бедный язык его не опишет, для этого нужен настоящий ашуг. Я могу передать, что говорил о дубе мой дед, но тогда это дерево еще не было таким красивым и могучим, каким оно стало теперь, поэтому и его словами уж не описать наш дуб. Какой он, можно понять, мой мальчик, лишь увидев его.

— Тогда возьми меня с собой, — загорелся Азамат.

— А тебе действительно интересно? — прищурился дед. — Скажу по секрету, у этого дуба есть своя тайна.

— Какая, тэтэж? — Азамат произнес это шепотом.

— Он показывает свою красоту только тому, кто умеет ее видеть. А ты умеешь?

— Я не знаю, — признался Азамат. — А поглядеть на дуб мне очень хочется.

— Ну что ж, — проговорил Тембот. — Ты уже подросток и стал кое-что понимать. День у тебя сегодня свободный от занятий в школе, пойдем, если уж захотелось.

Они переправились через реку на небольшой плоскодонке Тембота. Азамат сидел на руле.

— Хорошо вот так, на лодке, — сказал он, когда они уткнулись в противоположный берег. — Когда я вырасту, стану капитаном.

— В добрый час, — буркнул Тембот. — А не будешь скучать по земле?

Затем они двинулись по тропке, которую проложили их предки около двухсот лет назад. И вдруг деревья расступились, открывая огромную поляну. Посреди нее стояло дерево, каких Азамату еще видеть не приходилось. Мощный высокий ствол объединял, казалось, целый лес. Подойдя поближе, Азамат поднял голову, чтобы увидеть верхушку кроны, и с его головы слетела кепка.

Они обошли дуб вокруг, потом Азамат с уважением приоткрылся к его коре. Потом постояли молча, слушая щебет, свист, щелканье, цоканье, переключку птиц, скрывающихся в его ветвях. Разобраться в этом многоголосом хоре было невозможно, но слушать его можно было без конца. Азамат стоял приоткрыв рот, позабыв обо всем на свете.

Внезапно налетел порыв ветра, и птицы, как по команде, умолкли. Азамат снова отошел от дерева и стал разглядывать его уже более внимательно. Тембот в это время набил свою трубку. Вдоволь налюбовавшись деревом, мальчик подошел к деду.

— Тэтэж, — попросил он, — расскажи мне об этом дубе.

Старик вынул трубку изо рта.

— Пожалуй, пора, — согласился он. — В твоём возрасте все хорошо и надолго запоминается, это я знаю по себе. Ну, слушай. Дубу этому около трехсот лет. Вообще дуб считается среди лесных обитателей долгожителем, есть дубы, которым четыреста, пятьсот и еще больше лет. А у нас на Кавказе, на Украине и в других местах, говорят, встречаются тысячелетние дубы. Существует поговорка: «Дуб любит расти в шубе, но с открытой головой». А я бы даже сказал, что деревья эти, как реки и горы, водопады и радуга, луна и звезды, украшают нашу планету, нашу жизнь, радуют все живое. Вдумайся, дорогой, в мои слова, и ты увидишь, что дуб — не только красивое, но и очень полезное дерево. Воздух вокруг него всегда чист и ароматен, насыщен целебной силой. В самое жаркое время под дубом всегда прохладно. Народная медицина утверждает, что воздух, которым пропитаны дубовые рощи, излечивает от

бронхита, астмы и многих других заболеваний. И этого не отрицают врачи.

Удивительны, мой внук, корни дуба. Будто пожарные насосы, они выкачивают влагу глубоко из-под земли, подают ее вверх, питают огромную крону. Нагнись, потрогай землю. Вот так. Она свежа, будто недавно полита. Вокруг дуба всегда много влаги, земли, окружающие его, не знают, что такое засуха.

А теперь взгляни еще раз на крону. Это стена, которую создала сама природа, чтобы задерживать суховей. Под охраной таких дубов-великанов полям не страшны даже пыльные бури.

Присмотрись к листьям этого дерева. Каждый словно вырезан искусным мастером. Рисунок его причудлив и неповторим, и немало труда тратят наши женщины, чтобы вышить дубовый лист. Только самым трудолюбивым и упорным удастся это. Ты заметил, что на платье твоей старшей сестры изображены дубовые листья? И на ковре, что висит в кунацкой, эти листья. Ковру уже более шестидесяти лет, твоя бабушка вышивала его не одну зиму.

Но дуб не только радует глаз, приносит пользу его плоды — желуди. Для домашних и диких свиней это лучшее лакомство, куры устраивают из-за желудей настоящие бои. Используются желуди и для приготовления кофе, других продуктов. Древесина дуба является незаменимым материалом для мебели, паркета, бочек, различных инструментов — она крепка, долговечна, в воде не гниет, более того, становится еще красивее и прочнее. Мореный дуб стоит дороже любого металла. Говорят, и на космических кораблях есть детали из дуба.

— О... — восхищенно протянул Азамат.

— Но, — сразу же оговорился Тембот, — я на этих кораблях ни разу не был и потому не могу утверждать это с уверенностью. Все же остальное чистая правда. Более того, из древесины дуба научились добывать специальный экстракт для обработки кожи...

Когда в нашем ауле организовался колхоз, многие празднества проводились на этой поляне, под дубом. Потом, как выстроили большой Дом культуры, дорогу сюда позабыли. А в годы войны, когда меня сделали связным партизанского отряда, я вспомнил о дупле, которое никому не было известно. У нашего дуба дупло над широкой ветвью. Весной и летом его ни за что не обнаружишь, а зимой оно присыпано снегом. Вот в этом дупле мы и устроили тайник. Сюда я

приносил продукты, теплые вещи, а иногда и ценные сведения. Дуб свято хранил партизанские тайны.

— Тэтэж, — попросил Азамат, — можно я загляну в дупло, которым пользовались партизаны?

Тембот посадил мальчика на плечо, потом приподнял, и Азамат вцепился в ветку. Подтянувшись на руках, он сел на ветку верхом и стал съезжать к стволу.

— Есть! — крикнул в восторге Азамат. — Есть дупло. Тэтэж... В нем что-то лежит.

— Да, мой внук, — подтвердил Тембот, — лежит.

— Что? Можно я достану?

— Нельзя.

— Почему? — спросил Азамат чуть не плача.

— Слезь, и я расскажу, почему нельзя трогать то, что лежит в дупле.

Азамат спрыгнул с дерева.

— В дупле — коробочка, завернутая в брезент. В коробочке мои советы тому, кто будет ухаживать за этим дубом, когда меня не станет. И подарок ему: вещь, которая досталась мне от деда.

Азамат хотел что-то сказать, но запнулся. Он смотрел в глаза деду, задыхаясь от волнения.

— Я тебя понял, дорогой, — счастливо улыбаясь, тихо произнес Тембот. — Ты хочешь сказать что эта коробочка будет твоей. Ты меня очень обрадовал. Ходи со мной к дубу, учись, пока я жив, подружись с ним, как дружишь со мной. И тогда дуб будет встречать тебя веселым гулом, а провожать грустной песней.

И действительно, когда они двинулись к аулу, дуб глухо зашумел, словно напевая что-то заунывное.

Повернув голову, Азамат долго махал рукой новому другу.

СЫН УПРЯМОГО ХАДЖИБАЧИРА

та история началась в тот знаменательный для аула год, когда председателем шапсугского колхоза был избран Асланук Чох, выпускник Тимирязевской академии, талантливый агроном, влюбленный в свое трудное и такое нужное людям дело. После окончания академии он несколько лет проработал в Майкопе в областном управлении сельского хозяйства,

затем был рекомендован на председательский пост. Колхозное производство тогда в ауле пребывало в упадке, и, естественно, Асланук все внимание уделял подъему хозяйства. Буквально на все он глядел только с одной позиции: будет то или иное мероприятие способствовать осуществлению его замыслов или нет? С этой вышки он и в будущее заглядывал, в частности заботился о подготовке специалистов для различных отраслей колхозного производства.

Тогда только-только начали входить в моду колхозные стипендиаты, и Асланук приглядывался к выпускникам средней школы — подыскивал наиболее подходящую кандидатуру для направления в Кубанский сельскохозяйственный институт. Более всего замыслам Асланука соответствовал Довлет — сын бригадира Хаджибачира Ачигогу, бригадира, который и в те трудные годы числился передовым. Как стало известно Аслануку, Довлет с десятилетнего возраста проводил каникулы в поле — сперва выполнял все, что скажут, а последние годы работал помощником у отличного комбайнера Схатбия Аутлева. Схатбий уверял, что Довлету в любую минуту можно полностью доверить комбайн.

Перед тем как вынести вопрос о колхозном стипендиате на заседание правления, Асланук посоветовался с Аутлевым.

— Полностью одобряю твой выбор, — не колеблясь заявил Схатбий. — Конечно, жаль терять такого механизатора, он бы года через два-три стал бригадиром трактористов, но ведь и агрономы нужны.

— А как у него насчет характера? — осведомился осторожный Асланук. — Специалист, сам понимаешь, должен быть человеком твердым, настойчивым, людьми руководить придется, а люди всякие бывают.

— С этим вопросом у него все в полном порядке, — заверил Схатбий. — Не забывай, что это сын Хаджибачира Ачигогу, весь в отца.

Асланук успел убедиться в том, что Ачигогу умный и волевой бригадир, и этой характеристики ему оказалось вполне достаточно. Председателю и в голову не пришло, что за словами Схатбия мог таиться какой-то скрытый смысл. Для соблюдения формы перед заседанием правления он вызвал к себе и самого абитуриента. Уж так случилось, что Довлет явился, когда я находился в председательском кабинете, кажется, ожидал телефонного звонка из Майкопа. Разговор председателя с юношей сразу же заинтересовал меня так, что я и о звонке позабыл.

Довлет оказался рослым, широкоплечим парнем с густой

черной шевелюрой и как будто удивленными карими глазами. Конечно, вызов председателя заинтриговал его, но он, судя по всему, как истый адыг, старался этого не выказывать. Войдя в кабинет, поздоровался и осведомился:

— Не вышла ли ошибка? Мне передали, что меня вызывал сам тхаматэ?

— Все правильно, дорогой, — подтвердил Асланук. — Именно тебя я и вызывал. Директор школы сказал, что у тебя хорошие отметки, Схатбий Аутлев уверяет, что ты влюблен в нашу работу, и я решил, что из тебя в будущем получится толковый агроном. Решили сделать тебя колхозным стипендиатом. Знаю, тебя больше тянет к механизации, но одно другому не помешает, будешь осваивать технику факультативно, станешь специалистом широкого профиля. Я тоже два факультета закончил.

Ситуация была предельно ясной: юноше оказывалось редкое благодеяние. По всем правилам он обязан был покраснеть от удовольствия и рассыпаться в благодарностях, чего и ожидал председатель, а с ним, признаться, и я. Но Довлет не покраснел, а, напротив, нахмурился.

— Спасибо, тхаматэ, за доверие, — ответил Довлет, — но в сельхозинститут я не пойду; пока не поздно, подыщите другого кандидата на стипендию.

Тут как раз в кабинет вошел колхозный главбух. Догадавшись, что сейчас председателю не до него, он уселся рядом со мной.

Асланук снисходительно улыбнулся.

— Ты не вник, дорогой, в главное, — проговорил он по-дружески. — Мы посылаем тебя на гарантированное место, экзамен можешь сдать хоть на тройки. Колхоз будет выплачивать тебе ежемесячную стипендию, она значительно выше, чем у других студентов. После окончания, когда возвратишься домой, тебя будет ждать солидная должность.

Выслушав все это, Довлет как-то тяжело, по-стариковски, с сожалением вздохнул.

— Это ты не понял меня, тхаматэ, я не пойду в сельскохозяйственный, я в другой вуз поступлю, — пояснил он. — Я могу быть свободным?

— В какой же ты вуз собрался? — все еще не веря в свое поражение, спросил Асланук.

— Медицинский...

На председательском лице от обиды заиграли желваки.

— В медицинский слишком большой конкурс, — прогово-

рил он чуть громче, чем следовало бы.— Этот вуз сейчас стал модным, в медицинский ты не поступишь. Да и зачем нам врач, у нас маленькая больничка, и в ней хорошо справляется Сидор Борисович! А нужны нам сейчас, да и всегда нужны будут агрономы. И лучшей профессии нет и не будет. Тебе предоставляется редкая возможность, так что выбрось из головы дурь, договорись с главбухом, когда ты зайдешь к нему для оформления бумаг. Лучше всего, если это будет сделано сейчас. Лады?

Тогда в ауле почему-то в ходу было русское слово «лады», уж не знаю, кто его к нам занес, но прижилось оно, как каждый сорняк, быстро и прочно: мне почудилось, будто Асланук употребил его неожиданно для себя, ему хотелось любой ценой уйти от поражения, переломить строптивного. Сказав «лады», он протянул Довлету руку, считая вопрос полностью исчерпанным.

Юноша руку не принял. Поднявшись со стула, он вышел из-за стола, за которым сидел, оглядел нас с бухгалтером, словно призывая в свидетели, и четко, даже, может быть, громче, чем следовало, проговорил:

— Как-то непонятно... Я ведь сказал, что буду не агрономом, а врачом. И я не претендую на место Сидора Борисовича. Но неужели вы, культурный и образованный человек, полагаете, что в таком большом ауле всегда будет эта захудалая больничка?

Куда, однако, заехал! Мое сердце заликовало — сам факт существования таких парней, мне думается, делает жизнь осмысленной. От спора на медицинские темы Асланук уклонился. Но на своем все же, уже вопреки всякому здравому смыслу, решил настоять. И пошел по пути, который никогда не оказывался плодотворным.

— Ты, кажется, комсомолец? — выпалил он.— Ага, комсомолец! И, конечно, знаешь, что такое дисциплина. Так вот, колхозу нужны агрономы, правление решило направить тебя в сельхозинститут, и делу конец. Получай документы и говори «спасибо». Раз стране и колхозу нужны агрономы, твой долг быть на переднем крае!

Конечно, это был неправильный ход. Но вспомним, что и у хороших руководителей случаются промахи. Кстати, познать председателя было легко, — позиция Довлета в какой-то степени бросала тень на его любимую агрономию.

Выслушав все это, Довлет... улыбнулся.

— Выходит, стать врачом — антикомсомольский поступок? — невинно спросил он.— Тогда, может, разрешите мне

стать хотя бы ветеринарным врачом? Ну, это я пошутил... Еще раз спасибо за доверие, и до свидания.

Довлет вышел.

Мы долго молчали. Возмущенный Асланук не находил подходящих слов, а мы считали неудобным подавать какие-либо реплики.

— Решим на правлении, и пусть отправляется в сельхозинститут, — как-то не очень уверенно проговорил Асланук.— Поедет, как миленький, не станет рисковать.

— Ты, Асланук, — вступил в разговор бухгалтер Зачерий, — наверное, забыл, что Довлет — сын Хаджибачира Ачигогу.

— Ну и что, что сын? Тем более! Пусть продолжает отцовское дело.

— Конечно, ты долго не жил в ауле и позабыл, что прозвище Хаджибачира — упрямый. И дед Довлета был упрямым, каких свет не видел. Это у них переходит по наследству. Уж если что кому-либо из них втемяшится в голову, всем аулом не выбьешь. Твой предшественник каждый год бился с Хаджибачиром, до истерики кричал ему: «Сей, упустишь время! Выгоню! Отберу партбилет!» И что же? Хаджибачир сеял, когда ему вздумается, ни раньше ни позже.

— И на такого упряма не могли найти управу? — удивился Асланук.— Вот уж беспомощность! Сняли бы с должности бригадира, и делу конец.

— Очень мудрые слова, тхаматэ, говоришь, — чуть прищурившись, согласился главбух.— Старый председатель так и собирался поступить. Только пока раскатается, пока новую подходящую кандидатуру подберет, пока в районе согласует, подходит жатва.

— Ну и что?

— А там выясняется, что у этого упрямого Хаджибачира — самый высокий урожай. А победителей, как известно, не судят... Еще и премию приходилось скрепя сердце выдавать.

— Выходит, не надо было ему навязывать сроки сева, — соображает Асланук.— Если человек знает свое дело, то не надо капать ему на мозги...

— Выходит, — снова соглашается главбух. И совсем неожиданно добавляет: — Вот теперь ты, кажется, уловил главное...

Снова наступает молчание. Его прерывает председатель.

— Ладно, если уж он так упрям, пусть сунется в меди-

цинский, получит от ворот поворот, а на будущий год сам в стипендиаты попросится.

К счастью, Асланук оказался незлопамятным. Когда прибыло извещение о том, что Довлет принят в медицинский, он первым поздравил его — в тот день сын упрямого Хаджибачира как раз работал на комбайне, но уже без Аутлева — старый механизатор что-то не вовремя расхворался.

— Все же жаль, что ты в агрономы не подался, — искренне признался председатель. — Нам вот так, позарез нужен агроном с характером.

— А может, и не очень нужен? — стирая пот со лба, вдруг рассмеялся юноша. — Нашла бы коса на камень.

С тех пор, как в таких случаях обычно пишут, много воды утекло или много гроз прошумело, и в ауле стали забываться о Довлете. Сидор Борисович исправно лечил всех, кого мог, своевременно отправлял в городскую больницу всех, кого надо было, благо Асланук всегда выделял для этого машину. А главбух Зачерий, как ему и положено, подсчитывал, сколько рабочего времени потеряно оттого, что наша хилая больничка отстает от жизни.

Мне рассказывали, что Довлет блестяще окончил институт и был зачислен в аспирантуру, его взял под свое крыло один из лучших медиков края.

Прошел еще год-другой, и мне стало известно, что изрядно постаревший Сидор Борисович направляет наиболее сложных больных в краевой центр на консультацию к... сыну упрямого Хаджибачира.

Когда Довлет приезжал в аул, он вел себя совсем не так, как другие отпускники, — не просиживал целые дни с удочкой, не бродил с отрешенным видом по лесам. Времени для обстоятельного разговора с отцом, матерью, братьями у него почти не оставалось — к нему, краснея и извиняясь, постоянно шли люди «за советом». Хаджибачир даже выделял для приема больных в новом доме специальную комнату. Приветливо встречая каждого посетителя, желающего проконсультироваться с сыном, старый бригадир шутил:

— Вовремя построили новый дом, а то бы и усадить всех гостей некуда было бы...

И еще весьма существенная оговорка: никаких подношений ни в какой форме Довлет, конечно, не брал — ни деньгами, ни живностью, и земляки об этом хорошо знали. Именно бескорыстие сына и было главной гордостью Хаджибачира.

Но основное время Довлет проводил в степи, там, где трудились люди, особенно его интересовали старики. Из бригады в бригаду, из звена в звено ездил он с объемистым чемоданчиком на своем мотоцикле. Некоторых стариков ухитрялся осматривать трижды в день — утром, в обед и вечером: измерял пульс и давление, выслушивал с помощью фонендоскопа, делал обстоятельные записи в толстой тетради. Кое-кому давал таблетки, а некоторых отправлял домой, заставляя на время, как он говорил, «менять режим». Двум или трем старикам и вовсе запретил в жаркое время появляться на солнце.

Как-то в разгар уборки пшеницы, остановил он мотоцикл возле агрегата своего старого наставника Схатбий Аутлева. Был полдень, солнце жгло нещадно. Схатбий вел машину не так уверенно, как обычно, и это показалось Довлету подозрительным. Взобравшись на комбайн, он сразу понял, что старый механизатор болен.

— Бросай якорь! — крикнул он комбайнеру. — Тебе нужно отдохнуть...

В другое время Аутлев и не подумал бы послушаться — работа есть работа, — но сейчас не стал спорить. Заглушив машину, начал спускаться вниз, но чуть было не сорвался со ступенек, — к счастью, Довлет был начеку.

Он долго выслушивал и выстукивал старика, потом уложил его под тенью дерева, одиноко высившегося у дороги, дал ему какую-то таблетку, потом еще одну, а третью велел держать под языком.

Подошла грузовая машина для приемки зерна, и Довлет сам разгрузил бункер. Потом набросал записку и вручил шоферу для передачи диспетчеру.

— Сегодня тебя спасло чудо, — сказал он лежащему с закрытыми глазами Аутлеву. — Еще минута-другая, и ты бы потерял сознание. Я вызвал машину, сейчас тебя повезут в город, в больницу.

— Спасибо, сынок, — чуть слышно ответил Схатбий. — А что же будет с комбайном?

— Да уж поработаю, пока подмену не найдут, если, конечно, доверишь мне это дело.

Трое суток пришлось Довлету заменять своего учителя, наконец пришла замена.

Председатель колхоза знал, конечно, что его молодой земляк наблюдает в поле за стариками, и был очень доволен. — это страховало колхоз от несчастных случаев. Пожилому Сидору Борисовичу в поле было некогда ездить.

Однажды они встретились — Асланук и Довлет. Поздоровались, потолковали о том о сем, и вдруг председатель признался, что был тогда, давно, не прав — чуть было не сбил парня с правильного пути.

— Ты и сейчас не прав, — со свойственной всем Ачигогу прямотой заметил Довлет.

— В чем же? — заинтересовался немного задетый Асланук.

— В том, что строишь в ауле все, что угодно, кроме хорошей больницы. На полевом стане горячий душ, коровники как дворцы, с родильным отделением. Ты не жалеешь кормов животным, хорошо удобряешь поля, приобретаешь высокопроизводительную технику. Все это очень хорошо, колхоз богатеет и славится на весь край, у тебя уже два ордена. А о здоровье людей ты думаешь? Аулу нужна хорошая современная больница. Люди это давно поняли, а ты нет. Так что руководитель ты хороший в основном... — заключил Довлет.

Расстались они холодно и с тех пор, как говорили мне, при встречах только раскланивались.

Так все, быть может, и продолжалось, если бы не несчастье. Как раз в те дни, когда Довлет гостил у отца, тяжело заболел Сидор Борисович. Случилось это впервые за многие годы его жизни в ауле. Тотчас отправили за Довлетом. Было это поздним вечером.

Осмотрев больного коллегу, Довлет поставил диагноз: инфаркт! И тут же начал действовать. Из председателского кабинета созвонился с кем-то в Краснодаре, потребовал, чтобы в аул немедленно вышла реанимационная машина со специалистами. Но таких машин и в краевом центре тогда было очень мало. Ему ответили, что специалисты прибудут только под утро.

Всю ночь просидел у постели больного Довлет, непрерывно следя за работой сердца, поддерживая его уколами и лекарствами. Утром прибыла специально оборудованная машина. Сидору Борисовичу сделали электрокардиограмму, бережно, на особых носилках, перенесли в автомобиль.

— Спасибо тебе, Довлет, — сказал на прощание старый доктор. — Но не смогу я там спокойно лечиться — мои больные остаются без присмотра...

— У меня еще две недели отпуска, — проговорил Довлет, — и я пока по мере сил вас заменяю. А там, глядишь, и вы вернетесь.

— Не нужно успокаивать меня, дорогой, — ответил Си-

дор Борисович. — Я ведь понимаю, что происходит... Ты, Довлет, требуй, чтобы в аул прислали другого врача, боюсь, что колхозное начальство об этом и не подумает.

Машина с больным ушла, собравшиеся по этому случаю люди разошлись, и они остались вдвоем: Асланук и Довлет.

— Да... — неуверенно вздохнул Асланук. — Не знаешь, где тебе судьба подножку подставит. Удивлен, что Сидор Борисович не очень высокого мнения обо мне. Впрочем, мы действительно мало ему помогали. Но ведь и он не тербил нас...

— В данном случае, — возразил Довлет, — все можно было предвидеть. Доктор — тихий человек, поняв, что помощи ждать не от кого, выкладывался весь. С утра до обеда — прием больных, потом, до самой ночи, — обход тех, кто сам прийти не сумел, а в перерывах — лечение тех, кто лежит в палатах. Случается, что и ночью вызывают, — когда человека прихватит, он не думает о другом. Ну, а пока не прихватило, никто и в ус не дует...

— Это в мой адрес, — обидчиво констатировал Асланук. — Когда ты наконец поймешь, что больницу у нас должно строить государство. У колхоза своих расходов — не знаешь, как выкрутиться. Чем больше доходов, тем больше обнаруживается дыр. И техника вперед несется, все новые и новые машины. Прозеваешь — отстанешь. Да что тебе рассказывать, ты, говорят, диссертацию заканчиваешь. Над какой темой потеешь?

— Геронтология, — не очень охотно ответил Довлет.

— Требуется пояснение...

— Борьба с преждевременным старением, износом организма, борьба за продление жизни человека. Обширная и спорная тема.

— Да, спорная и, мне кажется, крайне запутанная, противоречивая, — уважительно заметил председатель. — Не сулит быстрой славы.

— Тема-то сама по себе не противоречивая, — возразил Довлет, — рекомендаций по части борьбы со старением много противоречивых. Вот, к примеру, вопрос: труд и возраст! — неожиданно загорелся он. — Сколько споров, сколько различных точек зрения, сколько построений, основанных на недостаточном количестве фактов или неверном их толковании! Какой замечательный материал дает наблюдение за стариками в поле!

Усталость слетела с его лица, он преобразился, глаза

лучились живым блеском. Но вдруг Довлет взглянул на собеседника, и поток его красноречия оборвался, а сам он словно вдруг осунулся.

— Извини, дорогой, — вяло проговорил он, — тороплюсь в больничку, там, наверное, уже собрались люди: пообещал Сидору Борисовичу заменять его, пока я в отпуске. Через две недели возвращаюсь на работу, позаботься о замене.

Асланука вдруг словно осенило.

— Довлет, а ведь эту самую... геронтологию ты мог бы полностью решить на материале нашего аула. Что, если тебе стать на место Сидора Борисовича? А? Идея? И лишних вопросов людям задавать не будешь — кто что ест, какой образ жизни ведет? Наблюдения, осмотры и выводы. Уговорил?

На лице Довлета появилась горькая усмешка.

— Ты даже не понимаешь, — с укором проговорил он, — что предлагаешь мне. Современный врач не может работать в таких условиях, у него под рукой должны быть все вспомогательные средства: рентгенокабинет, кабинет функциональной диагностики, лаборатория и многое другое. С лечением наугад уже давно покончено, дорогой товарищ Чох. А чтобы оборудовать все это, необходимо соответствующее здание. При поликлинике должна быть больница, тоже современная, а не чеховских времен. Построй новое здание, и я добьюсь, чтобы крайздравотдел выделил все необходимое оборудование. Тогда в аул потянутся и не такие юнцы, как я. Впрочем, что время терять, разве тебе втолкуешь?

Асланук пристально глядел на собеседника, словно решая: говорить ли?

— Думаешь, не понимаю? Только считаю, что главная наша задача — кормить народ; и я все делал, чтобы росли урожаи, чтобы больше было мяса и молока. Себя не жалел и других. Но ты прав — себя я могу не жалеть, это мое личное дело, а других жалеть обязан. Будет больница, Довлет, настоящая больница будет! В будущем году строить начнем. Вот правление соберем и решим, а потом на общее собрание вынесем. Свалим с плеч строительство колхозной конторы, и за больницу возьмемся. А ты доставай проект, выбивай необходимое оборудование.

— Что ж, кажется, лёд тронулся, — сказал Довлет с нескрываемой иронией. — В будущем году начнется строительство, протянется два года. А я сейчас начну выбивать

оборудование, необходимое тем, кто уже начал строить больницы. Да через три года, товарищ Чох, и оборудование обновится, что сейчас думать о нем? Ничего у нас не получится. К концу года такие больницы, как наша, будут попросту закрыты, на этот счет готовится специальное постановление.

И он медленно двинулся к больничке, где его уже ждали пациенты, а Асланук сел в стоявший неподалеку газик. По пути на ферму он обдумывал план возвращения в аул сына упрямого Хаджибачира.

Дней через семь-восемь Довлет получил письменное приглашение на общее колхозное собрание. К этому времени он успел съездить в Краснодар, достал там наиболее современный и дешевый типовой проект сельской больницы, передал его бухгалтеру колхоза для вручения Аслануку.

Отправляясь на собрание, Довлет чувствовал, что на нем должно произойти их решающее сражение: решится, быть в Шапсуге больнице или нет. Понимал Довлет и замысел председателя. Земляки на собрании единодушно выскажутся за то, чтобы Довлет остался в родном ауле, и отказать всему миру не сможет даже сын упрямого Хаджибачира.

Сталкивались два характера — какой отступит?

Довлет решил твердо стоять на своем, дело слишком серьезное.

Атака на молодого врача началась еще до открытия собрания: его, как он думал, неспроста избрали в президиум. Асланук обстоятельно рассказывал о делах в бригадах и на фермах, о растущих доходах и успехах капитального строительства — производственного и жилого. В заключение сказал следующее:

— В прошлом году мы решили построить новую контору: такому колхозу, как наш, стыдно иметь захудалый штаб. А в план будущего года я предлагаю включить сооружение современной больницы. Проект ее представил нам наш уважаемый земляк Довлет Ачигогу — известный в крае врач, работающий над важнейшей диссертацией о продлении жизни людей. В новой больнице мы постарайтесь создать ему все, абсолютно все условия для лечебной и научной деятельности, а потому и просим возглавить наше нарождающееся медицинское учреждение.

Сказав это, Асланук повернулся к столу президиума, где сидел Довлет, и первым громко зааплодировал. Зал дружно поддержал председателя. Раздались возгласы:

— Просим...

— Добро пожаловать...

— Не откажи, Довлет!

На собрании был и я. Вглядываясь в лицо Довлета, думал о том, какие чувства его обуревают, как выйдет он из создавшегося положения, вернее, как выберется из ловко расставленной западни. Судя по его устремленному в пространство взгляду, думал об этом и он.

Поскольку аплодисменты не утихали, а сам Довлет молчал, Асланук подошел к нему и протянул руку.

Но она повисла в воздухе, — Довлет вышел из-за стола и направился к трибуне.

— Спасибо, дорогие мои земляки, за не заслуженное мною уважение, я бы очень хотел иметь право на него и постараюсь завоевать его своим трудом. Хочу, чтобы не было неясностей: в больнице, которая существует сейчас, лечить людей нельзя. Хотя вы и недостаточно разбираетесь в медицине, но, думаю, понимаете, что в наше время она ушла далеко вперед. Такая больница, как у нас, не нужна никому, здесь можно только делать уколы и ставить клизмы. Необходимо новое здание и современное оборудование. А новое здание не появится, чудес не бывает, в колхозе на очереди — строительство конторы. Административное здание, — добавил с горечью Довлет, — закладывают на высокой лесной опушке, неподалеку протекает речка. В других аулах такие места отводят под лечебные учреждения, у нас же на первом плане забота об удобствах администрации. Поэтому прошу простить меня за отказ — лучше не приезжать, чем приехать и не лечить, а по-прежнему направлять всех маломальски больных в город.

Довлет и в президиум не возвратился, — сойдя с трибуны, спустился в зал и уселся рядом со старым комбайнером Схатбием Аутлевым.

В зале стояла тишина. Секретарь партийной организации Гарун, который вел собрание, растерялся, чего с ним еще никогда не случалось. Потоптавшись на месте, он проговорил:

— Дело ясное, товарищи. У кого имеются на этот счет предложения?

Все молчали. И тут слово попросил главбух Зачерий.

— Говори, — обрадовался Гарун.

Главбух выступал крайне редко, поэтому все уставились на него с особым интересом. Тем более что в его руках были какие-то папки или книги.

— Если идет спор, — рассудительно начал Зачерий, —

то всегда кто-то бывает прав, а кто-то — ошибается. Верно я говорю?

— Верно! — выкрикнул кто-то в зале. — Давай дальше!

— А если кто-то прав, а кто-то ошибается, то в чем состоит наша самая главная задача? Выяснить, кто прав, а кто нет. Верно я говорю?

— Верно! — откликнулось уже несколько голосов. — Давай дальше!

Главбух поднял над головой папки, — их оказалось две.

— Вот тут у меня в руках, — объявил он, — два проекта: конторы и больницы. Я их сравнивал и нашел, что фундаменты у них почти одинаковы. К чему я это говорю? Ведь, в конце концов, все, товарищи, в наших руках. Захотим продолжать строить контору — дело на мази. А если вдруг захотим поставить на этом месте больницу, то переделки будут незначительные. Верно я говорю? — с этими словами он повернулся к Аслануку и помахал папками.

Тут уж зашумели все, и Гаруну пришлось призвать собравшихся к порядку.

— Что же ты предлагаешь? — повторил свой вопрос Гарун.

— Я ничего не предлагаю, — уклонился от прямого ответа главбух. — Я только внес разъяснение, что мы можем строить и контору, и больницу — убытков от этого не будет. А дело собрания решать, что именно строить. Если решим одно, значит, не будем строить другое. А если решим другое, значит, отложим то. Верно я говорю?

Теперь даже самые недогадливые сообразили, куда клонит Зачерий. И зал снова зашумел. Но этот шум был, как бы поточнее выразиться, целенаправленным, а не просто шумом — люди уже во всем разобрались.

— Больницу! Другое! — неслось со всех сторон. — Пусть то подождет, не к слеху!

Асланук сидел за столом президиума. О чем он думал? Наконец он поднялся.

— Товарищи! — четко и твердо выговорил он. — Разъяснение главбуха помогло нам уяснить финансовую сторону дела, за это ему спасибо. А теперь я хочу задать вопрос нашему уважаемому Довлету: как он поступит, если мы сейчас решим строить, как выразился главбух, не одно, а другое? И отложим то? Сумеет Довлет выхлопотать оборудование в облздраве или крайздраве?

— Сумею! — выкрикнул Довлет. — Можете не сомневаться, товарищи!

— Давайте голосовать, — предложил Гарун. — Кто за то, чтобы на месте предполагаемой конторы и взамен ее начать строить больницу, прошу поднять руки. Предложение принять единогласно. Собрание считаю закрытым.

С тех пор прошло лет семь или восемь. Слава о нашей больнице растет с каждым годом. Если бы я хоть немного разбирался в медицине, я бы подробно описал, как она оборудована, какие методы лечения здесь применяют, какие открытия в геронтологии внедряют. Но стоит ли вдаваться в подробности? Если у кого-либо из читателей возникнут по этой части вопросы, прошу обратиться к Довлету Ачигогу, врачу-орденоносцу, сыну упрямого Хаджибачира.

СВАДЬБА С ЖЕНИХОМ

Нелегкой оказалась судьба этого на первый взгляд нехитрого рассказа — несколько раз передельвал его, а все мне кажется, будто что-то важное не сказал, будто на бумагу попала лишь малая толика того, что теснится в душе. А ведь иной нетерпеливый читатель определит его содержание всего лишь двумя словами:

— Алий женится!

И раздраженно добавит:

— Женится, и бог с ним, эка невидаль, нашел о чем писать: молодой человек свадьбу сыграл! Не он первый, не он последний. Ежедневно по стране устраивается не менее тысячи свадеб, и если о каждой писать...

Перед таким читателем не стану оправдываться. Более того, попрошу его еще раз взглянуть на заголовок моего сочинения и этим самым наверняка прибавлю поводов для возмущения. Если же он человек добродушный, его попросту начнет разбирать смех.

— Свадьба с женихом! — прищурится он. — А где же ты, уважаемый, встречал свадьбу без жениха?

Оговорюсь, так скажет читатель, которому неведомы адыгейские свадебные обряды.

А если попадется человек, знакомый с ними, да к тому же и строгих правил, не склонный прощать чужие промахи, то положение мое еще более усугубится.

— Это что еще за свадьба с женихом? В каком ауле довелось тебе гулять на свадьбе, на которой бы присутствовал жених? Что за дикая фантазия? — возмутится он.

И в прошлом, когда я брался за такие скользкие темы, не раз приходилось мне оказываться как бы между двух огней, или, точнее, между двумя противоположными лагерями. Ведь если пишешь о нравах своего народа, каждый раз снова и снова сталкиваешься с одними и теми же затруднениями: как объяснить не адыгейскому читателю то, что адыгу ясно и без объяснений? Как рассказать об обычаях, нравах, обрядах, наконец, о привычках, так, чтобы не вызвать у адыгейского читателя впечатления, будто его кормят вчерашней кашей, а у русского, будто ему подсунули шашлык из лягушатины?

Потому и нелегка судьба этого и некоторых других моих рассказов, что адыгейские обычаи и обряды весьма существенно отличаются от русских, английских, или, к примеру, шведских, что адыгы, как и все другие народы, дорожат своей самобытностью, многовековыми обычаями, нравами, и, извини, серьезный читатель, даже такими, которые иным могут показаться более чем странными, но ведь не зря говорят, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Если это ясное положение все еще нуждается в доказательствах, приведу несколько самых простых примеров. Заговори, как это частенько случается у нас, мужчина с женщиной-англичанкой на шумной лондонской улице, попробуй, к примеру, спросить у нее, как пройти в Гайд-парк, и его тут же спровадят в кутузку как безнравственного волюкиту, хотя он ничего дурного не замыслил и действительно не знал, где находится этот Гайд-парк. Там этого никто во внимание не примет — заговорил с незнакомкой, значит, сердцеед, а то и кое-что похуже. Так поступать там не принято. Не принято, вот и весь сказ!

Незачем убеждать читателя, что в Советском Союзе иначе относятся к таким вопросам. Подойдите вы, допустим, в Одессе, к женщине и спросите, где Дерибасовская, как к ней пройти, или в Риге осведомитесь у прекрасной незнакомки, как попасть на бульвар Райниса, и ни одной из них не взбредет в голову обидеться на этот вопрос — ведь у нас принято обращаться за различными справками к незнакомым людям, и их пол при этом ни малейшего значения не имеет. Принято, вот и весь сказ!

Иное дело, если прохожий, повстречавшись с дамой, к примеру, на той же милой сердцу одессита Дерибасовской, а лучше того, на бульваре Райниса, покажет ей язык. В ответ или довольно многозначительно покрутят пальцем у виска, или даже дело может дойти до милицейского прото-

кола и окончится письмом на имя руководителя предприятия или учреждения, где имеет несчастье трудиться человек, показавший даме язык.

Между тем тибетцы, как я недавно узнал от товарища, побывавшего на Тибете, только так и здороваются друг с другом, иначе у них приветствовать знакомых не принято. При встрече тибетец перво-наперво высовывает язык, затем правой рукой снимает головной убор, а левую руку закладывает за ухо. Те же фигуры проделывает и его знакомый. Стоит кому-либо по рассеянности не высунуть знакомому язык или высунуть лишь кончик его, и обид не оберешься. Это будет равнозначно тому, что ты при встрече у нас подал товарищу для пожатия не руку, а только один палец. И никому не пожалуешься, у них так принято!

Вывод прост: сколько народов, столько и обычаев, обрядов, условностей, представлений о том, что положено или не положено, принято или не принято, прилично или аморально.

А если вернуться к исходному пункту этого рассказа, — я имею в виду свадьбу, — то, что нормально в глазах адыга, кажется странным, а порой и диким, русскому, и наоборот.

Мне хочется, чтобы читатель-адыг понял, что двигало чувствами Аледжука, когда он твердо решил отказаться от адыгейского традиционного свадебного обряда, и чтобы русский читатель правильно, со достоинству оценил этот необычный для адыга шаг. Потому заранее прошу прощения у тебя, читатель, знаком ты или незнаком с нашими обычаями, за иные пояснения и отступления, — честное слово, в таком деле без них не обойтись.

А началось все в высшей степени просто: ко мне на службу заглянул мой земляк и сосед Аледжук, отец Алия.

Если бы Аледжук появился на пороге моей квартиры, я бы и вел себя соответственно: ни о чем не расспрашивая, усадил за стол и стал угощать чем бог послал, а потом Алия бы дело шло к ночи, повел его в отдельную комнату отдыхать. Таков у адыгов обычай — не корми гостя вопросами, корми его свежей бараниной или индюшатинной. Или индюшатинной и бараниной поочередно.

И если бы на следующее утро Аледжук попрощался и ушел, мы бы не удивились — у нас принято заглядывать друг к другу без специального повода, попросту проведать земляков. Повод в таком случае мог бы даже обидеть хозяев — для деловых разговоров имеются другие места, официальные. Правда, уж там твой знакомый — не гость, а

посетитель, и ты не поступишься ни этикетом, ни обычаями, если вынужден будешь отрицательно отнестись к его просьбе. Дома же все по-другому. Тут ты в безвыходном положении, и во имя добрососедства должен выполнить любую, даже невыполнимую, просьбу.

Появление Аледжука в моем рабочем кабинете показывало, что его привело ко мне не столько желание проведать меня, сколько решить с моей помощью какой-то крайне трудный вопрос. Просто трудные вопросы Аледжук решал сам, не обременяя друзей.

Проговорив для приличия с полминуты о погоде, он, как-то неловко улыбувшись, вдруг спросил:

— Извинишь ли меня, Киримизе, если я нарушу запретную тему? Хоть ты и немного старше меня, но не настолько, чтобы между нами лежала пропасть. Тем более что речь пойдет об Алии, а ты, по нашим понятиям, его аталлык.

Об Алии? Уж этого я, признаюсь, не ожидал. Алий четыре года назад поступил в институт, и с тех пор, хотя и жили мы в одном городе, виделись редко, — повзрослев, он стал необычайно стеснителен. Быть может, его смущала разница в возрасте, а то и в положении? В ауле мы были попросту соседями. Алий располагал богатой информацией о жизни наших аулчан, знал, что я ею очень интересуюсь, и как бы помогал мне. Это придавало нашим отношениям непосредственность. В городе же, возможно, полагал он, мне не требовался молодой друг? Алий глубоко заблуждался. При редких встречах я давал ему это понять, но отчуждение не проходило.

Что же случилось теперь? Не натворил ли он чего? Нет, эту мысль я сразу же отбросил. Хоть встречались мы и редко, но об Алии я знал все. Ну, почти все, все самое важное. Последние два года он в качестве командира студенческого строительного отряда ездил в Нечерноземье, имел награды ЦК ВЛКСМ, крайкома комсомола, готовился возглавить в колхозе рисоводческую бригаду. Ни в чем неблагоприятном замешан не был.

— Ради аллаха, Аледжук, — взволнованно ответил я, — какие у нас с тобой могут быть запретные темы?

— Это я для формы, — пояснил, улыбаясь, Аледжук. — Знаю, что отношения у нас ближе братских, вижу, что судьба Алия тебя волнует теперь не меньше, чем раньше, и рад этому. Не буду тянуть — речь пойдет о его женитьбе.

Ага, подействовало, я ухватился за ручки кресла и потону не свалился на пол...

Улыбка Аледжука перешла в смех, но смех этот был каким-то неестественным, он все же чувствовал себя неловко.

И неудивительно: слишком уж необычный разговор завел Адыг о женитьбе своих сыновей с посторонними никогда не говорит уже хотя бы потому, что по обычаю должен узнавать об этом, так сказать, постфактум — после того, как жених, то есть его сын, скроется с невестой у кого-либо из друзей и пошлет кого-то из них к родителям с просьбой организовать свадьбу. Они, разумеется, выполнят эту просьбу, свадьба будет греметь несколько дней, а люди — пить и плясать, произносить тосты в честь молодых.

В общем, все произойдет как и у других народов, за исключением, как поется в песенке, пустяка: сам жених на свадьбе не появится, он будет отсиживаться у своего друга. Через несколько дней друзья введут его в его дом, все будет обставлено довольно торжественно; но и потом, через много недель, упаси боже сыну заговорить с отцом о жене. Запретная тема! Для отца он как бы не женат. И жены его как бы не существует в природе — она не имеет права видаться со свекром ни при каких обстоятельствах. Таковы суровые обычаи, дошедшие до нас из глубины веков и сохранившиеся в своей первобытной дикости.

Итак, Аледжук «нарушил» запрет, потому что «нарушил» его Алий. Удивительного в этом было мало. Честно говоря, я не раз прикидывал в уме, как поступит Алий, решив жениться. И пришел к выводу: воспользовавшись студенческой вольницей, устроит свадьбу в общежитии. А в ауле сделают вид, будто ничего не случилось. Потом будет отдана дань родителям и землякам: в ауле устроят пиршество по случаю дня рождения кого-нибудь из родственников, и там аудчанам представят «половину» Алия.

Так думал я. Теперь мне предстояло узнать, что думал по этому поводу сам Алий. Если бы наши предположения сошлись, Аледжуку не пришлось бы сейчас держать совет. Что же надумал Алий?

— Смелее, — подбодрил я Аледжука. — Теперь, когда я держусь за ручки кресла, можешь говорить все, не свалюсь на пол. И не забывай, я воробей стреляный...

Хотя Аледжук был еще в армии, когда я женился, он знал, что мне пришлось жениться по законам сурового военного времени. Я вышел из госпиталя после тяжелого ранения, был списан вчистую, получил приглашение на работу в освобожденный от гитлеровцев Майкоп. Невеста моя нахо-

дилась в эвакуации в одном сибирском городке. «По пути» из госпиталя на работу я заскочил за ней в Сибирь. Свадебная процедура была крайне упрощена: мы отправились в загс, потом выставили ее подружкам литр приобретенного за бешеные деньги самогона.

В Майкоп я явился с женой, и родители мои, безмерно счастливые, что их сын, хоть и не в первоначальном виде, но, впрочем, вполне прилично починенный, возвратился домой, и думать забыли об обычаях. А потом они привыкли к моим стихотворным и прозаическим фельетонам, в которых я обрушивался на всяческие пережитки, понимали, что между словом и делом у меня никакого просвета не будет.

Впрочем, должен сделать здесь честное признание: выступая против всяческих постов, которые церковники обычно приурочивали к уборке урожая или севу, против умыкания невест и многого другого, что досталось нам от прошлого, я ни разу не поднимал голоса против традиционной адыгейской свадьбы «без жениха». И не потому, что считал этот обряд хорошим. Мне ясно было, что свадьба без жениха — не свадьба, а издевательство, что женитьба — величайшее событие в жизни молодой пары и отмечать его следует так, чтобы оно запомнилось на всю жизнь, прежде всего — молодым, и стало прочным фундаментом будущей семьи.

Но...

Этих «но» оказалось слишком много.

Во-первых, в ауле к такому порядку за многие века привыкли и не считали его плохим, — обычай был, если так можно сказать, освящен временем.

Во-вторых, сами молодые люди не протестовали против этого обряда.

И главное: что мог я предложить взамен?

Я понимал, что старый дом плох, тесен, не отвечает современным требованиям, что жить там уже нельзя. Но для того чтобы покинуть старый дом, надо построить новый, значительно лучший, а его пока не было.

Над новым свадебным ритуалом работали многие адыгейские ученые, предпринимались неоднократные попытки устройства свадеб по-новому, но обряд не был достаточно отработан и приживался слабо. И я полагал, что слабо приживается он не из-за косности моих земляков, а потому именно, что недоработан. Да и любой обряд складывается не сразу. Пройдет время, люди отшлифуют его, сделают ярким, красивым, душевным, и молодые потянутся к новому.

А пока... Пока я тщательно обходил молчанием старый свадебный обряд.

— Ты-то стреляный, — возразил Аледжук, — но ведь я в этом смысле явно недострелянный. Никогда не прошу себе, что уступил тогда отцу. Тебя в ауле не было, ты уже в Майкопе жил, может, и не знаешь, как обстояло у меня дело. Вернулся с войны с орденами и медалями. Невеста ждала меня, ну, это тебе известно. Думал: закачу свадьбу по-новому, приглашу комбата, он как раз в Краснодаре гостил, других боевых друзей, буду, как положено у русских, сидеть во главе стола рядом с невестой, справа от меня — мои родители, слева — ее, за ними — комбат... А Темиркан — на дыбы. Помнишь деда Темиркана?

Я лишь кивнул в знак согласия, перебивать Аледжука не хотелось. Темиркан — это не просто человек, это эпоха в жизни не только нашего аула, но и всей Адыгеи, — совсем недавно проводили его в последний путь. Все знали: за колхозное добро Темиркан с любого шкуру спустит. Сам работал так, что залюбуешься, и всех четырех сыновей к тому же приучил. Когда началась война, снарядил свое «отделение», как он выразился, на фронт. Возвратился один Аледжук. Справедливость у Темиркана стояла на первом месте среди наиболее важных добродетелей, но понимал он ее по-своему: считал, что справедливость и порядок будут обеспечены, если все станут следовать старым добрым обычаям и правилам. От них Темиркан не отступал ни на шаг, за них держался, как мулла за коран.

— Конечно, помнишь, его не забыть, ведь, говаривают, он и тебя когда-то крапивой угостил... Так вот, пришел я к отцу, чтобы поговорить о свадьбе, а он, не дослушав, прогнал меня — не положено сыну заводить такой разговор с отцом. Думал, отойдет старик, поймет, что мне, коммунисту, негоже по-старому жениться, но прошло несколько дней, и он предупредил меня, что не потерпит никакого отступления от принятого обычая. Снизойдя к моим наградам, он добавил, что выбор мой одобряет, но порядок нарушать ни за что не позволит. И еще сказал:

— С комбатом и другими русскими друзьями погуляешь в Краснодаре, деньги дам...

— Думается, — заключил Аледжук, — он чувствовал, что не прав, что зря наступает мне на горло, но смирить себя не мог. Что же мне. Киримизе, оставалось делать? Своего дома я не имел, да и оставлять стариков одних мне, единственному из четырех сыновей возвратившемуся с фронта,

было не к лицу. Не по-человечески! И сейчас уверен, что, подчинившись отцу, поступил тогда правильно, — время подпирало, следовало быстрее входить в мирную жизнь, заводить семью, принимать колхозную бухгалтерию, приступать к делу. Конечно, ничего не сказал я комбату о своей женитьбе, не привез в аул ни одного русского товарища — не поняли бы того, что происходит, осудили бы. Все прошло как в дурном сне. Уплатил я, как положено, за невесту калым, выкрал ее по уговору, привез к товарищу, известил, как положено, родителей. Через день началась свадьба. Люди пели, веселились, пили, плясали, поднимали время от времени тосты, а любимая моя стояла в углу, опустив глаза в землю, с трудом представляя, где я, что делаю. А я в это время скрежетал зубами в кунацкой у приятеля, называл себя подлым трусом, недостойным красавицы, которая согласилась стать моей женой. Долгих три дня продолжалась моя свдьба. А потом, когда подружки по обычаю принесли ее вещи, какие-то мои дальние родственницы, которых я ни до того, ни потом ни разу в глаза не видел, растаскали накопленное тяжким трудом приданое моей невесты, оставив ее, без преувеличения, в одном платье.

Закончив эту, вырвавшуюся из самой души исповедь, он со вздохом добавил:

— Не в барахле, разумеется, дело, быстро мы с ней стали на ноги, ты это знаешь, да уж больно оскорбительно сложи руки глядеть на такой грабеж... Но, повторяю, у меня имелось существенное оправдание, не мог я переступить через волю отца, не мог оставить на произвол судьбы из-за его предрассудков. Так обстояло дело. И вот пришла очередь жениться Алию. Весь аул настороже. Родители невесты колеблются, им хотелось бы повернуть дело по старинке, чтобы не дать повода для сплетен. Но и условия Алия им известны: только по-новому! Должен, впрочем, заметить — напролом Алия не лез, никого не обидел, действовал осторожно, тактично, проявил несвойственную ему ранее гибкость. Сперва невеста перетянула на свою сторону мать, а уж та принялась обрабатывать своего мужа. С немалым трудом выудили у него какой-то намек на согласие. Он сказал: «Как Аледжук, так и я». Лишь после этого посредник Алия переговорил с хозяйкой нашего дома — явиться лично ко мне с таким делом он, конечно, не решался, а через посредника передал матери, чтобы она сказала мне, что он очень надеется, что я, как он выразился, «не сорву важное комсомольское мероприятие». Вот так, соседушка...

Слушал я это до предела закрученное объяснение Аледжука с радостью и какой-то болью одновременно. Он, разумеется, был за новое, в этом я никогда не сомневался. И все же в угоду обычаю изображал все так, чтобы я, не приведи аллах, не подумал, будто его сын посмел с ним заговорить о своей женитьбе. «Хозяйка дома», а попросту говоря, жена Аледжука Кокой, явилась посредником между отцом-коммунистом и его сыном — комсомольским вожаком.

В душе я сочувствовал соседу: он смело бросился в бурный весенний Афиис, пытаюсь его переплыть, но при этом старался не замочить пупок.

Видимо, Аледжук все же устыдился своих уловок и закончил следующими словами:

— Теперь, когда все зависело от меня, я поддержал сына. И вот решил посоветоваться с тобой, Киримизе, как провести свадьбу так, чтобы она не была похожа на старую, чтобы за столом сидели жених с невестой, их родители, но вместе с тем чтобы уцелело и кое-что из старого обряда — самое красивое, самое хорошее.

— Не думаешь ли ты, — засомневался я, — что сумеешь сделать так, чтобы волки были сыты и овцы целы? Чем-то придется поступиться...

— Алий советовался с нашим ученым-этнографом Мухтаром, разработал целый план. Может, послушаем мальчишку? — проговорил Аледжук, потудившись.

Вот оно в чем дело! Оказывается, далеко не все зависело от Аледжука, ему были лишь предоставлены почетные условия капитуляции. Как я сразу не догадался! Конечно, этот мальчишка снова обвел всех вокруг пальца.

— И он, разумеется, — осенило меня, — сейчас прогуливается по Первомайской, ожидая, когда его вызовут с его планом?

— Разумеется, — рассмеялся Аледжук.

Видимо, он был рад, что вместе с ним в эту сомнительную свадебную авантюру втянут и я.

Более того, если судить по этому безмятежному смеху, он надеялся часть своей ответственности переложить на мои плечи.

Отсмеявшись и приняв благообразно-серьезный вид, как и положено суровому отцу, Аледжук подошел к распахнутому окну и, свесившись вниз, крикнул:

— Весь день ждать тебя будут, непутевый парень?

Через минуту в дверях появился Алий. Всего полгода не виделись мы с ним, но и за этот короткий срок он сильно

изменился: юноша стал мужчиной. Он протянул мне руку, крепко сжал мою, усевшись, глянул на меня своими, что греха таить, умными глазами.

Интересное это занятие — наблюдать за взрослеющими детьми. Уж не знаю, как это получается, но в один прекрасный день ты бросаешь обычный, мимолетный взгляд на сына или сына соседа и вдруг обнаруживаешь, что перед тобой уже не подросток, даже не юноша, а самый настоящий мужчина, такой же самостоятельный, как ты сам.

Прикинул, сколько же ему стукнуло. Не менее двадцати одного, но выглядит еще старше — ответственность за крупный студенческий отряд возросла. Сказывается, видимо, и необходимость принимать и другие самостоятельные решения.

— Выкладывай свои наметки, — проговорил я. — Отец сказал, что у тебя имеется целый план...

— Общение с тобой в детстве и юности позволяет мне уточнить терминологию, — серьезно заметил Алий. — Это скорее не план, а сценарий.

— Читай, — хмуро буркнул Аледжук. — И так целый час у Киримизе отняли...

Алий достал из кармана добротного пиджака, приобретенного «на собственные», несколько сложенных вчетверо листов бумаги, развернул их, положил на стол.

— Сценарий разрабатывал Мухтар, у меня он лишь спрашивал, приемлемо ли то или иное мероприятие. Он, оказывается, разрабатывал и обряд первой новой адыгейской свадьбы, которую снимала Ростовская студия кинохроники, нам ее потом не показывали, так как молодожены вскоре разошлись, но ты, наверное, видел?

Я не только смотрел фильм, но и лично присутствовал на той киносвадьбе и хорошо помнил все ее перипетии. Признаться, она мне не особенно пришлась по душе. Уже само присутствие кинооператоров наведало мысли об излишней шумихе, о нарочитости и условности. Впрочем, и молодожены были не «рядовые» жених и невеста — и он, и она в том году окончили специальный адыгейский курс в одном из московских театральных училищ, он написал несколько отличных песен, она обладала волевым сопрано, так что позировать перед объективом им было не в новинку. Та свадьба и была задумана с учетом профессиональной принадлежности молодоженов. Плясали и пели на ней участники адыгейского ансамбля.

Вспомнив обо всем этом, я встревожился: неужели и

Алий намерен пригласить целый ансамбль песни и пляски? Не растворится ли в этом театрализованном представлении самая суть происходящего? Суть в высшей степени деликатная, интимная, касающаяся слишком важного, чтобы ее можно было выставлять напоказ, превращать в балаган.

Алий понял меня.

— Мы посмотрели ту свадьбу, — ответил он на невысказанный мною вопрос, — и решили, что такое нам не подходит. Нам нужно попроще. Но и упрощать не следует. О танцорах заботиться не придется, я приглашаю весь свой курс, у нас так принято, и пляски организовывать не придется, они будут сами собой. Возник один вопрос — как уважить стариков? — Бросив взгляд на отца, Алий поправился: — Я имею в виду родителей жениха и невесты, а это, конечно, не одно и то же. Мы своих предков между собой именуем стариками, но, Киримизе, по сравнению с тобой они почти что ребятишки. Мы надумали сделать так. Когда все гости соберутся, мы с невестой выйдем из отдельной комнаты, поклонимся старикам, то есть предкам, и попросим у них разрешения на брак. Они со слезами на глазах согласятся, и пиршество начнется, как только мы займем положенные места.

— А это не театр? — усомнился я. — Всем ясно, что просить разрешения на брак после того, как вы побывали в сельсовете и получили брачное свидетельство — смешно. Да и сама форма — разве на людях просят разрешение на брак у родителей? А вдруг кто-то будет не согласен с выбором, что тогда? Отменять свадьбу? Свадьба завершает длительный этап ухаживания, переговоров, оформления, она лишь констатирует факт: двое образуют семью! Гости поздравляют молодоженов и веселятся в меру своих способностей, вот что такое свадьба.

Алий вздохнул.

— Что ж, откажемся и от этого, ты прав.

— Но это не значит, что не должно быть торжественности, — добавил я. — Ваше торжество должен открыть председатель сельсовета или колхоза, он скажет несколько добрых слов о родителях, бабушках и дедушках. Потом о молодых: пожелает счастья, достатка, детей, в общем, тут уж как работает его фантазия, адыгов не надо учить тостам. И еще пусть скажет, что нынешняя свадьба знаменует собой важный этап в становлении адыгейских обрядов и он верит, что это торжество породит крепкую, устойчивую семью и что

другие молодожены и их почтенные родители последуют примеру Аледжука. Вот так.

— Это мы запрограммировали, — дослушав меня до конца, заметил Алий. — На это нас хватило. Вот посмотри... — он протянул мне исписанные листки, — поправка насчет благословения принимается...

Посмотрев сценарий, я одобрил его: мне он действительно понравился — все скромно и душевно.

— Все? — спросил я, глядя на Аледжука, но обращаясь к Алию.

— Почти, — ответил жених. — Остается уточнить твою роль в этом деле. Если ты, конечно, принимаешь приглашение на свадьбу. Принимаешь? Спасибо! Тогда уж не обесчуди — прошу прийти со стихами, приуроченными к этому случаю. Мы с отцом и невестой очень надеемся на тебя, не откажи, пожалуйста.

Сказав это, Алий густо покраснел, что меня очень обрадовало. Да и Аледжука, как я догадался, бросив на него быстрый взгляд. Знаю я, что за этим последует, я бы не торопился с ответом, но я не знал и бросил небрежно:

— Ладно, явлюсь со стихами...

И тут мне был нанесен неожиданный удар.

— Не забудь только, Киримизе, что свадьба в эту пятницу.

— Вот это сюрприз! Какие же стихи я сочиню за два дня, пятница-то послезавтра! — Я с трудом сдерживал свое возмущение.

— Киримизе, — извиняющимся тоном проговорил Алий. — Мы бы так не торопились, если бы не моя бабка Дахаос. Ты ведь знаешь, Дахаос — это почти Темиркан, а точнее — Темиркан в юбке. Подумай, сколько сил и времени потратил я, чтобы уговорить Дахаос. Теперь она согласна, точнее, почти согласна. А послезавтра она опять что-нибудь надумает. Ей нельзя оставлять в запасе ни одной свободной минуты. Пока она печёт и жарит, еще можно на что-то надеяться... Ну, мы пошли. Ждем тебя с женой.

Оба исчезли, словно испарились.

А я засел за стихи. Долго ничего не приходило в голову путного. Наворачивались какие-то напыщенные строки, что-то вроде здравицы, нечто величальное. И вдруг понял — событие хоть и семейного масштаба, но звучать оно должно громко. И не будет эта свадьба, хоть и сыгранная по-новому, нарушением главных наших обычаев, все в ней — чисто адыгейское: от кушаний на столе до нарядов на присутст-

вующих, от песен застольных и танцев до всей атмосферы уважения старших, взаимного доброжелательства.

Когда шел домой, в уме словно молния мелькнула шальная строчка: у адыгов обычай такой!

Какой?

Я повернул в парк, а в голове будто телеграфным ключом кто-то отстукал:

Если где-то в кругу молодых
Держит речь седовласый адыг,
Ты не вздумай его перебить,
Придержи свою гордость и прыть,
Уважай его возраст седой —
У адыгов обычай такой!

Строфа как будто бы сложилась, ее и петь можно! Я стал напевать, как вдруг понял: последняя строка должна стать рефреном. Да, у адыгов обычай такой: уважать старость, уважать гостя, помогать товарищу...

Вторая строфа как бы сама спустилась с небес:

Если гость постучит у двери,
Гостью сердце свое отвори,
И полдома на время отдай,
И чеплибжем его угощай,
И пей ключевой водой —
У адыгов обычай такой!

«Почему чеплибжем? — мелькнул вопрос. — У нас немало и других замечательных яств, не надо сковывать инициативы гостеприимных хозяев».

Приняв поправку, четвертую строчку переделал: «и как надо его угощай»...

Уединившись в отдаленной аллее, лихорадочно записываю:

Если строить решил себе дом,
Весь аул помогает трудом,
Ты один не поднимешь бревно,
А для всех — как пушника оно.
Встанет радостный дом над рекой —
У адыгов обычай такой!

Если дочь родилась или сын,
Нашей славной страны гражданин,
Ты прижми его нежно к груди,
А в саду деревцо посади
В честь того, кто нарушил покой, —
У адыгов обычай такой!

Что говорить, на свадьбу я прибыл своевременно. Стол был накрыт во дворе Аледжука, адыгейские и русские девушки хлопотали в кухне, помогая Дахаос. Алий и его невеста еще были в загсе, наши аульские музыканты в углу двора сыгрывались со студенческим оркестром. И мелькнула мысль. Я прочитал ребятам свои стихи, напел сложившуюся мелодию. Пожилой адыг-гармонист тут же нанграл ее.

— Дайте нам слова, — попросили музыканты, — мы выучим их и исполним эту песню вслед за поздравлением.

Гости быстро собирались. Я здоровался то с одним, то с другим, отвечал на вопросы, но что-то отвлекало меня от разговора. И тут осознал: на бумагу просится еще одна строфа. Отойдя к беседке, записал и ее.

Я едва не опоздал — гости уже за столом. Трогательное это и невиданно удивительное, вызывающее трепет зрелище: жених-адыг ведет к столу под руку невесту-адыгейку. И родители жениха стоят за столом, улыбаясь. Тут же и родители невесты, которых, как и жениха, не увидишь на старой свадьбе. И они, немного растерянные, улыбаются, завидев свою сияющую дочь.

Алий подвел невесту к отведенным им во главе стола местам, но не стал ее усаживать. Оба поклонились сперва его, потом ее родителям, и хором произнесли:

— Спасибо вам, наши дорогие, что вы разрешили нам отпраздновать по-новому начало нашей совместной жизни. — И поклонились еще раз.

Слово должен был держать председатель сельсовета, только что выдавший молодоженам свидетельство о браке. Он поднялся, держа в руке листок, но тотчас сел, заметив, что напротив встал со своего места старейший житель аула Бирам Бат.

— Первый раз я присутствую на свадьбе вместе с женихом и, как видите, не умираю от гнева аллаха, — проговорил Бирам. — Отныне пусть жених всегда будет на своей свадьбе! А уж вы не подводите ни своих родителей, ни нас, гостей, желающих вам самого большого счастья, это я говорю тебе, Алий, и тебе, Зейнаб. Ибо, если вы будете дружны, трудолюбивы, добры, будете почитать своих родителей и своих сограждан, вы докажете, что новый обычай хорош!

Бирам сел, и тут зазвучала мелодия новой песни. Сперва не очень уверенно, потом все тверже, смелее. Стихи читал рослый тракторист Ахмед. Читал пять строк, шестую исполнил весь оркестр. Так было после первой строфы. А после

второй рефрен подхватили и гости. И пять раз звучало над вишнями и яблонями: у адыгов обычай такой...

Затихла музыка, и тогда поднялся я.

— Товарищи! Пока музыканты разучивали мелодию и слова, я успел набросить еще один куплет. Вот он:

В дружбе преданным будь до конца,
Не поддерживай в споре глупца,
Тайны сердца храни под замком,
Слово мудрых блюди, как закон,
Сей добро своей щедрой рукой —
У адыгов обычай такой!

Вот, собственно, и все, что мне хотелось рассказать. Как шла свадьба? Как и все свадьбы. Разве что еще одна особенность едва не сразила бабушку Дахаос: когда начались танцы, Алий вошел в круг вместе со своей невестой. Дахаос схватилась за сердце. Это ее движение не ускользнуло от зорких глаз внука. Он подвел невесту к старушке, они крепко обняли ее и поцеловали.

Дахаос залилась слезами. Увы, и это ей делать на людях не полагалось ни при каких обстоятельствах. Выдавать свои чувства публично — запрещено шариатом.

— Если бы видел Темиркан... — бормотала она. — Если бы видел Темиркан...

Все же оставалось неясным, что бы предпринял суровый Темиркан, обнаружив такое поправление порядка. Одобрил бы или наоборот?

Думаю, что и сама Дахаос не рискнула бы в тот необыкновенный момент предположить, что именно сделал бы Темиркан, вздумай его внук в его присутствии танцевать на собственной свадьбе. А уж нам о том судить — совершенно пустое занятие.

КОВАРНЫЙ РЕЛЬЕФ

Рассказ-послесловие

проектах рукотворного Кубанского моря мне приходилось слышать не раз. То на одном, то на другом совещании о них вскользь упоминал кто-либо из докладчиков. Дескать, идет разработка планов сооружения крупнейшего водохранилища в центре края, на поля придет большая вода. Это позволит значительно лучше использовать наши природные

богатства, Кубань будет превращена в крупнейшую в стране базу рисосеяния.

Мимолетное упоминание о море, которое, возможно, появится на карте Кубани, не то чтобы пролетало мимо ушей — такие факты не проходят мимо сознания, — но, честно говоря, особых эмоций не вызвало, не задевало, как говорится, за живое. Впечатляла цифра, которая при этом называлась: Кубань будет давать стране более миллиона тонн риса в год! Это радовало. Конечно, думалось, хорошо, если плодородный чернозем края будет вдоволь напоен — урожаи перестанут зависеть от капризов погоды.

Не подумайте, будто я по наивности считал, что будущее море разольется по пустующим оврагам и балкам, зальет лишь земли, расположенные вокруг населенных пунктов. Я понимал, что крупное водохранилище — не канал, который может влиять из стороны в сторону. Представлял, что на дне его окажутся какие-нибудь населенные пункты, этого, разумеется, никак не избежать. Но... ведь их заблаговременно подготовят к эвакуации! Многих людей это даже обрадует — они получат новые, благоустроенные дома в чудесном городе, который будет создан на берегу того же моря.

Воображение рисовало идеаллическую картину: в станицу или хуторок прибывают колонны мощных грузовиков, люди переносят свой скarb в машины и через час-другой справляют новоселье в особняке, из окон которого открывается чудесный вид на новенькую набережную, радость бьет через край, очастливленные колхозники и колхозницы громко благодарят архитекторов и строителей.

В таком безмятежном состоянии я пребывал до тех пор, пока не ознакомился с картой, значительная часть которой была заштрихована синим карандашом. Произошло это в Краснодаре, куда меня вызвали на очередное совещание.

Расскажу, однако, обо всем по порядку. Оставив чемодан в номере гостиницы, отправился на заседание. Было это весной, в начале мая, когда только начинает цвести акация. Удивительное это время. Пряный, кружащий голову аромат еще едва ощущается. Будто слегка приоткрыли флакон с чудеснейшими духами, но еще не побрызгали его содержимым. Это как предупреждение: начинается пора цветения. Эта пора, пожалуй, даже приятней, чем само цветение, когда аромат акации становится таким буйным и навязчивым, что заглушает все остальные запахи весны.

Сделав небольшой крюк, заглянул в парк. Здесь запах

акации стал ощутимей. Легкий ветерок доносил его волнами, будто деревья дышали: вдох — выдох... Присел на скамью, прикрыл глаза от удовольствия, и почудилось мне, будто я в родном ауле. И там сейчас начинает распускаться акация, и там воздух пропитан живительными запахами весны.

Но вот огляделся вокруг и сразу почувствовал: нет, не в родных местах нахожусь, ничего не говорят мне эти пестро окрашенные скамьи, бесконечные аллеи, даже гордо вознесшиеся в небо деревья. В родном ауле каждый клочок земли, каждый дом напоминает о чем-то сокровенном, волнующем. Вот, казалось бы, самый обыкновенный забор. Соседский забор. Точнее, даже не забор, а плетень, а еще точнее — остатки плетня, за которым среди яблонь и груш заносчиво кивает ветвями грецкий орех. Когда я приезжаю в аул, мне кажется, будто орех этот, поглядывая на меня, чуток посмеивается — видно, напоминает, как однажды я неловко спрыгнул с его ветвей, завидев деда Темиркана, и как Темиркан прошелся по моей спине крапивным веником, приговаривая:

— Получай и знай, за что получаешь. Прежде всего за то, что испугался соседа. Еще за то, что считаешь меня живоглотом, способным из-за горсти орехов потерять человеческий облик. И еще, — оглядев дерево, добавил он, — за то, что с перепугу ветку сломал...

Затем Темиркан велел мне набрать в карманы побольше орехов. А когда я, порядком обескураженный и сконфуженный, сделал это, он все так же сурово проговорил:

— Приходи в наш сад в любое время, бери все, что тебе вздумается, но ничего не порть, не калечь. И больше не пугайся меня, я не людоед.

Хорошо было сидеть в городском саду, вспоминать мудрого и сердечного деда Темиркана, ощущать во рту терпкий вкус молодого ореха и воображать себя мальчишкой, которому все нипочем.

И мне подумалось тогда, что именно этим отличается воздух родного дома, родного селения: он насыщен не только ароматами, присущими определенному географическому месту, но и воспоминаниями, которые обладают чудодейственной целебной силой. Где бы мы ни находились, как бы далеко ни закинула нас судьбина, душа наша как бы незримо капиллярами постоянно соединена с родной землей, черпает из нее силу и непримиримость, нежность и настойчивость, воображение и стойкость.

Все эти мысли, а также несокрушимая вера в нечто проч-

ное, вечное, незыблемое — мой единственный, неповторимый родной аул — придали мне жизненных сил, и я, вздохнув, отправился туда, где не скупятся на указания и инструкции: совещание работников культуры.

А вечером, возвратившись в гостиницу, увидел на столе ТУ САМУЮ карту. Карту, которой суждено было сыграть в моей жизни и в жизни всех моих односельчан, всего нашего аула, скажу без преувеличения, историческую роль. Но тогда я еще ничего об этом не знал, тогда я лишь увидел на столе карту, добрая часть которой была заштрихована синим карандашом. Штриховка в основном состояла из прямых линий, но некоторые участки были заполнены пунктирными. Над картой склонился мужчина выше средней упитанности, средних лет, с небольшой залысиной, одетый по-домашнему. Он сидел за столом в майке и трусах, очень сконфузился при моем появлении, потянулся за брюками, но в спешке чуть было не упал. Я сказал, что он может чувствовать себя как дома, ибо гостиница и есть сейчас наш общий дом. Так мы познакомились.

Сосед по номеру оказался инженером, ленинградцем. На вопрос, чем он занимается, что привело его с берегов Невы в наш край, инженер ответил с несоответствующей его виду эксцентричностью. Поднявшись со стула, воздел руки к люстре и печально продекламировал:

— Я тот, кого никто не любит и все живущее клянет...

Аллегория показала мне не только надуманной, но и смешной — ничего демонического в облике инженера не было. В тон ему заметил, что по последнему указанию демоны подпали под сокращение штатов и отныне ему грозит безработица.

— Не все, — столь же печально возразил мой сосед — Демонов — проектировщиков морей сокращение еще не затронуло. Более того, потребность в них с каждым годом растет. Но положение наше весьма щекотливо. Разумеется, проектировать искусственные моря — дело важное, даже архи-важное, но не очень благодарное, — нас, проектировщиков, на все корки честят люди, которые вынуждены расставаться с местами, где провели свое детство, а порой и долгую жизнь, за пределами которых не мыслят свое существование.

— Вы хоть и демон, но не дух изгнания, — возразил я. — Духами изгнания становятся ваши жертвы, и их можно понять.

— Можно, разумеется, — подтвердил инженер. — У ино-

го человека нет ничего, кроме родной хаты, кроме сада, возвращенного своими руками. В этом — вся его жизнь. Да, их можно понять. Здорово это изобразил писатель Распутин — в одном журнале напечатано.

На этом месте была сделана многозначительная пауза.

— А нас, проектировщиков, нельзя понять? — вдруг взвился он в порыве гнева. — Мы, выходит, для собственного удовольствия сгоняем людей с насиженных мест? Проектируем водохранилища, чтобы устроить себе удобные пляжи? Так, что ли? — Еще одна пауза. — Мы выполняем государственные задания! А при решении о выселении главную роль играет не наша добрая или злая воля, а рельеф местности. И никакие слезы старухи Дарьи или Анны делу не помогут — жизнь идет вперед!

— Над чем вы сейчас трудитесь? — осведомился я, скорее чтобы успокоить его, нежели из любопытства.

— Над проектом Кубанского моря, — услышал я.

Выходит, дело движется. Кубанское море приобретает очертания на карте. А там, глядишь, и в натуре объявится, спокойно подумал я, все еще не предполагая, что проект может как-либо коснуться лично меня или моих односельчан.

— И много придется отселять? — спросил я.

— Кубань — не Ангара, — вздохнул инженер, — тут каждый метр ухожен и обжит. Сады, огороды, бахчи... Опять же не хатки какие попали, а коттеджи, виллы со всеми удобствами. А кладбища... А если учесть, что и казаки и адыги болезненно привержены к своим домам, то легко представить, какая вскоре пойдет катавасия.

— А стоит ли его сооружать, это Кубанское море, — край и так слывет житницей страны? — нечаянно вырвалось у меня.

Это был лишний вопрос.

— Очень вы меня удивили! — воскликнул инженер. — Стране нужен рис, продовольственная проблема без миллиона тонн риса решена не будет, и Кубань — самое подходящее место для его выращивания. Все здесь для этого имеется, нет только большой воды, а рис, как известно, в воде растет. Крупное водохранилище позволит Кубани производить необходимый нам миллион тонн риса в год. Да и другим культурам, думается, орошение не повредит. А отселять придется многих — рельеф местности диктует свои законы.

Рельеф! Вот когда что-то екнуло у меня в груди. Я вспомнил, что мой родной Шапсуг расположен на краю какой-то впадины. Рельеф! Неужто?

— Разрешите взглянуть на проект? — вырвалось у меня.

— Пожалуйста, секрета тут никакого нет, вот-вот начнется подготовка к строительству.

Я стал осматривать ту часть карты, которая была заштрихована синим карандашом. Сразу же обнаружил свой аул — он вплотную соприкасался с заштрихованной пунктирными линиями территорией: будущее море как бы омывало его окраины.

Значит, не в зоне затопления! С сердца камень свалился: аул не тронут! Я стал считать станицы и аулы, над которыми нависла смертельная опасность, их оказалось не столь уж много.

— Сколько же человек на этот раз проклянет вас? — обретя спокойствие, повторил я свой вопрос. Чтобы получить достоверную информацию, решил не показывать, что как-то лично заинтересован в этом деле.

— Я бы на месте переселенцев не проклинал, а благодарил инициаторов таких перемен, — опустив мой вопрос, заметил инженер. — Вы, очевидно, не обратили внимания на самое главное — на новый город, который будет построен для выселяемых. За свое хозяйство каждый получит деньги, полную стоимость, а к тому же еще и квартиру на берегу Кубанского моря. Со всеми городскими удобствами и семейскими привилегиями — с огородом, садом, сараями и всеми прочими атрибутами приусадебного хозяйства. Не понадобится только одинокое строение за сараем — у каждого будет персональный туалет. Стоит ли после всего этого шуметь?

— Насчет сада... — начал было я, но инженер перебил меня.

— Разумеется, сад придется разбить новый. Да ведь и это к лучшему. Видели ли вы когда-нибудь сады на приусадебных участках? Сплошной хаос! Древние яблони, отжившие свой век, сливы, алыча... Каждой семье будет предоставлена возможность насадить у себя лучшие сорта фруктовых деревьев.

— Привычка... — еще попытался вставить я, но инженер готов был отразить и этот довод, видно, давно уже он набил руку на спорах с отселяемыми.

— И привычки новые появятся, бытие определяет сознание. Раньше каждая семья сидела в своей беседке, теперь

устроятся забивать «козла» за длинным столом во дворе — разве не веселее!

«Избави боже от такого веселья наш Шапсуг», — подумал я, но разубеждать соседа не хотелось, и вскоре мы уснули. Помните, последней мыслью в тот вечер было радостное, хоть и эгоистическое, сознание, что перемены, зреющие в крае, коснутся моего аула лишь с самой лучшей стороны — к его окраинам придет море!

Утром, пока инженер полоскался под душем, я еще раз ознакомился с картой. Сомнений не было. Шапсуг не входил в число населенных пунктов, подлежащих затоплению. Более того, даже примыкавшая к нему пунктирная штриховка не указывала, как выяснилось, на затопление, она лишь означала, что рельеф этой зоны недостаточно исследован.

С этой надеждой я жил несколько месяцев, пока не столкнулся с демоном-проектировщиком снова. На этот раз встреча произошла уже в зале заседаний краевого Совета. Инженер докладывал участникам совещания о плане сооружения Кубанского моря — конкретном плане, к реализации которого край начинал приступать. Прежде всего, отметил он, следовало подготовить базу для переселения, то есть построить новый город. Попутно нужно было провести соответствующую работу в населенных пунктах, подлежащих отселению. Инженер начал перечислять их. Эту часть сообщения слушали с небывалым вниманием. Лично я особых эмоций не испытывал — уж мне-то было доподлинно известно, что наш аул остается на своем исконном месте. И вдруг услышал совершенно отчетливо:

— Аул Шапсуг...

Меня словно обухом огрели. Перед глазами поплыли круги, трибуна с инженером закачалась, будто заседание шло на океанском лайнере при семибалльном шторме. Сердце бешено заколотилось, лоб мой покрылся обильным потом. Я отправил в рот таблетку валидола.

Когда все стали расходиться, я направился за разъяснениями к инженеру.

— На карте, которую вы мне показывали в гостинице, — сказал я, поздоровавшись, — аул Шапсуг не входил в зону затопления. Что случилось, почему вы изменили первоначальный проект?

Инженер бросил на меня быстрый взгляд, все понял, страдальчески вздохнул и пробормотал:

— Начинается... Рельеф подвел ваш аул, он лежит ниже, чем предполагалось вначале. Рельеф, понимаете?

— А нельзя ли соорудить дамбу? — вдруг осенило меня. — Жители аула возьмутся за это добровольно и бесплатно.

— Вы не понимаете, о чем идет речь, — снисходительно улыбнулся Демон. — Как-нибудь по свободе объясню. Дамбу! — хмыкнул он. — Чтобы спасти ваш Шапсуг от затопления, потребуется окружить его плотиной высотой метров сто или сто двадцать. Рельеф, понимаете? Рельеф!

Я двинулся было к начальству, но, к счастью, своевременно осознал смехотворность своих претензий. Рельеф есть рельеф, его не отменишь никакими постановлениями или указаниями.

Аппетит, дожимавший меня во время заседания, пропал, и я вместо ресторана поплелся в гостиницу. Тут, оказавшись в тишине и одиночестве, наконец-то окончательно осознал, что произойдет нечто непоправимое. Ужасное. Страшнее пожара, наводнения, страшней урагана. Огонь или ветер сметет с лица земли постройки, но место, некогда облюбованное для жилья нашими предками, останется, люди возьмутся за топоры да пилы, и вскоре глаз будет радовать новый аул, еще красивее прежнего. Рукотворное же море навеки скроет от нас не только дома, но и сады, поля, дорожки, которые для нас ничего нет, место, к которому стремишься, куда бы тебя ни забросила жизненная необходимость. Его попросту не станет, как не стало когда-то Атлантиды.

«Как же, — подумал я, — отнесутся к этой трагической неизбежности люди, которые ныне и не мыслят иного местопребывания, которые даже кратковременную разлуку с аулом расценивают как невозвратную потерю?»

Перед глазами возник тысячелетний дуб, распростерший свои могучие ветви над огромной поляной. А вот родничок, утолявший жажду путников, поивший партизан гражданской и Отечественной войн, ставший для нас священным... Главная улица аула, по которой десятки поколений моих односельчан по утрам спешили в поле, прогуливались по вечерам... Бревно, кем-то давным-давно принесенное в центр аула, многие годы служившее скамьей для наших почтенных стариков, местом сбора всех, кому хочется узнать, что делается в мире, в крае, области, в своем собственном ауле... Все, все покроет водная гладь, даже крохотную бабку Гумзага с камышовым куренем посредине, где

было рассказано столько самых разных притч, побасенок, сказаний, что их хватило бы на добрый десяток томов.

Разумеется, далеко не всех огорчит эта внезапная перемена, многих она даже обрадует, особенно молодых. Новые дома в новом городе будут поудобней, люди быстро обживутся, пустят глубокие корни на новом месте. А малыши и те, кто появится на свет после переселения, и вовсе не будут знать, каким чудесным был аул Шапсуг, родина их родителей, им не понять, отчего нет-нет да и взгрустнется деду или бабушке. Их ностальгию они будут считать, как и инженер-проектировщик, простительной, но не стоящей сочувствия причудой.

Внезапно мелькнула другая мысль: не позже как сегодня вечером, весть о печальном будущем нашего аула дойдет до моих земляков. Как воспримут они ее? Сердце наполнилось новой тревогой. Трудно будет понять моим землякам, что во всем виноват один лишь рельеф.

На автобус! В аул!

Я быстро собрался, но тут в номер кто-то постучал. Дверь сразу же отворилась, на пороге стоял Алий. Вовремя же он появился! Пожалуй, никогда еще мой молодой друг не был мне так нужен, как сейчас. Еще более вытянувшийся, совсем взрослый, с бронзовым от постоянного пребывания на солнце лицом, Алий уже ничем не напоминал того мальчишку, который когда-то сопровождал меня в моих прогулках по окрестностям аула. В его дипломе значилось, что он теперь — агроном.

— В аул? — не осведомился, а констатировал он.

По тону, которым он это произнес, можно было догадаться, что проблема, внезапно возникшая перед аулом, для него уже давно не является секретом.

— В аул, — уныло откликнулся я.

Алий прошелся по номеру, потом уселся у стола, вытянув длинные ноги. Его ботинки едва не достигли середины номера.

— Только по правде, Киримизе: ты уверен, что на аул надвигается страшная трагедия? — В глазах Алиа засверкали иронические огоньки — так взрослый глядит на третьеклассника, у которого решение задачи не сходится с ответом в конце учебника.

Как ни странно, этот взгляд немного успокоил меня. Мелькнула мысль: может быть, не все еще потеряно, может, Алий осведомлен лучше Демона?

— Рассказывай, как дела, как семья? — уклонился я от ответа.

— Семья в порядке. — Воспоминание о ней озарило его лицо улыбкой, и этот ученый-агроном чем-то напомнил прежнего Алиа. — А дела вот какие. Ты знаешь, что после института я не был направлен в родной аул, а получил назначение в рисоводческий совхоз «Красноармейский». Направили туда почти весь курс, и мы не столько работали, сколько учились, изучали многолетний опыт местных рисоводов: это готовили кадры для новых рисосовхозов. Скажу тебе, Киримизе, там было что изучать! Рис — это, дорогой старший товарищ, не пшеница и даже не кукуруза, рис — это комплекс знаний, приемов, навыков, это культура, которая зависит от знаний и трудолюбия человека и, как на экзамене, выявляет их. Рассказать тебе немного о рисоводстве?

— Я собирался на автобус, — напомнил я. — Не помню, когда он отходит?

— Пора уже тебе, Киримизе, заводить свой транспорт. Автомобиль, если помнишь, не роскошь, а средство передвижения. Лично я обзавелся мотоциклом и домчу тебя до аула вдвое быстрее автобуса. Эту дребезжащую колымагу мы обгоним на шестом километре, когда бы она ни ушла. А сейчас послушай, что такое рис. Это необходимый каждому, от ребенка до старика, продукт питания: зерна риса обладают высокими питательными достоинствами и легкой перевариваемостью. Не буду говорить о необходимых суммах температур, но скажу, что на Кубани они идеальны. Но культура эта имеет одну серьезную особенность: она, подобно неизвестному в нашем ауле Салеху Троекурову, пьющая, для выращивания риса необходимо огромное количество воды, минеральных удобрений. Но главное — знающие и любящие свое дело люди.

— Это все, чему тебя научили в передовом совхозе? — не очень учтиво перебил я гостя. — Если все, то лучше помолчи.

— Не все, Киримизе. Извини, быть может, я действительно слишком популярен стал разъяснять. Но ведь не позже чем завтра тебе придется все это пересказывать нашим возмущенным старикам и старухам, так что, возможно, пригодится.

— Почему старикам? — воскликнул я. — Ты полагаешь, будто расстроены будут одни старики и старухи?

— И еще несколько интеллектуальных девиц, — уточнил Алий. — Но больше всех расстроится наш Инал Тле-гоуков. Именно он зататит скандал невиданной силы: уж такую выгодную фабрику овощей ему на новом месте вернуть не удастся.

— Алий! — удивился я. — Неужели тебе не жалко нашего аула?

— Киримизе! — Алий поднялся со стула и зашагал по комнате. — Что же, я, как говорят у русских, Иванушка, не помнящий родства? Приезжая в аул хоть на день, навещаю могилу Темиркана. И каждый год, в день его смерти, прокручиваю пленку с его наставлениями. И всякий раз понимаю его слова все лучше, всякий раз сверяю свое поведение с его советами и пожеланиями. Умнейшие головы все продумали до мельчайших деталей, взвесили все тонкости рельефа местности, приняли меры для сохранения наиболее ценных сооружений. А какие условия жизни будут созданы в новом городе! Строительство дома, в котором будет жить моя семья, уже идет, о таких удобствах наши аулчане и не мечтали никогда, они просто невозможны в условиях старого аула.

— Ну, я бы не сказал, что новая наша больница или новые дома в Черемушках лишены удобств.

— А ты что, не знаешь? — глаза Алия засияли. — Будет затоплена вся старая часть аула, и здесь вода остановится. Новостройки в верхней части, возле леса, сохранятся, прямо под ними будут плескаться волны Кубанского моря. Там будет располагаться второе отделение рисосовхоза, куда я и зачислен. Тэтэр Фигумуков сможет в свободное от рисосеяния время прямо из окна забрасывать удочку в море и ловить судаков на завтрак.

Сообщение Алия как-то скрашивало горечь потери: хоть что-то останется! Видимо, на моем лице появился проблеск улыбки. Это поощрило Алия на продолжение монолога, имеющего явную цель — разогнать мою тоску. Наконец он умолк, снова уселся и прямо взглянул мне в глаза. О аллах! На ресницах этого ученого-агронома поблескивали крупные, прозрачные слезинки: Алий прощался с детством. Прощался, впрочем, недолго. После короткого молчания, сказал:

— Пора, поехали!

Автобус мы действительно обогнали, — Алий гнал мотоцикл точно так, как его гонят другие мотоциклисты, — со стороны на них глядеть страшно.

— Вот та самая Подкова, на которой старый Осман когда-то заложил сад, помнишь? Ты писал о нем.

Теперь Алий ехал еле-еле. Он поминутно оборачивался и напоминал о событиях, свидетелями которых мы были, и сердца наши стучали все учащенней.

У памятника землякам, отдавшим свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины, мы остановились. На мраморе были высечены десятки имен. Бесценная реликвия! Я знал, что этот памятник, как и памятники из других затопливаемых населенных пунктов, перевезут и установят в центре нового города. Но будет ли ему там так же почетно?

Дома меня ни о чем не спросили. По напряженным, выжидающим лицам близких было ясно, что печальная новость уже дошла до аула, взбудоражила его, но еще не отстоялась, — люди пока не верили в то, что несчастье неотвратимо.

Я сам решил было начать этот неприятный разговор, как вдруг во дворе зафыркал пес. Через минуту в дверях появилась жена соседа, Ханя, женщина, славившаяся зычным голосом. Стоило ей выведать какую-либо новость, как о ней тотчас узнавал весь аул.

— Вовремя приехал, — обратилась она прямо ко мне. — Как нельзя кстати! Какие-то сплетники пустили слух, будто на наш аул надвигается потоп. Успокой, пожалуйста, меня, а я успокою всех остальных.

Говорила Ханя необычно тихо, выглядела совсем не так, как всегда. Можно было смело сказать, что и она была обескуражена. Пока я собирался с мыслями, Ханя чуть слышно добавила:

— Мой старик говорит, что об этом сообщил сам председатель сельсовета, но я ему не поверила — такую нелепицу может нести только пьяный.

— Правду сказал председатель сельсовета, — с трудом выговорил я. — Строится Кубанское море, и наш аул окажется на его дне. Поэтому для жителей Шапсуга и других затопляемых аулов и станиц на высоком, хорошем месте соорудят целый город. Хороший, красивый, удобный город.

— Земляк! — Ханя едва сдерживала негодование, но говорила все еще тихо. — Как тебе не стыдно повторять эту чепуху. Совсем рядом сотворенное аллахом Черное море, зачем нам еще одно? Кому надо выкупаться, пусть садится на автобус — через два часа он будет у моря...

Я рассказал о рисе, которому нужно много пресной воды.

— А чем пшеница хуже риса? — уже громче возразила Ханя. — В двух наших магазинах рис не переводится. Если не веришь, спроси у своих родных. Да что вы молчите, будто я говорю неправду, — заметно накаляясь, уже выкрикнула Ханя, обращаясь ко всем сидящим за столом, — подтвердите, что вот уже много лет мы не испытываем недостатка в рисе.

Ханя глядела на меня так, будто именно я был главным виновником затопления. Вот когда я от всей души посочувствовал инженеру.

— Не думаешь ли ты, Ханя, — осторожно осведомился я, — будто мне очень нравится эта новость?

Сам вопрос и тон, которым он был задан, должен был означать, что я от обороны перехожу к наступлению. Ханя поняла, что тратит порох зря.

— Что же делать? — вздохнула она. — Неужели ты не можешь сказать им там, в Краснодаре или в Майкопе, что риса у нас достаточно? Или ты уже вышел из доверия у начальства?

— Проект создания моря утвержден в Москве, — пояснял я. — Рис нужен всей стране.

— В Москве? — встrepенулась Ханя. — Послушай, что же ты раньше не сказал, ведь в Москве работает внук Тлехузана. Побегу к Анмизовым, уж они-то не допустят, чтобы кто-то превратил наш аул в морское дно. Пусть сейчас же напишут письмо внуку.

Воодушевленная этой идеей, Ханя вылетела за двери. В доме воцарилось тягостное молчание.

Утром я направился к колхозной конторе. Несмотря на воскресный день и ранний час, здесь уже собралось немало народу. Вопреки сложившейся традиции, пришло немало женщин. Оказался тут, как и предвидел Алий, и Инал. Тлехоруков, человек, не вмешивавшийся ни в какие аульские дела, промышлявший овощами и сколивший на этом, как говорили, немало денег.

Почти одновременно со мной с другой стороны площади подошел председатель колхоза Асланук Чох. Его мгновенно окружили, засыпали вопросами, упреками, угрозами.

— Постойте, не все сразу, — взмолился председатель. — Давайте по порядку. Ну вот ты, Инал, что ты хочешь сказать?

Тлехоруков даже отпрянул. Но тут же овладел собой и бросился в атаку.

— Не одному мне грозят бесчисленные убытки, а всем, поэтому нельзя допустить, чтобы аул затонул! — выкрикнул он. — А что станется с могилами наших незабвенных предков? Затеваются невиданное кощунство!

— Ты ведь всегда говорил, что на аул и его жителей тебе наплевать, не так ли? Чего же ты вдруг стал таким радетелем о ближних, уважаемый Инал? — не скрывая иронии, спросил Асланук. — Или ты решил, что теперь твои интересы совпали с общими.

— Совпали, потому и говорю, — подтвердил толстокожий Инал. — Что нам предоставят в новом городе? Жалкие однокомнатные квартиры? А где мы установим теплицы?

— Отойди! — вмешался в разговор муж Хани овощевод Лакшук, являвшийся полной противоположностью своей жены. — Теплицы, парники... Аула, тхаматэ, жалко, с могилами родных действительно не хочется расставаться. Может быть, еще не поздно внести поправку, оставить наш аул на берегу?

Пришлось вмешаться мне. Коротко рассказал о рельефе, который всех нас подвел, о размерах плотины, которая могла бы спасти этот уголок от затопления, ее стоимости. Абсурдность подобной затеи, кажется, понял даже Инал. Ругаясь словами, которых нет в адыгейском языке, он побрел прочь.

— Выходит, надо готовиться к переезду? — обреченно осведомился кто-то.

— Выходит, — подтвердил председатель. — Но торопиться не следует, времени впереди достаточно, успеем перевезти все, вплоть до могильных плит...

В это время все заметили в конце улицы Ханю. Она бежала сюда, к собравшимся, размахивая руками, что-то на ходу выкрикивая. Подбежав совсем близко, Ханя остановилась, отдышалась и выпалила:

— Люди, все в порядке! Успокойтесь, моря не будет!

Все, кроме, разумеется, лучше всех знавшего Ханю Лакшука, окружили женщину.

— Что ты узнала, Ханя, выкладывай, — попросил председатель. — Не томи.

— Важную новость хочу сообщить, — прозвучало на всю площадь. — Только что Тлехузан отправил своему вну-

ку в Москву письмо, в котором приказал ему немедленно прекратить это безобразие с затоплением нашего аула. Так что можно считать, что проект будет переделан.

Обрадованные односельчане заулыбались, зашумели и стали расходиться по домам. Двинулся по направлению к дому и я, но председатель остановил меня вопросом:

— Дорогой Киримизе, ты, случаем, не слышал, где работает внук Тлехузана?

— В каком-то министерстве, что ли... Я с ним незнаком.

— Верно, в министерстве сельского хозяйства. А кем, не знаешь? Нет? А я знаю. Экспедитором, принимает и отправляет почту.

— Значит, приказ деда Тлехузана попадет к адресату своевременно, — попытался пошутить я.

Мы грустно улынулись и разошлись.

Когда я подходил к дому, Алий выводил из своей калитки мотоцикл. Его провожала мать. Лицо женщины было залито слезами.

— Извини, Киримизе, что плачу при тебе. Да как не плакать, когда все вокруг рушится.

— Мама! — нахмурился Алий. — Мы ведь обо всем условились: плакать с восьми до девяти вечера, остальное время готовиться к переезду. А сейчас утро. Зачем нарушать договор?

— Упрямый мальчишка!.. — с нескрываемой гордостью произнесла женщина и скрылась за калиткой.

— С нами же дело обстоит несколько иначе, — проговорил Алий, проводив глазами мать, — у нас не будет возможности плакать по вечерам. Поэтому садись, я прокачу тебя по всем самым памятным местам. Заодно и поплачем, а кое-где и посмеемся. И на том покончим, и начнем готовиться к новоселью.

— Спасибо, Алий, — ответил я. — Тебя подпирают дела, поэтому поезжай. А я поброжу один...

— Что ж, тогда прошу месяца через два ко мне в гости на новое место!

Рванув с места, мотоцикл через минуту испарился в клубах едкой пыли.

Мои длинные прогулки по окрестностям, неторопливые беседы со стариками, вечера, проведенные на бахче Гумзага, — все это было подготовкой к переселению. А по ночам я приводил в порядок записи, сделанные в прошлые годы:

и в конце концов засел за этот своеобразный рассказ-реквием.

Да, реквием, хотя порой он и звучит слишком мажорно, а в некоторых местах даже переходит в марш. Ничего удивительного в этом, дорогой читатель, нет: реквием — это плач по усопшему, а мой аул не умер, он лишь перешел в новое качество. Он исчез, чтобы возродиться на новом месте, под новым именем — город Теучежск.

Этот город уже существует, на каждой его улице я могу встретить своих дорогих земляков.

А теперь ставлю точку, ибо тороплюсь в магазин — приглашен в новый город на торжество по случаю появления в семье Алия маленького Темиркана. Выбрать же подарок для новорожденного, сами понимаете, дело хоть и приятное, но не из легких.

До свидания, читатели!

СОДЕРЖАНИЕ

Грива коня	3
Чем пахнет земля	10
Татлюстен и воздушные ямы	14
Старики дают интервью	18
Точка опоры	24
Квашеная капуста	30
Этот чудаковатый Мишаост	34
Необыкновенный дождь	40
Бунтовщица	44
Тетушка Зазу и шарнат	50
Очки Бирама Бата	56
Зулейка	61
Сальмен высказывается...	69
Поправка на время	74
Секреты долголетия	78
Лахо рассчитывал по-другому	81
Слава	88
Конец одной традиции	94
А мы чем хуже?	103
Два плотника	107
Как аукнется...	112
Зависть	118
Габидет и Антонина	123
Месть Тлехузана	134
Пузырь, переполненный медом...	141
Железное сердце Батмиза	149
Как называли улицу	153
Чьи сферы?	156
Трудное поручение	161
Педагогика деда Махамета	167
Радио помогло	172
Неожиданный стимул	176
Зеленый мемориал	183
Как услышать сказку?	193
Мудрые слова	196
Бирамкуль и ласточка	202
Наши чудаки	208

Али и его дед Темирхан	223
Выбор профессии	229
Счастье принято	237
Хаджфатыма и ее дети	244
Горсть зерна	247
Амбразы	255
Зягзаян-любая	259
Трое	266
Каригулан предупреждает	271
День седьмой	279
Тайна старого дуба	286
Сын упрямой Хаджибачири	291
Свадьба с женихом	304
Коварный рельеф	318

Жанэ К.
Ж 32 Свадьба с женихом: Рассказы. Пер. с адыгейско-
го.— М.: Советский писатель, 1984 г.— 336 с.

«Свадьба с женихом» — сборник рассказов известного адыгейского поэта и прозаика Кирымизе Жанэ (1919—1983). Некоторые из них знакомы русскому читателю по книге «Аул Шалсуг улыбается» («Современник», 1979 г.).

Ярки и неожиданны созданные писателем образы его земляков, жителей родного аула; открытые душой и сердцем старики, земледельцы с их добрыми заботами об урожае, юноши и девушки, навсегда породнившиеся с родными местами. Рассказы писателя знакомят с бытом и житейским укладом адыгов, с их легендами, поэтическими притчами, пословицами и обычаями.

4702050000—068
Ж _____ **384—84**
088(02)—84

С (Кав)

Кирымизе Хаджемусович
Жанэ

СВАДЬБА С ЖЕНИХОМ

М., «Советский писатель», 1984, 336 стр.
Плава выпуска 1984 г. № 384

Художник И. В. МАКСИМОВА

Редактор *Л. Л. Медведева*
Худож. редактор *А. В. Еремик*
Техн. редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректоры *Л. М. Вайнер* и *И. Ф. Сологуб*

ИБ № 4028

Сдано в набор 23.08.83. Подписано в печать 24.01.84. А02423. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. ж. 19,27. Тираж 100 000 экз. Заказ № 505. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Советский писатель», 121060, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Левина, 109

1 p. 20 v.

①